

Дэвид Дрейк Эрик Флинт Прилив победы

Велисарий – 5



<http://www.fenzin.org>

«Прилив победы»: АСТ; Москва; 2005

ISBN 5-17-027104-2

Аннотация

...Восточная Римская Империя достигла наибольшего расцвета в VI веке н.э. при императоре Юстиниане I. Немало этому способствовал великий полководец Велисарий, чьи армии значительно расширили пределы Империи, одерживая победу за победой в Африке и Италии...

Это — наша с вами история. История НАШЕГО мира.

Но — в это же время на севере Индии сформировалась и другая Империя. На их стороне — оружие будущего, богатства прошлого и неудержимое стремление к власти. Их ведут те, кого люди всегда считали БОГАМИ. Земля ПОЧТИ покорена, на их пути — лишь один человек. И лишь одному человеку под силу остановить шествие ЗЛА.

Он — человек, возведший войну в ранг искусства. Человек, чье призвание — командовать. Приказ прост — сражайся и умри!

И это — история Велисария. История расцвета и гибели великих ИМПЕРИЙ. История противостояния величайшего полководца прошлого — и супероружия будущего.

История о том, как ВОЗМОЖНОСТЬ становится РЕАЛЬНОСТЬЮ!

Дэвид Дрейк, Эрик Флинт Прилив победы

Это художественное произведение. Все герои и события, описанные в книге, являются вымышленными, а любое сходство с реальными лицами и событиями — чисто случайным.

В процессе написания серии романов ряд людей оказал нам помощь тем или иным образом. Пришло время поблагодарить их.

Большое спасибо:

Конраду Чу

Джудит Ласкер

Джо Неффлену

Пэм «Пого» Поджиани

Ричарду Роачу

Майку Спехару

Ральфу и Мэрилин Такома

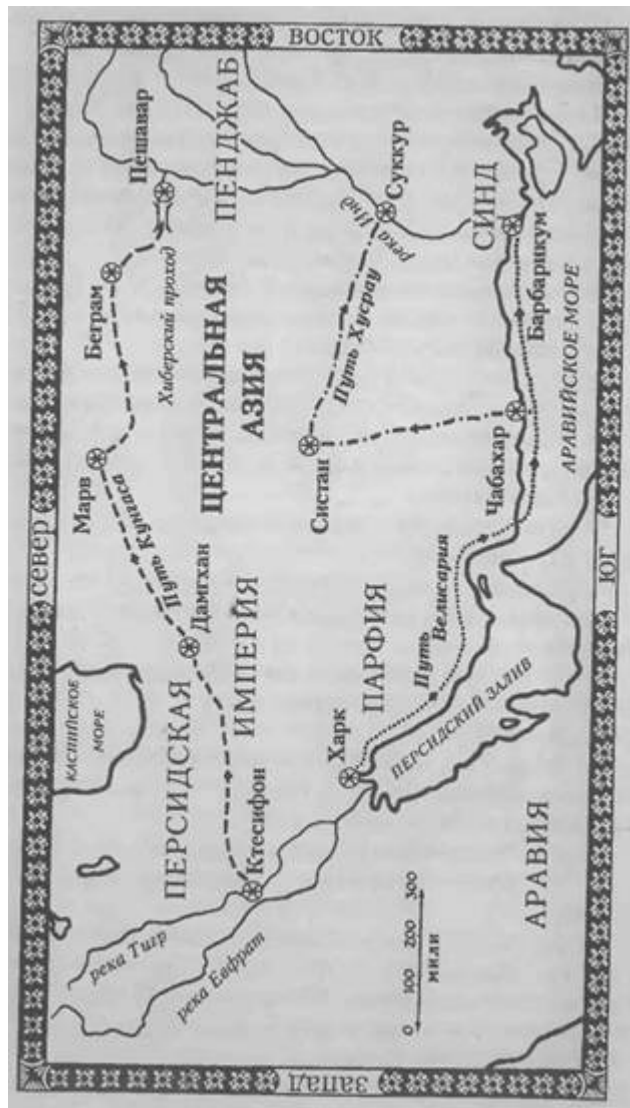
Детлефу Зандеру

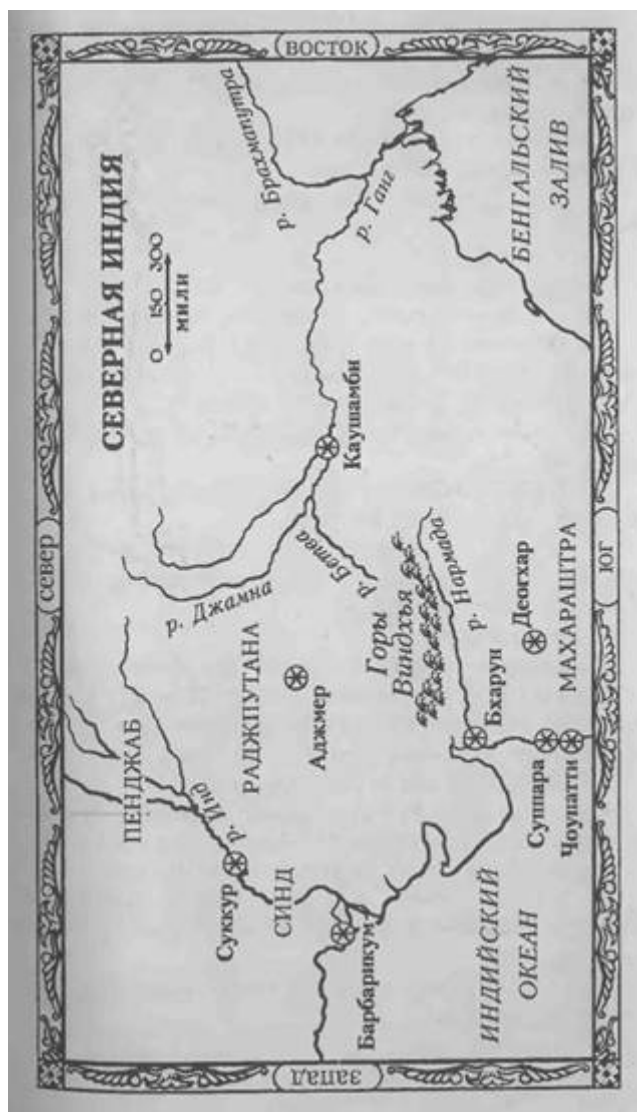
и, вероятно, мы должны поблагодарить еще несколько человек, которых я забыл упомянуть и которым заранее приношу извинения.

Я также хочу воспользоваться возможностью поблагодарить Джанет Дайли за разнообразную помощь, которую она неоднократно оказывала мне на протяжении последнего года. Не помню, связана ли эта помощь с работой над серией о Велисарии, но, вероятно, связана, а если и нет, то в любом случае давно пришло время публично выразить благодарность.

Эрик Флинт январь 2001 года

Дику и Долорес посвящается





ПРОЛОГ

Зная, чего ожидать, две сестры уже разделись к тому времени, как их новый хозяин вернулся в шатер. Ребенок старшей спал на соломенном тюфяке. Девушки немного беспокоились, что последующая возня может его разбудить — тюфяк был маленьким и тонким, что казалось странным для такого явно богатого человека, как их хозяин. Правда, беспокоились не сильно. В конце концов, ребенок провел первый год жизни в колыбели, висевшей в публичном доме, и привык к подобным звукам.

Конечно, если только их новый хозяин не имеет странных вкусов и привычек...

Это-то как раз и беспокоило сестер. Несмотря на всю гнусность, в публичном доме, по крайней мере, все было довольно предсказуемо. Теперь, впервые после того, как они попали в рабство, сестры столкнулись с абсолютно новой ситуацией. Новой — и потому тревожной. Когда караван остановился на ночлег, хозяин ничего им не сказал, только велел отправляться в шатер.

Но ожидая его, они находили утешение в том, что все еще оставались вместе. Очевидно, новому хозяину захотелось иметь в наложницах сестер. Возможно, он уже представляет, что с ними делать. А уж они постараются, чтобы его удовлетворил результат. Не исключено, что таким образом им опять удастся сохранить то малое, что осталось от их семьи.

Поэтому, когда новый хозяин откинул в сторону кусок материи, занавешивающий вход в шатер, то обнаружил девушек обнаженными, на соломенном тюфяке. То, что они

держались за руки, было единственным свидетельством их тревоги, скрываемой завлекательными позами.

Он встал прямо и неподвижно в нескольких футах от тюфяка и мгновение пристально изучал их. Сестры забеспокоились. Во взгляде мужчины они совсем не увидели похоти. Несмотря на теплоту, от природы, казалось бы, присущую темно-карым глазам, хозяин рассматривал их бесстрастно и холодно.

Это было странно. Даже более странно, чем аскетизм внутреннего убранства шатра. Очевидно, что новый хозяин также здоров, как и богат. Он не отличался особо высоким ростом, но широкие плечи и узкие бедра свидетельствовали об изрядной физической активности. В манере двигаться угадывалось что-то кошачье. Очень уверенный и хладнокровный, очень уравновешенный, очень быстрый...

— Встаньте, — резко приказал он.

Сестры мгновенно подчинились. Они привыкли к осмотрам потенциальными клиентами. Встав, они приняли знакомые позы. Томные, чувственные, зовущие. Но продолжали держаться за руки.

— Не так, — мягко поправил хозяин. — Просто встаньте прямо. И медленно повернитесь кругом. — На его тонких губах появилась улыбка. — Боюсь, вам на какое-то время придется расцепить руки.

Сестры слегка покраснели и подчинились.

— Медленнее. И так, чтобы я мог полностью осмотреть ваши тела.

Это было необычно. Сестры почувствовали себя еще неудобнее. Последнее, что хотели бы увидеть проститутки-рабыни в новом клиенте, — это отличие от других. Но девушки немедленно исполнили приказание.

В следующие минуты, тянувшиеся неестественно долго, сестрам было чрезвычайно сложно не выдать свое беспокойство. Казалось, новый хозяин внимательно, тщательнейшим образом осматривает каждый дюйм их тел. Словно пытается запомнить.

— Какие из этих шрамов с детства? — спросил он наконец.

Говорил он мягко и тихо. Но сестер этот ровный тон совсем не успокоил. Этот человек определенно относился к людям, которым не требуется повышать голос по одной простой причине: им легко командовать. Таким не посмеют возразить. И подобное качество своих клиентов проституток-рабынь вовсе не радовало. В особенности клиентов новых и неизвестных.

Их так поразил неожиданный вопрос, что они не сразу ответили. Вместо этого девушки обменялись быстрыми испуганными взглядами.

Заметив это, новый хозяин снова улыбнулся. Но на этот раз по-настоящему. Ему в самом деле стало весело.

— Успокойтесь. Я не собираюсь добавлять новые шрамы к вашей коллекции. Это просто информация, которая мне нужна.

Улыбка исчезла, он повторил вопрос, на этот раз прозвучавший приказом:

— Которые из них с детства?

Младшая сестра робко подняла левую ногу и показала шрам на колене.

— Он остался после того, как я упала с дерева. Отец тогда очень на меня рассердился.

Хозяин кивнул.

— Значит, он знает об этом шраме? Хорошо. Есть еще какие-нибудь? Он бил тебя после того, как ты упала с дерева? А если да, остались ли следы?

Сестры переглянулись. Потом посмотрели на хозяина.

— Он никогда не бил нас, — прошептала старшая. — Ни разу.

— Но мать била, — добавила младшая. Она почувствовала себя немного свободнее. Настолько, что даже смогла легко усмехнуться. — Очень часто. Но не сильно. Я не помню, чтобы когда-нибудь оставались следы.

Мужчина покачал головой.

— Что за глупый способ воспитания детей? В особенности девочек?

Но вопрос, очевидно, был риторическим. Он снова улыбнулся, и сестры впервые отметили причудливый юмор, который, казалось, прятался где-то в глубине души их нового хозяина.

Он шагнул к старшей сестре и дотронулся до ее щеки указательным пальцем.

— Этот — худший. Он уродует твое лицо. Кто это тебя так?

— Владелец борделя. — Хозяин удивленно хмыкнул.

— Глупо, — произнес он задумчиво. — Вредит делу.

— Он очень на меня разозлился. Я... — Она колебалась, вспоминая о случившемся. — У нового клиента были... необычные требования. Я отказалась...

— А-а, — хозяин провел мизинцем по шраму, от уха до уголка рта.

— Думаю, собираясь ударить меня, он забыл, что у него на руке большой перстень.

— А-а. Да, я помню перстень. Вероятно, тот самый, что был у него на пальце, когда мы заключали сделку. Большой рубин в серебре?

Девушка кивнула.

— Отлично, — сказал хозяин. — Тебя легко запомнить. — Он повернулся к младшей сестре. Положил руку ей на плечо, повернув девушку боком. Указательным пальцем провел по тонким полосам у нее на спине.

— У тебя худшие — эти. Откуда они?

Она объяснила. Рассказ походил на рассказ старшей сестры, только в ее случае потрудились главный сутенер, а не владелец борделя. И кнутом, а не перстнем.

— А-а. Да, думаю, я и его встречал. Невысокого роста, плотного телосложения. На левой руке не хватает мизинца, так?

Две сестры кивнули. В ответ новый хозяин тоже кивнул один раз. Резко.

— Отлично. — Он отступил на шаг.

— Кто-то из вас умеет писать?

Теперь обе сестры совершенно ничего не понимали. Этот мужчина оказался самым странным клиентом, который им когда-либо попадался. Но...

По крайней мере пока он не казался опасным. Первой заговорила младшая:

— Не очень хорошо.

— Отец учил нас, — добавила старшая. — Но с тех пор прошло много времени. Несколько лет.

Впервые обе сестры поняли, что не могут больше сохранять невозмутимость. Нахлынули воспоминания об отце. В глазах блеснули слезы.

Мужчина на мгновение отвел взгляд. Сестры воспользовались возможностью, чтобы быстро сморгнуть слезы. Не стоило оскорблять нового хозяина.

Они услышали, как он тихо фыркнул.

— Обучал своих дочерей! Это просто скандально! — Он еще раз фыркнул. И снова девушкам показалось, что он так странно шутит. — Но что еще ожидать от...

Хозяин замолчал и снова посмотрел на них.

— Через несколько дней напишите письмо. Как сможете. — Заметив неуверенность на их лицах, он небрежно махнул рукой. — Меня не волнует то, что оно будет безграмотно. На самом деле, так даже и лучше.

Он бросил взгляд на тюфяк и спящего с краю ребенка.

— Нам четверым будет тут тесновато. — И снова он слегка улыбнулся. — Но, боюсь, ничего не поделаешь. Надо поддерживать видимость.

Двигаясь с вызывающей беспокорностью легкостью и быстротой, он проскользнул мимо девушек и устроился на соломенном тюфяке. Он лег на противоположную от ребенка сторону. Потом похлопал ладонью по середине тюфяка.

— Давайте, девушки. Ложитесь спать. Это был трудный день, а следующий будет еще труднее. А также и все последующие. Нам нужно преодолеть большое расстояние.

Сестры быстро выполнили приказ. После непонятных предыдущих минут они чуть ли не нашли успокоение в знакомом процессе. Не полностью, конечно.

Рядом с хозяином легла младшая сестра. Она по привычке пыталась защитить старшую. Они обе на протяжении многих лет защищали друг друга, как только могли. Если младшей удастся истощить хозяина, он может и не захотеть старшую. И ребенка никто не побеспокоит.

Новый хозяин все еще оставался одет. Младшая сестра начала гладить его грудь, ее пальцы стали развязывать шнуровку.

Мужчина перехватил ее руку. Довольно нежно, но она почувствовала железные мускулы.

— Нет, — мягко сказал он. — С этим покончено. Просто спите.

И отвел руку девушки.

Младшая неуверенно подчинилась. Она уставилась на профиль мужчины. Его нельзя было назвать симпатичным, ни в коей мере. У него было узкое вытянутое лицо. Высокие скулы, острый нос, тонкие губы под узкой полоской усов, тщательно выбритые щеки, с такой гладкой кожей, что она казалась натянутой на барабан. Если бы не усы, то он больше напоминал бы хищную птицу, чем человека.

Но девушка обнаружила, что, несмотря на его зловещую внешность, она успокаивается. В конце концов, говорил он мягко. И никакая птица никогда раньше ее не насиловала.

Он закрыл глаза.

— Все закончилось, — сказал он. — Шрамов больше не будет.

Через два дня, на рассвете, он поднялся с соломенного тюфяка с привычной живостью. Сестры уже привыкли к его манере двигаться и больше не находили ее пугающей.

— Прошло достаточно времени, — объявил он. — Меня не будет несколько дней. Три, возможно, четыре.

Его слова тут же вызвали ужас. Взгляд младшей сестры метнулся к куску материи, закрывающему вход в шатер. Старшая в этот момент кормила грудью младенца и не подняла голову, только резко вдохнула — но этот звук прозвучал вполне определенно.

Новый хозяин покачал головой.

— Не бойтесь. Солдаты из моего эскорта не будут вас обижать. Я дал им четкие указания.

Он повернулся и откинул полог.

— Они в точности будут следовать моим приказам. В этом можете не сомневаться.

Затем он ушел. Сестры устали друг на друга. Через несколько секунд напряжение спало. Им все еще было неизвестно имя своего нового хозяина — он не называл его. Но они уже хорошо знали его самого.

Да. Его приказам подчиняются. Даже солдаты.

Он вернулся утром, три дня спустя. Вошел в шатер, держа в одной руке мешок, а в другой — кожаный лоскут. После того как хозяин развернул лоскут, на полу шатра образовался квадрат площадью примерно восемнадцать квадратных дюймов.

— Должно быть достаточно, чтобы не замарать тут все, — пробормотал хозяин. Потом резким кивком велел сестрам приблизиться. Сам тем временем развязывал мешок.

Когда сестры устроились на корточках рядом с новым хозяином, он вывалил содержимое мешка на расстеленный кусок кожи.

Он все правильно рассчитал и удовлетворенно хрюкнул. Даже несмотря на кровь, собравшуюся внизу мешка, ему удалось не запачкать пол.

Обе кисти были отрублены одинаково, словно острой бритвой. Или...

Сестры посмотрели на кинжал, висевший в ножнах на поясе хозяина. Они видели, как он каждый день им бреется. Быстрыми, уверенными движениями, так, как делал все, за исключением заточки клинка. Этим процессом он, казалось, наслаждался и превращал его в ритуал.

Одна кисть была пухлой. На среднем пальце красовался огромный серебряный

перстень с большим рубином. На второй кисти — крупной, с короткими пальцами — не хватало мизинца.

Хозяин встал и отошел к одному из стоявших у стены шатра сундуков. Открыл его, достал небольшой клочок пергамента и письменные принадлежности.

— А теперь письмо.

Сестры расплакались задолго до того, как закончили писать. Новый хозяин не ругал их. Вместо этого он, казалось, испытывал мрачное удовлетворение. Словно падающие на бумагу слезы, от которых расплывались буквы, добавляли посланию значимости.

После того как они дописали письмо, хозяин стал сворачивать пергамент. Но его остановила младшая сестра:

— Подождите. Мы можем кое-что положить в него.

Она поспешила к дальней части соломенного тюфяка и стала разрывать нити по шву. Старшая открыла рот, словно собираясь возразить. Но слова остались произнесенными. На самом деле к тому времени, как ее сестра достала спрятанный внутри тюфяка предмет, старшая улыбалась.

— Да, — прошептала она. — Да.

Младшая сестра вернулась к хозяину и робко протянула руку. У нее на ладони лежала яркая золотая монета.

— Это все, что у нас есть, — сказала девушка. — Конечно, он ее не узнает, потому что мы получили ее после... — Она замолчала, пытаясь сдержать снова нахлынувшие слезы. — Но все равно...

Хозяин взял монету у нее с ладони и внимательно осмотрел. Через несколько секунд он уже тихо посмеивался.

— Недавно отчеканенная императорская монета малва. Интересно...

Он улыбнулся и завернул монету в пергамент. Затем плотно перевязал веревкой. Пока работал, тихо говорил, словно сам с собой:

— Интересно... Ха! Конечно, вероятно нет. Но разве это не удивительная ирония?

Закончив работу, он улыбнулся сестрам. Они теперь без труда узнавали присущий лишь ему юмор.

— Знаете ли, я — это человек, ценящий подобные вещи. — Улыбка исчезла с его лица.

— Я не друг вам, девушки. Никогда не думайте, что я — друг. Но, возможно, я вам и не враг.

Он поднял свернутый пергамент и взвесил на руке.

— Мы выясним это в скором времени. — Старшая сестра вздохнула.

— Значит, испытания еще не закончились? — Хозяин снова улыбнулся, на этот раз скорее радостно, чем задумчиво.

— Закончились? Думаю, нет!

Теперь он по-настоящему смеялся. Впервые после того, как стал их хозяином.

— Думаю, нет! Игра только началась!

На протяжении следующих дней, недель и месяцев послание — и все, что с ним связано, — три раза вызовут оцепенение и ужас. И один раз — радость.

Ужас приходил по нарастающей. Наименее обеспокоенными казались солдаты, расследовавшие убийство владельца борделя и его главного сутенера.

— Какая разница, кто это сделал? — зевнул командующий подразделением офицер. — Разве у нас недостаток в сутенерах?

Он отвернулся от кровати, на которой нашли тело владельца борделя. Постель была пропитана вытекшей из перерезанного горла кровью.

— Может, конкурент? Или недовольный клиент? — По безразличному тону офицера было очевидно, что он не собирается расследовать это дело.

Сутенер, ставший теперь по праву наследования владельцем борделя, вздохнул.

— Значит, никаких проблем?

Он очень старался, чтобы в его голосе не прозвучало облегчение. Он был невиновен, но казался наиболее очевидным подозреваемым...

— Никаких, — твердо заявил офицер. И сурово посмотрел на нового владельца борделя.

— За счет заведения! — тут же спохватился тот. — Вы и все ваши подчиненные! Целый день!

Офицер улыбнулся.

— Дело закрыто.

Некоторое время спустя, когда убийца отчитывался перед своим начальником, реакция последнего оказалась бурной.

— Ты — идиот, — проворчал Нарсес. — Почему, ради всего святого, ты их убил? Нам не нужно привлекать внимание. Эта была просто покупка рабынь. Такое происходит каждый день.

— Как и убийства в борделях, — последовал ответ. Аджатасутра пожал плечами. — Причины три. Во-первых, я подумал, что кисти станут милым добавлением к письму. Так сказать, доказательством добрых намерений.

Нарсес фыркнул.

— Бог милостив! Ты подумал. — Он неподражаемо ухмыльнулся. — Его дочери безнадежно загрязнены. Какая разница, что мертвы двое осквернителей? Ты же сам — индус, и прекрасно знаешь об отношении к таким вопросам. А сколько еще живы?

— Ты можешь удивиться. Чистота — одно дело, удовлетворение от мести — другое. Даже мы, язычники-индусы, не можем оставаться равнодушными. И даже такой философ, как он, испытает удовлетворение, несмотря на то что знает, какой урон это принесет его карме.

Сидевший на стуле Аджатасутра наклонился вперед, вытянув руки и изогнув дугой спину. Его движения напоминали кошачьи, и, казалось, он получает от них столько же удовольствия, сколько получал бы кот.

— Во-вторых, у меня мало практики. — Он помолчал и добавил немного ворчливо: — У тебя слишком утонченные методы, и наемному убийце сложно не потерять сноровки у тебя на службе.

И снова Нарсес фыркнул.

— Сутенеры.

На губах Аджатасутры появилась насмешливая улыбка.

— Лучшее, что я мог найти.

Улыбка исчезла. Без улыбки Аджатасутра с неподвижным и ничего не выражающим лицом больше напоминал ястреба, чем человека.

— И, наконец, мне самому хотелось их убить.

Нарсес ничего не сказал. Но он больше не фыркал и не ухмылялся.

Несколько недель спустя посылка дошла до адресата и вызвала разнообразные эмоции. Она пронеслась по Дворцу в Деогхаре, подобно торнадо. Пешва с женой плакали от радости, императрица пребывала в смятении, мнения ее советников разделились.

— Это ловушка! — настаивал супруг императрицы.

Рагунат Рао вскочил на ноги и подбежал к открытому окну. Там он положил ладони на широкий подоконник и гневно уставился на север. Горная неровная местность Махараштры тянулась до горизонта. За ней, невидимая из дворца, протекала река Нармада и тянулись горы Виндхья. А за ними находилась огромная Гангская равнина, где зверь малва оседлал индийские земли.

— Ловушка, — повторил он.

Императрица Шакунтала перевела взгляд на начальника личной охраны. Вернее, бывшего начальника. Официально Кунгас больше не являлся ее махаданданаякой — «главнокомандующим» и бхатасвапати — «генералом армии и кавалерии». Со вчерашнего дня этот человек вообще не имел никакого титула в империи Андхра. Его освободили от всех обязанностей, поскольку он и его супруга вскоре сами будут основывать собственную империю.

Официально.

Плечи Кунгаса легко шевельнулись — этот жест у него обычно означал неуверенность.

— Вероятно.

Его взгляд переместился на другую женщину в комнате. Туда же смотрела сама Шакунтала.

Ирина откашлялась и виновато посмотрела на фигуру у окна.

— На самом деле, Ваше Величество, это один из редких случаев, когда я не согласна с Рао.

Рао сухо рассмеялся. Повернулся и посмотрел на Ирину.

— «Редких случаев»! Какая тонкая дипломатия!

Женщина обезоруживающе улыбнулась.

— Но я просто должна не согласиться. Это похоже на работу Нарсеса. Простые ловушки не в его стиле.

Все собравшиеся в помещении скептически посмотрели на нее. Ирина пожала плечами. Настолько экспрессивно, насколько сдержанно делал это ее будущий муж.

— Простите. Понимаю, что мои слова звучат безнадежно туманно. Даже наивно. Но...

Она нахмурилась, собираясь с мыслями.

— Но я на самом деле уверена, что права. Я могу определить, что тут поработал Нарсес. Уверена: он что-то задумал. Что-то... — Она пыталась подобрать слова, теребя край одежды. — Что-то сложное. Что-то запутанное, закрученное.

Она посмотрела на Кунгаса и Рао. Тут же перестала хмуриться и хитро улыбнулась.

— Проблема в том, Ваше Величество, что эти двое думают, как мужчины. Грубо. Просто.

Смех Шакунталы колокольчиком прозвенел в большом зале. Они с Ириной обменялись улыбками. Рао нахмурился. Лицо Кунгаса, как обычно, ничего не выражало.

— Мы должны помнить, императрица, что Нарсес — евнух, — продолжала Ирина. — Он действует скорее как женщина, чем как мужчина. Неуловимо, хитро. Расчетливо.

Улыбка. Улыбка. Гримаса. Снова спокойное лицо.

— Не ловушками, — настаивала Ирина. — Или по крайней мере — не очевидными ловушками. Чего он добьется, кроме нанесения Велисарии крошечной раны?

— И большой — нашему пешве, — проворчал Рао. Он гневно кивнул на дверь. — Дададжи должен быть здесь и давать нам мудрые советы. Он отсутствует просто потому, что его переполняет... переполняет...

— Радость? — предположила Ирина. — Облегчение?

— Сейчас. А что будет потом? Если это и в самом деле ловушка, то — после того, как она работает? Когда он поймет, что его дочери потеряны навсегда?

Заговорил Кунгас:

— Это глупо, Рао. И ты это знаешь. Дададжи не выйдет из строя надолго. Он проведет необходимые обряды — точно так же, как делал несколько месяцев назад, когда пришло известие о гибели его сына в сражении, — и продолжит жить дальше. Гораздо яростнее, чем когда-либо, теперь, после того как малва нанесли новую рану его душе.

Рао глубоко вздохнул. Резко кивнул, таким образом показывая, что соглашается с Кунгасом. Но тем не менее продолжал хмуриться.

— Я не доверяю этому существу!

— Не доверишь? — воскликнула Ирина. — А при чем здесь доверие? — Ее смех совсем не напоминал смех императрицы. Он больше походил на воронье карканье.

— Я сама не верю Нарсесу, Рао. Я просто верю в его мастерство.

Ирина кивнула на распечатанную посылку на низком столике рядом с дверью. Там, открытые взору, лежали сморщенные кисти рук и послание для императрицы. Отсутствовали послание Холкару, написанное дрожащей рукой, и монета. Они находились в покоях Дададжи и его жены, которые держались за них так же крепко, как обнимали друг друга. Сейчас они добавляли свои слезы к тем, давно высохшим, которые размазали чернила.

— Он что-то задумал, говорю вам!

Императрица закончила обсуждение в своей обычной решительной манере — хлопнула в ладоши.

— Достаточно! В любом случае, это не нам решать. Мы — посредники. Если это ловушка, то она расставлена на Велисария. Он и должен принимать решение.

Она указала на посылку.

— Ирина, Кунгас, возьмите ее завтра с собой. Возьмите ее с собой, когда отправитесь в Персию, и отдайте лично Велисария. Пусть он решает.

Упоминание об этом путешествии положило конец обсуждению, даже в большей мере, чем приказ императрицы. С грустью, почти такой же, как у Шакунталы, Рао посмотрел на двоих людей, которые покинут их на следующий день. Вероятно, навсегда. Двоих людей, которые сделали больше, чем кто-либо еще в мире, возвращая Андхру из могилы, куда, как думали малва, они навсегда упрятали ее. И теперь они собираются сделать то же самое с другой империей, в самом сердце владений малва.

— Бог в помощь вам, — прошептал он. На его лице появилась обычная насмешливая улыбка. — Говорят, у него очень хорошее зрение. Уверен: он заметит вас даже в горах Гиндукуш.

Ну а радость пришла, когда Ирина и Кунгас шли по коридорам дворца, направляясь в свои покои.

— Надеюсь, ты права, — пробормотал Кунгас. Глаза Ирины округлились.

— Ты шутишь? Конечно, я права! Он что-то задумал. А поскольку — я знаю, что говорила тебе это, — он, вероятно, единственный в мире шпион такого же класса, как я, то это означает...

Она схватила Кунгаса за руку и принялась кружиться по коридору в сумасшедшем танце, увлекая за собой любовника.

— О, Кунгас! Нам будет так весело и интересно!

Глава 1

КТЕСИФОН

Весна 533 года н.э.

«Ты уверен в этом? — спросил Эйд ментально. Мысль кристалла в сознании Велисария дрожала от неуверенности. — Они так долго тебя защищали».

Велисарий ментально пожал плечами.

«Предстоящая кампания отлична от других, Эйд. Ею буду командовать я...»

Он замолчал на мгновение, обводя взглядом императорский зал для приемов. Хитрая улыбка снова появилась на его лице. Собралось столько особ королевской крови и просто благородного происхождения, столько офицеров и советников, что заполнилось даже это огромное, роскошно обставленное помещение. Наряды собравшихся были столь же разнообразны, как и они сами. Римляне, персы, аксумиты, арабы — не было только кушанов, из соображений секретности.

«Никто на Западе никогда не собирал такую гигантскую силу со времен Ксеркса, Дария¹ и Александра Македонского. Я поведу в Индию более ста тысяч человек, Эйд.

¹ Ксеркс (правил в 486-465 до н.э.), сын Дария I; Дарий I (правил в 522-486 до н.э.) — цари Древней Персии

Поэтому нет шансов, что я окажусь в первых рядах во время кавалерийских атак».

Кристаллическое существо из будущего тут же отправило образ в сознание Велисария. Мгновение римский полководец видел героическую фигуру, штурмующую крепостной вал с мечом в руке.

Голос Эйда звучал кисло, очень кисло.

«Александр Македонский сам участвовал в атаках».

Велисарий фыркнул.

«Александр был не только гением, но и сумасшедшим. Считал себя воскресшим Ахиллом². У меня самого нет таких амбиций. А если бы когда-то и были...»

Велисарий поморщился, вспоминая, как Рана Шанга, величайший царь и герой Раджпутаны, превратил его в кусок кровоточащей плоти, тогда, на поле брани в горах Загрос. Он убил бы Велисария, если бы на помощь не пришел Валентин.

«Ты не должен отпускать Валентина! В особенности когда ты отсылаешь прочь Анастасия!»

Велисарий проигнорировал последнее замечание Эйда. Яростный спор между Ситтасом и Курушем, разгоревшийся в последние несколько минут, казалось, вступил в решающую фазу. Велисарий подумал, что настало время ему вмешаться. В конце концов, не стоит позволять двум представителям высшего командования доходить до рукоприкладства.

Он громко откашлялся. И Ситтас, и Куруш прекратили кричать, хотя продолжали жечь друг друга яростными взглядами.

— Левым флангом будет командовать Куруш, — объявил Велисарий.

Ситтас застонал и уставился на главнокомандующего. Под маской хмурого негодования явственно проступало что-то от маленького мальчика (его предали!), причем предал старший брат, которому он всегда верил.

Велисарий покачал головой.

— Не дури, Ситтас. Левый фланг будет отвечать за защиту армии от кавалерийских атак малва. Скорее всего, раджпутов и патанов. На подобной горной местности арии имеют гораздо больший кавалерийский опыт, чем римские катафракты.

Казалось, эти слова совсем не успокоили Ситтаса. Как раз наоборот — огромный друг Велисария смотрел на него взглядом разъяренного кабана — одним из типичных взглядов Ситтаса.

Велисарию было трудно не улыбнуться. С одной стороны, он, конечно, едва ли мог осуждать Ситтаса. Официальное оправдание, которое только что представил Велисарий, объясняя, почему позволяет персидским дехганам занять престижное положение на левом фланге, было абсурдным. К тому времени, как огромная армия Велисария подойдет к долине реки Инд, малва определенно обнаружат Кунгаса и его кушанов на севере. Все доступные малва раджпуты и следопыты-патаны, после сокрушительного прошлогоднего поражения в Харке, будут заняты, пытаясь защитить горную систему Гиндукуш. И уж точно не будут терять время, проводя бессмысленные кавалерийские атаки на армию Велисария, находящуюся далеко к югу от Балучистана.

Но...

Экспедиция кушанов по-прежнему оставалась тайной, поэтому Ситтас — несмотря на то что он прямо-таки кипел от негодования — не мог спорить по этому вопросу. Он был вынужден, хоть и с большой неохотой, прекратить пререкания и занять свое место. Куруш, впрочем, сделал то же самое. К счастью, молодой персидский полководец обладал достаточным чувством такта, чтобы придать своему лицу невозмутимое выражение — вместо того, чтобы открыто злорадствовать или торжествовать.

«И то хорошо», — подумал Велисарий. После совещания он обязательно переговорит с

из династии Ахеменидов. (Здесь и далее прим. перев.)

² Ахилл — в «Илиаде» один из храбрейших греческих героев, осаждавших Трои.

Ситтасом с глазу на глаз. На самом деле ему следовало сделать это еще до начала совета. Но Велисарию просто не пришло в голову, что на этой почве может возникнуть конфликт. Он так долго не появлялся при императорском дворе в Константинополе, что забыл о болезненной гордости и ранимости элиты столичных катафрактов. Ему следовало понять, что для Ситтаса вопрос: кто будет командовать левым флангом — персы или римляне — является вопросом чести.

«Глупо, — подумал Велисарий. — У Ситтаса должно хватить здравого смысла для понимания простой истины: мне ни в коем случае нельзя обижать персов. А их гордость еще более уязвима!»

Он встретился взглядом с Агафием. Начальник штаба Велисария сидел за большим столом напротив, перед ним были разложены карты местности, на которой будет проходить кампания, и сведения о вооружении и снабжении армии. Видя, с какой легкостью Агафий разбирается с таким количеством бумаг, никто бы не догадался, что еще год назад он не умел читать. Под внешностью вояки скрывался один из самых умных и способных людей, которых за всю свою жизнь встречал Велисарий. Глаза Агафия весело блеснули, и, казалось, один раз он даже слегка подмигнул. Велисарий легко улыбнулся в ответ, как делает человек, разделяющий с другим секрет, о котором не говорят вслух.

«Глупые господа благородного происхождения...» До ранения во время сражения у Нехар Малки, после которого Агафий остался калек, он сам был катафрактом — и великолепным катафрактом³. Но сын булочника всегда подходил к войне с чисто плебейской практичностью.

Агафий откашлялся.

— Если мы можем перейти к вопросу снабжения... — Велисарий согласно кивнул. Когда Агафий стал объяснять суть мероприятий, необходимых для обеспечения поставок провизии и боеприпасов во время предстоящей кампании, мысли Велисария снова обратились внутрь.

«Это не та возможность, которую можно упустить, Эйд. Если Ирина права...»

«Она только гадает! Никто не знает, что означает то зашифрованное послание!»

Велисарий ментально пожал плечами.

«Знаешь ли, она очень хорошо умеет догадываться. И я думаю, она права. Во всем этом просматривается характерный почерк Нарсеса».

«Он — предатель».

«Нет, Эйд. Он был предателем. Теперь он находится на службе у другого. И, если только я не ошибся в догадках, он очень преданно служит Дамодаре. — Последовал короткий ментальный смешок. — Только я не думаю, что Дамодара в курсе, чем занят начальник его шпионской сети».

Эйд несколько мгновений ничего не говорил, хотя было очевидно, что он чувствует себя неуютно. Затем он все-таки продолжил.

«Но почему Валентин с Анастасием? — спросил кристалл ментально, а потом пожаловался: — Они не шпионы и не интриганы. Они...»

«...самые лучшие солдаты моей армии, — закончил его мысль Велисарий. — И они оба говорят на нужном языке — по крайней мере, достаточно хорошо — и оба знают Индию. Не думаю, что Нарсесу нужны шпионы, Эйд. У него своих достаточно. Я думаю...»

«Ты гадаешь!»

Велисарий вздохнул.

«Да, гадаю. Но я тоже умею строить верные догадки. Я могу закончить мысль так, чтобы ты меня не прерывал?»

Он почувствовал недовольство кристалла. Эйд молчал.

Велисарий продолжил:

³ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Щит судьбы».

«Как я говорил, я подозреваю, что Нарсесу требуются люди, которые могут вывезти кого-то из Индии, причем очень быстро. Или защитить их. А кто лучше подходит на эту роль, чем Валентин, Анастасий и Куджуло?»

Эйд молчал, но Велисарий чувствовал, что кристалл не согласен с ним.

«О, прекрати дуться. Что ты собирался сказать?»

Мысли полились потоком.

«И есть еще кое-что — всех троих хорошо знают малва! Их обнаружат!»

«Кто? Единственные, кто могут их узнать, — это воины из императорской стражи Шандагупты, но нет шанса, что они встретятся, учитывая, какую охрану держит вокруг себя Шандагупта и...»

«Раджпуты! Рана Шанга несколько часов сражался против Валентина один на один! Ты думаешь...»

Велисарий пресек протест.

«После возвращения в Индию раджпутов Дамодары расквартировали в Бихаре и Бенгалии. Через полконтинента от того места, где Валентин...»

«Ситуация может измениться, — надулся Эйд. — Ты сам все время это говоришь».

«Да, ситуация меняется — и, вероятно, изменится снова. Судя по тому, что нам сообщила Ирина об успехах восставших маратхи, полагаю, что Ране Шанге и Дамодаре вскоре прикажут отправиться в Великую Страну, которая...»

Велисарий чувствовал, что Эйд обижается все сильнее, и ему пришлось бороться с улыбкой.

«...которая тоже расположена через полконтинента», — подытожил он.

Велисарий прервал разговор. Как обычно, кратко и по делу, Агафий заканчивал отчет о снабжении армии. Велисарий мысленно приготовился к следующему раунду криков и споров.

Куруш уже вскочил на ноги.

— Что означает эта чушь? — заорал он. — Не более четырех слуг — даже для ариев благородного происхождения? Чушь! Невозможно!

Велисарий посмотрел на Ситтаса. Угрюмое выражение тут же исчезло с лица греческого полководца, и он швырнул в Куруша полный ликования взгляд.

Ситтас поднялся со стула.

— Чушь, — пророкотал он. — Любой римский катафракт легко обходится двумя слугами. А если благородный шахрадар думает, что у него возникнут проблемы из-за малого количества прихваченного с собой багажа, возможно, нам следует пересмотреть назначение...

Вопли, крики, грохот. Шум и ярость.

«Вот они, радости командования», — мрачно подумал Велисарий.

«Ты оставишь Исаака и Приския?» — робко и как-то с опаской спросил Эйд.

«Да. Нет смысла посылать их в пасть малва».

Он уже собрался добавить какое-нибудь веселое замечание, но затем, почувствовав искреннюю боль, таящуюся в сознании Эйда, мгновенно передумал.

«Они почти так же хороши, как Валентин с Анастасией, Эйд. Я буду в безопасности».

Последовал ментальный эквивалент вздоха. Затем кристалл сказал:

«Просто... я очень тебя люблю».

Крики и вопли разъяренных спорящих дехганов и катафрактов продолжали наполнять помещение, тем временем как структура гигантской армии потихоньку упорядочивалась. Но главнокомандующий какое-то время не обращал на все это никакого внимания, общаясь со странной сущностью, пришедшей в этот мир. И если другие могли бы найти что-то странное в любви и привязанности, возникшей между человеком и кристаллом, то сами они ни на секунду об этом не задумывались.

Они были вместе уже много лет, с тех пор как монах и пророк Михаил Македонский

принес Эйда вместе с его предупреждением к двери Велисария⁴. На протяжении этих лет, полных битв и военных кампаний, они узнали друг друга так же хорошо, как отец с сыном или родные братья. Теперь им предстояло отправиться на заключительную кампанию — по крайней мере, так они думали и надеялись — в войне против малва. Они могут выжить, могут погибнуть, это уж как судьба решит. Но вместе они отправятся хоть в пекло, соединившись сердцами и душами. И это больше, чем что-либо другое, — так думали они сами — служило самой верной гарантией их будущего триумфа.

Резкий звук, пронесшийся эхом по залу для приемов, вернул разум Велисария в настоящее. Он понял, что кто-то резко хлопнул в ладоши. Велисарий увидел, как Хусрау Ануширван поднимается с установленного в противоположном конце зала трона.

— Достаточно! — Персидский император снова хлопнул в ладоши. Под густой квадратной бородой его молодое лицо выглядело суровым. — Я сказал: достаточно. По крайней мере на данный момент. Уже полдень, а нам еще предстоит присутствовать на свадьбе императора.

Он повернул голову к Велисарию. Выражение его лица, казалось, немного смягчилось.

— Свадьба — и я уверен, что со мной согласится прославленный римский полководец, — гораздо важнее, чем уточнение того, в каком порядке следует выступать, и тонкости обеспечения войск припасами.

Велисарий кивнул и тоже поднялся на ноги.

— Это на самом деле так, император. Гораздо важнее.

Глава 2

Когда отец Тахмины вел ее приданое по центральной улице Ктесифона, огромная толпа зрителей-персов перешептывалась от возбуждения. Возбуждения — и глубокого одобрения. Даже уличные дети знали, что приданое к императорскому бракосочетанию определялось в результате бесконечных переговоров. Приданое, которое Баресманас вел во дворец, было настолько странным, что могло соответствовать только предложениям самих римлян.

Толпа выражала свое глубокое одобрение. Многие стали напевать имя римского императора Фотия, за которого выходила замуж Тахмина. Было даже замечено, как несколько надменных рыцарей-дехганов присоединились к всеобщим рукоплесканиям.

Они ожидали караван, нагруженный сокровищами. Множество золота, серебра, драгоценных камней, украшений и дорогих тканей — чтобы довести Персидскую империю до нищеты. Горькая цена, которую придется заплатить за надежность союза с римлянами против малва, но цена, которой не избежать. Немногим более года назад опустошавших Месопотамию малва смогли одолеть только благодаря усилиям и хитрости римского полководца Велисария. А сегодня тот же самый Велисарий потребует за свои труды богатства Персии.

Вместо этого...

Баресманас из семьи Суренов, величайшей из семи великих семей шахрадаров, составлявших высшую знать Персии, медленно шел по центральной улице. Он был одет в лучшие одежды и вел за собой коня.

Конечно, не простого коня. Даже уличные дети поняли, что великолепный черный жеребец, шествовавший следом за своим хозяином, был лучшим во всей Персии — земле, славившейся своими конями. Но даже потеряв такого коня, империя не обнищает.

На своей спине конь нес все то, что было обещано Фотию:

Во-первых, седло. Не церемониальное седло, которое сверкало бы драгоценными камнями и золотой инкрустацией, нет. Вместо этого на коне было тяжелое седло копейщика,

⁴ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь».

снабженное стременами, которые римляне недавно ввели в кавалерии. Конечно, самое лучшее седло такого рода, которое только можно представить. Ни один деревенский дехган не в состоянии позволить себе такую вещь. Но все же из-за этого седла персидский император не станет поднимать налоги.

Во-вторых, лук, который держала в руке наездница. Конечно, это был лучший лук, изготовленный лучшим в Персии мастером. Но тем не менее просто лук — для всех, кроме самих персов.

Одобрение толпы продолжало нарастать, когда до людей дошло символическое значение даров.

— Фотий! Фотий!

К тому времени, как Баресманас достиг большого айвана — здания в центре императорского комплекса, где будет проходить бракосочетание, — огромная толпа безумствовала. Только немногие персидские императоры за долгую историю земли ариев когда-либо удостоивались такого публичного признания.

Низкороденный полукровка — так говорили о римском императоре. Толпа слышала это. Незаконнорожденный ребенок — так шептались люди. Но теперь, увидев коня и лук, они поняли правду.

— Фотий! Фотий!

Недалеко от входа в айван Баресманас помог третьей ноше коня спуститься на землю. Задача оказалась довольно сложной, и не потому, что его дочь Тахмина была слабой, а просто из-за тяжести свадебного наряда, который сильно ей мешал.

Когда Тахмина уже стояла на твердой земле, Баресманас склонился к уху дочери и прошептал:

— Итак. Кто был прав? Я или твоя мать? — Улыбку Тахмины едва ли можно было разглядеть под чадрой.

— Я никогда не сомневалась в тебе, папа. Даже до того, как прочитала книгу, которую ты мне дал.

Баресманас вздрогнул.

— Уже? Всю? Геродота⁵ ?

Когда Баресманас передал поводья одному из старших дехганов, Тахмина распрямилась.

— Всю, — твердо сказала она. — Мой греческий стал почти идеальным.

Девушка поколебалась, но не удержалась и честно добавила:

— Ну... по крайней мере в том, что касается чтения. Думаю, мой акцент по-прежнему ужасен.

Отец и дочь медленно шли рука об руку по направлению к дверям. У входа в айван выстроились солдаты. Персидские дехганы стояли слева, римские катафракты — справа.

— Тогда ты все понимаешь, — сказал Баресманас. Ему не требовалось указывать дочери на ликующую толпу для объяснения, что он имеет в виду.

— Да, папа.

Баресманас торжественно кивнул.

— Учись, дочь. Отбрось все предубеждения против римлян, которые все еще могут оставаться у тебя. Ты станешь их императрицей еще до заката солнца, но они — великие люди, достойные тебя. Никогда не сомневайся в этом ни на минуту. Во многом более великие, чем мы.

Он посмотрел на солдат, стоявших на почетных постах у входа в айван. На персов он взглянул бегло. Дехганов Баресманаса возглавлял Мерена, самый прославленный среди них.

⁵ Геродот (490/480-430/424 до н.э.) — древнегреческий историк, который много путешествовал — в Малую Азию, Вавилон, Финикию, Египет, Фракию и т.д., что находило отражение в его трудах.

Но внимание шахрадары в первую очередь привлек старший в строю римлян. На самом деле, этот солдат выглядел более чем странно. Он не мог стоять без помощи костылей. Этого человека звали Агафий и он потерял ноги во время сражения у Нехар Малки, когда Велисарий разбил армию малва. Агафий был человеком низкого происхождения, даже по римским меркам. За него вышла замуж дочь самого Мерены.

— Тысячу лет назад, — резко произнес Баресманас. — Время, о котором мы сами многое забыли, дочь, а они — нет. Тысячу лет назад один из их лучших историков объяснял своим соотечественникам, как арии воспитывают ребенка-мальчика.

— Учат его ездить верхом и стрелять из лука, — пробормотала Тахмина. — И ненавидеть любую ложь.

— Это обещание тебе от императора Рима, дочь, тебе и всем ариям, — сказал Баресманас. — Мальчику еще нет одиннадцати лет. Ты понимаешь?

Дочь кивнула. Она слегка повернула голову, изучая скандирующую толпу.

— Фотий! Фотий!

— Я так удивлена, — прошептала она. Баресманас рассмеялся.

— Чем? Что наполовину грек, наполовину египтянин, причем незаконнорожденный сын шлюхи, так хорошо нас понял?

Она покачала головой, чадра пошла волнами.

— Нет, папа. Я просто удивлена...

— Фотий! Фотий!

Они входили в благословенную прохладу айвана, в огромный зал, типичный для персидской архитектуры. Солдаты выстраивались позади них.

— До этой минуты мне ни разу не приходило в голову, — прошептала она. — Ни разу. Что я могу полюбить своего мужа.

Внутри огромного айвана хмурилась римская императрица-регентша. Конечно, в этом не было ничего нового. Феодора пребывала в раздражении с момента своего прибытия в Персию. По многим причинам.

Во-первых, она ненавидела путешествовать.

Во-вторых, она особенно не любила путешествовать по пустыне.

В-третьих, она не больно-то любила персов (это, правда, не самый главный пункт. Феодора, как правило, вообще никого не любила).

В-четвертых, к этому времени она стояла в тяжелых официальных императорских одеждах уже более часа. Неужели эти глупые персы никогда не слышали о стульях? Идиоты! Даже арийский император Хусрау стоит.

В-пятых...

— Ненавижу, когда оказывается, что я не права, — прошипела она.

— Ш-ш-ш, — прошипела в ответ Антонина. — Предполагается, что это — торжественное мероприятие. И даже сквозь чадру видно, как ты хмуришься.

— И она мне тоже не нравится, — проворчала Феодора. — Как женщина должна дышать, когда эта чудовищная штука закрывает ей лицо? В особенности в такую жару?

Когда она повернула голову, чадра слегка закачалась.

— По крайней мере, у них достаточно здравого смысла, чтобы проводить публичные церемонии в этом... этом... как его называют?

Стоявший с другой стороны Феодоры Велисарий склонился к ней и прошептал:

— Это называется айван. Отлично придумано, не правда ли? Конечно, в нашем климате не сработает. По крайней мере, зимой.

Несмотря на огромные размеры — айван был сто сорок футов в длину, восемьдесят в ширину, а в самой высокой точке купол располагался в сотне футов над полом, — строение было открыто всем ветрам. Вход, которым воспользовались Баресманас и Тахмина, представлял собой огромный дверной проем. Подобно рода строения встречаются только у

персов. Чудесное изобретение — в айване гораздо прохладнее, чем снаружи или в закрытом зале.

Феодора теперь злилась на Велисария.

— О, хорошо. Давай, говори. Ты был прав, а я не права.

Велисарий ничего не сказал. Он знал, что нельзя злорадствовать, если дело касается Феодоры. Даже насекомые не настолько глупы, чтобы насмешничать над императрицей.

Его дипломатичность, казалось, нисколько не успокоила императрицу-регентшу.

— Ненавижу, когда оказываюсь не права, — злобно повторила она. — И я все равно предпочла бы взять ценности. Золото — это то, что я могу увидеть. Могу сосчитать и подержать в руках.

Велисарий решил, что Феодора не сочтет его ответ чересчур дерзким. Да, ей не нравилось, когда с ней не соглашались. Но женщина была достаточно умна, чтобы давно научиться принимать противоречащие ее мнению советы и не наказывать советчика. Или, по крайней мере, выслушивать такие советы.

— В любом случае, мы бы вскоре потеряли сокровища, — заметил он. — Привели бы Персию к краху, и что тогда? Персы отправились бы на поиски новых богатств взамен утраченных. И лучше всего для этого подходят римские территории.

Он сделал паузу, прислушиваясь к пению огромной толпы за стенами дворца.

— Фотий! Фотий! — Затем добавил:

— Лучше уж так.

Феодора ничего не ответила, если не считать неизбежного рефрена:

— Ненавижу, когда оказываюсь не права.

Фотий стоял в одиночестве в центре айвана, как и надлежало ему по статусу. Никто не может отрицать то, что он мужчина, хотя ему всего десять лет. Он же женится, не так ли?

Этот новый статус не радовал римского императора. Фотия полностью устраивало, когда он был просто мальчиком.

Ну...

Его взгляд переместился на группу римских ученых, стоявших вместе с персидскими священниками, сгрудившимися у дальней стены айвана. Это были его учителя. Даже на таком расстоянии, как думалось Фотию, от выражений их лиц могло скиснуть молоко. Греческим философам и педантам, специалистам по грамматике и риторике не нравилось, что им приходится ожидать начала церемонии в обществе персидских мобадов и хербадов. Языческих колдунов. Склонных к предрассудкам, занимающихся магией, торгующих...

Император отвел взгляд. Первая улыбка появилась на его лице, когда он проснулся сегодня утром. Может, теперь, когда он официально признан «мужчиной», ему не придется выслушивать столько ворчания и нытья от учителей.

Когда взгляд Фотия упал на небольшую группу телохранителей, улыбка стала шире. А увидев ухмылку на лице Юлиана, начальника его охраны, мальчик с трудом сдержался, чтобы не расплыться в дурашливой гримасе.

Конечно, он хотел бы, чтобы его нянька Ипатия тоже была здесь. Черт бы побрал его новый статус!

Он вздохнул. Надменные арии разрешают присутствовать на подобных мероприятиях лишь малому количеству женщин — только невесте и ее ближайшим родственницам. Фотий мрачно подозревал, что арии и их бы не пустили, если бы не простой факт, с которым приходится мириться, — к сожалению, для свершения брака необходима хотя бы одна женщина.

Теперь, когда наметилось движение у двери в айван, взгляд Фотия переместился туда. В зал входила его невеста.

Как он знал, мать Тахмины не придет. Присутствие матери на свадьбе дочери было традицией, но женщина заявила, что подхватила какую-то таинственную болезнь, лишившую ее возможности появиться в айване. Баресманас заранее многословно извинился

за ее отсутствие, и римская делегация милостиво приняла эти извинения.

Хотя никто из римлян — и из персидских господ благородного происхождения, кстати, тоже — ни на мгновение не сомневался в истинной природе ее болезни. Да, не позволяющая присутствовать, но далеко не таинственная. Древняя болезнь, называемая «аристократическая спесь».

Ее дочь? Из Суренов, самой чистой крови ариев, если не считать самого императора! Замуж за... за...

Римская дворняжка, незаконнорожденный сын шлюхи тяжело вздохнул.

«Отлично. Просто отлично. Моя жена будет каждый раз задирать нос, когда я окажусь в одном помещении с ней».

Теперь Тахмина подошла гораздо ближе. Несмотря ни на что, Фотия очаровала ее манера двигаться. Даже под тяжелыми персидскими одеждами он почувствовал гибкую атлетическую фигуру. Тахмине было пятнадцать лет. Как раз достаточно взрослая — в отличие от самого Фотия, — чтобы научиться управлять своим телом. В ее легком, скользящем шаге совсем не было неуклюжести. Маврикий, катафракт его отца, видел девушку раньше. Он сказал, что она поразительно красива. На мгновение Фотия порадовала эта мысль. Но только на мгновение.

«Отлично. Просто отлично. У меня будет самая красивая жена в мире. И она будет задирать нос, когда бы я ни находился рядом».

Наконец его глаза встретились с глазами приближающейся невесты. Из-за тяжелой чадры Фотий мог видеть только темные глаза и переносицу Тахмины. Римский император застыл на месте. Тахмина неотрывно смотрела на него. Она ни разу не отвела взгляд, пока не заняла свое место рядом с ним. Конечно, красивые глаза. Такие же ясные и яркие, как лунный свет, хоть и темные. Карие глаза, но такого необычного, глубокого цвета, что казались почти черными. Этого-то Фотий как раз ожидал. Он не ожидал увидеть теплоту. Глаза Тахмины мерцали, как угли костра.

И когда церемония наконец-то началась, он определенно не ожидал услышать шепот. На идеальном греческом, хотя и с сильным акцентом.

— Будь спокоен, муж. Я тебе понравлюсь. Я обещаю.

И он на самом деле успокоился, несмотря на то что обряд был долгим и изматывающим, и от него требовалось следовать по лабиринту тщательно выученных жестов и слов. Фотий тоже читал Геродота. И знал кредо ариев.

Научите их ездить верхом и стрелять из лука.

И научите их ненавидеть любую ложь.

Несколько часов спустя, на пышном празднестве, проводившемся во всех залах дворца — и по всему городу, что тоже немаловажно, — император Хусрау Ануширван остановился рядом с Велисарием.

— Я думаю, все прошло просто прекрасно.

Велисарий кивнул. Для разнообразия эта его улыбка оказалась совсем не хитрой. Она была такой же широкой и открытой, как у самого императора.

— Мне тоже так показалось.

Они все еще стояли в айване. Через огромный проем были видны последние лучи заходящего солнца. Велисарий бросил взгляд на небольшую дверцу, которая вела в личные покои императорской свиты. Фотию и Тахмине предоставили там апартаменты до тех пор, пока римская делегация не отбудет обратно в Константинополь. Не более десяти минут назад новоявленные муж и жена удалились через эту дверь.

Теперь улыбка Велисария стала более привычной — в ней появился хитроватый оттенок.

— Конечно, я не уверен, что Фотий все еще придерживается этого мнения. Казалось, раньше он был повеселее. Но теперь... — римский полководец усмехнулся, — он выглядел, как человек, которого ведут на казнь.

Хусрау улыбнулся.

— Чушь. Я воспитывал эту девочку в той же мере, что и сам Баресманас. Она настолько же умна, насколько красива. Уверяю тебя: твой пасынок скоро перестанет чувствовать себя неловко.

Владыка земель иранских и неиранских сделал паузу.

— Ну... возможно, я выразился не совсем точно... — Велисарий удивленно поднял брови.

— Ему только десять лет, Ваше Высочество.

На лице Хусрау появилось крайне самодовольное выражение.

— Римляне. Какие вы примитивные.

После того как слуги переодели его и забрали парадные одежды, Фотий нервно вошел в спальню и обнаружил, что Тахмина уже ждет его. Она лениво лежала на постели в ночной сорочке. Завидев Фотия, она улыбнулась и похлопала ладошкой по кровати рядом с собой.

— Иди сюда, муж, — позвала она мягко.

— Мне только десять лет, — удалось выдавить Фотию.

— Успокойся, — прошептала жена. Она встала и нежно подвела его к кровати. — Ложись.

Фотий сделал так, как ему приказали. Он не мог представить, что может не повиноваться ей. Тахмина сохраняла самообладание и одновременно вела себя на удивление скромно.

«Как ей это удастся, когда на ней только шелковая рубашка?»

Ее руки были сильными и крепкими. Да, она старше его. Но в большей степени Фотия заставили подчиниться ее уверенность и чистая красота — Маврикий был прав, прав, прав.

Показалось, что прошло только мгновение перед тем, как она заставила его вытянуться на кровати, сама легла рядом и стала нежно гладить его маленькое тело. Фотий почувствовал, как медленно уходит напряжение из мышц.

— Мне только десять лет, — повторил он. На этот раз слова прозвучали скорее как извинение.

— Конечно, это так, — прошептала Тахмина. И нежно поцеловала его в лоб. — Расслабься, муж. — Она подняла голову и спокойно улыбнулась, глядя на Фотия сверху вниз, в то время как ее руки продолжали гладить его.

— Ты станешь старше. Довольно скоро, не сомневайся. А когда придет время, ты совсем не будешь волноваться. Ты все будешь знать. Обо мне. О себе. Все получится очень легко.

Фотий подумал, что у нее самый красивый голос, который он когда-либо слышал. Он чувствовал, что тонет в темноте ее глаз.

Оставшаяся часть ночи, пока они не заснули, стала временем чудес. Частично — чудес тела. В конце концов, десять лет — это не слишком рано, а Тахмина была такой же чувственной, как и красивой. Ее ласки казались более прекрасными, чем что-либо, что мог представить себе Фотий.

Но больше всего его поразило другое. Он никогда не мог предположить такого. Ни разу. Что может полюбить свою жену.

Утром удивление превратилось в уверенность. В конце концов, десять лет — не слишком рано для мужчины, чтобы понять: наслаждения духа перевешивают наслаждения тела.

Его жена оказалась гением. По крайней мере, это было твердым убеждением Фотия. Кто еще знает столько способов сорвать планы назойливых учителей?

— И вот еще что, — объясняла она, устраивая его голову у себя на плече. — Когда они станут ворчать по поводу твоей грамматики...

Впервые Фотий принял позу властного мужа.

— Замолчи, жена! — приказал он. Он поднял голову, собрался с силами — вот он, император Рима! — и поцеловал жену в щеку. После прошедшей ночи это получилось почти легко.

Тахмина рассмеялась.

— Видишь? Недолго!

И снова через некоторое время Тахмина смотрела на него сверху вниз спокойным взглядом.

— У тебя будут наложницы, — тихо сказала она. — Но я намерена проследить, чтобы ты не проводил с ними много времени.

Фотий откашлялся.

— Э, видишь ли, на самом деле содержать наложниц не разрешается законами христианства, — сообщил он. Потом добавил несколько виновато: — По крайней мере, так предполагается.

Тахмина казалась крайне удивленной.

— Правда? Как странно! — Красивые глаза слегка прищурились.

— Конечно, я поменяю веру, потому что в христианской империи должна быть императрица-христианка. — Она прищурилась сильнее. — Я просто вижу себя рьяной христианкой. — Глаза стали щелочками. — Просто религиозной фанатичкой.

В горле у Фотия забулькало, как у младенца.

— Я согласен!

— Это хорошо, что согласен, — проворчала жена. И уже мгновение спустя она пустилась в рассуждения, какие наказания должны ожидать христианских грешников.

И так их нашли слуги. Слуги и Юлиан.

Не нужно говорить, что правильные и высокомерные слуги нахмурились. «Недостойное поведение для особ королевской крови!» Но Юлиан, покрытый шрамами ветеран, участвовавший во многих сражениях, был очень доволен. Персидская императрица, щекочущая римского императора, подумал он, предвещает хорошее будущее обоим державам. Возможно, Велисарий оказался прав, и тысячелетняя война наконец закончилась.

Конечно, оставались малва. При этой мысли катафракты только усмехнулись. Все солдаты мира — дети по сравнению с персидскими дехганами на поле брани.

Глава 3

В то самое утро, когда Фотий и Тахмина начали закладывать фундамент своего брака, состоялась еще одна свадебная церемония. Она не была публичной и на ней присутствовало очень мало гостей. На самом деле, если быть абсолютно точными, она являлось государственным секретом, и если кто-то, кому не следовало, узнал бы о ней, его ждал бы меч палача.

Этим браком закладывался еще один фундамент. В огне любви этих двоих выковывалась новая империя, которой судьбой было предначертано подняться на руинах малва. Или, скорее, сыграть большую роль в уничтожении малва.

Церемония была христианской, соответственно вероисповеданию невесты, и настолько простой, насколько позволяла вера. Так решила сама невеста, бросив вызов всем законам, — и настаивала, чтобы все было именно так. Она заявила, что хочет короткую и непышную свадьбу, исключительно исходя из соображений безопасности. Поскольку невеста была признанным мастером в искусстве шпионажа и плетения интриг, требование было с легкостью принято. Большинство людей, Вероятно, даже поверили ей.

Но Антонина, наблюдая за тем, как лучшая подруга стоит на коленях у алтаря, с трудом сдерживала улыбку. Она знала правду.

«Первое, что сделает эта хитрая женщина после того, как доберется до Пешевара, —

это устроит самое роскошное бракосочетание по буддийским законам в мировой истории. Готова поспорить: празднование продлится целый месяц».

Ее взгляд переместился на мужчину, стоявшего на коленях рядом с Ириной. Кунгас монотонно произносил фразы, которые требовалось произносить жениху по христианскому обычаю. Говорил он уверенно и легко.

«Конечно, если кто-то из христиан станет возражать, она заявит, что муж заставил ее сделать это».

Кунгасу было предназначено стать новым правителем возрожденной Кушанской империи. Ну а кушаны в массе своей придерживались буддизма. Конечно, не открыто, их правители из малва постановили, что единственной религией империи будет гротескная версия индуизма, именуемая культом Махаведы, и запретили исповедовать остальные. Но необходимость сохранять тайну и жестокие муки, на которые обрекались отступники, только крепче привязали кушанов к их исконному вероисповеданию. Естественно, их новый правитель будет настаивать, чтобы его царственная жена сама перешла в эту веру. Естественно. Он — упрямый человек, все это знают. Ха!

Велисарий посмотрел на жену сверху вниз. Антонина с большим трудом подавила желание хихикнуть.

«Ха! Это была идея Ирины. Этой интриганки. Такое никогда бы не пришло в голову Кунгасу».

Он больше всего походил на тех, кого называют атеистами — больше чем кто-либо, знакомый Антонине. Если уж совсем точно, то он — агностик. Кунгас был готов принять — в качестве гипотезы — существование «души». Он был даже готов принять, что «душе» требуется «создатель души». Совсем с неохотой Кунгас допускал, что такой «создатель души» по насущной необходимости должен обладать сверхчеловеческими возможностями. Однако то, что он — или она — или оно — это бог... Единственный Бог?

Кунгас называл это «досужими домыслами». Конечно, в узком кругу, в компании самых близких друзей.

Теперь Кунгас умел читать и писать, как по-гречески, так и по-кушански. Но он не был ученым и никогда им не станет. «Досужие домыслы» — это мягкий, крайне свободный перевод его позиции Ириной. «Чистые догадки» — вот что собственными ушами слышала Антонина.

Но хоть Кунгас и не являлся ученым, с головой у него все было в полном порядке. Этот человек с детства варился в котле сражений. И если, что на редкость маловероятно, человек, вышедший из этого Ада, оставался в некотором роде нежным и мягким — конечно, это не стоит понимать буквально, — то его разум становился подобным алмазу — ясным и твердым.

Что бы ни думал сам Кунгас, его народ исповедовал буддизм. Значит, и он будет буддистом. И его жена тоже — после того, как сама сказала об этом будущему императору.

«Ха! Бедных малва можно только пожалеть!»

Во время короткого приема, последовавшего за бракосочетанием, вперед вышел владыка земель иранских и неиранских и вместе со своей супругой поздравил молодоженов. Как и Феодора, римская императрица-регентша. Как и Эон, негуса нагаст Аксумского царства и Аравии, которого сопровождала жена Рукайя. Мужчина и женщина, которым было предназначено стать правителями государства, все еще существовавшего только в их воображении, получили официальное признание трех из четырех наиболее могущественных империй мира.

Конечно, представители четвертой, самой сильной державы, отсутствовали. Что не особо удивляло, поскольку если бы малва знали о бракосочетании, то навряд ли одобрили его. Ведь новую империю планировалось выстроить на их территории и на их крови.

Велисарий и Антонина не видели необходимости присоединяться к толпе, сгрудившейся вокруг Кунгаса и Ирины. Равно как и Усанас.

— Глупо, глупо, — пробормотал аквабе ценцен Аксумского царства, фактически визирь, хотя его титул буквально переводился, как «хранитель мухобойки». Странно и скромно, что полностью соответствовало политическим традициям Аксумского царства.

— Глупо, — повторил он и бросил взгляд на Антонину. — Не ври, женщина. Ты знаешь не хуже меня, что вскоре она перейдет в буддизм. — Он фыркнул. — И одному Богу известно, кем еще она станет. Горы полны язычников. Она будет устраивать брачные церемонии каждую неделю, клясться в верности любому гарцующему или встающему на дыбы богу-козлу, который будет любим местным населением.

Антонина выдавила из себя вежливую усмешку.

— Не могу поверить, что ты настолько циничен. — Она посмотрела на Велисария.

Он улыбнулся в ответ, чуть более хитро, чем обычно, но ничего не сказал.

Антонина одарила улыбкой небольшую группу солдат, стоявших за спиной мужа. Там были все трое высших командиров-кушанов армии Велисария — теперь уже бывших командиров. Васудева стоял в центре, Вима и Хувишка — по бокам.

— Вы определенно с ним не согласны, — заявила Антонина.

По обыкновению Васудева сдержанно улыбнулся.

— Меня это не удивит, — сказал он. — На самом деле это неплохая идея. Конечно, язычники — глупые люди, подверженные предрассудкам, но все они склонны считать себя особенными. — Он задумчиво подергал себя за бороду. — Может быть.

— И ты, Брут? — пробормотала Антонина. Васудева широко ухмыльнулся.

— Антонина, будь серьезной, — он кивнул на молодоженов и собравшуюся вокруг них небольшую толпу. — Разве я сам — я и мои офицеры — этим утром не были свидетелями такой тщательно спланированной, устроенной напоказ брачной церемонии?

Антонину немного обеспокоила проницательность кушанского полководца. Велисарий не раз упоминал о ней, но сама женщина плохо знала этого человека.

«Он и в самом деле проницательный!»

Теперь улыбались все трое кушанов.

— И очень неплохо спланированной, — одобрительно заметил Васудева. — Какой амбициозный полководец, мечтающий о создании своей династии, станет рисковать привлечь на свою голову гнев таких империй? И кто теперь посмеет сбросить признанного правителя, это после всеобщего-то одобрения?

Велисарий внимательно изучал лица военачальников, на этот раз совершенно серьезно.

— Это делалось раньше и достаточно часто, — тихо сказал он.

Его взгляд остановился на Васудеве. Тот продолжал усмехаться.

— Не здесь, — сказал кушан и бросил взгляд на Кунгаса. — Мы все общались с ним после его прибытия, Велисарий. Мы удовлетворены. Из него получится хороший император.

Двое остальных согласно кивнули. Вима добавил:

— Где же найти такую императрицу-интриганку?

Вима кинул изучающий взгляд на Ирину.

— Предполагаю, можно жениться на вдове, после того как пройдет немного времени со смерти мужа. Но...

Хувишка пожал плечами.

— Ты лучше расскажи о том, как спать с открытыми глазами!

Кушаны засмеялись. Велисарий кивнул. На самом деле он не удивился, с какой легкостью его бывшие солдаты приняли Кунгаса как своего будущего правителя. За последние два года Велисарий хорошо изучил всех троих, Они смотрели на жизнь расчетливо и практично и не имели привычки предаваться праздным мечтаниям.

Тем не менее...

Кунгас и Ирина привели с собой из Махараштры менее трех тысяч кушанских солдат. Под предводительством Васудевы в армии Велисария служило более десяти тысяч. Две тысячи из них находились под командованием Васудевы, когда Велисарий разбил их во время сражения под Анатой. Остальные перешли на его сторону после поражения малва в

Харке. Когда командующие малва начали пеший переход в Индию с тем, что осталось от разбитой армии, кушанские войска вышли из подчинения. Этот марш был самоубийством, и они знали это. Как знали они и то, что кушанов умрет значительно больше, чем представителей других народов. Не им, а йетайцам достанутся дополнительные, пусть и малые, пайки того, что удастся получить контрабандой с судов на побережье⁶.

Возникла сложная ситуация. Все кушаны, служившие под командованием Велисария, были освобождены от выполнения обязанностей, чтобы начать свою войну. Таким образом Кунгас получал хоть и небольшую, но вполне серьезную армию. С другой стороны, это означало, что Кунгас и Ирина отправятся через Персидское плато, чтобы заново отстроить разбитую империю кушанов в сопровождении войска, где большинство солдат клялись в верности вовсе не им. Так что все будет зависеть в первую очередь от офицеров, которых эти солдаты знают и которым доверяют. То есть, от Васудевы, Вимы и Хувишки.

Как проницательно заметил Васудева, основной целью этого бракосочетания было сделать отношение Рима, Персии и Аксумского царства к будущему кушанскому государству прозрачным, как хрусталь.

И они получили официальное одобрение. Больше им ничего не нужно.

— Хорошо, — сказал Велисарий. — Очень хорошо.

Тем же утром, чуть позже, Ирина и Кунгас отправились в покои римского императора, чтобы заручиться и его благословением. Не нужно говорить, что получили они его в значительно менее сдержанной форме, чем от всех остальных. В конце концов Ирина была вынуждена силой отрывать от себя императора.

Фотий боролся со слезами, которые не пристало лить мужчине.

— Мне будет тебя не хватить, — прошептал он. Ирина тихо засмеялась.

— Так приезжай в гости. И мы будем делать то же самое.

Фотию удалось улыбнуться.

— С удовольствием! Феодора ненавидит путешествовать, но мне это кажется страшно интересным!

Он колебался. На его лице промелькнуло легкое опасение, потом он быстро взглянул на стоявшую рядом с ним девушку.

Тахмина крепко держала его маленькую руку в своей.

— Все, что пожелает мой муж и господин, — проворковала она.

Ирина улыбнулась.

— Прекрасно сказано! В точности моя философия.

Кунгас хрюкнул, жена его холодно проигнорировала эти звуки. На ее лице появилось очень суровое выражение, и она погрозила Фотию пальцем.

— И помни! Все книги, которые только можно достать! Я ожидаю, что мне тут же будут их высылать! Или начнется война!

Фотий важно кивнул.

— Все. Я буду забирать первый экземпляр и сразу же отсылать тебе, с самым быстрым курьером. — Он расправил плечи. — Ты ведь знаешь, я могу это сделать. Я — римский император.

— Именно так, — подтвердила Тахмина.

Этим вечером в покоях, отведенных для Кунгаса и Ирины, произошла еще одна церемония. На заходе солнца в комнату вошла Антонина. За ней шел слуга с тяжелым ящиком.

Антонина положила руки на бедра и гневно посмотрела на мужчин, сидевших на многочисленных диванах, установленных в большом помещении. Она не обделила никого —

⁶ См. романы Д. Дрейка и Э. Флинта «Щит судьбы» и «Удар судьбы».

ни собственного мужа, ни его непосредственных подчиненных — Маврикия, Ситтаса и Агафия, ни Усанаса с Эзаной, ни Кунгаса, ни персидского полководца Куруша.

— Вон! — она указала на дверь. — Вы все, немедленно! Отправляйтесь с вашими военными пустяками куда-нибудь в другое место. С этой минуты здесь будет проводиться торжественный ритуал.

Маврикий встал первым.

— Мы должны уважать священную традицию, — серьезно согласился он. — Пойдемте, господа. Мы практически все обговорили, за исключением обеспечения армии. — Он тяжело вздохнул. — Но мы с Агафием можем обсудить это и в покоях Велисария. — Он улыбнулся Антонине. — Конечно, это займет несколько часов, ну и что с того? Эта госпожа туда сегодня не вернется.

И добавил на полдороги к двери:

— По крайней мере, не вернется самостоятельно.

Антонина проворчала что-то себе под нос. Маврикий ускорил шаг. Антонина сильно нахмурилась и заворчала громче. Она напоминала маленькую, но очень недовольную тигрицу. Остальные мужчины поспешно последовали за Маврикием.

Когда мужчины ушли, Антонина приказала слуге поставить ящик на ближайший стол. Тот выполнил приказ и тут же удалился. Царственным жестом Антонина сняла крышку с ящика. С еще большей торжественностью извлекла бутылку вина.

— Солдаты, — хмыкнула она. — Что они знают о погромах?

Ирина уже достала кубки.

— Ничего, — сказала она, ставя кубки на стол. — Пожалуй, начнем погром. Давай первую бутылку.

Глава 4

— Мне бы хотелось, чтобы вы все это прекратили, — проворчал Агафий. — Это неприлично.

Мощные руки на подлокотниках инвалидной коляски дернулись, словно Агафий собирался схватиться за ободы колес и выпрыгнуть вперед. Затем он быстро схватил карты и выкладки по снабжению войск, пока они не соскользнули на пол с его колен.

Маврикий фыркнул.

— Ты сошел с ума? — Потрепанный жизнью ветеран, который широкими шагами шел рядом с инвалидной коляской, бросил взгляд на своего командира. — И вообще, неплохо было бы заняться какой-нибудь честной работой, вместо того чтобы строить заговоры и интриговать.

Велисарий улыбнулся.

— Определенно! И тем не менее Юстиниан настаивал на полном отчете со всеми деталями — лично от меня. А как я могу его представить, если сам не видел, как эта штука работает?

Агафий проворчал что-то неопределенное. Инвалидная коляска в сопровождении Велисария и Маврикия заехала в одно из помещений императорского дворца. Персидские офицеры и придворные отскочили в стороны. К этому времени, через много дней после начала стратегического совета в Ктесифоне, все они научились быстро уступать дорогу. Велисарий управлялся с инвалидной коляской не так ловко, как маневрировал армиями на полях сражений. Здесь он действовал более грубо.

Когда они добрались до лестницы на противоположной стороне помещения, ведущей в жилые покои наверху, Велисарий с Маврикием встали по бокам инвалидной коляски. Агафий продолжал ворчать, когда Велисарий с Маврикием ухватились за ручки, которые Юстиниан изобрел специально для этой цели, и стали поднимать Агафия наверх, сетуя на тяжесть ноши. Несмотря на отсутствие ног, Агафий по-прежнему представлял собой груду мускулов.

Внизу персидская знать наблюдала за этим действием с неодобрением и суеверным ужасом. Конечно, они и раньше видели, как это делается, много раз, но все равно...

«Немыслимо! Работа для слуг! Главнокомандующий величайшей после Дария армией не должен...»

На первой площадке Велисарий с Маврикием опустили коляску на пол и сделали по несколько глубоких вдохов. Агафий переводил взгляд с одного на другого, яростно хмурясь.

— Между прочим, я сам в состоянии подняться по лестнице. Я все время делаю это дома.

Велисарию удалось улыбнуться.

— Ты не забыл о Юстиниане? Думаешь, главный юстициарий Римской империи — не говоря уж о том, что он муж Феодоры — удовлетворится отчетом из вторых рук?

— Он в Асэбе, — запротестовал Агафий. — И полностью поглощен строительством новых судов.

Но протест был слабым, очень слабым. Велисарий пожал плечами.

— Да к тому же он еще и слепой. И что с того? Думаешь, у него нет шпионов?

Маврикий саркастически фыркнул:

— И кроме того, Агафий, ты же знаешь, как Юстиниан любит изобретать всякие глупости. Поэтому просто заткнись и смирись с неизбежным. — И добавил кисло: — По крайней мере, тебе не приходится таскать эту проклятую штуковину. С огромным бывшим катафрактом в ней.

Они достаточно отдохнули, так что, вздыхая и ворча, Велисарий с Маврикием снова подняли Агафия и, шатаясь, отправились наверх. Когда они добрались до верхней площадки лестницы и оказались в коридоре, ведущем в личные покои Агафия, то опустили инвалидную коляску на пол.

— Все... хорошо, — выдохнул Велисарий. — Теперь можешь сам. Юстиниан хочет знать, как работают рычаги управления.

— Они работают прекрасно! — рявкнул Агафий.

Чтобы доказать это, он поехал по коридору с такой скоростью, что Велисарию с Маврикием пришлось бежать, чтобы не отстать от чересчур резвого инвалида. Казалось, Агафий злорадствует, слыша, как они пыhtят за его спиной.

У входа в свои покои Агафий остановился. Он посмотрел на Велисария, немного поморщился и откашлялся.

— Э-э...

— Я поговорю с ней, — заверил его Велисарий. — Уверен: она послушает доводы разума после того...

Дверь резко распахнулась. На пороге стояла молодая жена Агафия, Судаба, гневно сверкая глазами на римлян.

— Что за безобразие? — яростно прошипела она. — Я настаиваю на том, чтобы сопровождать моего мужа! — Мгновение спустя она оказалась перед Велисарием и трясла у него перед носом маленьким кулачком. — Римский тиран! Чудовищный деспот!

Маврикий быстро схватил инвалидную коляску и завез Агафия в комнату, оставив Велисария — римского *magister militum per orientem*⁷, главнокомандующего союзной армией, почетного вурзургана земли арийской — одного разбираться с разъяренной женой Агафия.

— Это обязанность командующего, — пробормотал Маврикий. — Так я ее понимаю.

— Именно так! — с готовностью кивнул Агафий и добавил: — В конце концов, именно он принял решение ограничить до минимума количество сопровождающих и повозок. Мы не настаивали, что высшее командование должно подавать остальным личный пример.

— Диктатор! Зверь! Разрушитель! Я этого не потерплю!

⁷ *magister militum per orientem* (лат.) — военный начальник на востоке.

— Должно быть, приятно иметь в женах одну из этих робких, покладистых персидских девушек, — задумчиво произнес Маврикий.

Но Агафий пропустил этот комментарий мимо ушей. Появился его двухлетний сын, который сначала гордо шел ножками, а потом залез на руки отцу.

— Папа уезжает? — спросил мальчик неуверенно.

— Да, — ответил Агафий. — Но я вернусь. Я обещаю.

Когда Агафий стал его щекотать, мальчик радостно загоулал.

— Папа разобьет малва! — гордо объявил он.

— Полностью разобьет, — согласился Агафий.

Его взгляд скользнул по огромному открытому окну, выходящему на восток. Из него были видны горы Загрос, за которыми начиналось Персидское плато, и дальше — долина реки Инд, место, где намечается окончательная расплата по счетам.

— Они вернут мне назад мои ноги, — проворчал Агафий. — По крайней мере, заплатят подобающую цену. Я считаю, что это должна быть кровь императора Шандагупты.

Маврикий усмехнулся.

— Какой ты несдержанный человек, Агафий! Я думал, что сын булочника удовлетворится простым сатрапом.

— Шандагупта, и не меньше, — последовал твердый ответ. — Я увижу, как его мертвые глаза смотрят в небо. Клянусь, что увижу.

Когда через некоторое время к ним вновь присоединился Велисарий, выражение лица римского полководца было несколько странным. Возможно, ошеломленным — как у быка, который получил удар промеж глаз. По крайней мере, оно сильно отличалось от его обычной невозмутимости.

Агафий откашлялся.

— Я тебя предупреждал.

Велисарий неопределенно махнул рукой. Словно бык, который трясет головой, пытаясь отделаться от неприятных ощущений.

— Как, ради всего святого, ей удалось заставить меня согласиться? — простонал он. Затем добавил со вздохом: — А теперь мне еще предстоит разбираться с Антониной! Она проломит мне голову, когда я скажу, что у нее на борту будет еще одна проблема.

Маврикий улыбнулся.

— Полагаю, Усанас тоже скажет тебе пару ласковых. Если ты помнишь, сарказм является его неотъемлемой чертой. А он — главнокомандующий морской экспедицией. Ну или станет им, когда аксумиты соберут свой флот.

Велисарий поморщился. Его взгляд упал на огромный стол, стоявший в центре комнаты. Агафий уже развернул карты и разложил сведения об обеспечении армии, которые принес с собой на совещание. Они терялись среди гор свитков, рукописей и отдельных листов пергамента, покрывавших весь стол ровным слоем.

— Ну и бардак, — заметил полководец. Агафий кивнул.

— Да. Это на самом деле бардак — выглядит бардаком, бардаком же и является. Настоящий хаос! — Он гневно посмотрел на ворох бумаг. — Кто был тот философ, который утверждал, что все состоит из атомов? Нужно спросить Анастасия. Кто бы это ни был, он являлся наивным оптимистом. Если бы он когда-нибудь попытался организовать снабжение всем необходимым армии, состоящей из ста двадцати тысяч солдат, которые планируют сражаться как на суше, так и на море, он бы понял, что все рассыпается на атомы.

— Слава Богу, — пробормотал Велисарий, с удовольствием глядя на кипу бумаг. — Хотя что-то здесь просто и понятно.

Несмотря ни на что, Антонина не впала в ярость. Она отмахнулась от проблемы, беззаботно пожав плечами, когда наливала себе очередной кубок воды с гранатовым соком. В свое время Велисарий сам угостил им Антонину, которой уже порядком надоело вино —

основной напиток Римской империи. В особенности вода с гранатовым соком нравилась женщине, когда та страдала похмельем. Наполнив кубок, она взяла его в руку и откинулась на спинку дивана.

— Мы неплохо ладим с Судабой. Конечно, будет тесновато, поскольку и она, и Кутина собираются жить в моей каюте. — На мгновение у нее в глазах появилось подозрение. — Надеюсь, ты не разрешил ей взять с собой мальчика?

Велисарий с гордостью выпрямился.

— Тут я стоял насмерть!

Эйд послал ему в сознание образ: Гектор на стенах Трои. Велисарий обнаружил, что давится от смеха, но веселье все-таки было смешано с досадой⁸.

Антонина вопросительно смотрела на мужа. Велисарий слабо махнул рукой.

— Ничего. Это просто Эйд. Он снова саркастичен и нахален.

— Благословенный камень! — воскликнул Усанас, сидевший на другом диване в своей любимой позе лотоса. Он гневно посмотрел на Велисария. — Содрогаюсь при мысли о том, что стало бы с нами, если бы Талисман Бога не давал тебе сходить с ума.

Антонина хмыкнула.

— Мой муж не страдает заблуждениями о собственной незаменимости.

— Определенно нет! — согласился Усанас. — Как бы он мог, если у него в сознании постоянно присутствует мистическая сущность из будущего? Благословенный кристалл всегда готов выбить бредовые идеи у него из головы.

Усанас сделал глоток красного вина.

— Конечно, если подумать, у твоего мужа попросту нет оснований для подобных мыслей. Чего добился Велисарий за последние несколько лет?

Аквабе ценцен Аксумского царства — теперь империи, поскольку аксумиты присоединили к своим владениям Южную Аравию — махнул рукой. Но в этом жесте не было никакой вялости. Он соединял в себе уверенность мудреца с властностью государя.

— Немногого, — ответил он на собственный вопрос. — Тут и там разбил разрозненные армии малва, и все благодаря использованию вульгарной стратегии. Организовал восстание внутри самой империи. — Усанас картинно фыркнул, его ноздри презрительно раздулись. — Украл у малва сокровища, которые тут же передал восставшим маратхи — глупый жест! — и контрабандой вывез из рабства принцессу. Ха! Едва ли у меня на родине, между великими озерами, найдется деревенский староста, который не мог бы похвастаться чем-то похожим.

Антонина улыбнулась. Как правило, она не прощала неуважение к мужу, и обидчику был гарантирован яростный отпор. Но если так говорил Усанас...

Аквабе ценцен Аксумского царства сам не был аксумитом. Он родился и вырос в Центральной Африке, далеко от гор. Но он много лет служил даваззом принца Эона, и его главной обязанностью было в корне пресекать все стремления особ королевской крови к самовозвеличиванию. Теперь Эон стал негусой нагастом Аксумского царства, царем царей, а Усанас — самым могущественным из его подданных. Но бывший охотник и бывший раб оставался верен старым привычкам.

Кроме того, Усанас и Антонина стали близкими друзьями. На самом деле, такими близкими, что Усанас был наиболее часто упоминаемым «любовником» из огромного мужского гарема, который приписывали Антонине. Конечно, теперь — после того как Антонина сыграла ключевую роль в подавлении восстания «Ника», организованного малва в Константинополе, заново установила императорскую власть в Египте и Леванте, а также возглавила морскую экспедицию, которая спасла Велисария и его армию после поражения малва в Харке — даже обожающая скандалы греческая аристократия не придавала значения этим сплетням. Ну а шпионская сеть малва давно поняла, что слухи эти распускала сама

⁸ Гектор — в греческой мифологии самоотверженный защитник Трои. Один из героев «Илиады». Согласно мифу, Гектор погиб в поединке с Ахиллом, мстившим за смерть убитого друга.

Антонина, чтобы отвлечь внимание от своей роли в политике мужа⁹. Поэтому, хорошо зная Усанаса, Антонина приняла вызов:

— Да, конечно. Но какой староста из племени банту может похвастаться, что посадил своего пасынка на трон Римский империи!

Усанас фыркнул.

— Рим? Ха! — Он наклонился вперед. — Империя торговцев и крестьян! Нет, нет, Антонина — чтобы увидеть истинное величие, ты должна побывать в великих империях Центральной Африки! Там улицы городов вымощены серебром и нефритом, а дворцы вырезаны из чистого хрусталя. Императоры — все они являются бывшими старостами с моей родины, как ты понимаешь — привыкли к инкрустированным золотом туалетам и слонам, украшенным...

— А сами слоны гадят алмазами, — перебил Эзана. Командующий флотом — который родился в Аксумском царстве и являлся чистокровным аксумитом — кисло посмотрел на Усанаса. — Странно, что эти великолепные африканские империи продолжают отодвигаться все дальше и дальше на юг по мере того как мы, аксумиты, расширяем свои владения. — Он фыркнул. — Пока мы почему-то встречаем только неграмотных язычников и копающихся в грязи дикарей.

Усанас начал было отвечать, но Эзана быстро сменил тему.

— Персиянка меня не беспокоит, Велисарий. По крайней мере, не сама по себе. Несмотря на молодость, Судаба уже бывала в военных кампаниях. В конце концов, она сопровождала Агафия в Нахар Малку. Любая женщина, которая могла жить на борту одной из этих жалких речных барж, хорошо перенесет плавание на борту одного из наших судов. — Эзана не мог не похвалить свои корабли — неизгладимая аксумская гордость!

Но он справился с самодовольством и продолжил неодобрительно:

— Но если после этого хлынет лавина женщин, требующих права сопровождать своих мужей... — Эзана повернул голову, холодно и внимательно уставившись на еще одного присутствующего в комнате человека. — Например, моя сводная сестра!

Под его суровым взглядом молодой Менандр покраснел от смущения. Римский офицер знал, что Эзана в курсе его интимных отношений с Деборой, но его все равно выводило из равновесия легкое отношение аксумитов к подобным вещам. Менандр же недалеко отошел от традиций фракийской деревни, где родился и вырос, и поэтому каждый раз дергался. У него на родине сводный брат совращенной сестры уже горел бы жаждой мести и думал, как выпустить из обидчика кровь. И ни один фракийский крестьянин не был таким мастером как обычной драки, так и настоящего боя, как Эзана!

— Я уже говорил с ней об этом! — пробормотал он. — Она согласилась остаться. — Потом он добавил виновато: — Ну... по крайней мере в Харке.

— Отлично, — проворчал Эзана. — Наша морская база станет такой же густонаселенной, как Бхаруч. По крайней мере женщин точно намечается переизбыток. — С каждым его словом Менандр краснел, как свекла. — Кричащие младенцы, которых тоже не избежать, заполонят весь город. Пытаясь снарядить наши боевые корабли, портовые грузчики будут постоянно спотыкаться о них и падать. Солдатам придется с боем прорываться к причалам.

Велисарий вздохнул и развел руками.

— Да, Эзана, я знаю. Но я не чудотворец. Нам все же придется свести количество присоединившихся к армии гражданских лиц до минимума. — Следующие слова он произнес с гордостью: — У нас самый маленький вещевой обоз — пропорционально количеству участников кампании, конечно — после марша Ксенофонта к морю.

— Отлично, — проворчал Усанас. — Может, нам тогда во всем стоит последовать его примеру? Встать в центре империи малва и попытаться вырваться оттуда с боем.

⁹ См. романы Д. Дрейка и Э. Флинта «В сердце тьмы», «Щит судьбы» и «Удар судьбы».

К Менандру вернулась уверенность в себе. Он был молод, иногда застенчив и робок, но никогда его не обвиняли в трусости.

— Мы это уже делали, — весело заметил он. — Конечно, нас было немного, не десять тысяч, как у Ксенофонта. Но мне гораздо больше нравится новая перспектива. Отправиться в империю малва с более чем сотней тысяч солдат!

— Ты не будешь включен в их число, — заметил Эзана. — Нет, парень. Ты будешь среди тех, кто пойдет на абордаж.

— Я? — Менандр явно удивился. — Бред какой-то. Я — специалист по артиллерии. Я должен оставаться за спинами аксумских моряков, штурмующих вражеские корабли. Мои обязанности...

Теперь заговорил последний из находившихся в комнате.

— Глупости, парень! — Иоанн Родосский поднялся с дивана и упер руки в боки. — Настоящим специалистом по артиллерии является Эйсебий — который в любом случае так плохо видит, что не сможет штурмовать и сортир. А поскольку командующим флотом и артиллерией являюсь я, то ты остаешься старшим римским офицером в армаде, который должен показать этим надменным черным парням, как правильно пользоваться оружием в ближнем бою. — Иоанн Родосский и два африканца обменялись улыбками.

— Это не меньшая глупость, — сказала Антонина, допивая остатки из кубка. — Если все пройдет по плану, никто никого не будет брать на абордаж. Будут ослепительные маневры боевых кораблей, стреляющих на большие расстояния и разрушающих флот малва поразительно точными выстрелами.

Это заявление, конечно, немедленно вызвало поток критики и негодования.

— Идиотка! Неужели ты ничему не научилась?!

— Первый закон битвы!

— Все планы сражений в истории...

— ...рушатся, как только появляется враг, — закончила она фразу. — Мужчины — такие недотепы. По-вашему, все всегда должно быть запутано и грязно. — И добавила совершенно спокойно: — К счастью, в этой экспедиции у руля будут женские руки.

Пять пар мужских глаз, в цветовом спектре от ярко-голубых до темно-карих, одинаково презрительно покосились на сказавшую невесту что женщину.

Антонина наполнила еще один кубок.

— Поверьте мне, — сказала она с тем же непоколебимым спокойствием. — Вы сами все увидите.

Последнее совещание Велисария проходило в тот день поздно вечером, в дальней комнате небольшой таверны, к тому же совершенно тайно.

— Больше я ничего не могу вам сказать, — подвел он итог. — Конечно, если я еще что-то узнаю, то дам вам знать. Но поскольку вы уедете, как только Эзана закончит собирать свой маленький флот, то, думаю, новой информации не поступит.

Анастасий заворчал.

— Конечно, при условии что ты прав и за всем этим стоит Нарсес. — Он пожал огромными плечами. — Если хочешь знать мое мнение, то я надеюсь, что это дело именно его рук. Информация ценна, но на Нарсеса я полагаюсь больше.

Валентин гневно поглядел на него. Похожий на ласку, худой катафракт определенно не разделял невозмутимость своего товарища-гиганта.

— Говори за себя! — рявкнул он. — Я лучше доверюсь скорпиону, чем Нарсесу. — Он перевел взгляд на Велисария. — И не надо повторять мне изысканных фраз Ирины. Пусть она сколько хочет твердит о вере в так называемое мастерство Нарсеса. Она будет находиться от ублюдка по другую сторону Гиндукуша, причем в сопровождении тринадцати тысяч телохранителей-кушанов.

Заговорил последний участник собрания:

— Да, но ты кое о чем забыл. Она будет без меня. А поскольку я отправляюсь с вами,

то, думаю, это уравнивает шансы.

Теперь Валентин мрачно смотрел на Куджуло. Но даже Валентину было сложно по-прежнему хмуриться. После того как Велисарий спас Шакунталу, тогда еще принцессу, из плена во дворце Венандакатры в Гвалияре, Валентин с боем прорывался из Индий и кушаны сражались бок о бок с ним. Куджуло был среди тех людей. К тому времени он уже два года сражался против кушанов, а после того, как Васудева и его люди стали служить под началом Велисария, сражался на одной стороне с ними.

Возможно, в мире не было солдат, за исключением фракийских букеллариев, к которым относился сам Валентин, которых бы старый вояка уважал и которым доверял бы так, как кушанам. А среди них первым в списке числился Куджуло.

Тем не менее...

— Я не жалею, — сказал катафракт, делая глоток вина, и с омерзением покосился на персидский напиток, словно в нем собралась вся кислота Вселенной. — Если это возможно, мы вывезем девушек. Хотя я все равно не понимаю, к чему Нарсесу эти сложности — не говоря уже о том, что он рискует собственной жизнью — чтобы просто переправить дочерей Дададжи к отцу.

Велисарий пожал плечами.

— Это не имеет значения ни для кого из нас, Валентин. Ни для Ирины, ни для меня. Но...

Он улыбнулся.

— А, значит, это дает еще больше поводов для расследования. Все не так просто.

— Что ты сам думаешь? — спросил Анастасий. Велисарий почесал подбородок.

— Сложно сказать. — Он бросил взгляд на Валентина. — Но не могу не вспомнить последние слова, которые сказал господин Дамодара, отпуская тебя из плена.

Валентин нахмурился.

— Ты имеешь в виду ту чушь, что ты должным образом уважаешь грамматику¹⁰?

Велисарий кивнул.

— Да, это. Не могу не думать, что мы видим здесь работу истинного мастера слова. Так сказать, формулировку очень длинного предложения.

Валентин в отчаянии всплеснул руками.

— Я все равно повторяю, что это глупо! — Он оперся о стол и наклонился вперед.

— Мы сделаем это, Велисарий. Если это вообще возможно. Но я честно предупреждаю тебя...

Он откинулся и сделал глубокий вдох.

— Если мы встретим Рану Шангу, то я немедленно сдаюсь! Нет ни единого шанса, черт побери, что я снова соглашусь сражаться против этого чудовища!

Глава 5

БИХАР

Весна 533 года н.э.

Костяшки пальцев на правой руке Раны Шанги, сжимающей шест, на котором держался шатер, побелели, как кость. Мгновение господин Дамодара думал, что шест не выдержит. И это не казалось ему преувеличением. Командующий малва однажды видел, как царь раджпутов разрушил напололам одетого в броню человека. Вертикально. Меч вошел в плечо, рассек плоть, ребра и остановился только наткнувшись на пряжку портупей.

Правда, его соперником был тогда один из повстанцев, носивший легкие доспехи и низкорослый, как все бенгалцы. Тем не менее...

— Я рад, что эти шесты делают из бамбука, — как бы невзначай заметил он.

¹⁰ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Удар судьбы».

Удивленный Рана Шанга посмотрел на военачальника. Затем на собственную руку. Медленно и с очевидным усилием царь раджпутов ослабил хватку.

Его рука сжалась в кулак, и он с яростью ударил этим кулаком по левой ладони. Дамодара поморщился. Такой удар сломал бы кости большинству людей. Но Шанга, казалось, и не почувствовал боли. Иногда Дамодара сомневался, что раджпут — вообще человек. Несмотря на всю любезность Шанги и хорошие манеры, несмотря на его твердые понятия о чести, в царе раджпутов было нечто особенное — нечто, выходявшее за границы огромного роста и тигриного темперамента — и оно заставляло командующего вспоминать об асурах из древних легенд. О демонах...

Господин Дамодара отмахнулся от этой мысли, как делал уже не раз. Асуры были злобными созданиями. Однако несмотря на ярость в бою, ни один человек не обвинил бы Рану Шангу в чем-то подобном. По крайней мере, ни один разумный человек, а какие грехи ни числились бы за Дамодарой, он определенно был наделен разумом.

Полководец-малва вздохнул. «Возможно, это все, что можно обо мне сказать хорошего. Разумный». Он отвернулся от разъяренного Шанги и принялся изучать новые карты, недавно принесенные к нему в шатер. Острый ум Дамодары находил успокоение в бумагах. Линии на них были понятными и четкими — в отличие от реального ландшафта, на точное изображение которого претендовали чертежи.

«Честь. Мораль. Это для других. Для меня есть только разум».

— Нет никакой двусмысленности, Рана Шанга, — сказал он резко. — Совсем нет.

Шанга с яростью уставился на идола, установленного на небольшом пьедестале рядом со входом в шатер. Очень дорогая, вырезанная из слоновой кости статуэтка имела четыре руки, три головы и три глаза. Это был бог Вирахадра. В руках он держал лук, стрелу, щит и меч. Все оружие было сделано из чистого золота. Голую грудь божества украшало ожерелье из сапфировых черепов, на месте каждого глаза сияло по рубину. Алые камни взирали на Шангу с блаженным безразличием.

Когда-то Вирахадра был незначительным богом, одним из воплощений Шивы. Но культ Махаведы, доминирующий в империи малва и представляющий собой новую версию индуизма, придал ему более высокий статус. Сам Дамодара относился к статуе с отвращением, несмотря на всю ее ценность. Но она помогала удерживать вечно подозрительных жрецов от слишком пристального наблюдения за его делами.

— Меня уже критиковали за методы подавления восстания здесь, в Восточной Индии, — добавил он тихо и кивнул на лежавшие на большом столе свитки. — Я получил эти послания от Нанды Лала всего два дня назад. Начальник шпионской сети императора интересуется, почему мы так редко сажаем пленных на кол.

Шанга отвел взгляд от статуи.

— Идиот! — рявкнул он, совершенно не обращая внимания на то, что оскорбляет одного ближайшего родственника императора в присутствии другого. По какой-то причине — он, надо заметить, и не старался в этом разобраться — Дамодара не считал такое необдуманное доверие чем-то особо ценным.

Шанга принялся мерить шатер шагами, легкими и уверенными, как у тигра. И в голосе его звучали характерные, рокошующие интонации лесного хищника.

— Мы пролили реки крови, — возмущался он. — Здесь и в Бенгалии. Складывали отрубленные головы в груды в сотнях деревень. А затем сжигали деревни. И ради чего?

Он замолчал на мгновение и уставился на полог шатра, словно мог сквозь него видеть разоренную землю.

— Да, восстание подавлено. Но скоро оно вспыхнет снова — после того, как мы уйдем отсюда. — Он сжал зубы и процедил: — Неужели начальник шпионской сети на самом деле думает, что если вместо того, чтобы отрубить повстанцам головы, мы будем сажать их на колья, это что-то изменит?

Дамодара пожал плечами.

— Если вкратце, то — да. Нанда Лал всегда твердо верил в необходимость кровавого

террора. По правде говоря, так же, как и Венандакатра, хотя сам он не получает от процесса такого удовольствия, как Венандакатра.

От упоминания этого имени ярость раджпуты разгорелась еще сильнее. Но Дамодара сделал это вполне обдуманно. Пусть Рана Шанга гневается в закрытом шатре командующего. Сам Дамодара не мог позволить себе такую роскошь. Не существовало вышестоящего начальника, перед которым он мог бы ходить взад-вперед подобно тигру и извергать проклятия. Над Дамодарой вообще не было начальников, за исключением Нанды Лала и самого императора. А также сущности из будущего по имени Линк, которая, в свою очередь, управляла Нандой Лалом и императором. Нанда Лал и Шандагупта — в лучшем случае — тут же сняли бы Дамодару с поста командующего. А сущность определенно приказала бы его казнить.

— Как ты знаешь, моя семья находится теперь в Каушамби, — сказал Дамодара тихо. — Вся семья. Я только вчера получил письмо от жены. Ей не нравится климат в столице — там особенно тяжело моим родителям — но она говорит, что император предоставил им очень хороший дом. Много комнат, достаточно места даже для троих детей.

Тихие слова, казалось, успокоили Шангу, гнев испарился со скоростью струящейся из разбитой посуды воды.

— Так быстро? — пробормотал он.

Дамодара пожал плечами. Этот жест принес ему странное, хоть и небольшое удовольствие. После последних двух лет изнурительных кампаний — сначала в Персии, потом в Восточной Индии — когда-то пухленький и маленький полководец-малва стал почти так же строен, как любой из солдат, и находился в отличной физической форме.

— А чего ты ожидал, царь Раджпутаны? — хрипло усмехнулся Дамодара. — Конечно, императору крайне желательно держать в заложниках мою семью — хоть он и предпочитает не называть вещи своими именами. За исключением йетайцев из его личной стражи — наглые, надменные ублюдки! — все признают, что у нас лучшая в империи армия.

— Небольшая армия, — проворчал Шанга. И снова Дамодара пожал плечами.

— Только по стандартам малва. Везде в мире сорок тысяч человек, половина из которых раджпуты, а остальные понимают и принимают их традиции, считаются могучей силой. И наши ряды постоянно пополняются.

Он повернулся к столу, на котором лежали карты. Когда он снова заговорил, его голос звучал хрипло и резко, в точности как у Шанги.

— Но — да, по стандартам малва это маленькая армия. Поэтому давай отметем все остальное в сторону и сконцентрируемся на том, что мы должны сделать. Должны сделать.

Он подождал, пока Шанга не подойдет поближе. Затем провел пальцем по реке Ганг.

— Венандакатра может кудахтать сколько хочет о концентрации войск на Деканском плоскогорье. Нанда Лал, по крайней мере, разбирается в вопросах снабжения армии. Будем следовать по Гангу к Джамне, затем вверх по течению — к Чампе.

Двое мужчин провели несколько лет, сражаясь бок о бок, и вместе руководили войском. Шанга тут же понял, о чем идет речь.

— Да. Затем... — он коснулся карты длинным пальцем. — Мы переправимся вот здесь и отправимся на юг, к Камбейскому заливу, следуя по реке Махи.

Дамодара кивнул.

— Это кружной путь. Но в конце концов мы подойдем к Бхаручу с севера, закрытые от Рао и его солдат — если не ошибаюсь, господин Венандакатра предпочитает термин «разбойники» — как щитом горами Виндхья.

— Не очень-то хороший щит, — пробормотал Шанга. — От Рао и его... — раджпут скривился, словно съел дольку лимона, — «разбойников».

— Я считаю — достаточный. Пока мы не доберемся до Бхаруча и не сможем получить сведения о состоянии дел, я не намерен на ощупь пробираться по Великой Стране. Не теперь, когда Пантера гуляет на свободе.

Двое мужчин еще какое-то время молча смотрели на карту. Затем Рана Шанга вздохнул

и заговорил почти шепотом.

— Раньше я иногда мечтал — давно, когда был молод и глуп, — что снова встречу с ним на поле брани в честном поединке один на один.

— И ты обязательно встретишься! — Шанга тяжело покачал головой.

— Нет. Как ты говоришь, приказы были недвусмысленными. После того как мы переберемся через Нармаду, мы попадем под командование Венандакатры. По крайней мере, политически, поскольку он является гоптрием Деканского плоскогорья. Ты знаешь не хуже меня, что его не зря прозвали Подлым.

И он снова тяжело вздохнул.

— В Великой Стране для нас не будет чести, господин Дамодара. Никакой.

Дамодара ничего не сказал. Сказать было нечего.

Вскоре Шанга вышел из шатра Дамодары и вернулся в свой собственный. Там он два часа метался из угла в угол. Его офицеры-раджпуты держались подальше от командира. Шанга не произнес ни слова, но от него веяло черной яростью, как от пойманной в плен асуры.

Даже стражники, стоявшие на посту у входа в шатер, отошли подальше — настолько, насколько было возможно. В любом случае, их присутствие у шатра было чистой воды формальностью. Все признавали — как друзья, так и враги, — что Рана Шанга — величайший из ныне живущих воинов Раджпутаны, равно как и лучший полководец. Его «охрана» в некотором роде напоминала охрану тигра тигрятами.

Позднее, во второй половине дня, перед шатром объявился йетаец и попросил разрешения войти. Это был Торамана, офицер, которого Дамодара недавно назначил командиром. Из тысяч йетайских солдат в армии Дамодары Торамана был теперь старшим по рангу.

Стражники-раджпуты неуверенно посмотрели на него.

Во-первых, вооруженный и одетый в доспехи Торамана заставлял останавливаться и медлить любого солдата. Его считали могучим воином и хитрым полководцем. Он был крупным даже для йетайца, и ему еще не исполнилось тридцать лет. Его подтянутое и мускулистое тело являлось наглядным свидетельством образа жизни, который Торамана вел с детства, прошедшего в горах Гиндукуш. Выражение его типично йетайского, худого и вытянутого, лица никто не мог разгадать — что было нетипично для такого типа людей.

Однако по большей части стражники колебались из-за того, что знали, зачем пришел Торамана. Он прибыл, чтобы получить ответ на вопрос, который на протяжении многих дней обсуждали между собой все раджпуты в армии Дамодары. И в большинстве своем пришли к тому же выводу, что и два стражника, охранявшие шатер Раны Шанги.

— Вы выбрали не лучшее время, командир Торамана, — тихо сказал один из раджпутов. — Рана Шанга в ярости. Лучше, если вы придете завтра, тогда вы с большей вероятностью получите ответ.

Йетайский офицер мгновение изучающе смотрел на стражника, затем пожал плечами и сказал:

— Если ответ именно тот, который я хочу получить, то мне еще много лет придется иметь дело с Раной Шангой. Ты думаешь, что сегодня у величайшего царя Раджпутаны последняя вспышка ярости? Лучше, если я получу ответ сейчас. Одно это будет большим обещанием, чем любые слова.

Он смотрел на стражников прямо и спокойно. Они отвернулись. В конце концов, Торамана был прав.

— Тогда заходите, командир, — сказал один.

— Желаем удачи, — пробормотал второй. Торамана кивнул.

— Благодарю. Пусть будет так, как должно быть. — Он откинул полог шатра и шагнул внутрь.

Услышав, как кто-то вошел в его шатер, Шанга остановился и резко повернулся. Он сдержался и не потянулся к висевшему на поясе мечу, зато приготовился отдать приказ немедленно выметаться. Но, увидев, кто к нему пожаловал, Шанга застыл на месте.

Некоторое время двое мужчин неотрывно смотрели друг на друга. Горевшие в шатре лампы по-особому освещали лица, в результате чего они казались даже более суровыми, чем обычно, и напоминали отлитые в бронзе изображения воинов. Шанга возвышался над Тораманой, как и над большинством людей, и был, пожалуй, шире в плечах. Но менее высокий йетаец ни в коей мере не казался испуганным.

Это была одна из черт, которые Шанге в нем нравились. Это... да и многое другое. На самом деле, странно. Он редко когда с уважением относился к йетайцам. Скорее, наоборот.

— Я забыл, — тихо сказал Шанга, беря себя в руки. Он кивнул на ближайший, очень простой и низкий стол. По обе стороны столика на ковре были разложены подушки. — Пожалуйста, присаживайся.

Когда они оба сели, Шанга несколько секунд колебался перед тем, как начать говорить.

— Во-первых, я хочу кое-что спросить. Почему ты защищал женщину и ребенка Холкара? — И пока Торамана не успел ответить, добавил: — Только не надо говорить мне, что это такая стратегическая проницательность. Ты не мог знать, что человек, которого ты зарезал, — сын Дададжи Холкара. Мы выяснили это только на следующий день.

Торамана начал было говорить, но Шанга снова перебил его.

— И еще я не хочу слышать, что ты намеревался сделать женщину своей наложницей. У тебя уже есть две, причем куда как более симпатичные, чем она. И ни у одной из них не было ребенка, когда ты их брал, хотя бенгалка уже родила от тебя. Так почему? Судя по нашим отчетам, ты даже пригрозил своим солдатам, хотевшим изнасиловать женщину.

— Им не требовалось особо угрожать, — усмехнулся Торамана. — Они остыли сразу, как я нахмурился и сказал пару слов. Ведь с их стороны это скорее была привычка, чем необходимость. К армии и так привязалось много женщин. Я думаю, у них просто возникло желание бросить вызов раджпутской дисциплине. В конце концов, все, кто осуществлял набег на лагерь восставших, были йетайцы.

Он пожал плечами.

— Женщина выла, вцепившись в труп своего мужчины. А ребенок орал еще громче. Какой мужчина, если только им не овладел дьявол, может при таких обстоятельствах испытывать похоть? У меня было только два варианта действий. Или убить женщину и ребенка, или обеспечить их безопасность.

Молчание. Двое мужчин неотрывно смотрели друг на друга. Молодой йетаец отвел взгляд первым.

— Мы делаем то, что должны делать, Рана Шанга. Такова природа вещей. Но нет оснований делать больше. Человек заканчивается на границе своего долга. Дальше начинается зверь. Я — человек.

Казалось, ответ удовлетворил раджпута. Он оперся о стол и поднялся на ноги одним легким движением. Затем снова принялся ходить взад и вперед. Однако на этот раз — как человек, погруженный в глубокие раздумья, а не как взбешенный хищник.

— У меня есть сводная сестра по имени Индира, — тихо сказал он. — Ты спрашивал про двоюродную, но если ты решишься, то лучше поступить именно так. — Шанга оскалился, явно изображая улыбку. — Как ты наверняка понимаешь, это вызовет гнев малва — направленный больше на тебя, чем меня, — но если человек принимает вызов, то ему, по крайней мере, следует сделать это в духе легенды. В настоящий момент я нахожу мысль о ярости малва приятной.

Торамана напрягся, глядя на раджпута широко открытыми глазами. Он определенно не ожидал услышать такое — во всяком случае, не от Раны Шанги!

А тот снова осклабился, с издевкой посмотрев на йетайца.

— Неужели ты в самом деле поверил этим сказкам? Про высшего раджпута? Про чуть ли не божественное происхождение? — Шанга фыркнул. — На протяжении долгих лет я

много думал о правде и иллюзии правды. Есть простой факт — пусть его отрицает тот, у кого хватает на это глупости, — что сами раджпуты ненамного отошли от варварства. А родом они, я почти уверен, из тех же гор, что и ты.

Он снова стал мерить шатер шагами, на этот раз очень медленно.

— Кроме того, Индира — энергичная и решительная девушка. Склонна по-своему понимать обычаи и традиции, к большому недовольству моей семьи. Но я люблю ее, несмотря на разницу в возрасте. Раньше я был для нее больше дядей, чем братом. Я не могу припомнить ни одну двоюродную сестру, которая бы так подходила тебе. Большинство стало бы выть от ужаса при одной только мысли об этом. Индира же...

Он замолчал, потом кашлянул.

— Зная ее, могу сказать: скорее всего, она расценит это, как авантюру.

Внезапно все изменилось. Пропала всякая веселость. Царь раджпутов стоял прямо. Не глядя на Торамана, он пробормотал:

— Говорю: я очень к ней привязан. И если я обнаружу что к ней плохо относятся, то брошу вызов и убью тебя. Не сомневайся в этом ни на секунду. Ни в том, что вызову, ни в том, что убью.

Он повернулся и холодно посмотрел на йетайца. Затем, к своему удовлетворению, обнаружил, что тот совершенно не возмущен угрозой. Будучи отменным воином, Торамана был достаточно умен, чтобы понимать: он не сможет составить достойную конкуренцию Шанге.

— Я никогда не использую силу в отношениях с женщинами, — сказал Торамана. Тихо, но, возможно, несколько... нет, не злобно, просто твердо.

— Да, я знаю. — Шанга поджал губы. — Я просил Дамодару, чтобы Нарсес пошпионил за тобой. — Он отвел взгляд. — Мои извинения. Но мне было необходимо знать. Нарсес утверждает, что обе твои наложницы в добром здравии и довольны своим положением. Он говорил, что бенгалка просто молится на тебя после того, как ты сделал ей ребенка.

— Я не буду лишать мальчика наследства, — заявил Торамана. Слова прозвучали резко и жестко.

Шанга отмахнулся.

— Этого не потребуется. Не потребуется даже отказываться от наложниц. В конце концов, ты — воин и вливаешь новую кровь. Пусть старухи болтают сколько хотят.

Внезапно на лице Шанги появилась улыбка. От недавней ярости не осталось и следа.

— Ха! Пусть жрецы и шпионы малва суетятся, как насекомые. Пусть Нанда Лал подергается, разнообразия ради.

Двигаясь со свойственной ему быстротой и грациозностью, Шанга снова занял место за столом. Затем наклонился вперед и улыбнулся Торамене.

— Кроме того, Индира очень красива. И, как я и казал, девушка с характером. Не думаю, что тебя будут сильно отвлекать наложницы. — Он показал на блюдо с фруктами и сладостями.

— Давай поедим, Торамана. Я прикажу принести чай. Поженитесь после кампании на Деканском плоскогорье — или как только появится малейшая возможность. Скажем, в Раджпутане. Я предпочту там, если смогу присутствовать. Если нет, пошлю за Индирой и вы поженитесь прямо в лагере.

Он взял абрикос и продолжил:

— Что, возможно, лучше всего. В конце концов, о браке договорились в армии. Только эта наковальня оказалась достаточно горячей, чтобы выковать такой союз.

Этой ночью, через много часов после ухода Шанги, начальник шпионской сети господина Дамодары вошел в командирский шатер. Полководец-малва, погруженный в изучение карт, бросил беглый взгляд на старого римского евнуха. Затем кивнул на небольшой сверток.

— Видишь? — спросил он. — Позаботься, чтобы моя жена это получила. Если

возможно, отправь сегодня ночью.

— Вы не планируете сами навестить ее? — удивился Нарсес. — Армия будет проходить через Каушамби на пути к Деканскому плоскогорью.

Дамодара покачал головой.

— Не могу. Указания Нанды Лала по этому вопросу были четкими и ясными, как и по всем остальным. Я не должен покидать армию ни при каких обстоятельствах.

— А-а, — Нарсес кивнул. — Понимаю.

Евнух прошел к койке и взял пакет. По ощущениям, внутри находилось несколько свитков и безделушки для детей Дамодары. Нарсес собирался покинуть шатер, когда внезапно остановился у входа, словно ему в голову пришла новая мысль.

— Я нашел еще рабов для дома вашей жены, — сказал он. — Купил по дешевке. Двумя шлюхами сильно попользовались и теперь они больше не приносят дохода. Но владелец борделя сказал, что они — покорные существа и могут работать на кухне.

Дамодара пожал плечами, отмахиваясь от сказанного, как от докучливого насекомого. Он был занят, отслеживая маршрут следопытов-патанов, которые должны были заранее предупредить остальных о засаде маратхи, через горы Виндхья.

— Как прикажете, господин. — Мгновение спустя евнух ушел. Дамодаре было не до него.

Вернувшись в свой шатер, Нарсес поймал вопросительный взгляд Аджатасутры, поднял большой палец и протянул ему посылку. Наемный убийца поднялся с места с обычной ленивой грациозностью и взял пакет.

— Я все равно повторяю, что это неприличный жест, — пробормотал Аджатасутра и поспешно вышел из шатра.

Он двигался в окутавшей лагерь темноте быстрым и уверенным шагом. Огни костров обеспечивали слабое освещение, но, если сказать по правде, Аджатасутра любил тьму.

Собравшиеся вокруг костра в одной из отдаленных рощиц солдаты не заметили его приближения, пока Аджатасутра не оказался среди них. Шесть человек удивленно вскочили на ноги. Все они были опытными наемниками. Двое — бихарцы, остальные — йетайцы. Обычно, выпив вина, эти четверо хвастались, что никто никогда не застанет их врасплох.

Однако теперь они чувствовали себя не совсем в своей тарелке. И вина не пили. Аджатасутра недвусмысленно высказался по этому поводу. Солдаты стояли неподвижно в ожидании приказа.

— Сегодня ночью, — сказал Аджатасутра. — Немедленно. — Он протянул пакет одному из бихарцев. — Проверь — лично — чтобы госпожа Дамодара получила посылку.

Когда наемники стали поспешно собираться в путь, Джатасутра шагнул к стоявшему рядом небольшому шатру. Откинул в сторону полог и заглянул внутрь.

Сестры не спали и с опаской смотрели на него. Отбрасываемый небольшой масляной лампой свет делал их лица особенно худыми и безразличными. Старшая прижимала к груди ребенка.

— Ничего не случилось? — спросил он. Обе девушки покачали головами.

— Собирайтесь, — тихо сказал мужчина. — Вы уезжаете сегодня ночью. В новый дом. Боюсь, путешествие будет долгим.

— Вы едете с нами? — спросила младшая. Аджатасутра покачал головой.

— Не могу. У меня другие дела. — Затем, увидев, что опасения девушек на глазах перерастают в страх, Аджатасутра сухо усмехнулся. — Говорят, ваша новая хозяйка — очень милая дама.

Легкое ударение на слове «хозяйка», казалось, несколько ослабило напряжение. Но только на мгновение. Теперь сестры смотрели мимо него, на различимые в тумане силуэты солдат.

Аджатасутра снова усмехнулся.

— Никаких проблем во время путешествия у вас не возникнет, разве что будут

слишком докучать пыль и жара. Я отдам четкий приказ.

Сестры немного успокоились. Старшая откашлялась.

— А мы снова вас увидим?

Аджатасутра резко вскинул голову, потом слегка пожал плечами.

— Кто знает? Мир переменчив и непостоянен, а Бог склонен к причудам и фантазиям.

Он опустил полог и отвернулся. Последующие несколько минут он стоял в центре рощицы, наблюдая за приготовлениями солдат. Йетайцы были готовы через несколько минут, равно как и их лошади. Небольшая задержка вышла из-за двух наемников-бихарцев и небольшого слона. Оба умели обращаться с животным. На протяжении путешествия они станут сменять друг друга: один будет выступать в роли погонщика, а второй поедет в паланкине охранником, потом наоборот.

Но внимание Аджатасутры было приковано не к бихарцам. Они его не беспокоили. В первую очередь его интересовал паланкин. Аджатасутра удостоверился, что все его указания выполнены в точности — материал, пошедший на занавески, дешевый, но прочный и скроет тех, кто поедет внутри, от любопытных глаз. Затем наемный убийца повернулся к йетайцам, выступающим в роли сопровождающего паланкин эскорта.

Как и обычно, варвары оказались крупными мужчинами. Крупными и явно в хорошей физической форме. Они стояли в нескольких футах от Аджатасутры, за ними — их лошади. Если тяжелые доспехи и оружие доставляли наемникам какие-то неудобства, то это оставалось незаметным для постороннего глаза.

Аджатасутра направился напрямик к ним. В этот момент он уголком глаза заметил, как откидывается в сторону полог шатра. Сестры вышли наружу и робко направились к слону, старшая по-прежнему прижимала к груди ребенка. Аджатасутра уже давно обеспечил сестер гораздо более скромными сари, чем те, что они носили, когда были проститутками. Но даже при тусклом свете затухающих костров были видны их молодые и стройные фигуры.

Йетайцы следили взглядом за девушками, равно как и Аджатасутра.

— Симпатичные маленькие сучки, не так ли? — задумчиво произнес он. Как обычно, в его голосе чувствовалась легкая издевка.

Старший в маленькой группе йетаяц тихо проворчал в ответ:

— Да, симпатичные. Старшая немного отталкивает, с этим шрамом на лице, но младшая...

Следующий звук получился значительно громче и больше напоминал резко выдыхаемый воздух — так делает мул, которого ударил человек. Звук был коротким. Когда йетаяц согнулся, кинжал Аджатасутры проткнул ему глаз. Он вошел до половины лезвия, и Аджатасутра быстрым движением выдернул клинок до того, как он застрял в черепе.

Пока йетаяц падал на землю, его убийца шагнул в сторону.

— Неправильный ответ, — сказал он спокойно. Его взгляд был прикован к трем оставшимся.

На несколько мгновений йетайцы, казалось, примерзли к месту. Младший и наименее опытный потянулся к мечу, но один из товарищей ударил его по руке.

— Они обе страшные, как смертный грех, — выдохнул тот. — Лично я лучше трахну крокодила.

Возможно, на губах Аджатасутры промелькнула легкая улыбка. В темноте было трудно сказать. Возможно, темнота объясняла и ту легкость, с которой ему удалось «добить» наемников.

— Я смогу найти вас в любом месте Индии, — тихо сказал он. — В любом месте мира. Не сомневайтесь в этом ни на секунду.

— Лучше крокодила, — хрипло произнес младший йетаяц. Теперь даже в темноте улыбка Аджатасутры была ясно видна.

— Отлично, — довольно кивнул он.

Его рука — левая рука — опустилась в карман плаща и извлекла небольшой кошель.

— Премияльные, — объяснил он. Затем кивнул на труп: — За то, что вы тихо и

незаметно избавитесь от трупа.

Взвесив кошель на руке, старший из оставшихся в живых йетайцев улыбнулся.

— Пища для крокодилов. В реке их полно.

— Проследите за этим.

Аджатасутра в последний раз бросил взгляд на слона. Младшая сестра уже забралась в паланкин, и старшая протягивала ей ребенка. Мгновение спустя два погонщика помогли и ей взобраться на спину животного.

Йетаец тоже посмотрел в сторону девушек, но, вспомнив недавний опыт, быстро отвел взгляд и оглянулся на Аджатасутру.

Но того уже не было на месте. Он исчез в ночи, как демон из древних сказаний.

В это же самое время в далекой столице малва Каушамби демон из будущего принял решение.

— Нет выбора, — объявила сущность. — Кушаны становятся с каждым днем все более и более ненадежными. А йетайцев недостаточно, чтобы поддерживать режим. Мы должны привязать раджпутов и окончательно переманить их на нашу сторону.

Император малва сделал последнюю жалкую попытку сохранить независимость своей власти.

— Они и так связаны с нами торжественными клятвами. Ты же знаешь, как маниакально раджпуты относятся к своей чести. Определенно...

— Этого недостаточно. Не теперь, когда наступает Велисарий. Давление станет сильнее. Если мы хотим выдержать удары этого молота, нельзя полагаться только на честь раджпутов. Они должны быть прикреплены к нам кровью. Династическими узами.

Шандагупта стал надуваться как жаба. Его рот открылся, готовый выдать последний протест. Но пронзительный взгляд Нанды Лала заставил его промолчать. Этот взгляд и каменная неподвижность четырех наемных убийц-кхмеров, расположившихся у ближайшей стены императорских покоев. Они служили особому культу Линка, так же как и шесть огромных рабов с кривыми саблями, стоявших на коленях вдоль противоположной стены. Императору доводилось раньше видеть, и не один раз, как быстро мелькают их сабли и ножи. Они ни на секунду не станут колебаться перед тем, как пролить кровь императора малва.

Правителя только по названию. Истинный властитель жил в теле молодой женщины, сидевшей на стуле рядом с ним. Ее называли госпожа Сати, и она была одной из двоюродных сестер Шандагупты. Но имя было в той же степени оболочкой, что и тело. Внутри этой симпатичной девушки жила сущность по имени Линк, эмиссар и сатрап новых богов, которые меняли человечество по собственному разумению.

— Это будет сделано, — постановила она. Тонкие руки, до этого свободно и спокойно лежавшие на резных подлокотниках, сделали слабый жест, словно показывая на тело, в котором жил Линк. — Эта оболочка идеально функционирует. Гораздо лучше, чем среднее женское тело. Она будет служить Ране Шанге женой и матерью его детей. Тогда династия станет в равной степени династией раджпутов и малва. Мечи и копья раджпутов будут намертво привязаны к нам. Кровью.

Нанда Лал откашлялся.

— Но как же нынешняя жена Раны Шанги? И трое детей.

Госпожа Сати повернула голову.

— Это мелочи. По всем статьям его жена — уродливая и толстая. — И снова тонкие руки сделали легкий жест. — Это тело красиво — в обычном людском понимании. И как я сказала, идеально функционирует. Достаточно скоро у царя Раджпутаны будут новые дети. Он смирится с потерей.

Начальник шпионской сети малва колебался. Это было опасно.

— Да, конечно. Но мои шпионы говорят, что Шанга обожает свою семью. Он все равно будет расстроен и его будут одолевать подозрения, даже если...

— Руками римлян. Проследи за этим. Используй Нарсеса. Он должен знать, как организовать все таким образом, чтобы подставить под удар врага. Шанга станет винить Велисария в убийстве своей семьи.

Очень опасно. Но, как бы то ни было, Нанду Лала никто никогда не назвал бы трусом. И своим холодным разумом он был так предан делу малва, как никто другой из живущих на Земле.

— Нарсесу нельзя полностью доверять, — перебил он. — Он предал римлян. Он может предать и нас.

Впервые сущность из будущего, казалось, засомневалась. Наблюдая за ней, Шандагупта и Нанда Лал могли только гадать, о чем думает это существо, укрытое под холодной, красивой оболочкой. Конечно, в его мозгу велись молниеносные расчеты — это было очевидно после стольких лет, проведенных ими в услужении Линку. Но даже начальник шпионской сети не мог представить себе настолько полное отсутствие эмоций. Как бы ни пытался.

— Ты прав, Нанда Лал. Но все равно это не такая уж сложная проблема. Приведи ко мне Нарсеса. Лично. Я выясню его истинные намерения.

— Как пожелаете, госпожа Сати, — ответил Нанда Лал.

Начальник шпионской сети малва покорно склонил голову. Мгновение спустя его примеру последовал император. Вопрос решен, никаких дальнейших обсуждений и споров не будет. И если ни одному из них — в особенности Шандагупте — не нравилась идея создать смешанную династию, то о предательстве Нарсеса они больше не беспокоились. Линк вытащит наружу душу евнуха. Ни один живой человек — ни мужчина, ни женщина, ни ребенок — не способен скрыть свои истинные мысли от этого существа. Даже их врагу Велисария это не удалось.

Глава 6

МЕСОПОТАМИЯ

Весна 533 года н.э.

— Какие проблемы, друг? Ты болен? — спросил Велисарий. — Ты ни разу не пожаловался с тех пор, как мы покинули Ктесифон.

Ситтас весело улыбнулся. Он прочно упер ноги в стремяна, затем приподнял свое огромное тело с седла, повернулся и осмотрел следующую за ними армию.

— Жаловаться? — спросил он. — Почему я должен жаловаться? Боже праведный, только посмотри, сколько их!

Велисарий повторил маневр Ситтаса, только со значительно большей ловкостью. Армия, которая следовала за ними, казалось, покрывала всю долину. Неопытным глазам — таким, как у крестьян, которые наблюдали за ними из относительной безопасности своих хижин, — армия покажется нашествием саранчи. И, с точки зрения крестьян, такой же нежеланной. Да, император Хусрау обещал заплатить за весь урон, который нанесет мирным жителям армия во время марша. Но крестьяне Месопотамии с высоты тысячелетнего опыта смотрели на императорские обещания со скептицизмом, которому позавидовало бы большинство греческих философов.

Велисарий без труда разглядел внутренний порядок в том, что казалось хаосом.

Персидские дехганы Куруша, в количестве пятнадцати тысяч человек, удерживали позиции на престижном левом фланге. Они находились там с тех пор, как основные силы армии вышли из ворот Ктесифона и стали собирать подразделения, поджидавшие за пределами города. Вообще-то их готовность к бою сейчас не имела смысла, так как не было опасности удара по флангу здесь, в Месопотамии. Но персидская аристократия высоко ценила свою честь и поддерживала боевой порядок.

Собственные подразделения Ситтаса, десять тысяч тяжеловооруженных катафрактов из Константинополя и Анатолии, составляли правый фланг армии. Какое бы недовольство они

ни испытывали до сих пор, это компенсировалось их бдительностью и готовностью в любой момент удержать разбойников из пустыни. Хотя ни один арабский разбойник в здравом уме не станет атаковать такую армию, даже если бы у Велисария не было собственных арабских отрядов, двигавшихся вместе с катафрактами.

Велисарий улыбнулся, но вскоре его взгляд остановился на центре армии. Катафракты и дехганы были знакомы римскому полководцу. Они доминировали в военном деле в Восточном Средиземноморье на протяжении нескольких веков. Новыми были подразделения, маршировавшие в центре. Совсем новыми.

Ситтас тоже добрался до них. Но, в отличие от Велисария, в его взгляде не было ни удовольствия, ни удовлетворения.

— Самая большая глупость, черт побери, которую я когда-либо видел, — проворчал он.

— Слава Богу, — вздохнул Велисарий с очевидным облегчением. — Пожаловался! А то я уже начинал серьезно беспокоиться о твоём здоровье.

Ситтас фыркнул.

— Я только надеюсь, что ты прав — насчет этого твоего... как там его?

— Густава Адольфа¹¹. — Велисарий уселся в седло и теперь смотрел вперед. Он увидел достаточно, а стоять, развернувшись в стремени, было неудобно. — Густав Адольф, — повторил он. — С армией, построенной в большей или меньшей степени так, как эта, он разбил почти всех противников. У большинства из которых были армии, в большей или меньшей степени напоминающие силы малва.

Ситтас снова фыркнул.

— В большей или меньшей степени. В большей или меньшей. Это не больно-то наполняет меня уверенностью. А разве его не убили в конце концов?

Велисарий пожал плечами.

— Да, когда он руководил сумасшедшим кавалерийским броском во время последнего сражения — которое, кстати, выиграла его армия, несмотря на то что король погиб на поле брани.

Велисарий хитро улыбнулся. Мгновение он испытывал искушение повернуться назад и посмотреть на своих телохранителей. Он был почти уверен, что, услышав, как их главнокомандующий называет «сумасшествием» рискованную вылазку, Исаак и Приский просто светятся торжеством.

Но он поборол искушение. Несмотря на то что он любил подзуживать Ситтаса из-за его закоренелого, неисправимого консерватизма...

«Проклятый динозавр», — пришла саркастическая мысль от Эйда.

...Велисарии также требовалась уверенность катафракта. Поэтому он сказал:

— Ты уже согласился, Ситтас — или нам нужно возобновлять этот спор? — что тяжеловооруженная конница не может противостоять на поле брани пешим стрелкам. Ряды конницы обязательно будут сломлены.

— Да, я знаю. Но это не значит, что мне должна нравиться эта идея. — Он поднял толстую руку — словно пытаясь защититься от нежелательной лекции. — И, пожалуйста, не надо мне снова рассказывать о Моргартене, Люпене и Морате и всех остальных местах с языческими названиями, где твои драгоценные шведские пикинеры в будущем выстоят против конницы. Меня уже тошнит от этих рассказов.

Ситтас постарался как можно точнее симитировать интонации Велисария.

— «Когда стрелки переменяются крепко удерживающей позиции пехотой, которая защищает их, пока они перезаряжают оружие, они разобьют любую конницу, которая выступит против них». Отлично, отлично, отлично. Я не стану спорить по этому вопросу. Хотя должен заметить, что это до тех пор, пока пехота не струсила и не бросилась бежать, —

¹¹ Густав II Адольф (1594-1632) — король Швеции с 1611 г. Полководец. Вел войны с Данией, Россией, Польшей, захватил обширные территории. Погиб во время сражения при Лютцене.

на этом месте в голосе Ситтаса прибавилось энтузиазма. — А когда пехотинцы видят, как на них с грохотом несутся катафракты, удастся устоять лишь немногим.

Снова пришел ментальный импульс от Эйда.

«Упрямый, как бык. Лучше врежь ему разок или два. Или он весь день будет в мрачном настроении».

Хотя Велисарий пришел к тому же выводу, он решил не врезать, а объяснить. Хотя его следующие слова, возможно, прозвучали слишком поспешно.

— Я совершенно не спору, что конница — могучее оружие. Нет ничего лучше для погони за врагом и завершения сражения — после того, как ряды противника будут сломлены.

Таким вот образом Велисарий провел следующий час или около того. Эйд брюзжал у него в сознании, а Ситтас ворчал рядом, расхваливая достоинства кавалерии при нужных обстоятельствах.

К тому времени, как Маврикий с Агафием подъехали обсудить очередную проблему, которая требовала незамедлительного вмешательства Велисария, Ситтас уже казался относительно довольным.

«Завтра придется все повторять», — кисло заметил Эйд.

Ситтас отъехал прочь менее чем через минуту после того, как Агафий стал объяснять, в чем суть проблемы. Интерес благородного греческого господина к обеспечению армии равнялся его увлечению пехотной тактикой.

«И как он умудрялся выигрывать хоть какие-то кампании?» — спросил Эйд.

Велисарий уже собирался ответить, но Маврикий, каким-то образом услышав ментальный разговор, сделал это за него.

Рожденный в семье фракийских крестьян катафракт посмотрел в спину удаляющемуся полководцу-аристократу. Возможно, это странно, но его лицо не выражало ничего, кроме одобрения.

— Все еще пытаешься сделать его счастливым? Потеря времени, парень, до тех пор, пока Ситтас лично не посмотрит на пехотинцев в парочке сражений. Но, по крайней мере, нам не нужно беспокоиться, что Ситтас сломается, получая урок. Только не Ситтас. Если в мире и есть более воинственный и яростный военачальник, то я его не знаю. В любом случае, кто знает, что случится в будущем? Может, Ситтасу и доведется возглавить один из своих любимых кавалерийских бросков.

К середине дня решения проблемы оставалось ждать недолго. Агафий обратился за помощью к Велисария только потому, что трудность была чисто человеческой, а не технической, и он считал, что главнокомандующий должен заняться этим вопросом лично. Некоторые из персидских дехганов начинали негодовать и высказывали свое негодование вслух. Их мулы, нагруженные слишком большой для них ношей, сами подняли бунт. Мулов, в отличие от лошадей, нельзя гнать дольше определенного времени. Персидские мулы подошли к этой черте, как только солнце оказалось в зените, и устроили то, что в будущем станет называться всеобщей забастовкой. Более того, они устроили забастовку с солидарностью, которая получила бы неподдельное одобрение большинства доктринеров¹².

Даже персидские дехганы знали, что бить мулов бессмысленно. Поэтому, повернувшись к менее устрашающим соперникам, они потребовали выделения места для их вещей на грузовых баржах, шедших вниз по Тигру. Месопотамские и греческие моряки, которые управляли этими судами — и не были дураками, — упорно игнорировали требования дехганов и держали баржи на безопасном расстоянии от берега. Поэтому...

— Они достают меня уже два часа, — пожаловался Агафий. — Я устал.

¹² Доктринеры — буржуазные либералы во Франции в период Реставрации.

«Дехганы! — проворчал Эйд. — Единственные в мире, кто может заставить греческих катафрактов благородного происхождения казаться образцами сострадания к ближнему своему».

Велисарий повернулся к одному из курьеров. Мгновение колебался. Во время прошлых кампаний он всегда использовал для выполнения курьерских миссий старых ветеранов. Но во время этой Велисарий посчитал необходимым задействовать молодых отпрысков благородных семейств. Частично — чтобы успокоить аристократию Римской империи, которая постепенно начинала смиряться с династией Юстиниана. Но, по большей части, для того, чтобы смягчить аристократию персидскую, которая могла оскорбиться, если бы им стал передавать приказания простолюдин.

Стоящего перед ним курьера звали Калоподий. Ему было не больше семнадцати, и он происходил из одной из самых известных семей. У Велисария уже сложилось хорошее впечатление об этом умном и тактичном юноше. Оба качества делали парнишку хорошим курьером.

Калоподий тут же подтвердил его оценку. Лицо парня не выражало ничего, кроме спокойствия и внимания. Но в словах, которые он слегка растягивал на манер столичной знати, звучала определенная доля суховатого юмора.

— Я получал отличные оценки от учителей по риторике и грамматике, командир.

Велисарий улыбнулся.

— Прекрасно! В таком случае ты быстро сообразишь, как сказать Курушу, чтобы он немедленно отправлялся к реке и положил конец этому безобразию.

Калоподий величественно кивнул.

— Трудностей не возникнет, командир. Это похоже на то, как моя мама отправляла меня сказать сестре отца, чтобы она прекратила докучать конюхам.

Мгновение спустя он уехал, пустив лошадь легким галопом.

— Интересно, Александру Македонскому тоже приходилось мириться с таким бардаком? — задумчиво спросил Маврикий.

— Конечно, нет! — ответил Велисарий. — Он ведь был возрожденным Ахиллом. Кто же станет спорить с Ахиллом?

Номер не прошел. Несмотря на низкое происхождение, Маврикий и Агафий были хорошо знакомы с греческим эпосом.

— Агамемнон¹³, — ответили они хором.

Глава 7

Антонина смотрела на устройство с некоторым недоумением. Усанас — тоже, но со значительно большим.

— Римляне — сумасшедшие, — проворчал он. — Сумасшедшие, это ясно как божий день.

Он повернул голову и уставился на Эзану.

— Ты — адмирал, Эзана. Моряк, в то время как я простой охотник. Объясни этому римлянину, который, как предполагается, большой специалист в морском деле, простую истину, понятную даже глупому охотнику. — Усанас яростно посмотрел на Иоанна Родосского, затем пренебрежительно махнул рукой на его изобретение — так, как хозяин отправляет прочь надоевшего слугу. — Это устройство подобно использованию львицы в качестве охотничьей собаки. Скорее укусит хозяина, чем дичь.

Эзана хмурился, как и Усанас. Но командующий флотом Аксумского царства хмурился скорее задумчиво.

¹³ Агамемнон — в «Илиаде» легендарный царь Аргоса, правитель ахейского войска во время Троянской войны. Во главе ахейцев десять лет осаждал Трою.

— Занимайся охотой и государственными делами, аквабе ценцен, — проворчал он. — Ты великолепен в первом и не заставляешь никого краснеть за тебя во втором. — Он изучал устройство еще в течение нескольких секунд. — Охотящаяся львица... — пробормотал он. — На самом деле, не очень плохое сравнение.

Внезапно Эзана перестал хмуриться и на его лице появилась веселая улыбка.

— Неплохо! Но скажи мне, Усанас, а что, если львица на самом деле ручная? Или, по крайней мере, не совсем дикая?

Когда ему с серьезным видом заявили такую немыслимую глупость — ручная львица! — Усанас захлебнулся от негодования. Даже обычная неистощимая находчивость, казалось, совершенно покинула его.

— Никогда не видела человека в таком состоянии, — хитро заметила Антонина. Она склонила голову набок и оглядела остальных. — А ты, Менандр?

Но в эту драку Менандр ввязываться не собирался. Он походил на человека, которому предложили войти в логово львов и обсудить с его обитателями некоторые любопытные аспекты поведения за столом. Совершенно ясно, что молодой офицер намеревался придерживаться единственно безопасной и логичной тактики. Молчать. Антонина улыбнулась. Сладко — Менандру, насмешливо — Усанасу.

— Ручная львица! Неплохо! — воскликнула она. Иоанн Родосский, создатель устройства, о котором шла речь, наконец-то сам ввязался в спор. Молчать, в то время как одно из его любимых и хитроумнейших изобретений подвергалось насмешкам, было весьма несвойственно этому человеку. Иоанн Родосский был когда-то известным римским моряком. Его вынудили уйти из флота из-за неумейной страсти к женскому полу — что, к сожалению, включало совращение офицерских и сенаторских жен. Велисарий с Антониной предложили ему проектировать оружие, которое Эйд демонстрировал в посылаемых им видениях. Затем, когда он вложил столько же энергии и проявил столько же способностей к новой работе, как и в прошлой, Иоанн снова занял высокий пост. Выше по сути, если и не по названию, чем какой-либо, бывший у него раньше. Официально он все еще числился капитаном, но на самом деле являлся адмиралом нового флота Римской империи, оснащенного огнестрельными орудиями. Да, это был небольшой флот, гораздо меньший, чем другие, но он очень быстро разрастался.

Однако на протяжении всей его карьеры, включавшей как светлые, так и темные полосы, две вещи, связанные с Иоанном Родосским, оставались неизменными. Он по-прежнему любил женщин, хотя — под угрозой кровавой расправы со стороны Антонины — ему удавалось обходить стороной жен римских офицеров и персидских аристократов. И он, пожалуй, был обладателем самого дурного характера, который когда-либо встречала Антонина. Молчание Иоанна Родосского, в то время пока Усанас хмурился и ухмылялся, было лишь подтверждением, что даже он сам несколько недоверчиво относился к новому изобретению.

Однако наконец-то адмирал подал голос.

— Эта штука абсолютно безопасна! — заорал он. Иоанн принялся носиться по палубе боевого корабля топая ногами и жестикулируя, как сумасшедший. — Я перенял идею у самого Велисария! А он получил ее от самого Эйда, не более и не менее! — Иоанн в ярости пнул борт судна. — К твоему сведению, о величайший африканский охотник... — тут они с Усанасом посоревновались в великолепных ухмылках, — эта штука обеспечивала главенство Рима на море на протяжении столетий в... в...

Он попытался правой рукой изобразить неведомое будущее, которое могло бы быть, если бы новые боги не вмешались в человеческую историю. Жест получился туманным и неуверенным. Иоанн несколько раз пытался совратить Ирину Макремболитиссу. Конечно, его потуги ни к чему не привели. Ирина ни в коей мере не поддавалась мужскому обаянию. Зато она по-своему наслаждалась игрой с потенциальным охотником. Поэтому однажды она отбивалась от домогательств Иоанна ученым объяснением сложностей изменения прошлого путем вмешательства из будущего. Понятия типа «река времени» перемежались всяческими

словами наподобие «парадокс» и «головоломка». К тому времени, как она закончила, Иоанн был изможден, окончательно запутался и смирился с тем, что этой ночью ему ничего не светит.

— ...в той, другой истории, — запинаясь, закончил он.

Иоанн снова принялся иронизировать, указывая на свое изобретение.

— Они называли ее «греческий огонь»! Бич врагов римлян на море.

Начавшего было возражать Усанаса резко прервал Эзана.

— А почему бы нам его не опробовать? — спокойно предложил он. — В конце концов, какой может быть вред.

Аксумский адмирал осмотрел римский корабль, на носу которого было установлено «устройство». Судно называлось «Феодора-Победительница» — что бы ни говорили об Иоанне Родосском, но глупость никогда не числилась в перечне вменяемых ему недостатков — и являлось последним пополнением римского флота в Эритрейском море. И хотя «Феодора» строилась в Асэбе аксумскими кораблями, это был не аксумский корабль.

Поэтому...

— Худшее, что может случиться, — это сгорит судно, — спокойно подвел итог Эзана.

Иоанн посмотрел на него с плохо скрываемой злобой, но промолчал.

— Ну, значит, пробуем, — решила Антонина. Она направилась к трапу, затем махнула рукой в сторону Усанаса. — Несомненно, аквабе ценцен пожелает остаться на борту во время испытаний, наблюдая за каждым этапом операции острым взглядом охотника.

Усанас воздержался от комментариев в адрес Антонины, поспешив побыстрее убраться с корабля. Он просто ловко поднял ее на руки. С женщиной на руках он и спустился на причал.

Довольно странно, но Эзана решил остаться. Конечно, в дальнейшем он станет утверждать, что сделал это для поддержания репутации аксумских моряков. Решительных и бесстрашных, как львы. Но, на самом деле, аксумскому главнокомандующему было попросту любопытно. И он-то как раз недостаточно много охотился, чтобы понять, как абсурдна идея приручить львицу.

Испытания окончились сокрушительным успехом. Причем буквально. После того как «Феодора-Победительница» и два сопровождающих ее корабля исчезли из пределов видимости, перерезали бечеву, удерживающую грузовой корабль, который на буксире тянула аксумская галера с Антониной и Усанасом на борту. В то время как Иоанн проводил последние приготовления, отпущенный корабль качался на мелких волнах Персидского залива и казался глупым телянком, отданным на растерзание львице.

Как только «Феодора-Победительница» подошла на нужное расстояние, Иоанн приказал старшему оружейному мастеру Эйсебию зарядить новую пушку. Для этого потребовалось определенное время, поскольку «пушка» в большей мере походила на примитивный насос, чем на что-либо другое. Она было в равной степени капризной и смертельно опасной. Но достаточно скоро пушка изрыгнула первые языки пламени, ударившее по судну-мишени.

Через несколько секунд корпус грузового корабля превратился в огромный костер. Иоанн Родосский забегал по палубе «Феодоры-Победительницы», что-то злорадно выкрикивая и делая в направлении Усанаса жесты, казавшиеся на расстоянии очень неприличными. А через несколько минут он уже помогал Эйсебию и членам экипажа засыпать песком из амфор те участки корабля, которые загорелись от последних плевков стреляющей огнем пушки.

— Мы назовем это сокрушительным успехом, — объявила тогда Антонина. Она поджала губы, наблюдая за беготней людей на носу «Феодоры-Победительницы». Затем склонила голову набок, посмотрела на Менандра и добавила: — Проверь, чтобы мы заказали еще песка... А лучше скажи Иоанну, чтобы начинал экспериментировать с другим

веществом.

Менандр вздохнул. «Сказать Иоанну» было равносильно отдаче приказов капризному хищнику. Безопаснее всего баловаться чем-то подобным, держась от последнего на разумном расстоянии, а еще лучше, если кто-нибудь сделает это за тебя.

Усанас фыркнул.

— Ручная львица!

Но опасения Менандра оказались беспочвенными. К тому времени, как оба корабля вернулись к причалам Харка, Иоанн Родосский пребывал в прекрасном настроении. Маленькая неудача в конце совершенно определенно не вызвала у него беспокойства. На самом деле, спрыгнув с корабля, он тут же объявил, что ему нужно подыскать несколько более подходящее вещество для тушения пожаров на море, чем простой песок.

— Может, мел? — весело предложил Иоанн. Он стоял на причале, уперев руки в боки, и спокойно обозревал окрестности. — Где-то здесь наверняка должен быть мел. Кстати, морская соль тоже может подойти. Ее-то в Харке хоть отбавляй. И — кто знает? Может, сухое верблюжье дерьмо? Чего-чего, а этого точно переизбыток!

Антонина оставила этот вопрос на его усмотрение. Ее уже окружила небольшая толпа римских офицеров и персидских чиновников, каждый из которых требовал ее внимания для решения неотложных вопросов. Решая по мере сил их проблемы, Антонина оставалась невозмутимой и лишь отдавала необходимые приказы. К этому времени она умудрилась стать довольно сведущей в военном деле и давно выучила одну из главных аксиом войны: любители изучают тактику, профессионалы занимаются вопросами снабжения.

К закату солнца в небольшом особняке, стоявшем в лучшем квартале Харка, она наконец смогла расслабиться в большей или меньшей степени.

— Мы обязательно должны решать вопросы поставки фуража верблюдам? — устало спросила она, наливая вина в кубок.

— Сегодня вечером?

Менандр робко поглядел на женщину.

— Ну... На самом деле, нет. Это может подождать. Дело не в том, что наблюдается недостаток арабов, готовых нам его поставлять...

Менандр сидел на краешке стула напротив дивана, на котором возлежала Антонина. Он нахмурился.

— Просто... проклятые торгаши! Всегда приходится тратить дополнительное время, чтобы поторговаться с этими арабами!

На секунду он стал настоящим фракийцем:

— Не лучше греков!

Антонина улыбнулась. Затем, насладившись первым глотком вина и вопросительно посмотрев на Эзану и Усанаса, которые возлежали на соседних диванах — они-то не собирались сидеть на жестких стульях, — она пробормотала:

— А разве у тебя нет других неотложных дел сегодня вечером, Менандр?

Римский офицер покраснел. Он изо всех сил старался смотреть только на Антонину, лишь силой воли удерживаясь от того, чтобы не бросать опасливые взгляды на сводного брата своей подруги.

К счастью, Эзана пребывал в хорошем настроении. Поэтому он первым нарушил молчание.

— Лучше беги, парень. Если заставишь ждать мою сторающую от желания сестру, то она, вероятно, быстро свяжется с каким-нибудь проходящим мимо арабом. — И добавил довольным тоном: — Который — учитывая внешность Деборы — не станет тратить время на торговлю.

Увидев, как по лицу Менандра пробежала тень беспокойства, Антонина не могла не рассмеяться.

— Иди! — хмыкнула она и махнула рукой. Менандр мгновенно удалился.

Когда он ушел, Антонина посмотрела на Эзану.

— Она ведь на самом деле не станет? — Эзана пожал плечами.

— Скорее всего, нет. Глупая девчонка сильно очарована этим парнем.

Теперь Антонина повернула голову, посмотрев на Усанаса. Веселье тут же ушло из ее глаз.

— К вопросу об очарованности...

Но гневный взгляд никак не подействовал на Усанаса. Аквабе ценцен Аксумского царства ответил на него той же улыбкой, которой бывший раб-давазз приветствовал подобные гримасы особ королевской крови.

— Не вижу проблемы, — сказал он. — Да, девчонка была девственницей. Но...

Он махнул рукой. Усанас, как и катафракт Велисария Анастасий, являлся поклонником греческой философии. Жест нес в себе всю уверенность Платона, рассуждающего о небольшой онтологической проблеме¹⁴.

— По природе своей это является временным состоянием дел. Уж по крайней мере у такой живой и симпатичной девушки, как Кутина. Кто лучше, чем я, подходил для того, чтобы помочь ей сделать необходимый шаг в новое состояние?

Антонина продолжала смотреть на Усанаса с недовольством, даже несмотря на его бесподобную улыбку.

— Кроме того, Антонина, ты прекрасно знаешь, что преданность твоей личной служанки необходима для успеха нашего предприятия. Кутина возглавляет список любого предприимчивого шпиона малва здесь, в Харке. А к этому времени таких уже, вероятно, набралось несколько сотен, и не меньше половины из них — опытные совратители и так же хороши после того, как уложили девчонку в постель, как были хороши, привлекая ее туда. Поэтому я рассматриваю свою активность как дополнение к моим дипломатическим обязанностям. Так сказать, срываю планы хитрых врагов при помощи своего собственного несравненного умения проводить работу с людьми. В некотором роде.

— Если она забеременеет... — прошипела Антонина.

Наконец улыбка исчезла. В выражении лица Усанаса не осталось ничего шутовского.

— Я уже попросил ее стать моей наложницей, Антонина, — сообщил он тихо. — После того, как закончится война. И она согласилась.

Он не стал обещать что-то еще. Не было необходимости. Что касается одного странного человека по имени Усанас, то люди могут многого о нем не знать. Но в его честности не сомневается никто.

И уж точно не Антонина. На самом деле, ее сильно поразило заявление аквабе ценцена. Она хотела вытрясти из Усанаса только обещание должным образом позаботиться об ее служанке после окончания интрижки. Она никогда не рассчитывала...

Положение наложницы у аксумской элиты считалось престижным. Конечно, роль в дипломатических и политических спектаклях отводилась жене, и никому другому. Но официально признанной наложнице гарантировалась жизнь в безопасности и комфорте, даже в богатстве, и она имела власть — если была наложницей аквабе ценцена.

Кутина была деревенской девушкой из Фаюма, выросшей среди египетской бедноты. Теперь ее дети войдут непосредственно в круг людей, определяющих судьбы мира, даже не запятнанными в глазах римского общества.

На лице Усанаса появилась победная улыбка.

— Итак? Тебя беспокоит что-то еще? Что ты хотела бы обсудить?

Антонина откашлялась. Из долгого опыта она знала что, если Усанас насмехается над тобой, необходимо отвечать тем же.

¹⁴ Онтология — раздел философии, учение о бытии, исследующее основы и принципы бытия, его структуру и закономерности.

— Да! — выдохнула она. Затем добавила сурово: — Мы должны проследить за приготовлениями к высадке в Бароде. Велисарий, как ты знаешь, настаивает на том, чтобы сопровождать Валентина и остальных до самой Индии. Даже — как он сообщил мне в последнем послании — если ему придется оставить свою армию до того как они закончат марш к Харку.

Эзана застонал.

— Антонина, это уже самая хорошо спланированная и хорошо подготовленная военная экспедиция в мировой истории. — Он нахмурился и добавил: — Неуверенность вызывает только одно (ты сама сказала это утром!) — надежность стреляющей огнем пушки. Которую мы сегодня уже испытали.

«Давить дальше».

— Но остается еще несколько мелких вопросов обеспечения армии, которые нужно решить! — настаивала Антонина.

Эзана снова застонал. Усанас хлопнул в ладоши.

— Смехотворно! — заявил он. — Это мелочи, с которыми прекрасно справится куча твоих подчиненных.

Акбабе ценцен осушил кубок и поставил его на небольшой столик рядом.

— У нас есть гораздо более важные вопросы для обсуждения. Я затеял в спор с Ириной за день до того, как они с Кунгасом отправились в эту свою безрассудную экспедицию. Вы можете поверить, что эта сумасшедшая женщина в последнее время изучала этих идиотов, буддийских философов? Запомните мои слова! Пройдет год и она станет нести ту же чушь, что и Рагунат Рао. Майя, так называемая пелена иллюзии. И весь остальной бред!¹⁵

Усанас наклонился вперед и твердо опер руки на колени.

— Наш долг понятен. Мы должны заранее вооружиться — мне следовало бы сказать: перевооружиться — принципами греческой философии. Я предлагаю начать с обзора диалектики, с Сократа.

Антонина с Эзаной уставились друг на друга. Даже черное лицо аксумита, казалось, побледнело.

— Снабжение армии, — быстро сказал Эзана. — Самое важное для любой успешной военной кампании. — Он встал и стал ходить из угла в угол. — Нельзя позволить себе упустить даже самую незначительную деталь. Особенно важным является вопрос латунного крепежа для опор. Кажется, его никогда не бывает достаточно! А ремесленники, работающие по металлу здесь, в Харке, уже перегружены работой.

Он сильно ударил кулаком по ладони.

— Итак! Я предлагаю следующее...

Глава 8

БАРОДА

Весна 533 года н.э.

На небе появилась первая сигнальная ракета. Это была одна из новых, снабженных небольшим парашютом. После того как она зажглась над крепостными валами Бароды, она стала медленно пикировать вниз, зловеще освещая местность. Через несколько секунд загорелись еще несколько.

— Открывай огонь! — заорал Иоанн Родосский.

Тут же небольшой римский флот под командованием Иоанна начал стрелять из пушек по стоящим на якоре в гавани судам. Под покровом ночи Иоанн подвел свои корабли на

¹⁵ Майя — способность к перевоплощению (в ведической мифологии) иллюзия, обман. Применительно к богам означает положительную магическую силу, чудесную метаморфозу. Применительно к демонам выступает, как обман, хитрость.

расстояние выстрела так, что их не заметили часовые, выставленные на городских стенах. Большой аксумский флот, следовавший за римским, присоединился к атаке.

Корабли Иоанна пройдут мимо судов малва только один раз. Аксумиты же нанесут врагу большую часть урона, хотя ни на одном из кораблей не установлено такое количество орудий, как на римских. Под покровом ночи атакующим не потребуется быстро отступать, направляя суда против ветра — этого Иоанн не хотел делать ни при каких обстоятельствах, особенно после того, как начнут стрелять огромные орудия, установленные на стенах Бароды. Поэтому у аксумитов будет достаточно времени, чтобы спустить на врага брандеры¹⁶. По этой же причине Иоанн посчитал нужным за то короткое время, что у него имелось, внести как можно больше сумятицы в ряды противника. В частности, он собирался нанести удар по боевым кораблям малва — которые, к сожалению, стояли на якоре за закрывающим их рядом торговых судов. Теперь, когда сигнальные ракеты ярко горели, он мог различать стоящие у причалов галеры.

— Ближе! — заорал он. Пусть его первый помощник переводит приказ на язык морских терминов.

Стоявший на палубе рядом с Иоанном Эйсебий поморщился. Благодаря очкам с толстыми стеклами, еще одному изобретению, появившемуся в римском мире благодаря советам Эйда, артиллерист мог видеть отверстия пасти орудий, нацеленных на гавань и освещенных пушечным огнем. После того как их приведут в действие, они станут стрелять каменными шарами, весящими более двухсот фунтов. Да, подобные махины трудно заряжать и трудно из них стрелять, к тому же они крайне неточны. Этим они отличаются от орудий меньшего размера, стволы которых, несмотря на ручную работу, являются относительно универсальными. Их заряжают отполированными мраморными или железными ядрами, подогнанными почти идеально. Огромные орудия с их каменными снарядами крайне грубы и примитивны. Но если один из этих камешков все-таки попадет по кораблю...

Эйсебий снова поморщился.

— Ближе, черт вас подери! — орал Иоанн.

В нескольких милях к югу по дельте реки Инд Велисарию открывался отличный вид на сражение, которое разворачивалось в гавани Бароды. Конечно, на таком расстоянии он не различал деталей. Даже при помощи подзорной трубы. Но то, что он видел и слышал, представлялось по-настоящему великолепным. Происходящее полностью соответствовало поставленной задаче. Независимо от того, какой урон удастся нанести засевшим в Бароде малва, истинной целью атаки являлось отвлечение внимания от дел Велисария.

— Хорошо, командир, — проворчал Валентин. — Можешь прекратить так хитро улыбаться. Я признаю, что ты был прав, а я ошибся. — Потом он добавил кисло: — Снова.

В темноте у Валентина не было возможности заметить улыбку на лице Велисария, хоть он и стоял рядом. Тем не менее полководец прекратил улыбаться. Он подумал, немного уныло, что Валентин слишком хорошо знает его и все черты его характера.

Как и Эйда.

«Чертова глупая хитрая улыбка», — пришел сердитый ментальный импульс от Эйда.

Этой ночью не светила луна. Не было даже звезд. В Индии начался сезон муссонов и небо затянуло тучами. Если не считать далекого отблеска сигнальных ракет и вспышек огня, берег был полностью погружен во тьму.

В этой темноте Валентин, Анастасий и Куджуло стали спускаться в речную баржу, подплывшую к ним и вставшую рядом с судном Велисария. Баржу тянули за собой всю дорогу от Харка. Она была индийской, одной из захваченных после вторжения малва в Персию и их поражения в прошлом году. Велисарий выбрал именно эту, поскольку она

¹⁶ Брандер — судно с горючими и взрывчатыми веществами для поджигания вражеских судов и мостов. Использовалось во времена парусного флота.

будет неотличима от других, плывущих по своим делам по реке Инд.

Они спустились в баржу медленно и осторожно — упасть в воду в полном вооружении было самым быстрым способом утонуть, придуманным человеческой расой. Наконец три руководителя экспедиции добрались до безопасной палубы баржи. Когда за ними последовала группа кушанских солдат, из темноты послышался голос Анастасия:

— Какие-нибудь последние указания?

— Нет. Просто будьте осторожны.

За этим заявлением последовало неразборчивое бормотание. Слова Валентина, как почти не сомневался Велисарий, состояли из одних ругательств.

«Не надо его винить», — пришел ментальный импульс от Эйда. Он смирился с тем, что Велисарий отсылает своих лучших телохранителей, но сложившаяся ситуация его все равно не радовала.

Велисарий не стал отвечать. На самом деле он не чувствовал обычной уверенности, всегда сопровождавшей его решения. Эта экспедиция — и все с ней связанное — диктовалась шпионской логикой, но никак не логикой военного дела. А шпионаж не являлся той областью знаний, в которой римский полководец чувствовал себя легко и свободно. Он полагался на мнение Ирины, схожее с его собственной оценкой старого евнуха. Предателя.

Отпустили веревки, соединяющие баржу с боевым кораблем. Велисарий услышал, как плеснули по воде весла и баржа поплыла к невидимому входу в дельту.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Нарсес, — прошептал Велисарий.

Неприятная беспокойная мысль о предательстве Нарсеса внезапно вызвала у него странное, даже глупое, желание. Мгновение он колебался, прислушиваясь к звуковому фону. Затем, удостоверившись, что грохот отдаленной битвы скроет любой звук, он выкрикнул вслед Удаляющейся барже:

— Анастасий! Ты — философ! Что ты думаешь о пелене иллюзии?

В темноте прозвучал рокошующий бас Анастасия:

— Ты имеешь в виду эти индуистские идеи о майе? Глупая языческая чушь. Нет, командир, вещи — они такие, какие есть. Да, Платон утверждает, что они — только тень своей реальности, но это не одно и то же...

Остальные слова потерялись в грохоте пушечных выстрелов. Но хитрая улыбка Велисария вновь вернулась к обычному месту.

— Это сработает, — уверенно сказал он. Единственным комментарием Эйда было бормотание

Только бормотание, и ничего больше.

— Я думаю, что, может быть, нам следует... — Эйсебий замолчал. После нескольких лет работы с Иоанном он знал, что не стоит подталкивать родосца. В списке вызывавших восхищение черт характера Иоанна почетное место занимало упрямство. Но, казалось, даже Иоанн удовлетворился разрушением, которое его флотилия нанесла стоявшим на якоре судам малва. Совместная атака римлян и аксумитов превратила большинство вражеских кораблей в дырявые корыта, которые даже на воду стыдно спускать. Да, им не особо удалось повредить боевые галеры, стоявшие на якоре у причалов. Торговые суда — по очевидной задумке малва — послужили защитным экраном.

Но это не имело значения. Иоанн не сомневался, что все моряки с торговых кораблей давно сбежали на берег на тех спасательных шлюпках, до которых смогли добраться. Не осталось никого, чтобы предотвратить...

— Это первый, — удовлетворенно сказал Эйсебий. Иоанн посмотрел на север. Аксумиты поджигали первый из брандеров. Через несколько секунд Иоанн увидел, как загорелось еще три.

Он перевел взгляд холодных глаз назад, на гавань.

— Теперь здесь будет гореть почти все, — удовлетворенно проворчал он. Благодаря направлению ветра, причем достаточно сильного, брандеры неизбежно подплывут к

бесформенной массе поврежденных торговых судов. Учитывая скорость, с которой распространяется огонь, большая часть кораблей в гавани Бароды скоро будет разрушена.

— Пора уходить, — объявил он, повернулся и отдал приказ первому помощнику.

Как только Иоанн закончил говорить, гавань наполнил дикий грохот. Крепостные валы города внезапно осветились огнем выстрелов их собственных пушек. Подключились наконец огромные осадные орудия.

Услышав грохот, Эйсебий слегка поморщился. Иоанн оскалил зубы в волчьей улыбке.

— Успокойся, парень. Первый залп, выпущенный в темноте? Им повезет, если снаряды вообще попадут в воду.

Поняв правдивость слов родосца, Эйсебий расслабился. Его плечи, напряженные во время боя, начали опускаться.

Мгновение спустя, не зная, как он там оказался, Эйсебий лежал на палубе. Все судно качалось, словно столкнулось с чем-то.

«В гавани нет никаких рифов, — подумал он в полубессознательном состоянии. — Все капитаны кораблей, с которыми мы разговаривали, поклялись в этом».

Участок корабля, где недавно стоял Эйсебий, был наполовину освещен языками пламени с брандеров, которые дрейфовали в гавань Бароды. Эйсебий видел, как исчез вместе с куском самой палубы кусок палубного ограждения. Перед ним на разбитой деревянной обшивке лежал предмет, который, как показалось Эйсебию, ему удалось узнать. К тому времени, как он подполз и поднял его, закричал рулевой.

Все еще не до конца отдавая себе отчет в происходящем, Эйсебий понял, что рулевой требует указаний. Первый помощник, очевидно, тоже пропал.

На самом деле рулевым не требовалось руководить. В конце концов, их курс был достаточно очевиден. Убираться отсюда подальше, черт побери! Рулевому просто хотелось верить, что на корабле по-прежнему есть кому отдавать приказы.

Дрожа, Эйсебий поднялся на ноги и что-то закричал в ответ. Что угодно. Он даже не думал о самих словах. и просто как мог имитировал уверенность командира, которой руководил флотилией Иоанн Родосский.

Очевидно, его тона оказалось достаточно. Сломанные доски обшивки падали в море с разбитой палубы. Но корабль вышел из гавани Бароды. Эйсебий изучал предмет в своих руках, словно тот был талисманом.

Час спустя баржа, на которой Валентин и сопровождающие его люди плыли вверх по реке Инд, стала частью небольшого речного флота. Все эти суда бежали прочь от сражения у Бароды.

— Сработало. Просто чудо какое-то, — буркнул Куджуло.

Кушан с удовлетворением поглядел на небольшую орду суденышек. К счастью, корабли было легко рассмотреть. На всех них — как и на их собственной барже — на носу сидел смотрящий, державший фонарь. Несмотря на всю поспешность, с которой речной транспорт убегал от сумасшествия в Бароде, гребцы работали веслами слаженно и ровно. Если не брать в расчет тусклый свет фонарей, ночь была абсолютной черной. Никто из купцов — а все эти суденышки были торговыми — не хотел, избежав разрушения в гавани, банально сесть на мель.

— Отлично сработало, — повторил Куджуло. — Никто никогда не заметит нас в этой толпе. Еще одна стайка торговцев, спешащих в укрытие.

Как обычно, Валентин видел только темную сторону дела.

— Они все мгновенно превратятся в пиратов, если узнают, какой у нас груз.

Куджуло по-волчьи улыбнулся.

— Два сундука, полные кораллов из Красного моря? Да, это небольшое богатство. Дрожу при мысли о нашей судьбе, если эти смелые моряки его обнаружат.

Анастасий саркастически фыркнул. Даже гневное выражение на лице Валентина сменила улыбка, отчего худой катафракт стал окончательно похож на ласку.

— Вероятно, это не худшая наша проблема, а? — задумчиво произнес он, дотрагиваясь до рукояти меча. Но хорошее расположение духа ненадолго посетило Валентина — вскоре он опять принялся бормотать.

— О, прекратишь ты это или нет? — возвел очи Анастасий. — Между прочим, на самом деле все могло быть значительно хуже.

— Конечно, могло бы, — прошипел Валентин. — Мы могли бы плыть вниз по Нилу, связанные по рукам и ногам, и сражаться с крокодилами при помощи одних зубов. Мы могли бы висеть вниз головой, привязанные за ноги, в аду и пытаться отогнать демонов плевками. Мы могли бы...

Бормотание. Только бормотание, и ничего кроме него.

К тому времени, как корабль Велисария встретился с римско-аксумским флотом, сражавшимся в Бароде, начало светать. Поэтому, когда Велисарий взобрался по веревочной лестнице на флагманский корабль Иоанна Родосского, то смог с легкостью рассмотреть урон, нанесенный центральной части судна. Одно из огромных каменных ядер попало в цель. К счастью, корабль остался неповрежденным ниже ватерлинии.

Эйсебий встретил полководца у борта.

— Где Иоанн? — спросил Велисарий.

Близорукий артиллерист досадливо поморщился. Он молча провел Велисария к заляпанному кровью куску парусины, лежавшему в центре палубы. Затем сел на корточки и развернул ткань, обнажив находившийся внутри предмет.

Велисарий с шумом втянул воздух. Там лежала человеческая рука, которую, казалось, оторвал у владельца какой-нибудь гигант. Затем, заметив кольцо на одном из пальцев, Велисарий поежился.

Это кольцо много лет назад подарила Иоанну Антонина — это была одна из уловок, благодаря которой женщина убедила шпионов малва, что родосец — один из ее многочисленных любовников. После того как кольцо сыграло свою роль, Иоанн предложил вернуть подарок. Но тут же добавил, что хотел бы (с разрешения Антонины) оставить его себе. Иоанн называл его амулетом, сохранявшим ему жизнь во время многочисленных не удачных экспериментов с порохом.

— Пусть Господь будет милостив к его душе, — пробормотал Велисарий.

Кто-то заговорил рядом с ним. Горечь скверно подходила к молодому голосу.

— Глупо, — сказал Менандр. — Чистая неудача. Первый снаряд, выпущенный ночью? Им бы повезло, если бы он просто долетел до воды.

Велисарий выпрямился и вздохнул.

— Такова война. Она любит время от времени напоминать, чтобы мы не слишком увлекались и очаровывались собственной хитростью и умом. Слишком много в этом деле зависит от удачи.

Полководец положил руку на плечо Менандра.

— А ты когда успел оказаться на борту? — как он знал, Менандр командовал одним из других кораблей.

— Несколько минут назад. Как только достаточно рассвело, чтобы увидеть, что случилось. Я... — Молодой офицер замолчал, ругаясь себе под нос.

Теперь Велисарий сжал его плечо.

— Ты понимаешь, что теперь ты — командующий флотом Иоанна?

Менандр кивнул. В этом жесте не было никакого удовлетворения. Но, как довольно заметил Велисарий, в нем не было и нерешительности.

— Значит, дела обстоят так, — заявил полководец. — Флот будет также включать те два новых парохода, которые строит Юстиниан, после того как они выйдут из Асэба. Ты в любом случае знаешь их лучше, чем кто либо, за исключением самого Юстиниана, если судить по тому количеству времени, которое ты провел со старым императором после его приезда в Асэб.

Менандр криво улыбнулся. Когда Юстиниан был императором Рима, до того как предатели-малва ослепили его (по римскому праву и традиции слепой лишался возможности оставаться правителем Империи), он с энтузиазмом занимался изобретением различных хитрых приспособлений и устройств¹⁷. После отказа от трона в пользу усыновленного им Фотия хобби Юстиниана превратилось чуть ли не в навязчивую идею. Вместе с Иоанном Родосским он стал главным изобретателем нового оружия для Римской империи. И ничего не любил больше паровых двигателей, которые сконструировал с помощью советов Эйда и за строительством которых наблюдал лично. Он даже сопровождал их доставку в столицу Аксумского царства Асэб и руководил их установкой на специально построенных для этой цели судах.

В то время молодого офицера Менандра приставили к работе с Юстинианом. Опыт был... как дипломатично выразился Менандр, «противоречивым». С одной стороны, он смог проводить много времени с Деборой. С другой стороны...

Он вздохнул.

— Обычно мне удавалось провести целый день в обществе Юстиниана и не сорваться. С трудом. Иоанн Родосский не выдерживал и десяти минут. — Он уставился вниз, на оторванную руку. — Черт побери, мне будет его не хватать. Как и Юстиниану. Думаю, старый император будет сильно сожалеть об этой потере.

Велисарий нагнулся и прикрыл парусиной оторванную руку.

— Мы отправим это в Константинополь. С указаниями — предполагаю, мне следует сказать: «рекомендациями» — моему сыну. Фотий проследит, чтобы Иоанна Родосского похоронили торжественно, как видного государственного деятеля. Со всеми почестями.

Даже несмотря на трагичность момента, это заявление вызвало у стоявших рядом римских офицеров несколько смешков

— Мне бы хотелось присутствовать, — пробормотал один из них. — Стоило бы взглянуть на кислые лица всех тех сенаторов, которым Иоанн наставил рога. — Велисарий хмуро улыбнулся.

— Иоанн ответит за свои недостатки перед Богом. — Улыбка исчезла, и следующие слова прозвучали, как удар железного молота по наковальне: — Но ни один человек не скажет, что он плохо исполнял свой долг перед империей. Ни один.

Глава 9

Индия

Весна 533 года н.э.

— Мне уже достаточно! — рявкнул Рагунат Рао. — Достаточно!

Он еще несколько минут гневно смотрел на трупы, насаженные на колья на деревенской площади, перед тем как отвернуться и направиться к лошадям. Некоторые из сопровождавших Рао маратхи стали снимать людей и готовить погребальный костер.

Деревенские жители поспешно собирали свои скудные пожитки, готовясь присоединиться к людям Рао и возвращаться с ними в Деогхар. Никто не был так глуп, чтобы оставаться здесь после того, как Ветер Великой Страны стер с лица земли еще один гарнизон малва. За этим непременно последует возмездие.

Господин Венандакатра, гоптрий Деканского плоскогорья, давно придерживался простой политики. Любые местные жители, обнаруженные где-либо поблизости от места, где нанесли удар восставшие маратхи, будут наказаны. Путем сажания на кол. А предводителей отвезут в Бхаруч, где с ними будут работать более тщательно.

Другие солдаты Рао уже закончили казнь оставшихся в живых малва. В отличие от расправившихся с жителями деревни — малва называли последних «повстанцами», и многие

¹⁷ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «В сердце тьмы».

вправду таковыми являлись, хотя, конечно не все — люди Рао удовлетворились обезглавливанием. Несколько кавалеристов складывали отрубленные головы в небольшую горку в центре деревни. Для этой падали не будет погребального костра. Другие маратхи готовили лошадей.

— Достаточно, Малоджи, — пробормотал Рао своему помощнику. Несмотря на спокойный тон, слова прозвучали, как ворчание пантеры. — Время пришло. Господин Венандакатра превысил отпущенное ему время на этом повороте колеса судьбы.

Малоджи скептически посмотрел на него.

— Императрица и так уже сильно недовольна из-за того, что ты участвуешь в этих вылазках. Ты в самом деле серьезно считаешь...

— Я ее муж! — рявкнул Рао.

Но мгновение спустя с его лица исчезла всякая напряженность.

В Рао было слишком много от философа, чтобы в точности придерживаться традиционных идей, указывающих на правильное место женщины в этом мире. Любой женщины, не его жены. Попытку запугать императрицу Шакунталу — пусть будет проклят ее статус, пусть будет проклята разница в возрасте — Рао назвал бы самым бессмысленным поступком, который только можно представить.

— Я дал ей обещание, — сказал он. — После того как оно будет выполнено, я свободен. Она согласилась. Теперь уже скоро.

Малоджи продолжал скептически смотреть на Рао, но, возможно, просто терпеливо.

— Это ее первая беременность, старый друг. Часто бывают осложнения, — заметил Малоджи.

К Рао вернулось обычное ехидство.

— У нее? Не дури!

Он взял лошадь за поводья, изобразив свободной рукой властный жест.

— Она просто отдаст приказ: ребенок, рождайся — не приноси мне никаких беспокойств!

Но Шакунталу в ее дворце в Деогхаре переполняли совсем другие чувства. Она смотрела на свой округлившийся живот, и на ее лице было написано беспокойство.

— Будет немного больно, — сказала Гаутами. Жена Дададжи Холкара успокаивающе улыбнулась и нежно положила руку на плечо императрицы. — Но несмотря на то что ты такая маленькая, у тебя хорошие бедра. На самом деле, я не думаю...

Шакунтала отмахнулась от нее.

— Меня это не волнует. Меня волнуют эти ужасные растяжки. Они исчезнут?

Резко и тяжело вздохнув, Шакунтала запахнула халат. Гаутами изучающе смотрела на нее. Она не думала, что императрицу так уж беспокоила проблема растяжек. Шакунтала, как минимум, слишком уверена в себе, чтобы забивать голову простыми женскими проблемами. И ее определенно не беспокоило, что она утратит привязанность Рао.

А это означало...

Шакунтала подтвердила ее подозрения.

— Вскоре, — прошептала она, поглаживая живот. — Вскоре родится ребенок, и продолжение династии будет обеспечено. И Рао потребует освобождения. Как я и обещала.

Гаутами колебалась. Ее муж был пешвой возродившейся из пепла империи Андхра. Как жена такого человека, Гаутами знала почти все императорские секреты. Но тем не менее в глубине души она оставалась женщиной, родившейся и выросшей в скромном городке в Махараштре. И она чувствовала себя неуютно, как лопман в незнакомых водах.

Возможно, Шакунтала обратила внимание на эту неловкость. Императрица повернула голову и улыбнулась.

— Ты ничего не можешь сделать или сказать, Гаутами. Мне просто нужно сейчас твое общество. — Она снова вздохнула. — И, боюсь, оно потребуется мне и в будущем. Рао не удержит. После того, как родится ребенок.

Гаутами ничего не сказала. Если отбросить неловкость, сказать было нечего.

После того как на свет появится наследник, Пантера Махараштры соскользнет с поводка. В этом не стоило сомневаться, это представлялось таким же неизбежным, как восходящее солнце или убывающая луна. Его нельзя остановить, как нельзя остановить прилив. Или ветер.

Тем не менее, хоть Гаутами и сочувствовала несчастью императрицы, сама она не разделяла ее чувств. Гаутами была низкого происхождения. И она знала, как долго и как ужасно страдают маратхи под кнутом Подлого.

Ее взгляд переместился на огромное окно в северной стене покоев императрицы. Как и всегда в жарком и сухом климате Деканского плоскогорья, оно было открыто. С высоты горы, служившей Деогхару центром, Гаутами видела горные просторы Великой Страны. Деогхар стал новой столицей Андхры, так постановила Шакунтала. Этим, равно как и собственным браком, она прикрепила Андхру к маратхи.

Дальше гор Гаутами ничего не видела. Но она с легкостью могла представить себе огромный морской порт Бхаруч. Она была там дважды. Один раз — как молодая жена, приехавшая в сказочный центр деловой и культурной жизни вместе с ученым мужем. Во второй раз — как рабыня, захваченная во время покорения малва Деканского плоскогорья. Она все еще помнила жуткие рабские бараки, помнила полные ужаса лица дочерей, когда девочек тащил прочь купивший их владелец борделя.

А еще она помнила огромный дворец, возвышавшийся над всем городом. Тот самый дворец, где теперь уже три года размещалась резиденция и штаб господина Венандакатры.

— Скоро, — прошептала она.

Рядом с главным водохранилищем Чампы помощник господина Венандакатры горячо и страстно увещевал господина Дамодару и Рану Шангу. Его звали Чандасена и на него производил большое впечатление его собственный, внушающий благоговейный трепет статус.

Это была короткая речь. Хотя Чандасена происходил из благородной касты брахманов — он был жрецом Махаведы, — господин Дамодара относился к анвайя-прапта сачивам, как малва называли высшую касту, управлявшую империей. Он как-никак был родственником самого императора Шандагупты.

А Рана Шанга считался величайшим царем Раджпутаны.

К счастью, последний был не сильно раздражен. Поэтому нанесенная тыльной стороной ладони пощечина, от которой Чандасена растянулся в грязи, только разбила посланнику губу. Когда он достаточно пришел в себя, чтобы понимать человеческую речь, господин Дамодара продолжил его образование.

— Моя армия воевала в Месопотамии и сумела вернуться назад, к тому же прошла половину Индии и разбила всех врагов, которые выступали против нас. Включая самого Велисария. А господин Венандакатра — и ты — предполагаете, что можете давать мне указания о правильной скорости движения?

Невысокий полководец-малва замолчал и уставился на окрестные горы, скрестив руки на груди. На его бедрах, как и животе, больше не было толстого слоя жира, который украшал их когда-то. Но маленькие ручки все еще оставались пухлыми, как и раньше.

— Венандакатра? — сказал он тихо и задумчиво. — Который не выходил из своего дворца с тех пор, как Рао зажал его в Бхаруче? Концепция тыловой стратегии которого заключается в порке рабов, когда они не подают ему кушанья, соответствующие его нежному нёбу?

Дамодара опустил взгляд на расprostертую в пыли фигуру. Обычно спокойный и уравновешенный, лучший военачальник малва явно боролся с собой, сдерживая ярость.

— Ты? — спросил он. Он сжал руки в кулаки. — Рана Шанга! — рявкнул он. — Сделай мне одолжение, еще раз проинструктируй эту собаку по вопросу перемещения войск.

— С удовольствием, мой господин. — Самая могучая рука в Раджпутане опустилась на

посланника Подлого и за роскошные одежды с легкостью подняла его на ноги, так, словно брала фрукт. — Для того чтобы преодолеть расстояние между одним местом и другим, армия должна перейти из одного места в другое, — назидательно заговорил Шанга. Он пальцем дотронулся до носа посланника. — Во многом подобно тому, как это лицо добирается до дорожной пыли. — И Шанга проиллюстрировал мысль еще одной пощечиной.

Какое-то время спустя менее уверенный в себе Чандасена молча выслушивал господина Дамодару, который объяснял, что передать господину Венандакатре.

— Скажи Подло... ему, что я прибуду на Деканское плоскогорье как можно быстрее. А как можно быстрее, судить мне, а не ему. И еще передай, что следующего нахального посланника, которого он отправит, я буду инструктировать мечом, а не рукой.

После того как Чандасена поспешно ушел, Рана Шанга вдохнул.

— Венандакатра все-таки — двоюродный брат императора, — заметил он. — И мы, если уж на то пошло, попадем в его подчинение сразу после того, как окажемся на Деканском плоскогорье.

Господин Дамодара не казался заметно смущенным

— Да, это так, — ответил он. Теперь он стоял расслабленно и больше не смотрел на горы.

Затем на его круглом лице появилась веселая улыбка.

— Власть, Рана Шанга, — гораздо более неоднозначная и запутанная вещь, чем думают люди. С одной стороны есть кровное родство с императором и официальный статус. С другой...

Толстый короткий палец показал на проходящих мимо солдат.

— С другой стороны, имеется реальная сила, состоящая из двадцати тысяч раджпутов, десяти тысяч йетайцев и кшатриев, присоединившихся к нам после сражений и побед. А теперь еще и десять тысяч рекрутов — бихарцев и бенгальцев, — которые быстро осваиваются в армии.

Шанга посмотрел в направлении, указанном Дамодарой. Его опытный взгляд тут же понял, на что показывает полководец. В каждой армии малва, за исключением этой, формировались отдельные подразделения. Йетайцы служили в батальонах охраны; кшатрии малва — в качестве привилегированных артиллеристов. И, конечно, раджпуты — элитная кавалерия. А огромную массу пехотинцев составляли крестьяне, набранные из многих подчиненных малва народов на Гангской равнине. Этих было хоть отбавляй, но все они были плохо вооружены и еще хуже обучены.

Но не в данном случае. Войско Дамодары представляло собой армию раджпутов, хотя раджпуты не были теперь в большинстве. Но йетайцы — чьим мужеством восхищались и которое уважали, хоть и не любили их варварский характер, — перемешались здесь с раджпутами. Как и кшатрии, как и — к большому удивлению командиров — новые рекруты, набранные из бихарцев и бенгальцев.

— Пелена иллюзии, — задумчиво произнес Шанга. — О ней говорят философы.

— Да, говорят, — согласился Дамодара. Он казался спокойным и отстраненным. — Лучшие философы.

Тем же вечером в шатре господина Дамодары философское спокойствие и отстраненность отсутствовали начисто.

Несмотря на то что Нарсес был пожилым человеком и евнухом, он отличался смелостью не меньшей, чем у любого другого живущего на земле человека. Но теперь, снова перечитывая вызов из Большого Дворца, ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы не дрожали руки.

— Это доставили сегодня? — спросил он. Спросил во второй раз, что само по себе показывало, насколько он потрясен.

Дамодара серьезно кивнул. Он неопределенно махнул на полог шатра.

— Ты проходил мимо курьера, когда шел сюда. Я велел ему подождать снаружи, пока я разговариваю с тобой.

Нарсес обвел взглядом внутреннее убранство большого шатра. Совершенно определенно, Дамодара велел всем подождать снаружи. Не было никого из офицеров, даже Раны Шанги. И никого из слуг. Это само по себе показывало, как неудобно Дамодаре после получения этого известия.

Нарсес взял себя в руки только благодаря закалке старого интригана и шпиона. Он внимательно посмотрел на господина Дамодару.

«Вначале самое главное. Нужно успокоить моего нанимателя».

— Конечно, — сказал он резко. — Я скажу Великой Госпоже Сати, что ты никогда не давал мне разрешения делать что-либо, выходящее за рамки моих официальных обязанностей. Что, кстати говоря, является чистой правдой.

Господин Дамодара, казалось, немного расслабился.

— Конечно, — пробормотал он, изучающие глядя на начальника шпионской сети. — А ты общался когда-нибудь с Великой Госпожей Сати? — Нарсес покачал головой.

— Ну, так нельзя сказать. Да, она присутствовала, когда я удостоился чести быть принятым Великой Госпожей Холи. Тогда я уже покинул Рим, а Великая Госпожа Холи как раз собиралась в Месопотамию. Где и погибла от рук Велисария.

Остаток фразы он произнес мысленно:

«И была... заменена?.. Великой Госпожей Сати?»

— Но госпожа Сати тогда не называлась «Великой Госпожей» и не произнесла ни слова во время нашей беседы.

Дамодара кивнул и стал медленно ходить по шатру, Он свел вместе ладони, словно в молитве, как обычно, когда погружался в глубокие размышления.

Вдруг он резко остановился, повернулся и уставился прямо на Нарсеса.

— Сколько ты на самом деле знаешь, римлянин? — Нарсес понял смысл вопроса.

— Малва управляет скрытое... нечто. Давай назовем это сущностью. Я не знаю ее истинного имени. Когда-то она жила в теле Великой Госпожи Холи. Теперь живет в теле Великой Госпожи Сати. Что бы это ни было, оно обладает сверхъестественной силой. Оно имеет неземное происхождение. Судя по тому, что я слышал, сущность утверждает, что пришла из будущего.

После недолгих колебаний Нарсес добавил:

— Божественная сущность. Малва считают ее таковой. — Дамодара легко улыбнулся.

— А ты?

Нарсес развел руками.

— А что такое божественность, господин? У приверженцев индуизма слово «дэв» означает божество. А зороастрийцы точно так же называют демонов¹⁸. Но, в конце концов, какая разница людям, которые оказываются в ее власти?

— Какая разница? — задумчиво произнес Дамодара.

Он снова принялся ходить взад и вперед по шатру. И снова свел ладони перед собой.

— Какой бы ни была эта сущность, Нарсес, — божественной ли, из будущего ли — не сомневайся в одном: она на самом деле сверхъестественная.

Он остановился, повернулся и посмотрел внучку в глаза.

— Ты должен твердо усвоить одну вещь. Человек не может безнаказанно соврать Лин... сущности и скрыть от нее правду.

Нарсес ничуть не казался удивленным таким заявлением. Начальник шпионской сети уже догадался об этом.

¹⁸ Дэвы — разновидность богов в древнеиндийской мифологии. Обычно считается, что их 33, но иногда упоминается 333, 3306 и 3339 дэвов.

— Это нельзя сделать, — с ярко выраженным ударением на слове «нельзя» повторил полководец-малва. — Даже не думай о такой возможности.

Нарсес погладил щеку.

— Значит, только правда? — И увидев, как кивнул Дамодара, спросил: — Но скажи мне вот что, господин. А может ли эта сущность читать мысли человека?

Дамодара колебался. На мгновение показалось, что он опять начнет мерить шатер шагами, но вместо этого он просто слегка ссутулился.

— Я не уверен, Нарсес.

— Значит, ты предполагаешь, — слова были произнесены командным тоном, но господин Дамодара не высказал негодования. В это мгновение его собственная жизнь висела на том же тонком волоске, что и жизнь евнуха.

Несмотря на одолевавшие его сомнения и неуверенность, Дамодара являлся опытным военачальником. Решительность была для него естественной, ее воспитала в полководце военная жизнь.

— Нет, — твердо сказал он. — Я не верю в это. Я думаю, сущность просто... просто... — он пытался подобрать нужные слова.

Нарсес с облегчением вздохнул. Он выглядел довольным.

— Шпион со сверхчеловеческой наблюдательностью. Который умеет интерпретировать, подобно любому шпиону, позы, тон голоса, взгляд, для оценки того, говорит человек правду или врет.

Дамодара резко кивнул, скорее даже дернул головой

— Да. Я так считаю.

Впервые после того как Нарсес прочитал вызов в Большой Дворец, он улыбнулся. Это было очень слабое подобие улыбки, но тем не менее евнух явно успокоился

— Значит, только правда. Это не проблема.

Дамодара несколько секунд изучающе смотрел на него. Но он ничего не мог прочесть на лице старого евнуха. Ничего в глазах, ничего в тоне голоса, ничего в позе. Ничего, кроме... жизни, полной интриг и уловок.

— Тогда отправляйся, — приказал он. Нарсес поклонился, но не ушел. Дамодара склонил голову набок.

— Ты хочешь что-то сделать до отъезда?

— Да, — тихо сказал Нарсес. — Мне нужен самый быстрый курьер, который только есть в армии. Чтобы послать новые указания Аджатасутре.

— Конечно. Я незамедлительно пришлю его в твой шатер. — Он откашлялся. — Кстати, а где Аджатасутра? В последнее время я его не видел.

Поймав колющий взгляд Нарсеса, Дамодара тихо рассмеялся.

— Неважно! Иногда лучше не знать правды. — Нарсес ответил ему усмешкой:

— Так, по крайней мере, говорят лучшие философы.

Сам Аджатасутра мог бы не согласиться с таким мнением. Он-то ни в коей мере не относился к своему положению философски.

В конце концов, у него не было особого выбора. Необходимость требовала, чтобы он остановился в одной из худших гостиниц Аджмера, самого великого города Раджпутаны. По мнению Аджатасутры, жившего в Константинополе и Каушамби, даже лучшая гостиница этом жарком и пыльном месте едва ли подходила для содержания скота.

Он убил еще одно насекомое, ползшее по соломенному тюфяку, тем же уверенным ударом, каким вообще убивал.

— Я не из джайнов, — пояснил он крошечному труп, затем холодным взглядом обвел орду насекомых, собиравшуюся в грязной крохотной комнатухе. — Поэтому не думайте, что вы услышите от меня какую-нибудь нудную, прочувствованную философскую мысль. Я — наемный убийца.

Если насекомые и испугались его мрачной угрозы, то никоим образом не показали это.

Их армия, выстроившись в боевой порядок, бесстрашно наступала на врага.

— Здесь будет не очень плохо, — заметила старшая сестра. — Госпожа даже сказала, что даст мне колыбель для ребенка.

Младшая сестра обвела взглядом их комнату в огромном особняке семьи господина Дамодары. Комната была маленький и скудно обставленной, но безукоризненно чистой.

Да, старший повар оказался грубым человеком с плохим характером и постоянно ругался, как и все люди, занимающие такие неблагодарные должности. А его жена была еще хуже. Но, как оказалось, ее гнев и крепкие словечки по большей части были направлены на мужа, чтобы не дать ему воспользоваться преимуществом положения и не позволить приставать к работающим на кухне рабыням.

Младшая сестра была в некотором, очень своеобразном роде, философом.

— Ты что, шутишь? Здесь великолепно!

Под ними, в недрах огромного погреба под особняком, тоже находились философы.

— Начинайте копать, — приказал старший из наемников. — Вам предстоит сделать длинный подкоп.

Небольшая группа рабочих-бихарцев даже не думала спорить. На самом деле, они с готовностью принялись за дело. Возможно, это было странным со стороны рабов. Но они видели, как Аджатасутра дает указания. И, как и две сестры, с которыми они не были знакомы, пришли к тем же выводам. Наемный убийца смертоносен, именно — смертоносен. Но, если смотреть с другой позиции, он — человек, которому можно доверять. Выполните работу, сказал он им, и вы будете отпущены на волю, да к тому же получите денег.

Конечно, в этом не было логики. Для какой бы цели их ни привезли сюда, для какой бы цели они ни копали таинственный туннель, сама эта цель сохранялась в тайне по вполне определенной причине. Рабы, как и любые другие люди, знали, что лучший способ сохранить что-либо в секрете — это убить тех, кто об этом знает. И тем не менее они не боялись за свою жизнь.

— Самый странный наемный убийца, черт побери, которого я когда-либо видел, — пробормотал один из йетайцев.

— По мне, так он может хоть перья отрастить, как у курицы, если захочет, — сказал старший. Убедившись, что работа пошла, он повернулся к двум подчиненным. Показал пальцем на бочки вина, стоявшие у одной из стен погреба. — Мне нужно повторять его указания?

Йетайцы яростно замотали головами. И тут же отвели взгляды от вина.

— Хорошо, — проворчал старший. — Просто выполняйте, что сказано, и все. И мы уйдем отсюда богатыми людьми.

Один из наемников откашлялся и указал на каменный потолок.

— А никто не станет нами интересоваться? Шума избежать невозможно, а через какое-то время мы будем выносить землю.

И снова старший пожал плечами.

— Он сказал мне, что отдал распоряжения и наверху. Мы все время должны оставаться здесь. Нам будут приносить еду и питье. Дворецкий и еще несколько человек. Они и землю будут выносить.

— Это будет легко, — проворчал другой наемник. И кивнул на дальнюю стену. — По другую сторону особняка течет Ганг. Я видел его, когда мы подъезжали. Кто заметит, если эта река станет еще грязнее?

Замечание было встречено смешками. Если наемники-йетайцы еще сохраняли большую часть уважения к роскоши малва, то утратили всякое благоговение перед их культурой. Никто из них, в любом случае, никогда не понимал индийского поклонения великой реке.

— Черт бы побрал этот Ганг, — пробормотал еще один. — Слоновья моча, в которой

купаются глупые крестьяне. Лучшее место из тех, что я могу придумать, для грязи, которая сделает нас богатыми людьми.

Он тоже был философом.

Глава 10

ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ

Лето 533 года н.э.

— Так сколько, Дриопий? — спросила Антонина. Она устало вытерла лицо куском материи, который уже промок от пота. — Точно.

Ее секретарь колебался. Кроме того, что Дриопий сам по себе являлся честным человеком, он был типичным чиновником, занимающим высокий пост в огромной и сложной иерархии Римской империи. Несмотря на относительную молодость (ему еще не исполнилось сорока) и очевидно хорошую физическую форму, он олицетворял собой термин «бюрократ». Его естественным ответом на любой прямой вопрос было: во-первых, прикрой свою задницу; во-вторых, перестрахуйся; в-третьих, снова прикрой свою задницу.

Но Антонине даже не потребовалось гневно смотреть на Дриопия. К этому времени, через много месяцев после прибытия в Персию и принятия новых обязанностей, он выучил, что «прикрывать задницу» в случае с Антониной означало давать ей прямые и четкие ответы. Он стал четвертым человеком, занимавшим этот пост, и первым, кого не отправили назад, в Константинополь, в течение недели.

— Точно я сказать не могу. По крайней мере, девяносто судов. Вероятно, ближе к ста после того, как уляжется вся пыль.

Увидев, как Антонина начинает хмуриться, Дриопий быстро добавил:

— Учтите: я считаю только по-настоящему пригодные для морского путешествия корабли. Будет еще много речных барж, которые тоже можно иногда использовать.

Антонина поднялась из-за письменного стола и, качая головой, подошла к окну.

— От речных барж не будет никакого толку, Дриопий, — сказала она. — Только не после того, как армии прошла мимо портов персидского залива. Баржи пойдут ко дну, едва только выйдут в море. По крайней мере непосредственно в сезон муссонов. К концу сезона мы, вероятно, сможем их использовать, но кто знает, где к тому времени окажется Велисарий?

Она положила руки на широкий подоконник и наклонилась вперед, так, чтобы лицо тронул прохладный бриз. Окно в доме, служившем Антонине штабом, выходило на юг и смотрело на огромную гавань Харка. Легкий ветер, дующий с моря, помогал пережить изнурительную летнюю жару Южной Месопотамии.

Но отдых был коротким. Не прошло и нескольких секунд, как она повернулась назад к Дриопию.

— Кто больше всех мутит воду из тех торговцев, что отказываются возить продовольствие для армии? — спросила она.

— Те два брата, которые владеют «Киркой»¹⁹, — на этот раз ответ Дриопия последовал без каких-либо колебаний. — Ако и Нумений.

Антонина, вернувшись назад за свой стол, сильно нахмурилась.

— Они египтяне, да? Обычно торгуют в Хормосе?

— Да. Это один из пунктов, по поводу которых они вопят. Утверждают, что не могут взять на борт военные припасы, пока не разгрузятся в Хормосе, иначе они обанкротятся. — Дриопий нахмурился. — Они говорят, что везут нечто особенное, на что в Египте особый спрос. Не могут продать свой товар здесь, в Месопотамии.

— Какая чушь! — Антонина плюхнулась на стул и чуть ли не шлепнула по столу

¹⁹ Кирка (или Цирцея), в греческой мифологии — волшебница, превратившая спутников Одиссея в свиней.

обеими ладонями. — Они везут товар из Бхаруча, так? — Затем добавила злобно: — Это означает — косметика и специи. По большей части перец. Товар, который в Персии продается так же хорошо, как и в других местах.

Дриопий сидел на стуле напротив нее. На этих словах он согласно кивнул и развел руками.

— Они просто придумывают уловки, как избежать привлечения на службу. Не хотят возить грузы для арии. Судя по разговорам, эти двое — одни из худших денников в своем деле, что кое о чем говорит, особенно учитывая нравы купцов, занимающихся морской торговлей. Их даже обвиняли, что они несколько лет назад сожгли одно из своих судов, чтобы получить страховку за груз.

Он пожал плечами.

— Я действительно не понимаю, почему они так сопротивляются. Да, от военных поставок они получают несколько меньшую прибыль. Но, с другой стороны, им гарантируется постоянная работа по крайней мере на год — а они определенно не ведут постоянной торговли с Индией! — и риск минимален. Он даже меньше, чем во время нормальной торговли. На самом деле — по крайней мере, по словам самих Ако и Нумения — они объясняют свое упорство тем, что их на месяц задержали в гавани чиновники-малва, пытаясь их хорошенько потрясти.

Антонина кивнула. Традицией того времени было продолжение торговли между воюющими сторонами. Конечно, римским торговым судам не разрешалось напрямую заплывать в гавань Бхаруча — точно так же, как персы не разрешали судам малва заходить в свои порты. По идее, самим торговцам ничего особенно не грозило, им просто приходилось платить лишние деньги за выгрузку товаров на лихтеры²⁰.

Тем не менее... Это было достаточно опасное занятие. Несмотря ни на что, был замечен не один случай, когда жадные чиновники и военные занимались вымогательством, если им попадалось торговое судно вражеской нации. А иногда они откровенно грабили. Малва особо прославились этим.

— Чушь, — повторила Антонина. — Наше предложение гораздо безопаснее. Гораздо. Они все время будут под защитой аксумских боевых кораблей. А аксумитов никто никогда не обвинял в нелегальном присвоении чужого груза. — На ее лице появилась унылая улыбка. — Конечно, аксумитам этого и не требуется. Они автоматически получают свой процент со всего, что провозится по Красному морю.

Она распрямилась.

— Достаточно! Мне нужно решить этот вопрос, чтобы мы могли увеличить количество судов. Если мы хорошо поработаем с Ако и Нумением и сломаем их, то эта новость тут же дойдет до других. Я хочу, чтобы к вечеру команда проверяющих ползала по всей «Кирке», Дриопий. Они должны обследовать груз и принести мне отчет. Если там нет ничего, кроме обычных товаров, то завтра мы разгрузим этот корабль, если потребуется — насильно, и начнем заполнять его тем, что нужно нам. — Дриопий что-то быстро записал и кивнул.

— Будет сделано.

— Что еще?

И снова Дриопий колебался. Но на этот раз это не было сомнение чиновника. На протяжении месяцев совместной работы он стал, в некотором роде, другом Антонины, ее верным помощником. Следующий пункт...

Антонина вздохнула.

— Иоанн?

Дриопий кивнул.

— Да. Мы должны обеспечить транспортировку его... того, что осталось от тела, в

²⁰ Лихтер — грузовое, чаще несамоходное судно, обычно используемое для беспричастной погрузки и разгрузки больших судов.

Константинополь.

По лицу Антонины пробежала тень боли, но грустила она недолго. Велисарий принес новость больше недели назад, и женщина уже почти смирилась с гибелью верного друга.

— Какие есть варианты? — спросила она.

— Ну... мы можем отправить одно из маленьких грузовых судов...

— Нет. На первом месте война. — Дриопий пожал плечами.

— В таком случае я предлагаю нанять один из арабских караванов. Конечно, мы можем использовать и баржу на Евфрате, но арабы жалуются, что не получают справедливую долю в военной торговле.

Антонина кивнула.

— Да. Они воспримут это как великую честь. И проверь, чтобы наняли арабов из рода Хашим. Они уже на протяжении нескольких веков являются союзниками Рима. Они оскорбятся, если эту работу поручат кому-то другому, в особенности Лахмидам.

Дриопий сделал пометку.

— Будет исполнено.

— Что дальше?

— Вопрос поставки скота. В частности, верблюдов

— Опять? — застонала Антонина. Она вытерла лицо. Конечно, в этой жаре платок уже успел промокнуть. И все же...

Она нахмурилась и уставилась на кусок материи.

— Мне нужно заняться торговлей, — сказала женщина мрачно. — Продавать соль. — Она помахала куском материи. — Здесь достаточно... — Затем, увидев выражение лица Дриопия, она подавилась словами. — Что? — спросила она, чуть не плача. — У нас заканчивается соль? Опять?!

Глава 11

Даже в лучших условиях совершающие переход огромные армии поднимают тучи пыли. А тут условия были не ахти какие.

Велисарий вел сто двадцать тысяч человек вместе с таким же количеством лошадей, верблюдов и мулов в Индию для ведения военных действий против малва. Его армия теперь оставила заливные луга Хузистана и вышла на узкую полосу низменностей, граничащих с Персидским заливом.

Они маршировали через провинцию Фарс, историческую родину Сасанидов и древней династии Ахеменидов. Но это была не та провинция Фарс, с древними городами Персеполь и Шираз и орошаемыми местностями вокруг них, какой представляло ее большинство людей.

Велисарий выбрал южную дорогу потому, чтобы наносить обрабатываемым землям как можно меньший вред, неизбежно причиняемый проходящей армией, хотя бы в ней и поддерживается жесткая дисциплина. Но по большей части на это пришлось пойти из-за вопросов снабжения войска. Не было способа обеспечить армию такого размера всем необходимым, пользуясь только услугами местных крестьян. Пока они не доберутся до долины реки Инд, армия Велисария будет зависеть от морских поставок поэтому, независимо от проблем, которые возникнут на этой дороге, они будут вынуждены придерживаться побережья Персидского залива и Аравийского моря.

Побережья, которое, грустно сказать, являлось одним из самых суровых в мире. Такое же бесплодное и сухое, как пустыня, с очень малым количеством растительности, за исключением попадающихся время от времени пальмовых рощиц.

К Велисарию подъехал Куруш. Римский полководец сидел на лошади, стоявшей на небольшом возвышении, с которого он наблюдал за проходящей мимо армией. Рядом с ним находился Ситтас, а в нескольких ярдах позади — телохранители, Исаак и Приский.

— Я упоминал розы и соловьев Ширази? — спросил Куруш. — И великолепные

виноградники?

Ситтас нахмурился. Велисарий просто улыбнулся.

— Несколько раз, — ответил он. — Не реже одного раза в день.

Персидский полководец скорчил гримасу.

— Боюсь, ничем не могу помочь. — Он поднял руку и, размазывая пот, стер пыль с лица, оставив на нем несколько грязных полос. Затем нахмурился. — Было бы полегче, если бы мы шли не летом. — Велисарий пожал плечами.

— У нас нет выбора, Куруш. Если бы муссоны в это время не дули на восток, вся экспедиция оказалась бы невозможной.

Это заявление было таким же пустым сотрясением воздуха, как и замечание Куруша о розах и соловьях. Персидский полководец не хуже Велисария знал о проблемах обеспечения армии.

— Я слышал, как ты говорил это, — мрачно пробормотал Куруш. — На самом деле, не один раз — чуть ли не ежедневно на протяжении этого перехода.

Велисарий слегка улыбнулся, но ничего не ответил. Он был занят, изучая, в каком порядке идут войска и пытаясь определить, нельзя ли что-то улучшить.

— Забудь об этом, — сказал Ситтас, словно прочие мысли Велисария. Он махнул большой рукой с толстыми пальцами. — Конечно, можно было бы выстроить их поаккуратнее — теоретически. Но это займет у тебя три дня, а армия все это время будет стоять на месте. А затем еще через три дня все вернется на круги своя.

Велисарий вздохнул. Он и сам пришел к такому же выводу. Марширующее мимо него войско было гораздо больше, чем какая-либо армия, которой он командовал в прошлом. И, если быть совсем честным, больше, чем любая армия, какой когда-либо командовал римский полководец за все время существования империи. Велисарию не потребовалось много времени, чтобы понять: определенное количество в качество уже не переходит. В данном случае был невозможен тот порядок, который ему всегда раньше удавалось поддерживать в армии.

— По крайней мере, когда мы должны уложиться в такие жесткие временные рамки, — пробормотал он.

Это было не ново, так что Куруш с Ситтасом ничего не сказали. Они вместе со всеми старшими командирами союзной армии несколько месяцев планировали экспедицию. И не хуже Велисария знали, что должны попасть в долину реки Инд до окончания сезона муссонов в ноябре. Или армия умрет от жажды и голода.

Она в любом случае может умереть, даже если они успеют вовремя. Да, долина Инда плодородна, но Велисарий практически не сомневался, что Линк приказал сжечь все посевы после того, как римляне и персы придут в Бароду и начнут движение вверх по течению реки к самому сердцу малва.

Уж он-то точно поступил бы именно так. У малва нет никакого реального шанса удержать Бароду после того, как Велисарий доберется до дельты Инда. Неожиданное поражение огромной армии в Месопотамии в прошлом году заставило малва сконцентрироваться на усилении обороны собственной земли и отложить — по крайней мере, на время — дальнейшие завоевания.

Укрепления, достаточно серьезные, чтобы выдержать нападение армии Велисария, просто невозможно построить быстро, даже используя все доступные малва человеческие ресурсы. Поэтому, судя по отчетам римских шпионов, Линк сделал то, что сделал бы сам Велисарий: укрепил верхнюю часть долины Инда, региона, называемого Пенджаб. Пока малва контролируют Пенджаб, они контролируют вход на Гангскую равнину. Потеря нижней части долины болезненна, но не фатальна.

Немалую роль сыграла и география региона. «Долина» реки Инд на самом деле представляла собой две долины, которые — с военной точки зрения — имели форму песочных часов. Нижняя долина, Синд, была широкой у побережья и в дельте Инда, но сужалась по мере продвижения на север по направлению к городу Суккур и узкому проходу

за ним. За проходом верхняя долина расширялась. Само название Пенджаб означало «земля пяти рек». Верхняя долина имела форму веера, а река Инд и ее основные притоки формировали его «складки».

Если Велисарий сможет прорваться в Пенджаб, где у него появится место для маневров...

Это прижмет малва к стене. Поэтому, точно так же, как сделал бы Велисарий, Линк укрепит Пенджаб и узкий проход у Суккура — но не станет особо напрягаться из-за Синда. Конечно, он поставит там солдат. Но их основной задачей будет не предотвратить захват Велисарием нижней долины, а задержать римско-персидские войска, чтобы позволить Линку превратить Пенджаб и Суккур в неприступные земли. Малва будут медленно уходить на север, разрушая в долине все по мере своего отступления. Так называемая тактика выжженной земли.

Понятно, что если малва смогут отобрать у римлян и аксумитов контроль над морем, то Синд превратится в смертельную ловушку. Малва сделают с огромной армией Велисария то же самое, что он сделал с ними в Харке.

Велисарий знал, что если он не сможет нарушить планы Линка до того, как они начнут приносить плоды, то ему предстоят годы жестокой, кровопролитной войны против сильного противника, исход которой в большей мере будут определять осады, а не сражения на открытой местности. Не маневры, а война на истощение, во время которой Риму придется заплатить кровью и богатствами непопозволительную цену. Велисарий сильно потрепал малва на протяжении последних двух лет, а восстание на Деканском плоскогорье маратхи, которым он изрядно помогал, еще больше обескровило империю. Но факт оставался фактом: малва все еще могли пользоваться большими ресурсами, чем Рим, Персия и Аксумское царство, вместе взятые. Долгая изнурительная война будет на руку скорее малва, нежели Велисарии.

Линк определенно сделает все возможное, чтобы военные действия развивались именно так. Киберорганизм знал человеческую историю так же хорошо, как и Эйд. Империя малва, безусловно, защищается, но используя тактику голландцев, воевавших против Испании.

«И эта тактика работала почти столетие, — пришел ментальный импульс от Эйда. — До тех пор, пока испанцы наконец не сдались».

Велисарий ментально пожал плечами.

«Да, — ответил он. — Но испанцы так и не смогли обойти укрепления противника с фланга, потому что спины голландцев защищало море. А спины малва ничего не защищает. Я знаю планы Линка. И я верю, что смогу их нарушить, когда придет время. Не спрашивай меня, как, потому что я сам еще не знаю. Но война — это хаос, а не порядок, и я думаю, что мое понимание войны гораздо лучше, чем у Линка. Пусть будет проклят его „сверхчеловеческий разум“! Война — это не игра шахматы. Это в большей мере движения души, чем разума. А у этой сущности нет души. Она попытается управлять хаосом, в то время как я буду наслаждаться и упиваться им.»

Велисарий чувствовал сомнения Эйда. Но единственная мысль, которая наконец пришла, была донельзя простой.

«Я доверяю твоему мнению».

Велисарий усмехнулся. Услышав тихий звук, Ситтас вопросительно склонил голову и посмотрел на него.

— Эйд только что выразил уверенность в моих суждениях, — сообщил Велисарий. — Хотелось бы мне чувствовать то же самое.

Он рассчитывал, что Ситтас произнесет одну из своих обычных саркастических реплик в адрес Велисария, но его большой друг просто усмехнулся.

— Ты знаешь, я согласен с этим маленьким умненьким существом. Я думаю, что твоя стратегия в этой кампании, черт побери, почти блестящая. Черт побери, если вдуматься, и не «почти».

Велисарий нахмурился.

— Она слишком сложная. Слишком запутанная. Слишком много этапов. Первый шаг, второй, третий. Маврикий не переставал ворчать на меня по этому поводу на протяжении целого дня. И я не могу с ним не согласиться. Достаточно скоро вся моя «стратегия» станет расплзаться по швам, и я вернусь к тому, чтобы принимать стратегические решения в седле. — Он перестал хмуриться, вместо этого у него на губах появилась легкая хитрая улыбка. — К чему, как я признаю, у меня есть определенная склонность. Больше чем у Линка, готов поспорить. И спорю.

Ситтас приподнял свое огромное тело в стременах и мгновение осматривал гигантскую армию.

— Кстати, а где сам старый ворчун?

Он опустился назад в седло. Задача найти отдельного человека в огромной толпе солдат и нагруженных вьючных животных, даже офицера из высшего командования со свитой и знаменами, была практически безнадежной.

— Конечно, он ворчит, — проворчал сам Ситтас. — Какой была бы жизнь без вечно недовольного старого ублюдка? Но ничего не могу поделать — на этот раз он просто не прав.

Ситтас почти что злобно показал на бесплодный пейзаж впереди.

— Дальше все будет в точности таким же, Велисарий. Я даже не уверен, что малва возьмут на себя труд бороться за дельту, когда мы наконец прибудем в Бароду, просто бросят ее и дадут нам удобно устроиться. А затем, когда изменится направление муссонов, станут наблюдать, как мы умираем от голода под стенами их укреплений. К тому времени, как мы туда доберемся, они оставят нам только воду и голые камни.

— Легче сказать, чем сделать.

Ситтас пожал плечами.

— Да, конечно, я знаю. — Его короткий смешок прозвучал, как лай. — Легко историкам говорить: «Они опустошили местность». Ты можешь представить кого-то из этих лентяев, пытающихся уничтожить посевы? Мне еще никогда не удавалось поймать ни одного за этим занятием. И вообще, это тяжелая работа. И я точно никогда бы не пожелал такого крестьянину.

Велисарий улыбнулся. Он сомневался, что Ситтас на самом деле читал кого-то из историков, которых только что поносил. Зато Велисарий знал, что Ситтас на императорском пиру один раз ввязался в громкий спор с тремя историками. В конце концов Феодора отправила свою личную стражу успокаивать разбушевавшегося полководца.

С другой стороны, Велисарий-то как раз многих историков читал. И хоть он не плевался от ярости, как Ситтас, из-за глупостей слишком образованных интеллектуалов, ведущих размеренную безбедную жизнь, он очень хорошо понимал своего друга. Все эти бумагомайки страдали манией превращать прозаическую и сложную реальность в череду метафор, отчего хроника военных кампаний начинала напоминать изящную поэзию, которая, как они блаженно предполагали, и является зеркалом жизни.

«Опустошить местность. Разграбить землю».

Велисарий сам не раз отдавал подобные приказы, в особенности в первые годы своей военной карьеры, когда дрался против варваров на Дунае и против персов на граничащих с Месопотамией территориях. Но и он, и его подчиненные между строк видели прозу жизни и то, что на самом деле значили все эти простые, понятные глаголы и существительные.

«Как можно лучше — за отведенное время. Как можно больше — и тем количеством людей, которые есть. Все, что можете сделать — с военной техникой вместо элементарных сельскохозяйственных орудий и мулами вместо волов».

Он помнил, как яростно ругались его подчиненные, занимаясь бесконечной и изматывающей работой, пытаясь извести цепкую виноградную лозу и вырубить рощи оливы и фруктовых деревьев. Или тяжелую работу по уборке зерновых, когда их сваливали в кучи, которые можно поджечь. И это не считая того, что приходилось отыскивать тайные погребки с запасами, укрытия, сделанные крестьянами, гораздо более опытными в подобного рода

вещах, чем солдаты. Крестьянами, для кого результат был гораздо важнее, чем людям, которые вскоре уйдут из этих мест.

Это никогда нельзя сделать до конца. Раз за разом, во все времена, показанные ему Эйдом, Велисарий узнавал одну и ту же картину. Армия идет через регион, «опустошая земли», а затем — не более года спустя — все становится как прежде. По крайней мере, половина уж точно. «Природа Мать», в особенности когда ей помогают бедные и трудолюбивые крестьяне, гораздо крепче и выносливее, чем любая армия.

По правде говоря, самым успешным методом был самый безжалостный. Метод, которым монголы в будущем воспользуются в Центральной Азии. Не просто разрушить инфраструктуру, но уничтожить и людей, которые живут на этой земле. Убрать рабочую силу, которая может заново все отстроить.

Этим методом Велисарий никогда не воспользуется. Мало кто в истории так поступал. Хотя он не сомневался, что малва в дельте реки Инд будут придерживаться именно этого варианта. Последний приказ, который отдаст Линк, после того, как его солдаты разрушат все, что можно разрушить, будет убить всех крестьян. Множество бедных, простых людей, мозолистые руки которых гораздо лучше приспособлены к работе, чем мускулистые лапы солдат приспособлены к разрушению. А затем Линк прикажет сложить трупы в кучи поверх опустошенной земли, чтобы их гниение стало последним, завершающим штрихом.

Своих крестьян-малва. Им не будет оказана единственная милость, которую бедняки во все времена могут ожидать от своих господ, независимо от нрава последних: быть оставленными в живых, чтобы их и дальше эксплуатировали в своих целях.

Он обнаружил, что тоже ищет глазами Маврикия. Сам Маврикий был низкого происхождения. Он родился в семье фракийского крестьянина и, несмотря на теперешний высокий ранг, не был амбициозен. Эта мысль наполнила Велисария странным, мрачным удовлетворением. Первым из многих ударов, которые он намеревался обрушить на малва, будет послать этого человека спасти вражеский народ.

Он думал, что, получив этот приказ, Маврикий будет ворчать. Не из-за содержания, а из-за запутанности и хитрости используемых маневров. Но для разнообразия старый ветеран не жаловался. Даже не стал повторять первый закон битвы.

— Имеет смысл, — нахмурился он. — Они нам потребуются в качестве рабочей силы. — Улыбка, последовавшая за этими словами, была почти ангельской. — В любом случае война — глупое, дурное дело. Так почему бы не перевернуть все с ног на голову?

Странно, но Велисарий сумел заметить Маврикия, в самом необычном месте, которое смог бы вообразить

— Посмотри! — заорал он и обвиняюще махнул рукой. — Он наконец сдался!

Ситтас посмотрел в указанном направлении. Когда он сам заметил Маврикия, то разразился смехом. Как и Куруш.

— Он заявит, что ему требовалось проработать с Агафием очередной вопрос обеспечения, — высказался персидский полководец. — Вы только посмотрите! Клянусь, он будет утверждать, что только насущная необходимость побудила его на это.

Когда Маврикий наконец поравнялся с небольшим возвышением, на котором стояли Велисарий, Ситтас и Куруш, то неодобрительно посмотрел на них сверху вниз, с высоты спины огромного боевого слона, на котором ехал, удобно устроившись в паланкине Агафия.

— Мне нужно решить один вопрос снабжения, — сообщил он громко.

Агафий поднял голову от бумаг, которые изучал, и заметил Велисария и остальных. Затем выпрямился, опершись мускулистой рукой о край открытого паланкина, и улыбнулся.

— Он нагло врет! — крикнул Агафий. — Мы провели все утро, разбираясь с артиллерийскими позициями на этих рисунках.

Хоть Велисарий и не мог заглянуть внутрь паланкина, он понял, о чем говорил Агафий. За время, проведенное в Ктесофоне за планированием экспедиции, он поставил перед собой множество задач, среди которых значилось и наблюдение за работой дюжины художников,

чертивших и составлявших документы. Они переводили на пергамент описанные Эйдом укрепления будущего, чертежи крепостей, созданных в Италии в период Возрождения и в Голландии, когда инженеры и архитекторы будущего боролись с вызовом артиллерии, которую использовали во время осад.

Инженеры и архитекторы — и художники. Микеланджело стал известным последующим поколениям как художник и скульптор, однако среди своих современников он прославился как один из лучших военных архитекторов Италии на то время. В городе Флоренция он был главным по строительству укреплений. Он многие месяцы потратил на имевшую важнейшее значение возвышенность Сан-Минато. Точно так же, как потом будет вкладываться в Сикстинскую капеллу. В Сан-Минато он направлял в другую сторону воду, сливая ее в крепостной ров, точно так же, как в дальнейшем будет направлять кисть; он одарил Сан-Минато таким количеством изумительных деталей — бастioned и надстроек — каким наделит потом свои фрески

После того как полководец дал Агафию возможность изучить осадные тактики будущего, Велисарий посадил его за проектирование и планирование с учетом знаний, которые Агафий получил, работая заместителем Велисария по проблемам снабжения армии, чтобы найти возможности с наименьшими потерями брать вражеские крепости.

Велисарий несколько не сомневался, что Линк, строя крепости в долине реки Инд, будет опираться на опыт лучших военных архитекторов Европы первых столетий войн с использованием пороха. Велисарий станет противостоять малва, зная историю не хуже Линка. Однако лучшим его оружием был острый ум Агафия, бывшего самым практичным, ловким и дотошным человеком, которого Велисарий когда-либо встречал. И его происхождение, такое же низкое, как у Маврикия, добавляло всему делу определенную изюминку.

— Ну и как идет работа? — спросил полководец.

Агафий неопределенно махнул рукой.

— Достаточно хорошо. По крайней мере, Маврикий находит дыры во всех моих лучших планах. Пессимистичный ворчун, вот он кто. «Если что-то может пойти не так, то обязательно пойдет». Как обычно.

Маврикий продолжал гневно смотреть на Велисария.

— Сам я ненавижу ездить на слонах. Уж лучше каждый день трястись на лошади.

Куруш с Ситтасом отреагировали на это заявлений разнообразными ироническими высказываниями, Велисарий же улыбнулся, но ничего не сказал.

Он не сомневался в правдивости заявления Маврикия. Но даже Маврикий, несмотря на всю свою консервативность, склонился к неизбежному.

Римская армия на протяжении столетий предпочитала не использовать боевых слонов, которых так ценили многие ее соперники. Да, эти чудовища могут быть яростными в битве. Но чаще они приносят немалые разрушения не только армии врага, но и своей собственной. Тем не менее Велисарий взял с собой в Индию несколько слонов. Он не намеревался задействовать их непосредственно в сражениях. Они могли нести в паланкинах офицеров, вместе со всеми картами, схемами и документами, которые требуются большой армии. Зачем лишать работы разум такого человека, как, к примеру, Агафий, сажая его на долгое время в седло, когда он может провести недели марша, занимаясь все той же исключительно важной работой, что и несколько предыдущих месяцев?

Поэтому Велисарий не присоединился к подтруниванию и насмешкам. Он отстранился от звукового фона и вернулся к изучению проходящей перед его глазами армии.

«Ну и мешанина! — подумал он наполовину уныло, наполовину весело. — Боевые слоны, гордость древних армий, топают рядом с людьми, вооруженными нашей версией ружей времен американской Гражданской войны. И посмотри вон туда, Эйд, — митральеза²¹ ! В колеснице. Клянусь, они откопали эту старушку в каком-нибудь

²¹ Митральеза (или картечьница) — появившееся в середине XIX века многоствольное орудие ружейного

шумерском склепе».

«Это будет великая армия, — пришла в ответ спокойная мысль. — Ты заставишь все это работать».

Глава 12

АДЖМЕР

Лето 533 года н.э.

— Будьте осторожны, — прошептал Куджуло. — Город изменился.

Валентин и Анастасий оглядывали улицы Аджмера. Глаза прикрывали приспущенные шлемы. Ни один из них никогда раньше не бывал в крупнейшем городе Раджпутаны, поэтому сравнивать им было не с чем.

— Что изменилось? — тихо спросил Валентин. Он поднял руку и лениво почесал шею. Небрежный жест демонстрировал усталость, одолевшую охранника каравана, достигшего наконец пункта назначения после долгого и изматывающего путешествия. Тем не менее его глаза внимательно продолжали осматривать окрестности.

— Это больше не город раджпутов, — ответил Куджуло. — Не настоящий. Например, взгляните вон туда — дальше по улице, слева.

Стараясь не крутить головами, Валентин с Анастасией скосили глаза в указанном направлении. Валентин не многое мог разглядеть, поскольку ехал во главе каравана, справа от Куджуло. Но Анастасий, находившийся по левую сторону от кушана, четко видел улицу, о которой шла речь. На самом деле, она скорее напоминала узкий переулок.

— Стая паршивых, грязных, голодных собак, — пробормотал он. — Но большая стая. — Мгновение спустя, зевая, он добавил: — И ты прав насчет города. Если кто-то из этих жалких ублюдков — раджпут, то я удивлюсь. Не думаю, что видел когда-нибудь раджпута с таким количеством грязи на теле — даже после сражения, — как собралось на одних ногах этих тварей.

Медленнодвигающийся караван проезжал теперь вход в переулок, и Валентин наконец смог хорошо рассмотреть то, о чем шла речь.

— «Собаки» — это оскорбление для собак. Но... — Он замолчал и продолжил только когда переулок остался позади: — Выглядят голодными. Согласен с этим.

Теперь и Анастасий, и Валентин посмотрели на Куджуло. Главенство в их странной экспедиции было понятием переменным. Каждый из трех людей по очереди становился старшим в группе на протяжении недели после того, как они сели в дельте на баржу и медленно пробирались в Раджпутану. Обычно или Валентин, или Анастасий. Но теперь они въехали в Аджмер, и оба римских катафракта были готовы позволить Куджуло их вести. Этот непонятный экзотический город являлся для них *terra incognita*²². Равно как и пустыня Тар, и горы Аравалпи. Но здешняя суровая местность, несмотря на свои, только ей присущие особенности, сильно смахивает на многие другие неприятные уголки земного шара — аи Валентин, и Анастасий считались ветеранами маршей по такого рода территории. Да, обычно они шли в составе армии, а не торгового каравана. Но теперешний опыт нельзя было назвать новым. И определенно ничем новым для них не стали две короткие стычки с бандитами.

Однако Аджмер — это совсем другое дело. Здесь «особенности» были в большей степени человеческого, чем географического характера. Никто из них ничего не знал о традициях и особенностях этого города.

Куджуло тут же ясно дал понять, что он тоже в некотором роде новичок. Или,

калибра, прообраз пулемета.

²² *terra incognita* (лат.) — неизведанная земля.

правильнее сказать, — человек, возвращающийся в место, которое он знал много лет назад и находит полностью изменившимся.

— В старые времена ни одна подобная шайка не посмела бы открыто расположиться на улицах Аджмера, — проворчал он. — Женщины раджпутов прогнали бы их прочь, назад в их лачуги.

— Я почти уверен, что в этом переулке, немного подальше, прячется еще одна стая, — пробормотал Валентин, — и, мне кажется, более активная. По крайней мере, судя по тому, как их наблюдатель нырнул в переулок после того, как я его заметил.

Единственным знаком того, что Куджуло напрягся, стало изменение его положения в седле. Казалось, кушану несколько неудобно оттого, что нет стремян.

По правде говоря, им всем было неудобно. Конечно, к этому времени стремяна использовали уже почти все кавалерийские подразделения малва. Но эти удобные приспособления все еще редко встречались у гражданского населения, и члены группы с самого начала решили, что не могут позволить себе рисковать, привлекая излишнее внимание. Ведь внешне два римских катафракта и семнадцать сопровождающих их кушанов выглядели охранниками торгового каравана, причем каравана относительно небольшого.

— В этом городе больше нет порядка, — продолжал Куджуло. — К этому времени все солдаты-раджпуты должны быть призваны в армию малва. Вероятно, имеется небольшое подразделение простых солдат, выступающих в роли полиции, может, несколько йетайцев, выделенных им в помощь. Но их понимание работы «полиции» — это отдых в казармах или — что более вероятно — вымогательство.

На некотором расстоянии, в переулке, дальше по дороге справа, послышалось небольшое шевеление. Оттуда высунулись трое людей и стали глазеть на приближающийся караван. Они напоминали выжидающих в засаде хищников. Конечно, маленьких и грязных хищников, но...

Как Валентин правильно заметил раньше, эти хищники выглядели голодными.

— Черт побери, — пробормотал Анастасий и медленно высвободил пристегнутую к ремню булаву. Он успел осторожно повернуть голову и бросить взгляд через плечо. — Черт побери, — повторил он. — Та, первая свора следит за нами сзади.

Он снова посмотрел вперед, и его рокочущий бас стал громче.

— Это определенно засада. При свете дня на оживленной улице.

— Ну тогда давайте с ними разберемся, — сказал Валентин.

На его узком лице, похожем на морду ласки, не было и следа эмоций. Валентин вытащил собственное излюбленное оружие — меч — и начал поднимать левую ногу.

Куджуло неодобрительно взглянул на него. Валентин мог спешиться быстрее, чем какой-либо человек, которого знал кушан. Точно так же, как мог производить любые действия быстрее, чем кто-нибудь еще. Куджуло догадывался, что через несколько секунд легковооруженный катафrakt уже окажется в переулке.

И кушан не сомневался в исходе схватки. Даже если бы против Валентина выступали настоящие солдаты, он превратил бы узкий переулок в ручей крови. Если же Валентину придется иметь дело с вооруженными индийскими бандитами, переулок взорвется, как прорванная дамба, кровь брызнет во все стороны, и на мостовую полетят конечности, головы и внутренние органы.

— Нет, — прошипел Куджуло. — Город полон шпионов. — Нога Валентина застыла в воздухе. Он раздраженно повел плечом.

— И что? Караван защищается.

Теперь до входа в переулок было не более пятнадцати ярдов. Куджуло снова зашипел:

— Ни один караван не защищается так, как собираешься сделать ты. Или может сделать Анастасий. — И добавил, ворчливо и чуть насмешливо: — И я тоже, равно как и мои кушаны.

Осталось десять ярдов.

— А что еще ты можешь предложить? — тихо рявкнул Валентин. — Позволить им

убить половину из нас, чтобы показать шпионам малва, что мы — неумелые караванные овцы?

Он снова дернул плечами от раздражения. Нога стала подниматься.

— Черт поberi. Давай покажем им.

Внезапно из переулка донеслись крики. Мгновение спустя на улицу вылетело шестеро бандитов, словно какой-то великан выплюнул их, как гнилой инжир, боясь отравиться. Двое кричали, одного шатало. Оставшиеся трое бежали молча.

Бежали *прочь* от каравана, а не к нему. Не прошло и пары секунд, как за ними припустили кричавшие. Последний бандит, качаясь, сделал шаг или два, потом рухнул лицом вниз и затих. По его грязной одежде стала растекаться кровь.

Куджуло поднял руку, как сделал бы любой начальник каравана при подобных обстоятельствах.

— Стой!

Караван остановился. Все кушаны позади старшего достали оружие, как и сам Куджуло, и римские катафракты. Улица внезапно опустела, за исключением группы бандитов, которые стали выходить из дальнего переулка. Но они тоже, увидев, что ситуация изменилась, поспешно куда-то удрали.

Куджуло внимательно осмотрел улицу. Свой меч он держал несколько неловко. Не слишком демонстративно, просто достаточно для того, чтобы казаться караванщиком, а не опытным солдатом. Уголком паза он отметил, что хватка Валентина была профессиональной — точно так же, как увидел, с какой невообразимой скоростью катафракт достал клинок.

— Ты можешь хотя бы попытаться не выглядеть идеальным убийцей? — кисло спросил он.

Валентин проигнорировал это замечание. Его темные глаза смотрели на вход в переулок.

Оттуда вывалился бандит, медленно, держась за горло. Его глаза были широко раскрыты, лицо побледнело. Сквозь пальцы текла кровь. Он сделал два шага, потом у него подогнулись колени и он рухнул лицом в грязь.

Появился еще один бандит, напоминавший безвольную тряпку, которой шлепнули о глинобитную стену ближайшего здания. На его груди расплылось красное пятно, а голова свешивалась вниз. Его за шею держал еще один человек.

— Хотел меня ограбить? — рявкнул он. Мелькнувший нож глубоко вошел в спину бандита. Затем мужчина презрительно отбросил тело потенциального грабителя на тело его товарища.

Валентин внимательно осмотрел убийцу — среднего роста, но с очень широкими плечами. Его ястребиной лицо было острым и злым. Широко шагая, он вышел на улицу, наклонился и вытер кинжал об одежду последней жертвы.

Затем выпрямился, убрал оружие в ножны и гневно посмотрел на Куджуло и римлян.

— А вы кто? — спросил он.

Куджуло убрал меч в ножны и поднял руку в успокаивающем жесте.

— Мы — купцы, господин. Не больше.

Взгляд мужчины не стал мягче. Его одежда, хотя и чистая, была самой простой и обычной.

— Я не господин! — рявкнул он. Затем ухмыльнулся. — Но я также не позволю никаким уличным бандитам себя беспокоить. Как и любому другому человеку.

Несмотря на воинственность, человек отошел в сторону и махнул рукой.

— Проезжайте, проезжайте!

Куджуло тронулся с места, следом за ним потянулись остальные. Когда они приблизились ко входу в переулок, наблюдавший за ними человек презрительно фыркнул.

— Караван, да? И что везете — овечье дерьмо? — Он саркастически покачал головой.

— Вам повезет, если какая-нибудь конюшня согласится принять такую жалкую компанию, как ваша. Но, предполагаю, гостиница для низкорожденных через две улицы

отсюда окажет вам подобную честь.

Сказав это, он исчез, испарился в переулке, как призрак. Ни Валентин, ни Куджуло не слышали его шагов.

— Мда... — задумчиво произнес Анастасий. — Ну и способ организовывать встречу. Хотя я не помню, чтобы Антонина говорила про такие широкие плечи. А ты, Валентин?

Валентин погрузился в размышления. Затем мягко произнес:

— И еще я не помню, чтобы она говорила о его способности так быстро двигаться.

В его словах сквозил скорее интерес, чем опасение. Один хищник оценивал другого.

— Отлично, — проворчал Куджуло. — Ты не забудешь, что мы приехали в такую даль не для того, чтобы устраивать дуэль на горном склоне?

На губах Валентина заиграла тонкая улыбка.

— Не беспокойся. Думаю, публичные дуэли интересуют его не больше, чем меня.

Но слова, казалось, не принесли Куджуло облегчения. На его лице все еще оставалось кислое выражение, когда караван остановился перед гостиницей. Его недовольство вызывала вовсе не очевидная убогость заведения. Другое.

Один хищник оценивал другого.

— Отлично, — проворчал он.

Глава 13

МАРЕ

Лето 533 года

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Кунгас и улыбнулся Ирине, глядя на нее сверху вниз. Эта гримаса была шире, чем легкая трещина в маске невозмутимости, обычно служившая Кунгасу улыбкой. Особо подозрительные люди могли даже принять ее за...

— Прекрати ухмыляться, — проворчала Ирина. Она с болью приняла сидячее положение на соломенном тюфяке. — У меня все болит. Вот как я себя чувствую.

Сидя, она изучала лицо Кунгаса. Увидев, что улыбка не собирается исчезать — даже становится еще шире! — Ирина яростно нахмурилась.

— Чувствуем себя главным, да? Ощущаем свое превосходство? Наслаждаемся зрелищем слишком умной женщины, изможденной и падающей от усталости? Которая расклеилась из-за слабости ее плоти?

Продолжая улыбаться, Кунгас сел на корточки и погладил щеку Ирины.

— Какая ты подозрительная! На самом деле, нет. Учитывая все обстоятельства, у тебя получается очень даже хорошо. И армия думает точно так же.

Он рассмеялся.

— Прямо сейчас они расплачиваются за ставки. Большинство поставило на то, что ты не протянешь и до Дамгхана, — и гораздо меньшее количество поставило на то, что ты протянешь до Марва. Но даже те, кто думал, что все-таки протянешь, все равно не хотели ставить на это слишком много.

Ирина склонила голову набок и слушала звуки ликования, доносящиеся сквозь стены небольшого шатра. Она немного подумала — совсем чуть-чуть, поскольку ее сильно занимали собственные страдания — почему столько людей кажутся пребывающими в прекрасном настроении. Да, кушаны обожали делать ставки. А сейчас до Ирины доносились звуки, сопровождающие получение большого выигрыша теми, кто поставил на маловероятный исход и из-за этого выиграл очень много.

— Тогда кто же получает выигрыш? — сурово спросила она.

— Привязавшиеся к армии, кто же еще? Женщины становятся богаче.

Новость тут же значительно улучшила настроение Ирины. На протяжении долгих и изматывающих недель, пока они ехали через всю Персию, она обнаружила, что очень хорошо ладит с кушанскими женщинами. К своему теперешнему удивлению, Ирина поначалу предполагала, что по большей части неграмотные и грубые женщины, увязавшиеся

за армией неграмотных и очень грубых солдат Кунгаса, не могут иметь с ней ничего общего.

Конечно, во многом это было так. Ирина была утонченной космополиткой, такой, какими никогда не станут ни эти женщины, ни солдаты, за которыми они шли. Но слабый пол в кушанском обществе пользовался гораздо большей свободой, чем ожидала Ирина от народа, выросшего в горах и пустынях Центральной Азии.

Возможно, это произошло из-за практических нужд кушанов, рассредоточенных после того, как йетайцы покорили их родные земли, и последующей политики малва. Но Ирине нравилось думать, что это наследие сарматов²³, когда-то, во времена Александра Македонского, живших на территории, которая в конце концов станет Кушанской империей. Сменившие сарматов скифы держали женщин в строгом подчинении. Но каждая девушка в Древней Сарматии, в соответствии с традициями обучалась ездить на лошади. И — по крайней мере, так говорилось в легендах — от нее ожидалось, что она будет сражаться рядом с мужчинами, в доспехах и с оружием в руках, ей даже запрещалось выходить замуж, пока она не убьет в битве врага.

Скорее всего, это были сплошные выдумки. От кушанок, несмотря на всю их несомненную суровость, не требовалось вступать в драки, разве что в крайних случаях. Но, по какой бы то ни было причине, Ирина обнаружила, что кушанки получают определенное удовольствие от ее собственного умения раз за разом приводить в замешательство и срывать планы самоуверенных мужчин, марширующих под знаменами Кунгаса.

В конце концов, даже само знамя было предложено Ириной. Никто из кушанов, даже сам Кунгас, не подумал о символе империи. Они просто предполагали, что по традиции используют нечто простое — возможно, цветные куски материи, которыми обвяжут свои шлемы.

Ирина, которая руководствовалась собственными разведанными и провела много часов за обсуждениями всевозможных проблем с Велисарием и Эйдом, решила по-другому. Таким образом, кушанская армия шла через Азию с огромными, трепещущими на ветру символами нового царства, придуманными лично Ириной. Она украла идею у древних сарматов и монголов из будущего: голова бронзового дракона с флюгером на заднем плане. Небольшие знамена даже привязывали к конским хвостам — ярко, эффектно и бросается в глаза.

— Если ты в состоянии двигаться, то я бы воспользовался твоей помощью, — тихо сказал Кунгас. — Дело приближается к развязке.

Ирина поморщилась. В эти минуты идти куда-то было последним, что ей хотелось. Она привыкла к жизни богатой гречанки и никогда раньше не подвергала себя большим физическим нагрузкам, поэтому долгий переезд сильно ее измотал. Разумом она прекрасно понимала, что разработать мышцы будет лучшим лекарством от непрекращающейся боли. Но тело кричало в голос, уговаривая ее не совершать глупостей.

Тем не менее Ирина тут же поняла, в чем заключается проблема мужа. И еще знала, что она — самая лучшая кандидатура для ее решения. Частично из-за навыков в дипломатии. И частично...

Ирина посмотрела на Кунгаса надменно и презрительно.

— Опять! Позволить упрямым мужчинам пойти на компромисс, потому что все они смогут обвинять в своей придурковатости слабую и испуганную женщину. В этом мире нет справедливости, Кунгас.

Улыбка мужа стала по обыкновению сухой и тонкой.

— Да, правильно, — пробормотал он. — Но это крайне эффективная тактика.

— Помоги мне встать, — прошипела Ирина. — И, вероятно, тебе придется меня нести.

²³ Сарматы — общее название ираноязычных племен, живших с III века до н.э. по IV век н.э. в степях от Тобола до Дуная. В IV веке н.э. разгромлены гуннами.

Ирине удалось-таки идти на своих двоих. Пока они пробирались через рыночную площадь Марва, у нее даже хватило сил остановиться по пути и поболтать с кушанками, расставившими повсюду свои прилавки. Она намеренно игнорировала мелкие знаки Кунгаса, свидетельствующие о его нетерпении. Во-первых, ей периодически требовался отдых. Во-вторых — что было гораздо важнее — отношение женщин повлияет на армию. Видя секретное оружие, Ирина решила использовать его с максимальной выгодой.

В конце концов они с Кунгасом добрались до небольшого дворца, который служил штабом бывшему командующему гарнизоном малва. Это было древнее здание. Изначально, несколько столетий назад, его построили кушаны как загородный дворец. До прихода малва он точно так же использовался Сасанидами, покорившими западную половину Кушанской империи. Персидские завоеватели постановили, что бывшая кушанская земля станет одним из шахров — эквивалентом королевской провинции — и, что важнее, включили ее в состав самого Ирана. Что и являлось предметом нынешнего спора. Теперь после того как Кунгас заново занял Марв при помощи Баресманаса и примерно двух тысяч персидских дехганов, которых император Хусрау отправил сопровождать экспедицию (только до этого места, но не дальше), вопрос, бывший когда-то абстрактным, стал конкретным и требовал решения.

Кто будет новым правителем региона? Кушаны, естественно, склонялись к мнению, что Марв, изначально принадлежавший им, должен снова перейти в их же руки. И еще потому, что именно они изгнали гарнизон малва из окруженного стенами города. Персы только преследовали пытавшиеся бежать уже сломленные войска.

Персы же, напротив...

Когда Ирина вошла в здание, то вздохнула легко. Она почувствовала облегчение после солнца и жары в некоторой степени; но по большей части ее раздражала типичная для персов надменность. Даже Баресманас очень напряженно спорил по этому вопросу. Хотя Ирина подозревала, что причина кроется в строгих указаниях от Хусрау, а не в его личных чувствах.

Двигаясь медленно и болезненно, рядом с Кунгасом, готовым помочь и поддержать, если потребуется, Ирина пробиралась по узким коридорам. Стены дворца специально сделали такими толстыми — чтобы оградить его обитателей от летней жары и зимнего холода. В закоулках грубо построенного здания было темно. Петляя по ним, Ирина внутренне готовила себя к предстоящей схватке. Темнота коридора подпитывала душу, позволяя женщине предстать перед своими людьми как подобает настоящей царице. К тому времени как они с Кунгасом добрались до главного зала, исчезла начальница шпионской сети Макремболитисса, ее сменила Ирина, царица кушанов, и именно эта женщина вошла к собравшимся мужчинам.

— Тихо, — постановила она, затем благодарно опустилась на стул, который тут же подал один из кушанских офицеров, кивнула Баресманасу и трем стоявшим рядом с ним персам. — Я согласна с тобой, Баресманас, и прослежу, чтобы все было сделано. А теперь, пожалуйста, покинь нас. Мы, кушаны, должны обсудить этот вопрос между собой.

Баресманас поклонился и тут же подчинился ей. Через несколько секунд он вместе с остальными персами покинул помещение. Заявление Ирины заставило полдюжины кушанов в зале пораженно замолчать. Их — да, но не Кунгаса. Хоть он и тоже молчал, но ни в коей мере не был поражен. Однако после ухода персов молчание перешло в быстро нарастающий шепот протеста.

— Тихо, — снова сказала Ирина. Затем обвела их холодным взглядом и саркастически фыркнула. — Мальчишки! Глупые мальчишки! Ругаетесь из-за игрушек и безделушек, потому что не можете увидеть горизонт, доступный взрослым.

Она склонилась вперед — не позволяя боли, которую вызвало у нее это движение, отразиться на лице — и повелительно указала на узкое окно, выходившее на северо-восток.

— Вот в том направлении лежит наша судьба, а не в этом жалком, пыльном и жарком месте.

Кунгас улыбнулся. Зная замысел Ирины и поддерживая ее, он все еще считал, что

должен не ронять и собственное достоинство. Ведь это он — царь кушанов, а она. Именно он — тот, кого римляне называют хозяином в доме, а не эта женщина.

— Это один из самых плодородных оазисов в Центральной Азии, жена. А его плодородие стало возможным только благодаря нашим ирригационным системам, которые мы — а не персы, не йетайцы и не малва — построили здесь много лет назад.

Ирина пожала плечами.

— Да, это правда. Ну и что? Центр кушанской державы будет находиться, как и всегда находился, в великих горах на востоке, которые мы станем контролировать. Горная система Гиндукуш — вот что должно стать, центром нашего нового царства. Она и Памир.

После последнего заявления зал погрузился в молчание. Памир считался еще более суровой местностью, чем Гиндукуш. Никто никогда не пытался править там, не считая того, чтобы упоминать это название в списке своих владений.

Ирина улыбнулась. Выражение ее лица было спокойным, серьезным и самоуверенным.

— Вы думаете слишком мелко, — сказала она тихо, — Слишком мелко. Думаете только о ближайшей задаче, как снова завоевать нашу древнюю родину и не дать малва снова отобрать ее. А как насчет будущего?

Васудева, ставший военачальником армии Кунгаса, начал мягко трепать кончик козлиной бородки. Теперь, после того как его первоначальный гнев стал сходить на нет, хитрый полководец вспоминал главную причину, почему все кушаны с энтузиазмом приветствовали брак Кунгаса.

Проклятая гречанка умна.

— Объясни. — Затем, вспомнив о протоколе, добавил: — Если вы будете так добры, Ваше Величество.

Ирина улыбнулась и внезапно расслабилась, и ее хорошее настроение распространилось по всему залу. Потрепанные, суровые кушанские солдаты, несмотря на то что действия, поступки и слова Ирины часто удивляли и забавляли их, испытывали к ней искреннюю любовь и уважали ее ум. Улыбающаяся Ирина — это было то, что они одновременно любили и чему доверяли. У них тоже, если покопать поглубже, имелось чувство юмора.

— Нас слишком мало, чтобы удерживать Марв, Васудева. Все просто. Сегодня, когда персы вынуждены пойти на союз с нами, — да. Если мы будем настаивать и давить, Баресманас согласится. Но что будет после того, как малва падут, а персы залижут раны и захотят новых побед и новых земель для своей империи?

Все кушаны, как один, устали на нее. Затем медленно, один за другим взяли стулья и сели. Никому из них и в голову не пришло спросить разрешения у царя и царицы. И когда они вспомнят про это упущение позднее, их порадует тот факт, что ни один из их монархов — а монархия была двойной во всем, кроме официального названия — совсем не оскорбился из-за такого неформального отношения, да что там — неуважения к их августейшим особам.

На самом деле, Ирина вообще не обратила на это никакого внимания. По складу характера она была мыслителем и всегда наслаждалась умной беседой, во время которой требовалось активно шевелить мозгами. Причем сидя на нормальном стуле, а не в седле.

— Подумайте для разнообразия, — продолжала она после того, как все расселись. — Подумайте о будущем, не о прошлом. Что мы можем контролировать с военной точки зрения — то есть можем удержать против кого угодно после того, как построим необходимые укрепления? Это горы. Но горы не могут обеспечить богатство, которое требуется для процветания нашего царства. Это вкратце и есть та проблема, которая перед нами стоит.

Она замолчала. Кушаны закивали. После того как Ирина удостоверилась, что все они улавливают логику рассуждений, она продолжила:

— Для нас открыты только два выхода из этого затруднительного положения. Первый — захватить плодородные земли в низинах, такие как Марв... — Она подождала мгновение перед тем, как добавить: — И Пенджаб. Как я знаю, многие из вас предполагают, что мы в точности так и сделаем.

И снова кушаны начали напрягаться. И снова губы Ирины презрительно скривились.

— Не надо! Увольте! Я знаю, что Пешевар находится в Педжабе — по крайней мере, на краю. И является одним из священных городов буддистов. — Она опять села на стуле прямо и схватилась руками за подлокотники, чтобы легче было оставаться в этом положении. Это движение несколько облегчило боль в нижней области позвоночника.

— Мы можем потребовать Пешеварскую долину, достаточно легко. Если только не требуем сам Пенджаб.

Она колебалась, задумавшись.

— Я практически уверена, что мы можем потребовать и Мардан вместе с долиной, в которой он стоит, и святынями буддистов — Тахт-и-Бахи и Джамаль Гархи. Если я не сильно ошибаюсь, Велисарий позволит персам получить Синд. Поэтому, после того как падут малва, нашими главными соперниками за богатства Пенджаба станут раджпуты и — я так подозреваю — персы. Пусть он остается у них — если только мы контролируем Пешевар и Мардан.

— И перевал у Кохата! — вставил Кунгас. Очень энергично, так, как муж должен поправлять небольшую ошибку жены.

Ирина кивнула. Очень покорно, как жена должна принимать поправку мужа.

— И перевал. — Затем, фыркнув, добавила: — Пусть другие спорят о самом Кохате. Патанский город! Он принесет нам одну головную боль.

Теперь заговорил Вима, один из старших офицеров в кушанской армии:

— По сути ты предлагаешь, чтобы мы взяли только малую часть Пенджаба, достаточную для захвата перевала Хибер. Требуем Пешевар и Мардан, основывая требования на религиозных соображениях, и даем понять, что не будем претендовать на весь Пенджаб. В то время, как крепко сжимаем в руке Гиндукуш.

— Да.

Вима покачал головой.

— С военной точки зрения, Ваше Величество, логика безупречна. Но эта малая часть Пенджаба не сможет обеспечить достаточно еды для нашего царства. Только если мы не готовы жить, как варвары, а я, например, не готов. Цивилизованной нации требуются сельскохозяйственные угодья, причем довольно много. — Немного виновато он добавил: — Такие, какие обеспечит нам оазис Марва.

Ирина фыркнула.

— Не бойся, Вима! Могу заверить тебя: я еще меньше, чем ты, склонна жить, как варвар. — Она содрогнулась. — Боже, ты можешь это представить? Я? Провести половину жизни в седле?

Кушаны рассмеялись. Ирина рада была увидеть, что ни в чьем смехе не содержалось презрения. В конце концов, она все-таки доехала до Марва на лошади. Твердо отклоняя все предложения перебраться в паланкин или на одну из телег, которыми пользовались прибившиеся к армии женщины.

Нации воинов, в особенности, когда она наносит сокрушительный удар по ненавистному врагу, требуется царица-воительница, которая не станет задерживать их из-за своих слабостей. Ее родословная знатной римлянки порадовала кушанов, так как придала их претензиям определенный романтический ореол и ауру законности. Но им не нужна была немощная оболочка, в которой все это жило. Поэтому, используя свой ум и железную волю, чтобы справиться со слабостями плоти, Ирина терпела. И, несмотря на бесконечный поток шуток, кушанские солдаты все поняли и уважали ее за это.

После того как все отсмеялись, Ирина покачала головой.

— Я говорила, что есть две альтернативы, Вима. Ты упустил вторую. Царство — богатое царство — также может жить и торговлей. И со временем расширяться благодаря торговле.

И снова она показала на северо-восток, еще более царственным жестом. Затем медленно повела рукой на запад — пока не охватила половину северных земель.

— Север. От гор Тянь-Шань до Аральского моря. Мы не станем бороться за Пенджаб с раджпутами или оазисы и неплодородные земли Хоразана с персами. Пусть они работают на полях. Пусть они роют каналы и канавы для ирригации. Мы будем контролировать все переходы, соединяющие землю ариев с Индией, а их — с далеким Китаем. Мы, с нашей военной мощью, пустившей корни в Гиндукуше и на Памире, будем получать прибыль и снимать сливки с этих древних торговых путей. А торговля, после того как уйдут малва и мы будем поддерживать порядок, разрастется подобно гигантским деревьям.

Снова Кунгас вставил свою реплику. На этот раз не как муж, поправляющий жену, а как царь, согласный со своей царицей.

— Да. И под нашим правлением вся Средняя Азия расцветет заново. Бухара, Самарканд, Ташкент — это наши города, они возродятся из пепла. Они станут огромными метрополиями, соперничающими с Константинополем, Ктесифоном и Каушамби.

Теперь все кушанские полководцы в традиционной для них манере теребили кончики козлиных бородок, Вима и Хувишка играли с хвостами, в которые были стянуты волосы, а это определенно свидетельствовало, что кушанские воины погружены в глубокие раздумья.

— Трудно, — пробормотал Васудева. — Трудно. — Он стал теребить бороду еще яростнее. — За Закавказьем лежат огромные степи. Время от времени какие-нибудь племена накатываются, подобно волне, с тех огромных территорий, сжигая, разрушая и грабя все на своем пути. Никому не удавалось загнать их в угол на протяжении не одного столетия. Кушаны сами пришли оттуда, а нас в свое время покорили йетайцы, после того как цивилизация сделала нас более мягкими. Почему бы этому не случиться вновь.

Ирина рассмеялась. С радостью, не сарказмом. Как любой энтузиаст, воспитанный на диалектике Сократа, ничто не доставляло ей большего удовольствия, чем хорошо сформулированный вопрос. Он подобен жирному ягненку, блеющему на алтаре.

— Оружие, огнестрельное оружие, Васудева! Эти степные кочевники никогда не могли похвастаться многочисленностью. Ты знаешь не хуже меня, что рассказы о «ордах» — преувеличение. Могушественными их делало непревзойденное мастерство наездников, быстро передвижения и умение виртуозно стрелять из лука. Но ружья гораздо эффективнее луков, а ни один примитивный кочевник не в состоянии создать то оружие, которое сумеем мы. После того как цивилизация изобретает порох — угроза из степей исчезает достаточно быстро.

Она наклонилась вперед. На этот раз ее энтузиазм был так велик, что она почти не заметила боли, которую принесло движение.

— Я провела много часов с Велисарием, разговаривая с Талисманом Бога. Позвольте мне теперь пересказать вам часть того, что он поведал мне о будущем. О великой стране, которая станет называться Россией, и о том, как она покорила степи.

И она долго — даже после того, как спустилась ночь, — рассказывала кушанам о великом царстве, которое они создадут. Царстве, которое Ирина называла странным названием Сибирь. Царстве, которое будет создаваться медленно, не за одну ночь. По большей части торговцами, исследователями, путешественниками и миссионерами, а не армиями, которые пришли брать силой — хотя армии тоже будут появляться, когда потребуется, из безопасных цитаделей великих гор, породивших их. Царстве, которое будет создаваться медленно, но несмотря на это надежно и уверенно.

Пусть кушаны избегают столкновений с индусами и персами, и не найдется силы, чтобы загнать их в угол в Сибири. Китайцы, как всегда, заняты своими собственными делами. Другое государство, могущее оспаривать местность, которую в другом будущем назвали бы Россией, не родится еще несколько столетий. Появится ли оно вообще в этом новом будущем или нет, Ирина предсказать не могла. Но если и появится, то навсегда останется по ту сторону Уральских гор. Сибирь, со всеми ее богатствами, будет кушанской.

И так, пока кушаны строят фундамент своего собственного будущего, они станут закрывать щитом остальную цивилизацию от набегов варваров. Не имея основания для территориальных споров, римляне, персы и индусы согласятся с тем, чтобы кушаны

контролировали великие торговые пути через Центральную Азию. Могут даже, если к ним обратиться, прислать денег, чтобы разделить затраты на содержание армии.

В итоге солдаты были удовлетворены. План царит пришелся им по вкусу. Он учитывал их осторожность в военных конфликтах настоящего и включал политические амбиции на будущее. Да, их еще немного и они слабы. Но пуская корни в защищенных горах, а не открываясь для нападения в оазисах и долинах реки Инд они заложат основу великой буддийской империи, которая в конце концов охватит половину Азии. На север!

Когда они направлялись назад в свой шатер и Ирина, все еще корчась от боли, с трудом делала шаги, Кунгас позволил улыбке расплыться на своем лице. В темноте, освещаемой только кострами, на которых готовилась еда, и несколькими фонарями на рыночной площади, нельзя было разглядеть это необычно открытое выражение на лице царя.

— Все прошло просто великолепно. Конечно, завтра ты вцепишься зубами в Баресманаса.

Ирина скорчила гримасу. Не от мысли о завтрашних переговорах, а просто потому, что теперь ее спина казалась морем огня.

— Он будет вопить в агонии, — предсказала царица. — Но все равно отдаст мне оружие.

На самом деле, Баресманас не вопил и сопротивлялся из одной только любви к искусству.

— Пожалуйста! Пожалуйста! Мне плохо от одной мысли о том, чтобы провести много часов спорах и грызне! — На мгновение его аристократическое арийское лицо стало таким суровым, что ему позавидовали бы самые ревностные главы римских семейств. — Конечно, я беспокоюсь не за себя! Ни в коем случае думай так! Но ты — хрупкая женщина, и тебе нелегко дается переносить все тяготы путешествия. Я просто чувствую, как меня переполняет галантность. Оружие твое, Ирина. По крайней мере, пушки. Хусрау настаивал, чтобы я не отдавал ружья.

— Я хочу получить по крайней мере половину из них! — рявкнула Ирина. От боли она стервенела. — И три четверти пороха и пуль. Твои проклятые дехганы в любом случае не умеют всем этим пользоваться — и ты знаешь это не хуже меня! — Баресманас неуклюже поерзал на стуле.

— Я предвидел это. Даже предупреждал императора! — Он снова вздохнул и уныло покачал головой. — А, хорошо. Мы, арии, всегда славились своей щедростью. Я — игрушка в твоих руках.

Ирина сменила положение на стуле, вновь оперевшись на подлокотники, чтобы ослабить боль в спине. Затем весело улыбнулась.

— О, не надо быть таким мрачным. В конце концов, Хусрау вряд ли сможет наказать тебя слишком сурово. Уж точно не теперь, когда твоя дочь — новая римская императрица! А то может начаться война.

Три дня спустя кушанское войско покинула Марв, оставив Баресманаса и сопровождавших его персов единственными владельцами плодородного оазиса. С армией отправились все кушанские ремесленники, которых год назад перевез в Марв Дамодара во время кампании на Персидском плато. Они не захотели оставаться в городе под властью ариев, печально известных своей надменностью. Но еще больше они горели энтузиазмом, желая включиться в дело основания империи. Большинство из них были родом из Беграма. А именно к этому городу — самому большому городу в мире, центру кушанской торговли и ремесленничества — отправлялся Кунгас. Он собирался отобрать его у малва.

Когда Ирина с неохотой плелась к своей лошади, ее приветствовали приставшие к армии кушанки и семьи ремесленников.

Пока она шла, к ней подбежали несколько кушанских солдат с паланкином. Они стали уговаривать царицу поехать в нем — наплевав на обычаи, они предлагали сами нести его, вместо того чтобы поручить это дело рабам

Ирина просто покачала головой и прошла мимо. За спиной она слышала, как кто-то с радостью получает выигранные деньги.

— В следующий раз, когда я увижу Антонину, скажу ей пару резких слов о том, что значит смотреть на лошадь, — пробормотала она себе под нос.

Через три часа после начала марша к Ирине подъехала группа кушанок и пристроилась рядом. Их было пятеро и все они были довольно молоды: старшей — не больше двадцати, младшей — около пятнадцати.

Ирина удивилась. Не кушанкам-всадницам, это было не слишком типично, но ни в коей мере не считалось странным и необычным. Ее удивило то, что у всех у них к поясам прикреплены мечи, к седлам — луки и колчаны со стрелами, а в руках девушки держат копьа.

— Мы — твоя новая охрана, — гордо объявила старшая.

— Царь сказал, что это подходит твоей персоне, — добавила младшая. Очень напряженно, словно ожидала возражений и споров.

Старшая, опасаясь того же, быстро заговорила дальше:

— Мы спросили у старших. У всех нас — у каждой! — есть сарматские предки. — Потом добавила с некоторой неуверенностью: — По крайней мере, несколько. В конце концов, они есть у всех кушанов.

Ирина улыбнулась.

— Отлично! Я не могла бы и просить других телохранителей! Я чувствую себя намного лучше с вами.

Царица уже прославилась среди своих подданных любовью к сарказму. Поэтому молодые кушанки все еще смотрели на нее с беспокойством и неуверенностью.

Ирина стерла с лица всяческую веселость.

— Я говорю вполне серьезно. Я уверена, что вы прекрасно справитесь, если кто-нибудь вздумает меня атаковать. Но что еще более важно — вы будете охранять меня от настоящего врага.

Старшая девушка засмеялась.

— От скуки! Мужчины никогда не знают, о чем поговорить во время марша. Кроме их глупых ставок.

При упоминании ставок девушки значительно повеселели. Ирина была почти уверена, что все они только что изрядно пополнили свои сбережения.

— Кто-нибудь из вас умеет читать? — спросила она. Увидев, как все пятеро покачали головами, Ирина не удержалась от ехидства:

— Следовало ожидать! Ну, я такого не потерплю, мои милые дамы! Если вы собираетесь быть моими телохранительницами, то вы, черт побери, научитесь читать! Я смогу учить вас, сидя на лошади, — вот посмотрите и увидите, что смогу.

Она несколько успокоилась.

— Таким образом, нам обеспечены интересные разговоры на предстоящие недели и месяцы. Ха! Иногда я теряюсь в догадках, что обсуждали эти глупые неграмотные богини, за исключением шитья и соращения.

Глава 14

ХАРК

Лето 533 года н.э.

Антонина осмотрела большую толпу, собравшуюся в зале для приемов во дворце императора Хусрау. «Что бы ни происходило, персы всегда настаивают на пышных

церемониях», — подумала она уныло.

Дворец когда-то принадлежал императорскому чиновнику, осуществлявшему надзор за Харком. Малва, захватив город, сделали это здание своим военным штабом. Затем, после того как Харк отвоевал Велисарий, дворец вернулся к персам. А с тех пор как Хусрау решил обосноваться в Харке на время войны, здание приобрело все атрибуты императорской резиденции. Да, персы не настаивали на перестройке всего здания. Только не теперь, когда их императором был деятельный и практичный Хусрау. Но они починили все, что было разрушено во время войны, заново выкрасили стены и привезли всевозможные украшения из столицы империи Ктесифона. А также напичкали дворец знатными особами со всей обширной Персидской империи — или так казалось осматривавшей сцену Антонине.

«Боже, ты только взгляни на эту толпу! Как сардины в амфоре!»

Она заметила Усанаса и нескольких аксумских офицеров в нише, примыкающей к главному залу. Аксумиты принесли несколько стульев и сидели на них за небольшим столиком, уставленным кубками и кувшинами с вином. Столик был очевидно персидским по исполнению, и Антонина лениво подумала, каким образом аксумитам удалось его заполучить. Она не видела больше ни одного столика ни в самом зале, ни в одной из ниш.

«Вероятно, пригрозили дворецкому устроить погром, — она тихо усмехнулась. — Что вдобавок объясняет относительно малое количество людей рядом с ними. Даже персидская знать неловко чувствует себя рядом со вспыльчивыми аксумитами».

Они, как и римляне, теперь стали союзниками Персидской империи. Но аксумиты не обладали римским терпением и не испытывали надлежащего уважения к официальному персидскому протоколу, а также к тонким социальным различиям и помпе, которая являлась основной частью всех ритуалов. Уже произошло несколько мелких стычек между аксумитами и персами. Ни одна из этих стычек не была серьезной, если не считать пьяных драк между матросами в порту, но персидские аристократы в массе своей избегали компании аксумитов, если к тому не вынуждала суровая необходимость.

Это отношение полностью устраивало самих аксумитов, и они отвечали ариям взаимностью. Усанас заметил Антонину и махнул рукой, приглашая присоединиться. Она улыбнулась и покачала головой.

Поняв значение жеста, Усанас улыбнулся ей и вернулся к пьянке. Антонина вздохнула.

— Кто-то же должен выглядеть дипломатом, — пробормотала она себе под нос.

Женщина бросила хмурый взгляд на толпу, разделявшую ее и императора. Хусрау сидел на троне, установленном на возвышении в дальнем конце зала, и был единственным человеком, сидевшим в помещении. По прикидкам Антонины, ей придется потратить минут десять, чтобы пробраться к августейшей особе — как римскому дипломату, ей требовалось официально засвидетельствовать свое почтение.

«И в два раза больше времени, чтобы протолкаться назад, следуя против направления движения. К тому времени как я наконец выберусь, я буду напоминать выжатую виноградину».

Она забыла о своих телохранителях.

— Позволь нам, — послышался голос Матвея из-за спины.

Стоя за Антониной и возвышаясь над ней, он казался гигантом.

Мгновение спустя Матвей и Лев прокладывали Антонине дорогу сквозь толпу. Следуя за телохранителями, она поразилась скорости, с которой они продвигались. И еще больше тому, что два ее охранника действовали почти нежно. Ни Матвей, ни Лев не имели при себе оружия — это запрещалось в присутствии императора. Они даже не работали руками, просто шли и шли вперед, раздвигая ряды людей. Совокупность их габаритов, физической силы и по-настоящему жутких черт лица производили на толпящихся неизгладимое впечатление. Не прошло и двух минут, как Антонина оказалась у подножия императорского трона.

Увидев ее, Хусрау улыбнулся и чуть наклонился.

— На самом деле от тебя это не требуется, — тихо сказал он. — Это все — чистая формальность, поскольку мы тобой увидимся завтра на нашем обычном совещании

— Нет, требуется, — прошипела в ответ Антонина. — Или половина твоей знати к концу вечера будет шептать тебе на ухо о неизбежном предательстве Рима. И завтра нам с тобой потребуется потратить все время на то чтобы придумать, как опровергнуть эти слухи, и этого вместо того, чтобы планировать кампанию.

Хусрау усмехнулся.

— И такое же количество твоих чиновников, готов поспорить, станут заниматься тем же самым.

Антонина уверенно покачала головой.

— Только треть. Римляне не так обидчивы, как арии, император. — Она нахмурилась. — Что, признаю, вероятно, касается только официальных лиц. Поскольку треть моих чиновников настолько коррумпированы, что не обращают внимания на что-либо, за исключением подсчета взяток.

На этот раз Хусрау громко рассмеялся. Услышав этот звук, практически все в большом зале застыли, как по мановению волшебной палочки. В помещении воцарилось молчание. Сотни глаз были направлены на императора, смеющегося шутке жены Велисария.

Каким-то совсем неуловимым образом из зала ушло напряжение. Мгновение спустя все вернулись к прерванным разговорам.

— Еще один успешный маневр, — тихо сказал Хусрау. — Иди, Антонина. Кажется, в той нише с неуважительными черными дикарями гораздо комфортнее. И если я достаточно хорошо знаю Усанаса, то вино там даже лучше, чем то, которое наливают мне слуги.

На лице императора появилось выражение легкой печали, словно он испытывал определенную зависть. Хусрау был крайне энергичным человеком, и Антонина несколько не сомневалась, что он предпочел бы сидеть за одним столом с веселыми дружелюбными аксумскими офицерами, чем проводить много часов на массивном троне в зале приемов.

Но грустил император недолго. В конце концов, Хусрау Ануширван был императором земель иранских и неиранских. И, сказать по правде, ему очень нравилось это положение, несмотря на возникающие время от времени неудобства.

Антонина кивнула и отступила от трона. Через три минуты, с легкостью проследовав по проложенному для нее Матвеем и Львом коридору, она уже сидела на стуле в нише. И с довольным видом тянулась к полному вина кубку, который приготовил для нее Усанас.

Она едва успела сделать глоток, когда услышала, как кто-то откашлялся у нее за спиной. Еще один чиновник, которому требовались ее указания по какому-то мелкому вопросу.

Антонина сделалась раздражена больше, чем обычно.

— Разве это не может подождать... — начала она, поворачивая голову. Затем, увидев, что за спиной у нее стоит Дриопий, замолчала. Одной из многих черт, которые нравились ей в секретаре, было то, что он, в отличие от многих римских чиновников, не обращался к начальнице по мелочам.

Дриопий слегка хмурился.

— Прости, что потревожил тебя, Антонина. Но меня немного беспокоит ситуация с «Киркой». Правильнее сказать — сильно беспокоит.

— Почему? Что сказали инспекторы?

— Они не отчитались, Антонина. Я не видел их и не слышал о них с тех пор, как сегодня утром мы отправили их на корабль.

Антонина напряглась и поставила кубок на стол.

— Это было много часов назад!

С лиц аксумитов исчезло веселое выражение.

— Что случилось, Антонина? — спросил Усанас.

Женщина быстро обрисовала ситуацию. Упрямое нежелание — странное при сложившихся обстоятельствах — братьев Ако и Нумения предоставить свой корабль для перевозки военных грузов; ее сегодняшнее решение отправить на судно инспекторов.

— Малва, — твердо заявил Усанас. — «Кирка» нагружена порохом и там полно солдат

малва. Это брандер, готовый спалить наши суда в гавани.

Этот быстрый ответ подвел итог худшим из страхов Антонины. Она вскочила и направилась к выходу из дворца. Она услышала, как за спиной отодвигаются стулья. Аксумиты последовали за ней.

— Но этот корабль держали вне пределов самой гавани, не так ли? — спросила она у Дриопия, который шел рядом с ней.

— О да, — заверил он Антонину. — Пока корабль не пройдет проверку, ему не разрешается проходить мимо защитного ряда галер. Ты велела это в самом начале. Я следил, чтобы твои указания выполнялись скрупулезно.

Усанас догнал их и услышал последние слова Дриопия.

— Не имеет значения, — резко сказал он. — Малва — хитрые, и у них отличные шпионы. К этому времени процедура проверки стала обычной рутинной. Малва подождали, пока не пройдет достаточно времени, чтобы все успокоились и работали спустя рукава.

— Но корабли проверялись, — упрямо настаивал Дриопий. — Ни один не вошел в саму гавань без инспекции. Ни один!

Антонина посчитала, что обязана защитить своего секретаря.

— Он прав, Усанас. И в то время, как я не сомневаюсь, что многие провезли с собой контрабанду, это не то же самое, что саботаж. Ни один инспектор, независимо от того, насколько он коррумпирован, не сошел с ума настолько, чтобы брать взятки у малва, везущих солдат и оружие.

Усанас покачал головой.

— Проблема не в инспекторах. Проблема в галерах. К этому времени солдаты и моряки так заскучили, выполняя свою работу, что ни на что не обращают внимания.

Они добрались до дворцового айвана, который в этот вечер использовался как место для хранения оружия знатных господ, наслаждающихся гостеприимством Хусрау. Оружие аксумитов выделялось так же, как и они сами, поэтому к тому времени, как Антонина с Усанасом приблизились, персидские солдаты уже протягивали им вещи.

Усанас ни принес ничего, кроме своего огромного копья. Он нетерпеливо ждал, пока другие аксумиты облачались в доспехи и прикрепляли перевязи с мечами. Наконец офицеры подхватили копья и вся компания поспешила прочь из айвана.

Сама Антонина не принесла с собой никакого оружия, о чем теперь сожалела. Но когда она пробормотала что-то вслух по этому поводу, Усанас мрачно улыбнулся:

— Не беспокойся. Твоя служанка была умной и находчивой еще до того, как я стал ее любовником.

В этот момент они вышли из айвана на улицу; Антонина тут же заметила Кутину, сидевшую на корточках среди небольшой толпы слуг, поджидающих своих хозяев и хозяек с императорского торжества.

Но оказалось, что Кутина была единственной среди слуг, кто не сидел на корточках. Она удобно устроилась на чемоданчике. Девушка заимела привычку всегда брать с собой этот кожаный, отделанный латунью чемоданчик ручной работы — куда бы они с Антониной ни отправились (за исключением мест, непосредственно прилегающих к небольшому дворцу, в котором поселилась ее хозяйка). Несколько недель назад служанка попросила у Антонины денег, чтобы заплатить за довольно дорогой предмет. Конечно, Антонина с готовностью выделила их. Она уже давно полностью доверяла способностям Кутины разбираться со всеми домашними делами.

Хотя у Антонины не раз возникали вопросы относительно этого чемоданчика. Он был достаточно большим и тяжелым, так что Кутина попросила приделать к нему ремни, чтобы она могла носить его на спине. В тот единственный раз, когда Антонина все-таки задала прямой вопрос, Кутина обезоруживающе улыбнулась и сказала, что в нем лежат необходимые вещи, которые могут понадобиться, хотя это и маловероятно.

Кутина заметила хозяйку раньше и уже спешила к ней. Девушка сразу же поняла, что что-то случилось — судя по мрачному лицу госпожи. И вместо того, чтобы продеть руку под

ремни и закинуть чемоданчик на спину, она начала открывать замки.

У Антонины внезапно зародились подозрения.

— А в нем?.. — Усанас фыркнул.

— Я же сказал тебе: умная и толковая девушка. — Нахмурившись, он посмотрел на юг, в сторону гавани. — Солнце уже село. Сегодня новолуние, будет очень темно. Малва хорошо спланировали операцию.

Антонина все еще не была так уверена в случившемся, как Усанас, но с облегчением увидела содержимое чемоданчика после того, как Кутина открыла его и поставила перед ней. Внутри лежали пистолет и мясницкий нож Антонины, вместе с ножнами.

— Я пыталась придумать, как носить с собой вашу кирасу, — виновато сказала Кутина. — Но мастер, который изготовил для меня эту сумку, сказал, что ее потребуется сделать размером с сундук. Его было бы очень тяжело таскать.

— Да уж, вес этой кирасы я знаю и без тебя, — проворчала Антонина, пристегивая ножны к поясу. Затем добавила более весело: — Это не имеет значения, Кутина. Проклятая кираса на море больше мешает, чем помогает. А мы как раз направляемся в гавань. Я очень рада, что ты оказалась достаточно предусмотрительной, чтобы взять с собой мое оружие. Спасибо тебе за это.

Кутина отреагировала на похвалу, одновременно улыбнувшись и нахмурившись.

— Пожалуйста, — ответила она. — Но вам не следует использовать все сразу, — сказала с суровым видом и обвиняюще указала на Матвея и Льва. — Они здесь для того, чтобы драться!

Матвей выглядел смущенным. Лев, кажется, хмурился, но по нему это было сложно понять. Он всегда выглядел нахмуренным.

Антонина подумывала, не вызвать ли паланкин. Но же отказалась от этой идеи. Потребуется по крайней мере три паланкина, что нести ее саму, ее телохранители и аксумитов. К тому времени, как ей удастся все организовать, они сами смогут пройти половину пути до гавани. От императорского дворца до причалов меньше мили.

Аксумиты пришли к тому же выводу и побежали трусцой. Антонина поспешила за ними. Этот темп аксумские солдаты могли выдерживать часами. Антонина не могла, но была уверена, что сможет дотянуть до гавани.

— Я не собираюсь участвовать в заварушке, — из-за усилий, которые ей приходилось прилагать, поддерживая нужную скорость, слова прозвучали очень резко.

— Вы всегда так говорите, — твердо ответила Кутина. — И посмотрите, что получается! Вспомните схватку с арабами! Или как вы участвовали в захвате корабля Великой Госпожи Холи!

— Это не подобает даме, — настаивала Антонина. Она начала дышать тяжелее.

Как и Кутина, но служанка не собиралась прекращать спор.

— Обещания! — Она посмотрела вперед, во тьму над заливом. — Вы уверены, что нам придется выходить в море? — И добавила мрачно: — Я не очень хорошо плаваю.

Ты можешь остаться на причале.

— Куда вы, туда и я. Но вы — уверены?

Антонина собиралась ответить, что на самом деле ни чем не уверена. Но в этот момент мрак над водой внезапно озарился вспышками света. Напоминающими, в своем роде, горизонтальные молнии.

— Я уверена, — сказала она. — Это стреляют малва. Атака началась.

Глава 15

Они добрались до причалов через несколько минут, к тому времени, как они оказались на месте, римские офицеры подготовили по крайней мере восемь галер, первая из которых уже отчаливала.

— Впечатляет, — заявил Усанас. — Возможно, корабли, охраняющие вход в гавань,

застали врасплох, но остальные оставались начеку.

Один из аксумских офицеров хрипло рассмеялся.

— Внезапно начавшееся сражение обычно помогает разбудить спящих матросов. — Он вглядывался в залив за гаванью — в то, что можно было рассмотреть в темноте — и наконец объявил: — Думаю, сильно повреждены три галеры — из тех, что охраняли вход в порт. Я не видел огня больше минуты, да и тогда они сделали всего один выстрел.

— Значит, вышли из строя, — согласился Усанас. — Давайте надеяться, что выжившие смогут довести свои суда до берега. Но это не имеет значения. — Он показал пальцем на готовившиеся отчалить галеры. — Этих не застанешь врасплох. Малва не зайдут в гавань.

Антонина изучающе осмотрела корабли. На каждом находилось примерно двести пятьдесят человек — гребцов и солдат. Как и обычно, в отправляющуюся в бой боевую галеру запикивают столько людей, сколько может туда поместиться. И, за исключением тяжелого бревна для пробивания вражеских судов, установленного на носу, каждая представляет собой просто «скорлупку». При строительстве боевых галер жертвовали всем ради скорости.

Затем взгляд Антонины скользнул по причалам и остановился на «Феодоре-Победительнице». На этом небольшом корабле, выстроенном специально под новую пушку, был очень скромных размеров экипаж. И судно было сделано надежным и крепким — нос закрывал умело спроектированный щит. В сражении от «Феодоры-Победительницы» требовалось просто плыть на врага, игнорируя всех и вся, пока она не окажется на достаточно близком расстоянии, чтобы искупать вражеские корабли в брызгах адского пламени.

«Феодора-Победительница» тоже была готова к отплытию; хоть защита гавани и не являлась одной из ее обязанностей, офицеры и команда судна немедленно отреагировали на непредвиденную ситуацию. Антонина видела Эйсебиа, стоящего на причале рядом с кораблем. Он смотрел в море. Порт хорошо освещался даже ночью, так что Антонина легко его узнала.

— Нет, — сказала она решительно. — Мы оставим галеры позади, как последнюю защиту, и используем «Феодору-Победительницу».

Она уже спешила к кораблю, отдавая приказы, когда пробежала мимо морских офицеров, толпившихся на причалах. К счастью, командующий патрульными силами гавани в этот момент сам остановил Антонину, и она смогла переложить на него задачу попридержаться галеры.

— А что с пушками? — спросил он и махнул рукой в темноту. — Пока что я приказал им не открывать огонь, потому что ничего не видно, я боялся, что они могут попасть по своим.

Антонина посмотрела на укрепления над гаванью. Стволы дюжины огромных пушек поблескивали в отсветах фонарей.

— Держи их заряженными и готовыми к стрельбе, — приказала она. — Когда придет время, я отправлю сигнальную ракету. Зеленую.

— А во что они будут стрелять? — спросил командующий.

Антонина улыбнулась.

— У них не возникнет проблем с целью. Поверь мне.

Командующий кивнул и ушел. Их короткий разговор позволил Усанасу и остальным аксумитам догнать женщину.

— Ты сошла с ума? — спросил Усанас. — Зачем использовать «Победительницу»? Галеры вполне справятся. Достаточно легко, уверяю тебя.

Кто-то из аксумитов согласно забурчал себе под нос.

Антонина упрямо покачала головой.

— Не сомневаюсь, Усанас. И что потом? — Увидев непонимание на его лице, она раздраженно вздохнула.

— Подумай, Усанас. — Она мотнула головой на все еще невидимое судно малва. —

Этот корабль — между прочим, это твоя теория! — наполнен взрывчатыми веществами. Достаточным количеством, чтобы подорвать весь наш флот. Еще он должен быть набит жрецами Махаведы. Фанатиками. Никому больше нельзя доверить выполнение подобной самоубийственной миссии.

Усанас слегка дернулся, внезапно уловив, что она имеет в виду.

— После того как жрецы Махаведы поймут, что у них нет шанса добраться до гавани...

— Они подождут, пока их не окружит побольше галер, а потом взорвут корабль, — мрачно закончила за него Антонина. И снова поспешила по направлению к «Победительнице». — Сомневаюсь, что после этого хоть одна галера останется на плаву. Две тысячи человек — и даже больше! — окажутся выброшенными в море примерно в миле от берега. Половина из них умрет еще до того, как попадет в воду. Плюс мы потеряем половину оставшихся, пока будем разыскивать их в темноте.

— Больше половины, — шагая рядом с женщиной, пробормотал Усанас. И добавил хмуро: — И почему только римские солдаты отказываются учиться плавать? Ни одного аксумита не пускают на борт, пока он не сможет доказать...

Его сравнение достоинств римских и аксумских моряков было прервано криком узнавшего их Эйсебиа.

— Мы выходим! — крикнула в ответ Антонина, добавила себе под нос: — Или как это правильно сказать на морском языке?

— Не надо насмехаться над моряками, женщина, — хмыкнул Усанас. — Они — это то, что заставит сработать твои сумасшедший план. Или ты не заметила, что нам придется плыть по ветру?

Антонина виновато поняла, что об этом вообще не думала. Наверное, она слегка затормозила от удивления, поскольку Усанас тут же рассмеялся.

— Я так и подозревал!

Они уже почти добрались до «Победительницы». К этому времени Антонина начала пыхтеть от усталости. Ведь она бежала от самого дворца. Но ей удалось выпалить:

— А мы сможем это сделать?

Усанас скорчил гримасу.

— Ветер дует в нужную сторону. И нам поможет течение. Поэтому мы будем двигаться быстро, в то время как наши враги станут пытаться загрести в гавань. Но после того, как мы окажемся рядом...

Теперь они уже стояли у самой «Победительницы». Вместо того чтобы отвечать на вопросы Эйсебиа, Антонина просто схватила его за руку и потащила за собой к трапу, потом толкнула на сходни. К тому времени, как Антонина с Усанасом оказались на борту, Эйсебий уже начал отдавать нужные приказы.

Антонина поспешила вперед и нырнула в защищенный угол на носу корабля. Под тенью тяжелого и хорошо сделанного щита царила непроницаемая тьма. Антонина ощупью пробралась к прорезам для наблюдения и уставилась на горизонт. Теперь все в гавани было погружено во тьму. Женщина с опозданием поняла, что совсем не подумала об основной проблеме: а как мы заметим врага?

К счастью, об этом позаботился Усанас. Антонина услышала, как он подходит к ней парой минут позже.

— Я только что уточнил у Эйсебиа, Антонина. На «Победительнице» двадцать ракет, специально предназначенных для ночных операций. В дополнение к обычным сигнальным. Мы должны опознать корабль малва после того, как выйдем из гавани.

«Победительница» отошла от причала. Антонина чувствовала движение судна и слышала непрекращающийся однородный гул, из которого резко выделялся высокий голос Эйсебиа.

Она немного загрустила, вспомнив об Иоанне Родосском, благодаря которому Эйсебий теперь так уверенно отдавал команды. Антонина помнила, как в первый па, много лет назад, встретила с Эйсебием у себя в усадьбе в Дарасе, Иоанн нанял его помощником для работы

по созданию огнестрельного оружия. Несмотря на все свои блестящие способности, молодой Эйсебий был самым робким и неуклюжим в общении человеком, которого она когда-либо встречала в жизни.

Но это ушло в прошлое. Да, у Эйсебия всегда будет лишь часть той естественной легкости, с какой командовал Иоанн, но артиллерист уже очень далеко ушел от того, с чего начинал. И подготовка Эйсебия являлось лишь малой частью огромного наследия Иоанна Родосского, которое он оставил после себя. Антонина позволила себе несколько мгновений скорби.

Но немного. Требовалось еще выиграть сражение.

Она отвернулась от смотровой щели и стала на ощупь пробираться в темноте.

— Помоги мне найти кремни, Усанас, чтобы мы смогли зажечь фонари. Они должны быть где-то здесь на полке... Неважно.

Она добралась до шкафчика и быстро открыла его. Роясь внутри, нашла один из кремней. Несколько секунд спустя первый фонарь из находившихся внутри отсека был зажжен и Антонина наконец смогла хоть что-то рассмотреть.

Первой она увидела Кутину, втиснувшуюся в отсек вместе с Матвеем и Львом.

— А ты что здесь делаешь? — спросила Антонина. Кутина робко улыбнулась и протянула чемоданчик

— Вы не взяли пистолет. Только нож. Поэтому я подумала, что мне стоит принести его вам. На всякий случай.

Антонина вздохнула, частично с раздражением, частично с любовью.

— Тебе совсем не следовало приходить сюда. Поэтому оставь чемоданчик и спускайся вниз, в трюм. — Она посмотрела на Матвея. — Проследи за этим, пожалуйста.

Кутина начала возражать, но Матвей заставил ее уйти еще до того, как она успела закончить первую фразу.

Следующим, что увидела Антонина при тусклом свете фонаря, была широкая улыбка Усанаса.

— А ты что тут делаешь? — спросил он. — У тебя здесь не больше дел, чем у нее.

Антонина раздраженно покачала головой.

— Я могу то же самое спросить и у тебя, Усанас! Это римский корабль, а не аксумский.

— Я уже привык следить за тобой, — ответил он, когда закончил зажигать фонари. Потом положил кремль назад в шкафчик и пожал плечами. — Но я велел своим офицерам остаться на причале. Нет оснований рисковать ими. — Он посмотрел на огромное, сложное приспособление, занимавшее большую часть отсека. — Их знания о пушках, стреляющих зажигательной смесью, сравнимы с самой маленькой в мире книгой.

Это замечание заставило саму Антонину посмотреть на смертоносное оружие. Когда горели все фонари, истинное назначение «носового щита» становилось очевидным. Она подумала, что это укрытие стоило бы называть точнее — «орудийной башней». Да, она не может сдвинуться с места. Но тем не менее это самая настоящая орудийная башня.

Впервые за этот вечер Антонина почувствовала себя несколько неуютно. По правде говоря, хоть она и понимала основные принципы работы пушки, но не предьявляла, как обращаться с этим агрегатом в боевых условиях. И не только в боевых.

В этот момент в отсек зашел Эйсебий. Антонину успокоил уверенный взгляд, который он бросил на пушку. Несмотря на то, как нелепо вел себя Эйсебий на публичных мероприятиях, он являлся лучшим в мире оружейным техником.

— Тебе придется стрелять из пушки, — объявила Антонина.

Глаза Эйсебия округлились. «А кому еще-то?» — было очевидной мыслью, проступившей на его лице. Антонина обнаружила, что с трудом сдерживает смех.

— Хорошо. Этот вопрос решен. Что нам делать с Усанасом?

Эйсебий переводил взгляд с одной на другого.

— Я больше всего хочу, Антонина, чтобы ты не мешалась под ногами. Только скажи мне, чего ты желала бы добиться. — Он посмотрел на копье Усанаса. — А вот его я

предпочту иметь рядом. Нет никакой гарантии. «Победительница» не проектировалась для взятия на абордаж. Но... никогда не знаешь точно.

— Мы сами не собираемся брать ничьи суда на абордаж, Эйсебий, и не собираемся никому позволять делать то же самое с нами. Наоборот, я хочу оставаться как можно дальше от корабля малва. Он должен быть наполнен порохом и всеми зажигательными смесями, которые только известны людям.

Эйсебий кивнул. Он, очевидно, и сам об этом догадался.

— Ты просто хочешь поджечь его, как факел, а потом убраться как можно дальше до того, как все взлетит на воздух. Но у малва могут быть другие планы, поэтому не могу сказать, что огорчен, видя рядом с собой Усанаса с копьем. У нас очень мало людей для отражения любой попытки взять нас на абордаж.

Он прошел вперед, с трудом обогнув Антонину — из-за пушки в отсеке было очень тесно, — затем заглянул в смотровую щель.

— Ничего не вижу, черт побери. Экипаж готов выпускать осветительные ракеты. И первую — в самое ближайшее время. Мы не представляем, как близко подошел вражеский корабль.

— Ну тогда давай, стреляй. Но только не зелеными!! Зелеными я буду подавать сигнал пушкам на берегу, — сказала Антонина.

Эйсебий снова протиснулся мимо нее. Когда он добрался до выхода из носового отсека, Антонине внезапно пришла в голову мысль.

— Эйсебий! Меня удивляет одна вещь. Если у нас есть ракеты для ночной стрельбы, то почему их нет у батареи в гавани? У них, по идее, должны быть такие же, но большие по размеру.

Эйсебий с интересом уставился на Антонину.

— Да. На самом деле. Гораздо большего размера. Настолько, что можно было бы освещать море на несколько миль так, чтобы пушки вели прицельную стрельбу даже ночью.

Он откашлялся.

— А что касается «почему»... Ну, главная причина заключается в том, что никто об этом не подумал.

Эйсебий склонил голову и вышел из отсека. Усанас рассмеялся.

— Война — слишком серьезное дело, чтобы оставлять его в руках мужчин, Антонина.

— Ты читаешь мои мысли! — Она повернулась к смотровой щели и заглянула в темноту. — Но учти: мужчин хорошо иметь рядом, когда нужна грубая сила.

Глава 16

Несколько минут спустя выпустили первую ракету. Антонина стояла, прижав лицо к щели в щите, и осматривала море в поисках приближающегося корабля-самоубийцы малва.

Ждать оказалось недолго. Ракета вспыхнула примерно в трехстах футах над поверхностью воды и осветила довольно большую площадь. Но парашют не смог раскрыться, и использованная ракета рухнула в воду.

— Черт побери! — Антонина отвернулась и уставить на Эйсебия. — Что-то пошло не так?

Эйсебий не казался сильно обеспокоенным.

— Ничего нового. — Он выпрямился и пожал плечами. — Эти ракеты сделаны довольно грубо, Антонина. Не сложнее, если не считать выхлопные сопла, чем самые простые ракеты малва. Больше половины времени ракетное топливо горит слишком неровно, или слишком сильно разогревается, или и то, и другое сразу. И из-за этого загорается место прикрепления парашюта, до того, как начинает работать непосредственно освещение.

— Так почему мы не решим эту проблему? — проворчала Антонина.

— Она того не стоит. Тогда ракеты будут слишком дорогими. А так мы можем брать их с собой в очень больших количествах.

Эйсебий повернул голову и прокричал — если быть точным, провизжал — матросам, ждавшим у ракетных желобов прямо за носовым щитом, чтобы выпускали еще одну. Они, очевидно, уже ждали приказа, и следующая ракета взмыла в воздух через несколько секунд.

— Суть заключается в том, что не нужно пытаться осмотреть все море сразу, — пояснял Эйсебий тихим голосом, снова прижимаясь к смотровой щели. — Я всегда предполагаю, что с ракетой что-то пойдет не так, поэтому начинаю с осмотра территории прямо впереди. Затем, когда выпускаем следующую, смотрю на то, что у меня слева. Потом...

Он замолчал. Взорвалась вторая ракета — и снова не раскрылся парашют.

Антонина раздраженно ударила кулаком по щиту.

— Ничего не вижу!

Эйсебий уже выкрикивал следующий приказ. Затем опять повернулся к наблюдательному посту.

— Ни перед нами, ни слева ничего нет. А теперь посмотрим, что там по правому борту.

Антонина задержала дыхание. Затем снова начала ругаться. На этот раз громче. Парашют третьей ракеты раскрылся. Не зажглось сигнальное пламя, и единственным освещением стало тусклое мерцание все еще тлеющего фюзеляжа, когда ракета медленно спускалась.

— Еще одну! — заорал Эйсебий.

Но необходимость в этой ракете практически отпала. Как раз перед тем, как Эйсебий отдал приказ, Антонина внезапно увидела вражеское судно. Его высветила вспышка, когда малва poslali в их направлении целый залп. Три выпущенные римлянами ракеты совершенно точно указав врагу на их расположение.

— Глупо, — пробормотал Эйсебий. — Нас разделяет триста ярдов. Им следовало подождать.

Антонина задержала дыхание. Но Эйсебий оказался прав. Пять из шести выпущенных малва снарядов не долетели до римского судна целых пятьдесят ярдов. А одна взорвалась в воздухе, едва покинув вражеский корабль. Малва тоже страдали от несовершенства конструкции.

Последний снаряд отскочила от поверхности моря и пролетела мимо кормы «Победительницы» не более чем в десяти футах.

Антонина повернула голову и увидела, как Усанас пробирается в носовой отсек. Места стало еще меньше, так как помещение было рассчитано на то, что пушку будут обслуживать всего три человека. Аквабе ценцен Аксумского царства улыбнулся Антонине.

— Становится жарко, — сказал он. — Здесь, под защитой этого великолепного щита, гораздо прохладнее.

Забавно, что четвертая выпущенная римлянами ракета сработала идеально. Теперь Антонина прекрасно видела вражеское судно.

— Тебе тоже следует отойти, Антонина, — пробормотал Эйсебий. Его тон был немного виноватым, но твердым. — Ты больше ничего не можешь сделать. Все и так достаточно ясно. Малва борются с ветром и течением, которые помогают нам. Теперь все работает на нас. Им приходится использовать весла, а это значит, что им сложно давать бортовые залпы, так как тогда они могут сойти с курса. И скоро мы окажемся с ними нос к носу. Сомневаюсь, что они могут выпускать больше, чем по два снаряда за раз.

Антонина с неохотой отошла от наблюдательного поста начала пробираться назад. Двигаться по такому узкому ходу с ее пышными формами, тем более пробираться мимо двух канониров, было нелегкой задачей.

— Как хорошо, что на тебе не надета эта твоя похабная кираса, — заметил Усанас. — Или эти парни стали калеками. Вместо сильного возбуждения.

Антонина расхохоталась. Двое канониров попытались сдержать смех, но безуспешно. Один из них уныло покачал головой, настраивая сложную машину с выбрасывающим пламя механизмом.

Какой-то холодной, расчетливой частью разума Антонина поняла, что их легкий смех был свидетельством уважения и любви, с которыми относились к ней солдаты и матросы, бывшие под ее командованием. Какое бы негодование они когда-то ни испытывали от того, что ими командует женщина, даже если это жена Велисария, оно, казалось, исчезло в течение двух лет, с тех пор как Антонина отплыла из Константинополя.

А устроившись на корточках рядом с Усанасом, она той же частью разума поняла наконец кое-что о своем муже. Она часто слышала, как Маврикий и телохранители мужа жаловались на упрямое желание полководца постоянно подвергать себя опасности. Качество, которое она тоже всегда считала только лишь мальчишеством, даже глупостью и ничем больше. Но теперь, анализируя свое собственное нежелание оставить место наблюдения для того, чтобы перебраться в относительную безопасность, в укрытие, Антонина наконец поняла мужа. На протяжении последних двух лет она укрепила свое собственное положение, получила власть и завоевала авторитет. И испытывала то же глубокое нежелание посылать других людей на опасные предприятия, если сама не была готова разделить с ними риск и опасность.

Казалось, Усанас прочитал ее мысли.

— Это все равно глупо, — прошептал он. — Эйсебий абсолютно прав — ты больше ничего не можешь сделать.

Она посмотрела на него снизу вверх. Даже когда они оба сидели на корточках, высокий африканец намного возвышался над ней.

— Ты на самом деле великолепный мужчина, Усанас Великих озер, — тихо произнесла Антонина. — Не думаю, что когда-нибудь говорила тебе это. Если бы я не любила Велисария, то, наверное, положила бы глаз на тебя.

Он уставился на нее. В темных глазах другого мужчины блеснул бы огонек интереса или сомнения. Он размышлял бы: нет ли в ее словах тонкого намека, приглашения... Но Антонина никогда не сказала бы этих слов другому мужчине. И в мягко светившихся глазах Усанаса не читалось ничего, кроме тепла и привязанности.

— Смею сказать, что ты бы преуспела, — усмехнулся он. — Ты сама великолепна.

Он слегка покачал головой.

— Но это, вероятно, не сработало бы. Боюсь, с моим новым статусом, брак, который я в конце концов заключу, будет государственным делом. И я на самом деле не могу представить тебя наложницей. Женой, куртизанкой, но наложницей — никогда.

— Да, — кивнула она.

На мгновение Антонина прислушалась, оценивая звуки еще одного приближающегося залпа снарядов малва. Но теперь ее опытное ухо различило еще один промах даже до того, как моряк, занявший ее место на наблюдательном посту, воскликнул:

— Глупые ублюдки! Они все еще находятся в двухстах ярдах! Пустая трата боеприпасов!

— Да, — повторила она. Теперь ею овладело любопытство, и она сочла это любопытство приятным облегчением от напряжения ожидания начала сражения. Антонина склонила голову набок и улыбнулась. — Но почему бы тебе не выбрать высокопоставленную римскую жену? — спросила она. — Конечно, не меня, а кого-нибудь другого. Это кажется естественным, учитывая новые обстоятельства. Я думала — надеялась, — что Аксумское Царство намерено сохранять союз с Римом даже после того, как мы разобьем малва. И я почти уверена, что Феодора будет рада собрать три дюжины сенаторских дочерей, чтобы ты выбрал из них жену.

Она развела руки ладонями вверх, изображая чаши весов.

— Да, могущество империй и царств непостоянно и непрочное, а правители не очень склонны к сентиментальности. Но я все равно не вижу никаких серьезных оснований в будущем для конфликта между Римом и Аксумом. В конце концов, мы прекрасно ладили на протяжении двух столетий, даже до того, как малва вынудили нас заключить более тесный союз.

— Согласен, — кивнул Усанас. Резкость и сила высказывания, как подозревала Антонина, отражали напряжение Усанаса от того, что он сам был вынужден бездельничать, в то время как другие готовятся к схватке. — Но это — часть причины, по которой я не стану выбирать римлянку. Правда в том, Антонина, что нет никаких реальных оснований для более тесных связей между Римом и Аксумом. Банальная география, удерживающая нас от необходимости враждовать, делает ненужной и тесную дружбу.

Усанас замолчал и уставился на пушку. Что-то в этом смертоносном оружии, казалось, притягивало его взгляд. Выражение лица аксумита стало суровым и задумчивым.

— Эон и я долго обсуждали этот вопрос, много раз. И дважды — я не уверен, что ты даже знаешь об этом, — я провел много часов с Велисарием, через него расспрашивая Эйда.

Антонина и вправду не знала об этом, но не особенно удивилась. Усанас был одним из немногих людей в мире, кроме Велисария, кто напрямую «общался» с Эйдом. И поэтому он понимал, насколько энциклопедическими являются знания кристалла о человеческой истории, включая множество столетий, которые стали бы реальностью, если бы новые боги не создали малва. Те, кто не общался с кристаллом напрямую, не осознавали этого до конца. Антонина поняла, что Усанас, конечно, воспользовался возможностью получить знания, которые ему потребуются, как аквабе ценцену Аксумского царств.

Если переводить буквально, этот титул означал «хранитель мухобойки». Но пост Усанаса считался наивысшим в Аксумском царстве, над ним был только сам негуса нагаст. По сути, обязанностью аквабе ценцен было помогать царю царей вершить судьбы его народа.

— Африка — это будущее Аксума, который в дальнейшем станут называть Эфиопией, Антонина. Не Рим и не любое другое государство в Средиземноморье или Азии

Он развел руки, словно пытался обхватить обширную территорию.

— Большой континент, полный богатств. Заселенный только — если не считать Аксумское царство и побережье Средиземного моря — племенами охотников и крестьян. Однако многие из них являются опытными рудокопами и умеют работать по металлу. Можно создать великую империю, если использовать аксумское искусство управления государством.

Глаза Антонины округлились.

— Я никогда не представляла тебя — или Эона — завоевателями. Ни у одного из вас, как мне кажется, нет э-э... темперамента...

— Недостаточно кровожадны? — улыбаясь, спросил Усанас. Затем добавил со смешком: — Я сказал: искусство управления государством.

Он пожал плечами.

— Я почти уверен, что нам предстоит немало сражений с варварскими племенами. Но если сказать по правде, не с таким уж большим количеством, и, скорее, это будут короткие войны и стычки, чем большие кампании с целью полного покорения. Это не будут бойни. Учти, Антонина, что я сам из племени банту и что Африка не густо заселена. Нет никаких внутренних районов в глубине континента, которые рождали бы гуннов и подобные им народы, чтобы угнетать другие племена. Мы ожидаем, что в основном это будет работа миссионеров и торговцев, а не солдат. По большей части — мирная работа.

Он замолчал. Летела еще одна партия снарядов — и та, судя по звукам, попадет в цель или пройдет очень близко.

— Два снаряда! — закричал моряк у наблюдательного поста. — Одна...

Мгновение спустя щит содрогнулся. Антонина немного удивилась. Подсознательно она ожидала звука, подобного удару гонга, который помнила по битве у входа в гавань Харка год назад. Но носовой щит на «Победительнице» не был примитивной конструкцией, когда сшитые куски кожи натягивались на специально укрепленные шесты. Этот боевой корабль не был наспех переделанной галерой. «Победительницу» специально проектировали именно для такого типа сражения, и щит сделали твердым, из древесины, покрытой толстой металлической пластиной. Он отражал снаряды с такой же легкостью, как щит воина

отражает брошенный ребенком камешек.

— Ха! — закричал Эйсебий. — Иоанн был прав! Нужны пушки — и большие пушки, а не маленькие, походные, — чтобы пробить этот щит! А у малва таких нет!

Моряк у наблюдательного поста покачал головой. Антонина не могла видеть, как он расплывается в улыбке, но не сомневалась, что так оно и есть

— По крайней мере, не на этом жалком корабле жрецов, — заметил моряк. — Вероятно, дела пойдут по-другому, когда нам придется выступить против основного флота малва.

Он повернулся к Эйсебию, демонстрируя Антонине свой профиль. Да, он на самом деле улыбался.

— Но это будет позднее. — Улыбка исчезла.

— Капитан, здесь я справлюсь. Нас разделяет только сто ярдов. Лучше займись пушкой. Ты все еще единственный, кто по-настоящему хорошо с ней управляется.

Эйсебий кивнул. Наблюдавшую за ними Антонину поразил этот лаконичный обмен фразами. Другой командир мог бы оскорбиться, если бы получил такой своего рода приказ от подчиненного. Но хотя Эйсебий теперь более или менее естественно чувствовал себя в новой роли капитана корабля, у него все еще сохранились замашки ремесленника, привыкшего работать с другими людьми.

Она не думала, что Иоанн одобрил бы такое поведение. Но Иоанна больше нет, а саму Антонину этот вопрос не очень-то беспокоил. Как она подозревала, методы Эйсебия, вероятно, работают не хуже, и в любом случае, это было не ее дело. Она заставила себя отвести взгляд от Эйсебия и посмотрела на Усанаса.

— Продолжай, — сказала она напряженным голосом.

— А больше особо и нечего сказать, Антонина. Аксумское царство медленно распространяло свое влияние на юг на протяжении последних двух столетий. Но до этого процесс в основном был сугубо стихийным. Мы сосредотачивали свое внимание на Красном море и Южной Аравии. Конечно, мы их не оставим. Но мы не станем дальше продвигаться в том направлении. Как арабские фермеры, так и горожане и купцы Йемена и Хиджаза довольны нашим правлением. Но если мы станем распространять свое влияние вглубь, мы просто завязнем в бесконечных конфликтах с бедуинами на внутренних территориях — и это не говоря о неизбежном столкновении с Персией. В этом нет смысла!

Он замолчал. Еще один залп. На этот раз оба снаряда попали в щит. И оба были отклонены с такой же легкостью, не нанеся никакого урона.

— Поэтому после войны с малва мы сконцентрируемся на Африке и будем действовать разумно, — продолжал Усанас. — Мы начнем с того, что отправим под моим командованием экспедицию, дабы включить в нашу империю Великие озера, мою родину. Это первый шаг — вместе с захватом и обустройством восточного африканского побережья. По меньшей мере — на юг до реки Пангани. Мы также захватим остров Занзибар и построим там крепость. И новый город на побережье, который станет великим морским портом.

Он мечтательно улыбнулся.

— Как ты понимаешь, есть определенные преимущества в получении знаний Эйда о будущем. Эон даже постановил, что мы назовем город так, как его должны были назвать через несколько столетий. Момбаса.

Он на мгновение замолчал и слегка прикрыл глаза.

— Дело в том, что Эон и я думаем о далеком будущем. Конечно, мы не доживем до тех времен. Ни мы сами, ни даже наши правнуки, но мы думаем, что в конце концов наши планы породят совсем другую Африку, отличную от существовавшей в старом будущем. Там Аксумское царство очень скоро стало изолировано из-за мусульманских завоеваний. И таким образом вместо того, чтобы служить проводником средиземноморской цивилизации в Африке, частью которой мы становимся, Эфиопия отодвинулась к горам. Там она и оставалась, столетие за столетием, в той или иной степени нетронутая, но больше никогда не играла роли в мировой истории и даже в истории Африки.

Он склонил голову набок, прислушиваясь. Теперь враги подошли очень близко, но оба снаряда прошли мимо. Определенно, жрецы-артиллеристы сильно нервничали.

Эйсебий и один из моряков возились теперь со стволом новой пушки, поворачивая его направо. В отличие от неподвижной конструкции обычной пушки, состоящей из цельного куска металла, эта была сконструирована таким образом, что ствол можно было устанавливать в одну из пяти позиций, покрывая дугу обстрела в девяносто градусов, причем не перемещая основную часть орудия. Один из моряков снимал крышку, закрывающую отверстие для стрельбы с правой стороны. Эйсебий, следуя полученным ранее твердым указаниям Антонины, намеревался провести «Победительницу» прямо вдоль галеры малва и по мере прохождения искупать ее в огне. И надеяться, что к тому времени, как вражеское судно взорвется, «Победительница» отплывет достаточно далеко, чтобы не получить серьезных повреждений. Если только...

И снова Усанас, казалось, прочитал мысли Антонины.

— Будем надеяться, что один из этих проклятых жрецов не решит взорвать корабль, пока мы находимся рядом, — пробормотал он.

Затем добавил более весело:

— Но, вероятно, не станет устраивать столь масштабную диверсию ради одного-единственного корабля. Они не могут знать, что на борту находишься ты.

— Или ты, — добавила она. — Ты же — аквабе ценцен Аксумского царства. Жрецы Махаведы могут решить, что ты — вполне подходящий приз, чтобы забрать тебя с собой в ад.

Усанас рассмеялся.

— В темноте? Я — просто еще один черный дикарь, вот и все.

Он взял руку Антонины в свою и сжал. Затем нежно повернул ее кисть и открыл свою ладонь. Ее маленькая ручка, хотя и смуглая, так как Антонина была египтянкой, казалась бледной в его черной лапище.

— Для нас, в наши дни, это мало значит, — оценивая контраст, задумчиво сказал он. — Но придет день — по крайней мере, пришел бы, — когда все станет по-другому. День, когда европейцы с севера, с бледной как молоко кожей, больше не варвары, но в некотором роде даже более варварская цивилизация, поработят африканцев и будут заявлять, что расовые отличия — это достаточное оправдание для рабства. И они смогли сделать это в том будущем, потому что на протяжении тысячелетия Африка оставалась изолированной от остальной цивилизации.

Он покачал головой и слегка улыбнулся.

— Изоляция — плохая вещь, как для народа, так и для человека. Поэтому Эон и я проследим, чтобы этого не случилось. Новая судьба Эфиопии — это породить другую Африку. И я...

Его легкая улыбка стала шире.

— И, боюсь, мне придется жениться на какой-нибудь полудикой особе, которая прямо сейчас вполне может сидеть на корточках у берега одного из Великих озер. Но ее отец способен заявить, что он — «главный вождь» той земли. — Усанас вздохнул. — Надеюсь, мне удастся убедить это существо научиться читать. Или хотя бы не использовать книги для растопки.

— Готовься! — завопил Эйсебий.

Один из матросов начал судорожно орудовать рычагом, который заполнял специальную камеру новой пушки. За носовым щитом Антонина слышала отчетливые крики жрецов Махаведы, отдававших приказы. Она думала — надеялась — обнаружить смятение в их голосах. Но в то же мгновение Антонина выкинула это и головы. Она посвятит этот момент человеку по имени Усанас, к которому после многих лет знакомства стала испытывать большую любовь и дружеские чувства.

— Ты справишься, — прошептала она. — И у тебя все будет хорошо. И я не сомневаюсь, что девушка найдет тебя таким же великолепным, как я.

Он улыбнулся, в последний раз легко сжал ей руку и поднялся на ноги. Затем схватил огромное копье, оставленное у стены щита, и повернулся к выходу на палубу.

— Во-первых, мы должны выжить в этом сражении. Подозреваю, что жрецы малва будут потоком литься через борт на нашу палубу. — Его губы изогнулись в усмешке. — Вопящие беженцы, притворяющиеся яростными воинами, берущими судно на абордаж.

Антонина ничего не сказала. Несколько секунд она с удовольствием наблюдала за тем, как двигается Усанас. В Антонине всегда была сильна чувственная сторона, которая заставляла ее наслаждаться видом красивых и атлетически сложенных мужчин. И в своем муже, который как раз таким и являлся, она обожала роскошное мужское тело.

Но ни один мужчина в ее жизни никогда не демонстрировал такую грацию и силу, как Усанас. Наблюдая за его движениями, она вспоминала греческие легенды об Ахилле и Аяксе²⁴. Поэтому на короткое время Антонина смогла забыть обо всем и просто восхищаться.

— Огонь! — заорал Эйсебий. Матрос, орудовавший рычагом, прекратил это занятие, другой открыл клапан, сам Эйсебий — что было наиболее опасной работой — поджег адскую смесь.

— Как я и говорила, — пробормотала Антонина себе нос. — Мужчины весьма кстати, когда требуется грубая физическая сила.

Глава 17

Внутренняя часть носового щита внезапно наполнилась светом. Антонина, даже до того, как услышала победный крик Эйсебиа, поняла, что первый же выстрел лег идеально в цель.

— Видно руку мастера! — злорадно закричал Эйсебий. — Посмотрите, как оно горит!

Прежде чем он успел договорить, донеслись крики, от которых у Антонины заложило уши.

«Жрецы Махаведы, которые стояли на носу, — поняла она, — превратились в живые факелы».

Мысль ужасная, но Антонина не чувствовала ни малейших угрызений совести. Сказать по правде, ей никогда не нравились жрецы и священнослужители, даже христианские, за несколькими исключениями, такими как, например, епископ Антоний Александрийский, теперь патриарх Антоний. Во времена распутной юности священники слишком часто ее осуждали.

У жрецов Махаведы была масса типично жреческих пороков и никаких добродетелей. Их культ был варварским ответвлением индуизма, более диким, чем у любого из языческих племен, и невообразимо жестоким. Он мог появиться только в искушенной в подобных делах Индии.

«Ну так горите в аду».

По мнению Антонины, жрецов Махаведы настигло справедливое возмездие.

Эйсебий заново наполнил зажигательной смесью пушку, затем матрос, работавший рычагом, резко остановился; его товарищ вновь открыл клапан. Эти несколько секунд, как поняла Антонина, «Победительница», вероятно шла вдоль борта «Кирки».

— Еще раз! — крикнул Эйсебий.

И снова огонь осветил внутреннюю часть носового щита, на этот раз ярче. Антонина мгновенно поняла, что жуткое орудие снова попало в цель. Сквозь щит донеслись новые крики. Гораздо ближе.

Она услышала бормотание Усанаса:

²⁴ Аякс — в греческой мифологии имя двух участников Троянской войны. Один — искусный копьеметатель и прекрасный бегун, уступающий в скорости только Ахиллу. Другой был огромен ростом, могуч и грозен.

— Теперь они полезут сюда. Это неизбежно.

Аквабе ценцен, все еще стоявший у входа в отсек, поднял копье.

Антонина оторвала взгляд от Эйсебиа, суесящегося у пушки. Впервые она смогла увидеть разрушения, причиненные их пушкой вражескому кораблю. В поле зрения попала «Кирка». Нос греческого торгового судна, захваченного малва, был объят пламенем. В тот самый момент жрец Махаведы — Антонина предполагала, что это жрец, хотя он с ног до головы был объят пламенем и сказать наверняка было трудно, — наткнулся на палубное ограждение и рухнул в море.

— Снова! — крикнул Эйсебий.

Он поднес факел. Еще одна вспышка. Как показалось Антонине, большая часть вражеского судна превратилась в ад, полный бушующего огня. Теперь она видела почти всю «Кирку».

Антонина зашипела. Намеренно или случайно, но два судна практически соприкасались бортами. Их разделяло не более пяти-шести футов — достаточно близко, чтобы огонь мог перекинуться на «Феодору».

Ее внимание привлекло легкое движение. Антонина увидела, как Усанас меняет позу. Ясно, что африканец готовился к бою.

На мгновение Антонина была поставлена в тупик и попыталась прикинуть шансы. Да, при условии, что палуба «Кирки» находится на одном уровне с палубой «Победительницы»... При условии, что два корабля подошли достаточно близко, чтобы люди могли перепрыгнуть одного на другой... Но...

«Кто сможет бросить свои тела через этот ад?»

Ответ пришел практически сразу же после того, как она мысленно задала вопрос.

Жрецы Махаведы.

Фанатики. Это с самого начала была самоубийственная миссия.

Антонина встала на колени и открыла чемоданчик. Прежде чем женщина успела дотронуться до пистолета, краем глаза она заметила, как на «Победительницу» прыгнул первый жрец.

На мгновение его вид заставил Антонину оцепенеть. Жрец Махаведы был похож на демона — он вопил, размахивал мечом. И горел. Его одежда была охвачена огнем, лицо почернело, казалось, с него уже слезает кожа. Антонина поняла, что к этому времени он, вероятно, почти ослеп.

Жрецу удалось приземлиться на ноги. Он простоял всего лишь секунду до того, как Усанас прыгнул вперед и обезглавил его широким взмахом копья. Аквабе ценцен был настолько сильным человеком, что вполне мог орудовать копьем, как варвар-гот двуручным мечом. К тому же древко его копья было выполнено в форме огромного листа, длиной целых восемнадцать дюймов с острым, как бритва, лезвием.

Антонина начала подниматься, держа в руке пистолет, но Матвей толкнул ее назад и положил руку на плечо.

— Оставайся здесь, — прошипел он. Затем, словно поняв бессмысленность совета, катафракт покачал головой и добавил: — Просто оставайся позади нас, ладно? Помогай нам, если потребуется, но оставайся за нашими спинами.

Сказав это, Матвей выскочил из-под носового щита. Лев уже бросился в атаку на палубу и замахивался булавой на другого жреца, прорвавшегося сквозь стену пламени. Удар отбросил жреца на корпус «Кирки». Казалось, он на мгновение замер перед тем, как свалиться в узкую щель между судами. Антонина услышала одновременно всплеск и тихое шипение. Одежда этого жреца тоже горела.

К тому времени как Антонина поднялась на ноги и вышла из укрытия, держа двустольный пистолет, сражение было в разгаре. Орда жрецов прыгала на борт «Победительницы», а против них сражались только Усанас и два ее телохранителя.

Только...

Антонина чуть не рассмеялась. Только...

Три гиганта, три великих воина, выступали против племени троглодитов, весь опыт «сражений» которых ограничивался пыточными камерами.

Несколько секунд она стояла, зачарованно глядя на бой. Усанас сражался в середине, по бокам от него дрались Матвей и Лев. Оружие африканца мелькало, врезаясь в тела врагов, подобно молнии, он протыкал одного жреца за другим — причем половину из них, пока те еще находились в воздухе. Мастерство аквабе ценцена было таким же впечатляющим, как и его сила. Каким-то образом ему удавалось наносить все удары так, что копье ни разу не застряло в плоти или кости. Большинство ударов приходилось в горло и одновременно отправляло жрецов в море.

Матвей с мечом и Лев с булавой и не пытались соревноваться с этой филигранной техникой. Им этого и не требовалось. Клинок Матвея разрубал жрецов на куски, а булава Льва отбрасывала прочь.

Несколько матросов с «Победительницы» теперь бежали им на помощь с мечами в руках, готовые поддержать трех мужчин, отражающих атаку тех, кто пытался захватить их судно. Антонина заорала:

— Не подходите! Не подходите!

Потом яростно замахала руками, отгоняя моряков прочь. Она знала, что они будут скорее мешать, чем помогать. В этом ограниченном пространстве они просто займут все свободное место и окажутся помехой для Усанаса, Льва и Матвея.

Отдав эти приказы, Антонина поняла, что и сама поступает неправильно. Трем мужчинам, противостоящим жрецам-фанатикам, пытающимся взобраться на борт, не требуется ее помощь в сражении, они нуждаются в ней по-другому — она должна взять на себя управление ситуацией.

Антонина быстро осмотрела театр военных действий. Корабль малва был теперь полностью охвачен пламенем, Совершенно ясно, что несколько жрецов, остающихся на борту и пытающихся потушить огонь, не добьются успеха. «Кирка» обречена. Нет шансов, что малва сможет добраться до гавани и сжечь галеры.

Но оставалась опасность, что языки пламени доберутся до пороха, которым несомненно набит трюм корабля малва. Если только «Победительница» не окажется достаточно далеко от «Кирки», она сама и все люди на борту погибнут при взрыве вместе с малва.

До этого пройдет еще какое-то время. Огонь по большей части бушует на парусах и оснастке, а не на корпусе «Кирки». К тому времени как пламя доберется до пороха, «Победительница» сможет отойти как минимум на милю. «Если только какой-то жрец не поймет...» У нее в сознании возник ясный образ служителя Махаведы, подносящего факел к бочке с порохом.

«Фанатики. И это в любом случае была самоубийственная миссия».

Антонина повернула голову. Эйсебий больше не занимался пушкой, он смотрел на нее. Его лицо было таким же бледным, как и ее собственное, — так подозревала Антонина.

— Выводи нас отсюда, черт побери! — заорала она. Казалось, лицо Эйсебия побледнело еще сильнее. Он беспомощно развел руками.

Антонина молча отругала себя. Она забыла, что, занявшись пушкой, Эйсебий больше не вел корабль.

Она повернулась и посмотрела на корму, пытаясь отыскать взглядом лоцмана. К этому времени корма уже находилась вровень с кормой «Кирки». Усанас и два катафракта продолжали двигаться вдоль борта «Победительницы», отражая атаки лезущих на судно жрецов, по мере того как суда проходили мимо друг друга. Антонина видела, как двое последних перепрыгнули с кормы на корму одновременно с тем, как заметила наконец лоцмана «Победительницы».

Два жреца бросились на него, но их перехватил Усанас. Африканец взмахнул копьем и нанес удар, от которого свалились оба жреца Махаведы. Один — умирать на палубу, второй — улетел в море.

Это зрелище вовсе не успокоило Антонину. Факт, что они пытались убить лоцмана, игнорируя несущегося на них Усанаса, ясно свидетельствовал: жрецы Махаведы уже пришли к тому же выводу, что и Антонина. Надежды выполнить первоначальный план у них нет. Оставалось просто забрать с собой столько врагов, сколько удастся.

Она стала звать лоцмана, но замолчала прежде, чем успела произнести несколько слов. Совершенно ясно, что этот человек понимает опасность не хуже нее. И к тому же он не мог сделать больше, чем уже делал. «Победительница» и так идет по ветру. Нет смысла менять направление.

Антонина пристально смотрела на удаляющийся вражеский корабль. Теперь «Кирка» представляла собой один огромный факел. Через минуту или две на палубе не останется ни одного живого человека. У них просто нет шансов. И как она думала — надеялась — нет шанса, что кому-то из них удастся прорваться к люкам, ведущим вниз, в трюм.

Но по-прежнему оставалась вероятность, что на протяжении короткой схватки кто-либо из жрецов оставался в трюме, готовый поджечь порох, если возникнет необходимость.

«Вероятность?»

Антонина поморщилась. Она была абсолютно уверена, что жрец сейчас в трюме. Скорее всего, несколько жрецов — и каждый из них получил задание проверить, чтобы никто из его товарищей не уклонился от своей обязанности, когда придет время совершить самоубийство. В конце концов, именно так все и задумывалось. Одно только вмешательство Антонины не дало «Кирке» добраться до гавани и взорваться там.

Усанас подбежал к ней, за ним по палубе тянулся кровавый след.

— Мы можем надеяться только на одно — что они, и внизу, все еще в замешательстве. — Усанас совершенно определенно пришел к тому же выводу, что и сама Антонина. — Один из немногих случаев, когда я боюсь, что эти ублюдки, служащие Махавед, такие фанатики, — мрачно признался аксумит. — Они не захотят взрывать судно, пока не достигнут цели. Поэтому, пока они не будут уверены...

Антонина уставилась на Усанаса. Затем сказала шепотом:

— Но к этому времени они уже должны знать. — Усанас покачал головой.

— Нет, Антонина. Я лучше изучил положение дел на «Кирке», чем ты.

Он бросил взгляд на Эйсебиа, который вылез из-под носового щита и побежал на корму. Посмотрел очень одобрительно.

— Эта его дьявольская пушка ударила по ним, как яростный прибой. Приливная волна огня и разрушения. Приводящая в замешательство, смятение и ужас. Я сомневаюсь, что командиры малва прожили больше нескольких секунд.

И он снова покачал головой.

— Итак... кто знает? Жрецы в трюме могли быть изолированы с самого начала. И все еще не знают, что происходит, — им никак не выбраться на палубу, чтобы выяснить это. Даже фанатики Махаведы помедлят убивать себя, пока не уверены, что чего-то этим добьются.

Эйсебий выкрикивал резкие команды. Некоторые матросы «Победительницы» стали поливать корму водой, которую держали в бочонках. Другие поливали оснастку. Вообще-то это следовало сделать до того, как началось сражение, поняла Антонина. Но все произошло так быстро...

Становилось все труднее следить за положением дел как на «Кирке», так и на «Победительнице». Корабль малва находился теперь в двухстах ярдах и яростного света, отбрасываемого горящими парусами, было недостаточно. Тем не менее она увидела, как несколько моряков, очевидно, по приказу Эйсебиа, встали наготове с топорами — рубить оснастку «Феодоры».

— Что они делают? — спросила она. — Последнее что мы хотим, — это потерять наши паруса.

Усанас не разделял ее мнения. Вместо этого он удовлетворенно заворчал.

— Умный парень этот Эйсебий. Он уже догадался, что большая часть взрывчатых

веществ на борту «Кирки» будет зажигательной. — Мгновение Усанас изучал все более отдаляющийся вражеский корабль. — К этому времени мы уже отошли достаточно далеко и, вероятно, переживем сам взрыв. Но вскоре наш корабль может охватить огонь. Если нам удастся достаточно быстро срубить оснастку — а она будет гореть сильнее всего, — то, может быть, нам удастся сохранить «Победительницу» на плаву. Может быть.

Вероятно, некая часть замешательства Антонины отразилась на ее лице. Усанас рассмеялся.

— Это даже странно. Ты обычно такая умница. Подумай, Антонина.

Он показал пальцем на «Кирку». Издалека корабль малва казался не более чем факелом.

— Они планировали взорваться в гавани, так? Для чего?

Она все еще пребывала в замешательстве. Усанас снова рассмеялся.

— Думай, женщина! В конце концов, малва — не сумасшедшие. Фанатики — да, но это совсем не одно и то же. Сама гавань — и окружающие ее здания — построены слишком прочно, чтобы их можно было разрушить одним брандером, хоть и набитым под завязку. Это означает, что истинной их целью являлась не сама гавань, а находящиеся в ней суда. А лучший способ уничтожить корабли — это огонь.

Наконец поняв, что он имеет в виду, Антонина вздохнула с облегчением. Она представляла корабль малва, как гигантскую пороховую бочку, которая, взорвавшись, разрушит все находящееся на расстоянии полумили. Но если большая часть взрывчатых веществ зажигательные...

Подожли Матвей и Лев, беспокойными тенями замаячив за ее спиной. Усанас положил руки на плечи Антонине, развернул ее кругом — нежно, но она могла сопротивляться ему не больше, чем мифическому титану — и подтолкнул в направлении носового щита.

— Поэтому ты проедешь по предстоящему огненному шторму в самом безопасном месте, которое только возможно, — весело объявил он.

Как только они оказались внутри отсека, сопровождаемые Львом и Матвеем, Усанас добавил, не удержавшись от смеха:

— И я тоже. Невыносимо думать о потере будущего для Африки из-за какого-то заговора малва, как ты считаешь?

Антонина убрала пистолет назад и закрыла чемоданчик на замок. Затем, все еще стоя на коленях, подняла взгляд на аквабе ценцена. Как она и ожидала, Усанас улыбался от уха до уха.

Она хотела сказать в ответ что-то ироническое. Вдруг фигура Усанаса осветилась сзади тем, что показалось Антонине началом Армагеддона.

К счастью, Усанас соображал достаточно быстро, чтобы рухнуть на колени рядом с ней и спрятать ее в своих объятиях до того, как пришла ударная волна. Матвей оказался достаточно разумен, чтобы сделать то же самое.

К сожалению, быстрая реакция никогда не являлась отличительным качеством Льва, он славился только звериным чутьем в сражении. Поэтому ударная волна застала его стоящим и сбила с ног, так что он рухнул на Усанаса, Матвея и Антонину.

Но возможно, это было и к лучшему. Антонина была слишком занята, пытаясь не задохнуться под весом троих огромных мужчин, чтобы ощутить весь ужас огненной бури.

На следующее утро, на рассвете, римские галеры обнаружили «Победительницу». Судно все еще оставалось на плаву, но беспомощно дрейфовало в море. Чтобы потушить пожар, потребовалось убрать всю оснастку. Большинство матросов сильно обгорели, двое могут не выжить, но в остальном люди не пострадали.

Сам корабль...

— Потребуется несколько недель, чтобы все починить, — пожаловался Эйсебий, когда наблюдал за матросами, берущими судно на буксир.

— У тебя нет «нескольких» недель! — рявкнула Антонина. — В лучшем случае — две.

Эйсебий бросил на нее непонимающий взгляд.

— Две недели? Но предполагается, что наша кампания не начнется до...

— Планы изменились! — снова рывкнула Антонина и гневно посмотрела на восток. Конечно, в сторону малва. И в сторону армии Велисария, медленно марширующей к реке Инд. — Предполагается, что мой муж послушается сладкого голоса разума своей жены, — добавила она злобно.

Глава 18

ДЖАМНА

Лето 533 года н.э.

Линк ждал Нарсеса на роскошной барже Великой Госпожи Сати, стоявшей у причала вниз по течению за разветвлением рек Джамны и Бетвы. Тот факт, что чудовище из будущего проделало немалый путь, чтобы лично встретиться с ним, заставлял и без того беспокойного евнуха нервничать еще больше. Линк редко покидал столицу империи Каушамби. Насколько знал Нарсес, он никогда не делал этого с тех пор, как переместился — или какой еще гротескный термин можно использовать — в теле молодой женщины, бывшей когда-то госпожой Сати.

Когда двое особых наемных убийц Линка сопровождали евнуха вверх по лестнице, ведущей внутрь баржи, Нарсес заставил себя успокоиться. Если он хочет пережить следующий час, его нервы должны оставаться прочными, как сталь. К счастью, большой опыт дворцовых интриг приучил его брать себя в руки и сохранять спокойствие в любой ситуации.

Поэтому он старался не обращать внимания на свое окружение, когда одетые в черное, неслышно ступавшие люди вели его по барже. Роскошь, почти удручающая, если учитывать вес всего этого, — вот что он отметил. Его разум и душа были полностью заняты обретением внутреннего спокойствия.

У него было маленькое, покрытое шрамами, каменное сердце. В нем хватало места лишь для одной мысли и одной цели.

«Только правда. Я волнуюсь только о Нарсесе. И ни о чем больше».

Он вошел в большое помещение где-то в глубине баржи. В дальнем конце, на невысоком пьедестале сидела Великая Госпожа Сати. Она отдыхала на изящно сделанном резном стуле из слоновой кости. Ее тонкие, аристократические руки свободно лежали на подлокотниках. Вуаль была откинута с лица, открывая сторонним взорам холодную красоту Великой Госпожи Сати.

Перед ней преклонили колена четверо огромных мужчин. Выше пояса они были обнажены и держали в руках оружие. Не мечи — огромные кривые сабли. Еще двое таких же охранников стояли по углам комнаты, за Великой Госпожой Сати, как и двое наемных убийц, последние расположились за спиной Нарсеса. Все они были из кхметов. В этих людях не текло ни капли индийской крови.

Но Нарсес не обращал на них практически никакого внимания. С тех пор как он вошел в комнату, его взгляд был прикован к мужчине, сидевшему на стуле рядом с Великой Госпожой Сати. Это был Нанда Лал, один из двоюродных братьев императора Шандагупты и начальник шпионской сети империи малва.

Вид Нанды Лала заставил холодную душу Нарсеса полностью заledenеть. Чувство облегчения было всеобъемлющим.

«Значит, ничего нового. Пусть будет так».

В центре комнаты, на толстом ковре поставили небольшой стул — футах в десяти от возвышения. Достаточно близко, чтобы Великая Госпожа Сати и Нанда Лал не испытывали необходимости повышать голос, но оставляя огромным телохранителям пространство для защиты тела, в котором обитал Линк.

Нарсес не стал ждать приглашения. Он просто подошел к стулу и сел. Затем сложил

руки на коленях и стал молча ждать.

Молчание продолжалось примерно минуту, пока Линк и Нанда Лал внимательно рассматривали его. Затем заговорила Великая Госпожа Сати:

— Ты предан малва, Нарсес?

Евнуху показалось интересным, что ее голос не имел того странного звучания, о котором рассказывали его шпионы. Это был просто голос молодой женщины. Приятный, несмотря на холодность и отстраненность.

— Нет, — Нарсес подумал, не стоит ли детально обрисовать ситуацию, но отказался от этой идеи. Только правда! Если вдаваться в подробности, он рискует начать врать.

— Совсем нет?

— Ни в коей мере.

— Ты верен только себе?

— Конечно, — в его голосе появилась доля горечи. — Почему должно быть по-другому?

— Мы хорошо к тебе относимся, — вставил Нанда Лал и добавил несколько злобно: — Мы завалили тебя богатством и почестями.

Нарсес пожал плечами.

— Вы сделали меня начальником шпионской сети у вашего лучшего полководца и тем обрекли на жизнь, полную опасностей. Носиться по половине Азии — в моем-то возрасте! — когда со всех сторон окружают враги. Мое богатство лениво покоится в небольших сундучках в подвалах императора, в то время как сам я живу в шатре.

Нанда Лал изменил положение на стуле и сжал руками подлокотники. Он был тяжелым и мускулистым человеком. Стул негромко закрипел, протестуя.

— Я уверен: тебе удалось наполнить доверху свои собственные сундуки взятками и украденными сокровищами! — рявкнул он.

Нарсес хрипло рассмеялся.

— Конечно. И в немалом количестве, должен заметить.

Темное лицо Нанды Лала покраснело от ярости, которую он даже не скрывал. Его выводили из себя насмешки и открытое неуважение евнуха. Толстые губы стали приоткрываться, обнажая зубы, словно шпион хотел оскалиться. Но до того, как Нанда Лал успел вымолвить хоть слово, заговорила Великая Госпожа Сати. И на этот раз прозвучал голос.

Все мысли об иронии улетучились из головы Нарсеса после того, как он услышал этот голос. Он был замогильным, но шел, с позволения сказать, не из человеческой могилы или склепа. Эти слова все еще исходили из уст молодой женщины, но их звук каким-то образом был обширным и глубоким, как вечность. Это, как знал Нарсес, и есть истинный голос сущности, именуемой Линк.

— Перестань, Нанда Лал. Твой гнев глуп и не имеет смысла.

Оболочка молодой женщины, в которой жил Линк, неотрывно смотрела на Нарсеса, ни разу даже не бросив взгляд на начальника шпионской сети. Глаза казались такими нее пустыми, как безлунная ночь, когда небо затянуто тучами.

— Ты предан только себе, Нарсес. Твое сердце не может завоевать никакая цель, твою преданность — никакие почести или чувства, твой разум — никакие сокровища. Теперь и во все времена ты искал только власти.

Казалось, ему нечего было ответить. Поэтому Нарсес промолчал. Линк молча изучал его довольно долгое время. Евнух никогда в жизни не чувствовал на себе столь пристального взгляда.

— Нет. Есть что-то еще. Что-то, что ты прячешь

Руки Нарсеса продолжали лежать на коленях. Он просто слегка склонился вперед и ответил:

— Да. Я наслаждаюсь самой игрой. Иногда я думаю что, возможно, даже больше, чем властью, которую она мне приносит. Я скрываю это от всех, приобретая тем самым еще одно

преимущество. Люди предполагают, что мной двигают амбиции. Что, конечно, правда. Но амбиции — сами по себе не больше чем инструмент.

На несколько мгновений воцарилось молчание, затем снова заговорил Линк:

— Да. Ты купаешься в этом чувстве собственного превосходства и власти. Пустой человек — даже не мужчина по человеческим стандартам, — который наслаждается своей способностью превосходить всех остальных.

Нарсес слегка склонил голову в знак согласия.

— Поэтому мы ни в коей мере не можем тебе доверять. Не больше, чем могли бы доверять мечу, рукоять которого испачкана жиром.

— Даже меньше, — фыркнул Нарсес. — У меча нет разума. Он не будет слушаться твою руку только из-за невезения или неосторожности. А со мной можно рассчитывать, что я все сделаю по собственной воле.

— Да. Предатель, который наслаждается предательством. Не потому, что это предательство, а потому, что это величайший гамбит²⁵ в его игре.

И снова Нарсес легко кивнул. Мастер, признающий другого, возможно более великого, чем он сам.

— Пусть будет так. Ты считаешь себя непробиваемым и сверхпрочным, поскольку тебе ничего не может угрожать, за исключением боли и смерти. Но я возьму заложника, Нарсес.

Ничто в выражении лица евнуха — он мог бы поклялся в этом! — не изменилось. Хотя где-то по его ледяной, пустой душе внезапно пробежала горячая искра ужаса.

«Аджатасутра. Мой сын!»

— Значит, есть кое-кто, близкий тебе? Ты не настолько отстранен от людей, как притворяешься.

Нарсес попытался заговорить, но обнаружил, что слова застряли у него в горле. Он не мог придумать ни правды, ни лжи, которая скрыла бы его мысли от Линка.

Снова заговорил Нанда Лал.

— Мы найдем, кто это, — сказал он сквозь стиснутые зубы. — Затем... не сомневайся...

— Замолчи, — приказал Линк. — Я больше не буду повторять. Не открывай рта без моего разрешения.

Казалось, темное лицо Нанды Лала побледнело. Он откинулся на спинку стула.

Как и раньше, взгляд оболочки, именуемой «Великая Госпожа Сати», ни на секунду не упускал из виду лицо Нарсеса, даже когда Линк ставил на место своего главного шпиона. Сущность заговорила снова, только вместо слов угрозы Нанде Лалу звучали слова обещания, предназначенные Нарсесу.

— Такой заложник не будет иметь смысла. Нарсес был близок и императрице Феодоре. Тем не менее он ее предал. Нет. Я возьму в заложники то единственное, что имеет хоть какое-то значение для этого человека.

Ее левая рука поднялась с подлокотника и сделала легкий жест. Нарсес почувствовал, как один из наемных убийц спиной прошел вперед, хотя на самом деле не слышал шагов, звук которых потонул в ворсе толстого ковра.

Чья-то рука схватила его за горло. Не сильно, не с целью свернуть ему шею, а просто чтобы удерживать Нарсеса в неподвижности. Мгновение спустя он почувствовал резкую боль в затылке. Нарсес понял, что какой-то нож вошел в его плоть и отхватил маленький кусочек. Он ощущал, как медленно течет по спине кровь.

Наемный убийца отошел. Нарсес уставился на Линка.

— Ты когда-нибудь слышал про клонов, Нарсес? Нет? Это одно человеческое существо, полностью сделанное из другого. Идеальная копия. Человек, выросший подобно

²⁵ Гамбит — общее название шахматной стратегии, суть которой в жертвовании фигурами с целью скорейшего развития.

почке. Ты, евнух, который не способен иметь детей все еще можешь дать жизнь самому себе. Без женщины, которая потребовалась бы для такой цели.

Взгляд сущности на мгновение оставил Нарсеса. Линк смотрел куда-то ему за спину.

— Положите плоть в ледник. Затем вернитесь. — Молодая женщина подняла пустые глаза на евнуха. — Я сделаю так, что он вырастет, Нарсес. Пока ты будешь работать на меня, я выращу заложника, которого ты мне дал. Предашь малва — и потеряешь себя. Будешь таким же пустым, как считал себя раньше. Подумай об этом, римский евнух. Я и только я могу подарить тебе вечность.

На этот раз Нарсес не склонял голову, он опустил ее. В этом жесте сквозило не уважение. Он проиграл.

— Значит, мы понимаем друг друга. А теперь у меня есть для тебя задание.

Голос вновь изменился, став привычным голосом Великой Госпожи Сати. И именно так сущность продолжала говорить на протяжении последующих минут, объясняя Нарсесу суть нового задания.

После того как Великая Госпожа Сати закончила свою речь, Нарсес покачал головой.

— Это плохой план. Он не будет работать. Рана Шанга ни на секунду в это не поверит.

Нанда Лал начал говорить, затем осторожно посмотрел на Сати. Она подняла руку, жестом приказывая ему замолчать. Но движение не несло в себе угрозы. Простой приказ послушать ее перед тем, как включаться в спор.

— Продолжай, Нарсес, — велела Сати.

— Он лично встречался с Велисарием, Великая Госпожа Сати. Он провел много часов в обществе римлян. Независимо от того, какие доказательства я предоставлю, Рана Шанга ни на мгновение не поверит, что полководец приказал убить его семью. Вместо этого его подозрения падут на правящую династию малва. И они подтвердятся и укрепятся после того, как ты предложишь ему заключить брак. Поверь мне хотя бы в этом, если ни в чем другом не веришь. План — в том виде, в котором есть, — сработать не может.

Он замолчал. Через некоторое время Сати заговорила вновь:

— Как я вижу, у тебя есть другое предложение. Какое? — Нарсес пожал плечами.

— Для осуществления твоих целей нет необходимости, чтобы Шанга подозревал лично Велисария. Просто нужно разбудить его злость из-за хаоса, который принесла война. Индия теперь в смятении и беспорядке, а уж восточные территории в особенности. Вызови семью Раны Шанги в Каушамби по приказу императора. Они должны стать заложниками, чтобы обеспечить преданность Шанги, равно как и Дамодары. Отправь небольшой эскорт из йетайцев, охраняющих императора, для их сопровождения. Скажем, дюжину человек. А по дороге, пока они все еще в Раджпутане...

— Да! — воскликнул Нанда Лал. Его прежняя злость на Нарсеса исчезла, он загорелся разработкой нового плана и поневоле восхищался старым евнухом. — Да. Это будет идеально. На караван напали разбойники.

— Думаю, можно сделать даже лучше. — Нарсес склонил голову в задумчивости. — Разбойники-кушаны. Кушаны перестают преданно служить малва, во многом благодаря хитрости Велисария, и многие из них становятся бандами. Из кушанских дезертиров получают смелые разбойники. Гораздо более правдоподобно, что именно они, а не простые головорезы нападут на такой караван. Разумеется, они непременно добьются успеха. Украдут вещи, жутко изнасилуют жену Шанги, а затем прикончат ее детей. Оставят их тела стервятникам, вперемешку с телами убитых йетайцами-охранниками своих же кушанов.

Нарсес скромно пожал плечами.

— Полагаю, что смогу найти одного или двух дезертиров из римской армии для включения в ряды бандитов. Их будет достаточно — конечно, найдутся и свидетели нападения, — чтобы Шанга разозлился еще сильнее.

— Он разозлится и на нас, — поджав губы, высказался Нанда Лал. — В конце концов, если бы мы не вызвали его семью из безопасного дворца...

— Это не имеет значения, — заявила Великая Госпожа Сати. — Негодование Шанги мы сможем вытерпеть, Пока его ярость не направлена ни на кого конкретно, он с десятикратным усердием примется за выполнение клятвы. Когда придет время, он примет мое предложение о браке.

Тонкие руки молодой женщины сделали неопределенное движение, словно указывали на свое тело.

— Он не будет испытывать никаких чувств к этой оболочке. Но нам и не нужны его чувства. Оболочка привлекательно выглядит и хорошо обучена. Она разбудит его похоть, когда придет время. Когда родятся дети, а родятся они вскоре, ему будет к кому испытывать чувства. Этого достаточно.

Великая Госпожа Сати мгновение смотрела на Нарсеса.

— Сделай это, предатель, — сказала она. — И помни о моем заложнике.

Нарсес поднялся и низко поклонился ей. Выпрямившись, он обратился к Нанде Лалу:

— Йетайский полководец Торамана, как ты знаешь, является командиром отряда, сопровождавшего меня сюда. Я проследил, чтобы это был именно он. Я думаю, что это удачное время для разговора с ним. Тут имеются отличные возможности. По моему мнению.

Нанда Лал кивнул. Губы Нарсеса исказила горькая усмешка.

— Конечно, ты собираешься отправить за мной шпионов. Поэтому давай не тратить время. Мне в любом случае нужно навестить госпожу Дамодару, чтобы передать ей посылку от мужа. Кроме того...

Он перевел взгляд на Великую Госпожу Сати.

— В любом случае, будет лучше, если я устрою штаб в доме госпожи Дамодары. Для того чтобы организовать запланированный нами маневр, мне придется встретиться с рядом людей. Лучше, если эти люди будут входить и выходить из ее дома, чем из какого-либо другого. Даже если Шанга случайно узнает о том, чем я занимаюсь или занимался, то он просто предположит, что я действовал от имени самого Дамодары. А он никогда не станет подозревать Дамодару в такой жестокости.

Великая Госпожа Сати твердо кивнула.

— Согласна. Делай так.

Нанда Лал рассмеялся.

— Это практически не имеет значения, Нарсес. Мне не нужно отправлять за тобой шпионов. Неужели ты думаешь, что у меня нет людей во дворце жены Дамодары?

Нарсес спокойно посмотрел на начальника имперской шпионской сети.

— Уверен, что есть. А еще я уверен, что в течение трех дней после моего появления их уволят. Тех, которые останутся живы.

Нанда Лал застыл на месте, его брови полезли на лоб. Нарсес фыркнул — очень тихо — и поклонился сущности, управляющей малва.

— Я уверен, что вы понимаете мою логику, Великая госпожа Сати.

— Она очевидна. Не должно быть никаких подозрений. Твоя преданность Дамодаре не должна вызывать ни малейших сомнений. Без колебаний убей всех шпионов Нанды Лала. Но сделай это аккуратно.

В итоге Нарсес не стал убивать *всех* шпионов. К примеру, он не видел оснований отправлять на тот свет двух поваров. Хватит и увольнений из-за воровства — и, выяснилось, они и в самом деле воровали.

Еще он даже не потрудился уволить двух горничных. Нарсес просто проверил, чтобы их обязанности ограничивались впредь только стиркой, а стирали в другом крыле дома, не в том, где спали жена Дамодары и его дети. В большом дворце у горничных не будет никакой возможности незамеченными пройти к тому единственному месту, которое Нарсес хотел сохранить в тайне, — погребу далеко внизу, откуда медленно прокладывали туннель.

Вдобавок он устроил убийство двух стражников, служивших Нанде Лалу, и помощника дворецкого. Спящим стражникам просто перерезал горло прибывший во дворец

Аджатасутра. Помощник же дворецкого служил семье Дамодары с детства. Поэтому перед его кончиной Нарсес счел вполне подходящим показать предателю величайший из секретов, который тот пытался (но безуспешно) вызнать для Нанды Лала. Секрет, о котором последний даже не подозревал.

Тело помощника дворецкого исчезло в недрах земли, погребенное в небольшой нише, которую бихарские рабочие специально выкопали, а потом забросали землей. Они не возражали против дополнительной работы. Люди их положения никогда не любили ни дворецких, ни их помощников.

Правда, они получили определенное удовлетворение от того, как ругался над телом своего помощника дворецкий, когда труп заталкивали в нишу. И эти ругательства были очень изощренными. Кто бы мог подумать, что этот пожилой, порядочный и правильный человек столько их знает?

Если жена Дамодары и заметила исчезновение своих людей или новые обязанности горничных, то не подала виду. Что, конечно, не удивляло. Управление домом полностью находилось в руках старого дворецкого. Он тоже служил этой семье с детства — и был исключительно опытен и компетентен, поэтому ему доверяли вести домашние дела и очень мало в них вмешивались.

Конечно, изменения заметили дочери Дададжи Холкара. Они едва ли могли не заметить, что им поручили заменить двух горничных — новое назначение вызвало у девушек большую тревогу.

— Мы совсем ничего не знаем о том, как ухаживать за знатной госпожой, — запротестовала младшая. — Она прикажет нас высечь.

Дворецкий покачал головой.

— Не бойся, дитя. Она не вспыльчивая. На самом деле, она очень добрая женщина. Я уже объяснил ей, что вы никогда не занимались подобной работой и вам потребуется какое-то время, чтобы освоить новые обязанности. Уверяю вас: она проявит терпение.

Девушки все еще колебались и переглядывались. Затем заговорила старшая:

— Мой ребенок будет плакать по ночам. Он станет беспокоить госпожу. Она рассердится.

Старый слуга усмехнулся.

— Она сама родила троих детей. Неужели вы думаете, что она раньше не слышала детского плача? — Он покачал головой. — Успокойтесь, говорю вам.

Девушки по-прежнему испытывали беспокойство. У других хозяев они не посмели бы спрашивать что-то еще. Но этот пожилой человек... Он, как ни странно, был добр с ними.

— Почему? — спросила младшая почти шепотом. — Знатной госпоже должны прислуживать опытные горничные, а не... рабочие лошади с кухни.

Хоть старик и был добрым человеком, он посмотрел на них совсем не по-доброму. Посмотрел сурово, словно сам долго размышлял над этим вопросом.

Ответ, который он мог бы дать, остался произнесенным — в крохотной спальне раздался новый голос:

— Потому что я так велел.

Девушки резко обернулись. В дверном проеме стоял человек, много месяцев назад спасший их из борделя.

Они были так счастливы видеть его, что чуть не завизжали от восторга. Младшая уже двинулась к хозяину, словно была достаточно смелой, чтобы обнять его.

Мужчина, улыбаясь, покачал головой. Этот жест перешел в другой, предназначенный дворецкому. Не споря и не возражая, старый слуга тут же покинул комнату.

Когда он ушел, мужчина посмотрел на сестер тем спокойным, ничего не выражающим взглядом, который они так хорошо помнили.

— Не задавайте никаких вопросов, — тихо сказал он. — Просто делайте то, что вам говорят. И сами ничего никому не говорите. Вы поняли?

Обе девушки поспешно кивнули.

— Хорошо, — пробормотал он. — А теперь я должен уходить. Я просто хотел проверить, что с вами все в порядке. Ведь все в порядке?

Они снова кивнули. Мужчина начал отворачиваться. У старшей сестры хватило храбрости задать вопрос:

— А мы еще когда-нибудь увидим нашего отца?

Мужчина остановился перед дверью, его голова была повернута в сторону. Но он не смотрел на них.

— Кто может знать? Бог склонен к причудам и фантазиям.

Из горла младшей сестры вырвалось рыдание, но она быстро его подавила. Широкие плечи мужчины, казалось, слегка опустились.

— Я сделаю все возможное. И даже больше того... — Теперь он стоял, как всегда, уверенно и прямо.

— Бог склонен к причудам и фантазиям, — повторил он и исчез.

— Жуткая путаница, — проворчал Аджатасутра. — К тому времени, как я доберусь до Аджмера, Валентин, Анастасий и кушаны уже несколько недель проведут в той жуткой гостинице. Когда они услышат об этой маленькой прихоти, то придут в ярость.

— Тем лучше! — рявкнул Нарсес. — Императорских стражников-йетайцев, знаешь ли, выбирают не за робость. И я не могу послать эскорт, в котором меньше десяти человек, лучше даже дюжина, или все дело сразу же будет выглядеть фальшивкой.

— Пусть будет дюжина, — хрипло усмехнулся Аджатасутра. — И пусть будут проклятые императорские йетайцы. Против этих двух римлян? Если не считать Куджуло и ту свору головорезов, которую он привел с собой.

Наемный убийца запустил пальцы в бороду. Затем мрачно улыбнулся.

— Знаешь, что кажется мне идеальным? Пусть эскорт возглавляет какой-нибудь заносчивый малва. По меньшей мере, представитель правящего клана, анвайяпрапта сачива. Дальний родственник императора. Молодой нахал, высокомерный, как восход солнца, уверенный в себе и задиристый, как петух. Он все испортит. Вероятно, настоит на том, чтобы он сам и все йетайцы ехали во главе колонны, оставив жену Раны Шанги и детей тащиться сзади по уши в пыли. Тогда их легче будет отделить и...

Пока он говорил, Нарсес хмурился и хмурился.

— Почему я сам об этом не подумал? — выдавил он. — Конечно!

Он как-то странно посмотрел на Аджатасутру.

— Это немного пугает. Мне не нравится мысль, что ты оказался умнее меня.

Аджатасутра пожал плечами.

— Только не нужно слишком увлекаться. У Нанды Лала будет припадок, когда ты скажешь ему об этом.

— Это меня как раз не беспокоит, — возразил Нарсес и махнул рукой. — Если он станет со мной спорить, я отправлюсь к вышестоящему начальству. У нас с Великой Госпожой Сати вполне сносное взаимопонимание.

Теперь пришел черед Аджатасутры странно смотреть на Нарсеса.

— Это правда, — подтвердил старый евнух. — Прелестная молодая дама, именно так, и исключительно способная интриганка. — Он сделал паузу. — Для любительницы.

Глава 19

ХАРК

Лето 533 года н.э.

Получив известия о попытке малва погубить стоящие в гавани корабли, Велисарий отправился назад в Харк на быстрой боевой галере. Антонина к тому времени уже подготовила массу аргументов и хорошо выстроила все доказательства. На протяжении

нескольких дней, прошедших после сражения, она работала, как сумасшедшая, чтобы организовать «изменение планов».

К тому времени, как спор между ними только начинал разгораться...

— Слишком рано, Антонина! Армия еще не готова! И аксумский флот тоже!

— Значит, подготовь их! Мы не можем больше ждать!

— Идиотка! Откуда нам знать, удался ли Кунгасу отвлекающий маневр?!

— Значит, я устрою тебе отвлекающий маневр, придурок! Гораздо более серьезный, чем что-либо происходящее в далекой Бактрии! С аксумитами или без них!

— Но это другое дело! Я не хочу, чтобы ты так рисковала!

— Рисквала? Рисквала?! А что, ты думаешь, я здесь делаю? Нет способа положить конец разговорам малва здесь, в Харке! Это место — зверинец! Воплощение хаоса.

Спор был прерван королевским вторжением. На самом деле, двумя.

Вначале явился Хусрау Ануширван. Владыка земель иранских и неиранских, конечно, знал о новых планах Антонины. На него работали отличные шпионы. И он узнал о несогласии Велисария в течение часа после начала спора Антонины с вернувшимся в Харк полководцем.

Хусрау потребовалось несколько дней, пока они ждали возвращения Велисария, чтобы продумать собственный план действий. Несмотря на молодость и энергичность, Хусрау был хитрым монархом, для которого ведение государственных дел и долгосрочное планирование являлись второй натурой. Поэтому он, в отличие от самой Антонины, тут же увидел все возможные последствия ее нового предложения. И по разнообразным причинам ему требовалось определенное время, чтобы исследовать все аспекты проблемы.

Несколько дней, не больше. Хусрау вмешался в развитие событий во второй половине дня — того дня, утром которого вернулся Велисарий и начал яростно спорить с женой. Понимая всю тонкость проблемы, Хусрау даже сдержал свои обычные замашки «персидского императора» и пришел в римский штаб без длинной свиты советников, только с несколькими телохранителями.

Когда его провели в комнату, где шел спор, Велисарий с Антониной тут же прекратили ругаться. Никто из них не удивился появлению Хусрау, хотя они не думали, что император так скоро почтит их своим присутствием. До этого спор, по большей части, являлся внутренней римской проблемой.

Велисарий немного расслабился. Антонина, наоборот, крепче сжала челюсти. Они оба определенно ожидали, что Хусрау выступит в роли голоса мужского разума. Сделает все возможное, чтобы помочь Велисария успокоить немного истеричную жену.

Император тут же освободил их обоих от иллюзий. Он не видел оснований ходить вокруг да около. И, конечно, не было оснований скрывать и тот факт, что у него есть шпионы в римском лагере. Это воспринимать как должное, точно так же, как и наличие римских агентов в окружении Хусрау.

— Я согласен с Антониной, Велисарий, — резко заявил он. Повинуясь безусловному рефлексу августейшей особы, он направился к самому большому и самом роскошному стулу в комнате и легко опустился на него.

И Велисарий, и Антонина уставились на императора не в состоянии вымолвить ни слова. Ни один из них определенно не ожидал услышать эти слова от владыки земель иранских и неиранских.

— Однако мои доводы несколько отличаются от ее, — Он очень сурово посмотрел на Антонину. — Лично я считаю, что твои страхи за безопасность Харка преувеличены. Определенно нет повода для оправдания столь радикального и плохо продуманного изменения в ходе кампании.

Последнее заявление, как ни странно, привело к тому, что челюсти сжал Велисарий, и вызвало слабую улыбку на лице Антонины. Они оба имели немалый опыт в ведении переговоров и тут же увидели хитрость Хусрау. Император примет сторону Велисария по

части логики, таким образом обеспечивая римского полководца возможностью сохранить лицо, в то время как по сути согласится с предложением Антонины.

Однако Велисарий не требовалось многого — если вообще требовалось хоть что-то — для сохранения лица или демонстрации мужской солидарности, Антонину же несколько не волновало, почему соглашаются с ее предложениями...

Источая женскую скромность и самообладание, она с легкостью опустилась на собственный стул. Велисарий остался стоять в центре комнаты.

— Давай к делу, Хусрау, — проворчал он. Обычно римский полководец не разговаривал с персидским императором так резко, но его настроение портилось с каждой минутой.

— Да, давай, — тихо сказала Антонина. Неискушенный человек принял бы ее реплику за воркование.

Губы Хусрау тронула легкая улыбка. Даже будучи недолгой, она явно шла от сердца. Если и было что-то что владыка земель иранских и неиранских по-настоящему ценил, так это ведение переговоров с достаточными людьми, с которыми не требуется тратить время на бесконечные дипломатические реверансы.

— Вы хорошо подумали о будущем? — спросил он. — Я говорю о политической обстановке в ближайшем будущем после нашей победы. — Он на мгновение замолчал. — Не о философских глубинах человеческих судеб, которые заботят находящийся в наших рядах Талисман Бога.

И снова он замолчал, давая Антонине и Велисарийю время переварить тот факт, что Хусрау знает о существовании Эйда. Он не ожидал, что кто-то из них сильно удивится, но секрет Талисмана Бога было известно только одному персу. И этот перс...

— Баресманас ничего мне не говорил, — добавил Хусрау. — До тех пор, пока я не дал ему ясно понять, что знаю эту тайну. Можешь не сомневаться в нем, Велисарий.

Римский полководец кивнул.

— Нет, он не стал бы говорить. — Велисарий вздохнул и резко опустился на ближайший стул. — Но, в любом случае, не было возможности сохранить существование Талисмана Бога в тайне. Равно как и особых оснований это делать.

«Их вовсе нет», — согласился Эйд ментально.

Велисарий коснулся мешочка, висевшего у него на груди под туникой. Мешочка, в котором, как всегда, лежал Эйд.

— Хочешь на него посмотреть?

Хусрау изумленно посмотрел на Велисария.

— На него? — переспросил он. — А у мистического камня есть пол? — В густой короткой бороде снова блеснула улыбка. — Или ты просто говоришь «он» удобства ради? Если так, то я испытываю некоторое облегчение.

Он покачал головой.

— Не сейчас, Велисарий. Позднее — да, очень. Но вначале нам нужно разобраться с делами.

Он ждал. Велисарий пожал плечами.

— Тебе придется быть более точным, император. Я очень много думал о политическом будущем после падения Малва. Но, как я подозреваю, ты имеешь в виду что-то очень специфическое.

Хусрау кивнул.

— Я хочу любой ценой избежать возобновления старой вражды между Римом и Персией. Вражды, которая если учитывать, как обстоят дела сейчас, почти точно возобновится через десять лет после разгрома Малва.

На этот раз и Велисарий, и Антонина искреннее удивились. На протяжении последних двух лет, после того как Рим ответил на отчаянную просьбу Персии заключить союз против завоевателей-малва, отношения между двумя империями — несмотря на то, что они часто сражались друг с другом на протяжении многих столетий, — были совсем неплохими.

Хусрау развел руками.

— Проблема с Ираном, не с Римом. Подумайте — а вы оба, как я думаю, этого еще не делали — как будет выглядеть мир в глазах ариев после окончания войны. В особенности в глазах иранской знати.

Он посмотрел на обоих супругов долгим, внимательным взглядом.

— Рим выходит из войны победителем. Для него все великолепно. Его земли не затронуты войной, население не уничтожено, воинская мощь и коммерческие связи укреплены и расширены, будущее ясно и люди смотрят в него с уверенностью. — После недолгой паузы он продолжил: — А Иран? Земля, наполовину выжженная малва. Более того, земля... — здесь его голос стал тверже и жестче, — император которой намерен изменить древние традиции. Обуздать непокорную арийскую знать, которая одновременно является источником традиционной военной мощи Ирана и оковами для дальнейшего развития.

«Он прав, — пришел ментальный импульс от Эйда, чувствовавшего себя несчастным. — Время от времени я сам думаю об этом. Я не хотел говорить тебе, потому что у тебя и так полно поводов для беспокойства. Но... он прав. После войны Персия станет пороховой бочкой.»

— Ты боишься восстания, — заявил Велисарий. Увидев ничего не выражающее лицо Хусрау, римский полководец хитровато улыбнулся. — Нет, не так. Не Хусрау Ануширван. Если дело дойдет до этого, ты поведешь свою знать на войну против Рима, лишь бы сохранить их преданность.

— Если потребуется. Но есть способ избежать войны с Римом. Надо дать моей знати другое поле для завоеваний. Или, правильнее сказать, обширное новое царство, на которое можно будет направить их энергию и амбиции. — Хусрау пожал плечами. — В конце концов, даже арийский азадан, — этот термин означал «люди благородного происхождения» и применялся к сословию рыцарей, составлявших основу воинской силы Персии, — не любит войну просто за то, что это война. Если дать им новые земли, новые богатства, новые территории, на которых они смогут установить свою власть и проявить свои таланты...

Хусрау многозначительно замолчал, уверенный, что его собеседники понимают, что он имеет в виду.

Но Антонина не поняла. Она увидела не многозначительную паузу, а зияющий провал в логике.

— Ты не можешь говорить серьезно, император! Если ты отправишься в Центральную Азию, то столкнешься с кушанами. Которые, если смотреть в корень, являются более важным союзником для Рима, чем Персия. По крайней мере, в перспективе. Равно как если ты пойдешь войной против наших союзников маратхи на Деканском плоскогорье. Это оставляет тебе только Гангскую равнину, а тогда ты ввяжешься в бесконечную войну с государством, которое станет преемником малва. На земле, заселенной множеством племен, у которых нет никаких причин приветствовать еще одну волну завоевателей с запада. Вся идея...

— Он говорит не об этом, Антонина, — перебил ее Велисарий. Римский полководец смог проследить мысль императора до логического конца. — Он говорит о долине реки Инд.

Велисарий почесал подбородок.

— Политическое будущее которой мы никогда не решали. Я предполагал какой-то вид военной оккупации на промежуточный период, за которым последуют...

— Долгие переговоры! — рявкнул Хусрау. — Где я буду выступать против Шакунталы и Кунгаса, а Рим возьмет на себя роль «честного посредника»? — Он фыркнул. — И, вероятно, против кого-то еще. Как правильно говорит Антонина, после падения малва Ганг не останется без власти на долгое время. Даже если не брать в расчет этих проклятых раджпутов, которые сидят у границы. Поэтому давайте предвосхитим весь процесс. Река Инд отходит ариям. Как минимум — Дельта и сама долина до пустыни Тар и до Чинаба на севере.

— Суккур и узкий проход за ним, — тут же возразила Антонина. — Севернее у тебя

пойдут нескончаемые проблемы с раджпутами и кушанами. — Она сладко улыбнулась. — Пусть они спорят друг с другом относительно контроля над Пенджабом. Ты получишь весь Синд, что более чем достаточно для азадана. Таким образом, все будут заняты. Кроме того...

— Достаточно! — рявкнул Велисарий. Он гневно посмотрел на Антонину и перевел взгляд на Хусрау. — Мы не станем вдаваться в подробности. Ни Антонина, ни я не имеем полномочий обсуждать такие вещи от имени Римской империи. И ты можешь быть уверен, что у Феодоры более крепкий кулак, чем у моей дуры-жены, — он снова с яростью посмотрел на нее. — Единственная цель которой, когда она соглашается с тобой...

— Она соглашается потому, что при таком раскладе ее предложение начинает работать, — многозначительно заметил Хусрау. — Это означает, что поход в центральную часть долины могу взять на себя я, ведущий армии дехганов, вместо того чтобы позволять тебе разделять свои силы. Это очень сильно упрощает вопрос снабжения армии и делает возможным более раннюю атаку Бароду и захват дельты.

Глаза Велисария грозили вылезти из орбит.

— Ты? Это невозможно, Хусрау! Ты нужен здесь, в Персии, для...

Он замолчал, подавившись словами.

Хусрау улыбался.

— Чтобы поддерживать равновесие в империи? Чтобы не позволять вечно беспокойному азадану плести заговоры и интриги? Чтобы Месопотамия продолжала служить надежным складом для кампании на Инде?

Антонина не смогла сдержать смехок.

— Это один из способов удержать азадан от э... беспокойства. Повести их в великую разбойную экспедицию. Как Ахемениды в старые добрые времена! — Не поднимаясь со стула, она картинно улыбнулась Хусрау. — Слава тебе, заново рожденный Кир!²⁶

Хусрау рассмеялся и величественно кивнул.

— По меньшей мере — Дарий. — Затем он перевел взгляд на Велисария. — Но у тебя на самом деле очень широкие полномочия во всем, что касается военных действий. Ты всегда можешь представить какой-либо вопрос на рассмотрение императрице Феодоре — о, простите меня, императрице-регентше Феодоре. Как необходимый для успеха кампании против малва.

Он снова кивнул Антонине.

— В свете новых обстоятельств, раскрытых Антониной, лучшей и самой доверенной подругой Феодоры.

Велисарий уже собрался рявкнуть в ответ, но сдержался. Затем ворчливо заметил:

— Согласен, это может сработать. Когда император *лично* поведет войско в центральную часть долины для кампании...

Он на мгновение замолчал. Его острый военный ум судорожно работал, почти без усилий со стороны Велисария, словно сам по себе.

— ...которая развернется в малоизвестном плодородном бассейне Сакастана, как мы уже планировали...

На ближайшем столе лежала большая карта. Велисарий, все еще бормоча, направился к ней. Антонина и Хусрау тоже встали и подошли к карте.

Римский полководец проследил путь армии.

— Это будет ужасная дорога. Даже если... собрать армию дехганов в Сакастане.

— Я стартую в Чабахаре, — заявил Хусрау и показал на порт на берегу Оманского залива. — Точно так же как ты собирался поступить с экспедицией Маврикия. Большинство дехганов уже находятся здесь, в нижней Месопотамии, поэтому будет несложно переправить их морем в Чабахар. А оттуда — точно так, как планировал ты — мы отправится на север к

²⁶ Кир II Великий (умер в 530 г. до н.э.) — в Древней Персии царь из Династии Ахеменидов. Правил с 558 до 530 гг до н.э. Покорил Мидию, завоевал Парфию, Лидию, греческие государства в Малой Азии, Хорезм, Бактрию, Арейю, Гедросию и пр.

Сакастану. Закрытые горами как щитом от глаз любого врага на востоке. Потребуется примерно неделя, чтобы прийти в себя и отдохнуть, после чего мы начнем вторжение в долину Инда. Точно так, как ты хотел с самого начала.

Теперь Велисарий яростно хмурился.

— По *этой* дороге? Целая армия персидских дехганов? Это невозможно, Хусрау! Тебе придется пересечь две пустыни и горную цепь до того, как ты доберешься до Инда и Суккура.

— Как раз чуть ниже Суккурского прохода, который отделяет Синд от Пенджаба, — весело сказала Антонина. — Естественная северная граница новой арийской провинции Индустан.

Оба мужчины гневно посмотрели на нее. Затем не менее гневно переглянулись.

— Невозможно! — повторил Велисарий. — Я планировал послать лишь небольшую экспедицию. Шесть тысяч человек, большинство из которых — легкая арабская конница. Достаточно, чтобы удивить малва и отогнать население на юг, в то время как мы устанавливаем плацдарм для высадки в дельте. Как, ради всего святого, ты намерен провести толпу дехганов — тяжеловооруженных всадников — по такой местности?

Хусрау красиво изогнул губы.

— Ты забываешь о двух вещах, Велисарий. Во-первых о том, что деревенские дехганы с плато и северо-восточных провинций — тысячи которых собрались здесь, нижней Месопотамии и ворчат об отсутствии перспективы великого сражения — гораздо более привычны к путешествиям по бесплодной местности, чем вы, возможно, более цивилизованные, римляне.

В ответ римский полководец саркастически приподнял бровь.

— Ты плохо знаешь эту породу, Велисарий. По большей части ты контактировал с высшей знатью ариев. Большинство из которых, признаю, слишком любят комфорт. Но дехганы с востока... Грубые ребята! — посмеиваясь, сказал император. — Но для этой кампании чем грубее, тем лучше.

Велисарий почесал подбородок. Он понимал, что имеет в виду Хусрау, и вспоминал различные шутки о дехганах с приграничных восточных территорий, слышанные им от персидских аристократов типа Куруша.

— А что еще?

Хусрау выглядел довольным.

— Ты, видимо, забыл, что Сакастан — это родина легендарного Рустама, национального героя ариев²⁷.

Велисарий некоторое время пытался осмыслить это заявление. Но Эйд все понял мгновенно. Кристалл послал возбужденные мысли в разум Велисария.

«Он прав. Он прав! Сакастан — современное название древней Дрангианы²⁸. Сакастан — я имею в виду, его население — прямо-таки упивается всей этой мифологией. Сонная, изолированная провинция — но все еще плодородная и густо населенная, потому что Тамерлан ее еще не разрушил — а теперь никогда не разрушит, потому что мы уже изменили историю...»

Эйд практически лопотал от возбуждения.

«Разве ты не видишь? Как ониотреагируют — когда придет сам император, владыка земель иранских и не иранских? И потребует их помощи в новом великом подвиге ариев?»

Велисарий понял.

«Это идеально! Идеально! Будет участвовать все население! Мужчины, женщины,

²⁷ Рустам — герой иранского эпоса.

²⁸ Дрангиана — греческое название древнеиранской области в бассейне озера Хамун, на границе современных Ирана и Афганистана.

дети, даже старики, даже калеки! Ты не мог и мечтать о лучшей организации обеспечения армии! Хотя, конечно, эта деревенщина не поймет, в чем заключается „обеспечение армии“. Для них это будет крестовый поход. Первый и единственный шанс вновь разжечь огонь старых легенд и вернуть Сакастан назад к жизни».

Велисарий не переставал удивляться. Эйд же продолжал болтать:

«Идеально, говорю тебе! Они — по крайней мере, мужчины — опытные погонщики верблюдов. Там есть еда и достаточно воды. До того как Тамерлан разрушил эту область — я имею в виду в будущем, которое могло наступить. Нам нужно придумать какой-нибудь короткий термин, чтобы не использовать каждый раз все эти длинные глупые выражения. Так вот, Сакастан славился своей ирригационной системой. Ну, не совсем „славился“, но она у них была тогда, когда о ней почти никто не знал, — дамбы, кванаты и все остальное!»

Затем он добавил, несколько обиженно и оскорблено:

«Я уже говорил тебе об этом, когда ты обдумывал свой первоначальный план. Однако ты, наверное, кое-что позабыл, иначе сразу бы понял, почему план Хусрау значительно лучше твоего».

Велисарий криво улыбнулся.

«Et tu²⁹, Эйд?» — послал он ментальный импульс

Последовало ментальное фырканье, которое невозможно описать словами. Велисарию оно напомнило зеркало, разбившееся на мелкие кусочки и мгновенно сложившееся заново.

«Не надо быть таким мелочным. Это ниже твоего достоинства. Это действительно лучший план. Все, что ты надеялся сделать, — это отогнать часть населения на юг. А Хусрау...»

— Сколько ты возьмешь дехганов, император? — спросил Велисарий от имени Эйда.

— Уверен, что смогу собрать двадцать тысяч тяжелой конницы. Конечно, не все они — копейщики. Возможно, третья часть, другие будут лучниками, а уж ты-то отлично знаешь, насколько яростными...

Велисарий махнул рукой.

— Пожалуйста! Армия из двадцати тысяч тяжеловооруженных персидских копейщиков и лучников и еще десяти тысяч пехоты достаточно могущественна, чтобы прорваться сквозь любые заслоны малва в сердце долины Инда. В особенности...

«Более чем достаточно! — энтузиазм Эйда немного поугас. — Конечно, персы не смогут осадить настоящие цитадели...»

— Нет необходимости, — сказал Велисарий вслух, забыв, что ни Хусрау, ни Антонина не могут следить за его ментальной беседой с Эйдом. Затем, вспомнив об этом, начал сбивчиво ее пересказывать, но Хусрау его перебил.

— Нет необходимости, — подтвердил он. — С двадцатью тысячами тяжелой конницы я смогу разбить любую силу малва на открытой местности. Если они отступят в свои крепости вдоль реки, я быстро смогу установить военное правление и чуть ли не все население в самое ближайшее время начнет мне подчиняться. Заставлю их работать на полях и обеспечивать нас едой, в то время как мы станем защищать их от вылазок малва.

— В конце концов окажется, что таким образом ты спасешь жизни большому количеству крестьян, — тихо добавила Антонина. Она отлично понимала, каким тяжелым грузом лежала мысль об убийстве этих людей на сердце ее мужа. Велисарий надеялся спасти несколько десятков тысяч при помощи своей легкой конницы, не больше.

Но теперь — с такой могучей армией в долине...

— Мы сможем спасти практически всех, — тихо сказал Велисарий. Затем холодно посмотрел на Хусрау. — Хотя нельзя сказать, что у них будет такая уж прекрасная жизнь, при арийском-то военном режиме.

— Все лучше, чем быть убитыми, — возразил Хусрау. — Что касается остального... —

²⁹ et tu — «И ты?» (лат). Имеется в виду фраза Цезаря «И ты, Брут?»

Он пожал плечами. — Я могу не позволить дехганам зверствовать на захваченных землях. Конечно, первые несколько дней будет тяжело. Невозможно удержать таких солдат от присвоения небольших богатств, которые могут там оказаться, и домогательств местных женщин.

— Домогательств! — фыркнула Антонина. И снова Хусрау пожал плечами.

— И что с того, если сколько-то индийских крестьян окажутся после войны с некоторым количеством незаконнорожденных детей? Если сказать по правде, их будет совсем немного, потому что мои дехганы в любом случае станут искать наложниц. То есть сделают отношения официальными и проследят за благополучием своих отпрысков.

— Мужчинам-крестьянам это не очень понравится, — прервал его Велисарий. — Но нет смысла об этом спорить. Они, несомненно, куда как больше пострадали под властью малва. Они скоро приспособятся. Поскольку индийские крестьяне меньше, чем большинство крестьян в мире, склонны беспокоиться о том, кто ими правит. Если только новые господа не устанавливаю чересчур высокие налоги, конечно... Ты ведь собираешься распространить на долину реки Инд новую систему налогообложения, не так ли?..

Хусрау кивнул.

— Более того. Я сделаю долину Инда экспериментальной областью. — Император принялся медленно ходить по комнате. — К этому времени, я уверен, ты уже догадался о моих планах реформирования арийского общества. Мне надоела эта вечно пререкающаяся знать. Я намереваюсь ввести более действенную и более разумную — римскую — систему. Высокие посты будут даваться за таланты и достижения, а не по праву рождения, и новая аристократия сама будет устанавливать прочные связи с императорской династией.

Велисарий ничего не сказал. Он не догадывался ни о чем подобном. Ему это и не требовалось. Эйд со своим энциклопедическим знанием человеческой истории давно ознакомил римского полководца с серьезными изменениями, которые Хусрау Справедливый — как его называли бы в будущем — проведет в персидском обществе. Замена феодального порядка императорским, введение такой системы налогообложения, что в дальнейшем ее примут даже мусульманские завоеватели.

— Долина реки Инд — идеальное место, чтобы посадить этот росток, — задумчиво сказал Хусрау. — Моя армия будет практически полностью состоять из скромных дехганов из бедных восточных земель. Не богатых и надменных месопотамских аристократов. Они будут готовы, в обмен на земли и богатства, принять новые условия императорской службы.

Он сжал кулак.

— А когда они будут стоять за моей спиной и поддерживать меня, я смогу разобраться с любым капризным и вздорным шахрадаром из Месопотамии так грубо, как мне потребуется. — Он улыбнулся. — И — кто знает? Может, после моей смерти мой преемник сможет занять трон без необходимости начинать гражданскую войну.

Велисарий положил обе руки на стол и склонился над картой, изучая изображенную на ней местность.

— Отлично, — сказал он тихо. — Я так понимаю, что твоя кампания имеет хорошие шансы на успех. Очень хорошие шансы, поскольку единственное, чего не ожидает даже сверхчеловеческий разум Линка, — это двадцать тысяч тяжеловооруженной персидской конницы, бросающейся в долину реки Инд из пустыни Хач.

Он хохотнул и добавил:

— В конце концов, это благородное безумие. А уж чем нельзя обвинить это сумасшедшее чудовище, так это в склонности к нелогичному.

«Он никогда не поймет силу таких мифов, как сказание о Рустаме, — пришла мягкая мысль от Эйда. — Я бы тоже никогда не понял, если бы не провел столько лет в твоём разуме. И твоём сердце».

«Да, это так, — ответил Велисарий мысленно. — В конце концов, Линк и новые боги, которые послали его сюда, потерпят поражение в большой степени потому, что пытались изменить будущее человечества, так никогда и не поняв его природу».

Велисарий выпрямился.

— Но все еще остается проблема на море, — сказал он. — Дело в том, что твоя затея обречена на провал без тотальной мобилизации всего флота. Без этого и, конечно, — без атаки на Бароду.

Следующие слова прозвучали резко даже для него самого, но их требовалось сказать.

— А это, в свою очередь, невозможно, пока у малва есть собственный огромный флот в Бхаруче. Да, сегодня он стоит в гавани, но только из-за муссонов. К тому времени как мы сможем взять дельту, независимо от того, как быстро мы будем двигаться, лето закончится и начнется осень. Придет ноябрь, сменится направление ветров. И тогда флот малва сможет атаковать наши корабли. А из-за неизбежного нарушения в нашем тщательном планировании, которое создаст замысел Антонины, наш военный флот окажется плохо подготовлен, чтобы отбивать нападения. Единственный способ перекинуть армию в дельту раньше, чем мы собирались, это вести людей морем. На что полностью уйдут ресурсы всего нашего флота, как военного, так и гражданского. Нравится нам это или нет, пока аксумиты не закончат расширение собственного флота — а этого не случится еще несколько месяцев, — у нас нет кораблей для этой работы. Просто и ясно.

Он холодно посмотрел на императора и Антонину.

— Без полного владычества над морем — что зависит от аксумского флота — мы можем оказаться точно в таком же положении, в каком в прошлом году оставили малва — с огромной армией, выброшенной на берег и умирающей от голода. Мы не сможем продержаться несколько месяцев на реке Инд на той провизии, которой в состоянии обеспечить нас местные крестьяне. Нам необходимы стабильные поставки на протяжении первой зимы, независимо от того, что еще может произойти.

Ни Хусрау, ни Антонина не ответили ему. Логика Велисария вызывала у них обоих негодование, но они не знали, как ее опровергнуть.

Тем не менее они определенно намеревались попытаться. Велисарий собрался с силами для возобновления спора.

И тогда произошло второе вторжение.

Это был Агафий. Не обращая ни на кого внимания, он грубо, плечами, распахнул тяжелые двери. Он казался возбужденным, по крайней мере, достаточно возбужденным, чтобы начать говорить в присутствии императора, предварительно не извинившись.

— Вы не поверите, но на горизонте только что показалась огромная армада кораблей. Самый большой флот, черт побери, который я когда-либо видел. Это аксумиты, больше некому. Если мы правильно интерпретируем эти твои новые сигналы флагов, то их ведет сам царь Эон.

Велисарий уставился на Хусрау. Затем на Антонину.

— Ты знала, — заявил он.

— Чушь! — возразил Хусрау. — Как она могла?

— Действительно — как, — проворковала Антонина с легким упреком. — Просто женская интуиция, и все. На нее можно положиться.

Глава 20

Джамна

Лето 533 года н.э.

Первым, что увидел Нанда Лал после того, как Торамана провел его в свой небольшой шатер, была статуя стоявшая на маленьком столике в углу. Она изображала Вирахадру, главное божество культа Махаведы, своеобразной версии индуизма, основного вероисповедания малва.

Жрец Махаведы, сопровождавший Нанду Лала, прошел в угол и осмотрел статую...

Нет, не с почтением, а скорее удовлетворением. Через несколько секунд он повернулся и сурово уставился на Тораману.

— А ты выполняешь обряды? — Торамана кивнул.

— Три раза, каждый день. Я делаю это с детства. Мой отец был верующим человеком.

Жрец довольно хрюкнул.

— Хорошо. А как твой отец чувствует себя сейчас? — Лицо Тораманы ничего не выражало. Огромный йетайский офицер только чуть пожал плечами.

— Он умер. Погиб у Ранapura, когда восставшие устроили тот взрыв. Равно как и мой брат.³⁰

Челюсти Нанды Лала слегка сжались. Эту информацию шпионы не предоставили своему шефу до его отъезда из Каушамби. Это было упущение, о котором некоторые из них пожалеют.

Но он ничего не сказал вслух. Нанда Лал уже дал ясно понять жрецу, что тому следует вести большую часть разговора. Жрец об этом не забыл. Служитель Махаведы смущенно откашлялся.

— Прости, я не знал. Мои соболезнования.

— Он умер быстро. Все люди умирают. А восставшие наказаны.

Казалось, йетайцу нечего сказать, кроме этих коротких резких фраз. Внимательно наблюдая за ним, Нанда Лал решил, что этот человек — бесстрастный по натуре. Он достаточно умен — Дамодара не имеет склонности выдвигать на командные посты идиотов, и уж точно не делать их командирами, — но не любопытен.

— Меня зовут Вишванатан, — представился жрец. — Как ты, возможно, уже знаешь, меня отправили сюда по указанию императора.

— Так сказал мне Нарсес. — Торамана протянул руку, предлагая жрецу сесть на подушки перед низким столиком. Каким-то образом этот жест относился и к Нанде Лалу, не давая ему преимуществ, которыми обычно наслаждался начальник шпионской сети империи малва и (как и Венандакатра) двоюродный брат императора.

Это произвело впечатление на Нанду Лала. Он не ожидал такого тонкого хода от йетайца, даже военачальника. За очень короткое время, как понял Нанда Лал, Торамана уже догадался, что начальник шпионской сети намеревается использовать жреца как своего неофициального «представителя» или уполномоченного.

— Вы голодны? — осведомился йетайец. — Хотите выпить?

Жрец покачал головой, но принял предложение сесть. Нанда Лал остался стоять в нескольких футах позади стола.

— Я хочу, чтобы не присутствовал никто из слуг, — сказал жрец, удобно устроившись на подушках. Когда Торамана сел за стол напротив него, Вишванатан обвел взглядом шатер.

Йетайский офицер понял его правильно.

— Здесь никого нет. Если нам потребуются слуги, их легко вызвать: они ждут снаружи. Я предполагал, что вы хотите поговорить без свидетелей.

«Совсем не дурак, — подумал Нанда Лал. — Что само по себе хорошо. Пока...»

Следующие слова Тораманы удивили его. И заставили повысить мнение о сообразительности йетайского полководца.

— Вы желаете определить мою преданность. Вас беспокоят осложнения, которые могут возникнуть после моей женитьбы на представительнице династии Чохаров.

Вишванатан кивнул.

— Именно так. После того как мы получили это известие, вопрос долго обсуждался на императорском совете. Я лично присутствовал на нем.

Во время последовавшего короткого молчания Нанда Лал пытался оценить реакцию Тораманы на новость, что его дела подверглись внимательному изучению со стороны самого

³⁰ О восстании в Ранapura рассказывается в романе Д. Дрейка и Э. Флинта «В сердце тьмы».

императора. Большинство йетайских офицеров — большинство любых офицеров в армии малва — были бы удивлены и обеспокоены одновременно.

Реакция Тораманы...

«Никакой реакции. С тем же успехом можно сказать дереву, что оно деревянное. Или камню, что он твердый».

До того как дала о себе знать настороженность Нанды Лала, Торамана снова его удивил.

— Я ожидал, что так и будет, — сказал он. — По очевидным причинам брачный союз между йетайцем и раджпутом является поводом для императорского беспокойства.

Жрец, пораженный откровенностью йетайца, украдкой посмотрел на Нанду Лала. Начальник шпионской сети холодно смерил его взглядом. Жрец быстро отвернулся. Затем поднял брови и предложил йетайцу объяснить поподробнее.

— Это очевидно, — повторил Торамана. — Сила малва, за исключением контроля над оружием Вед, в основном покоится на двух столбах — йетайцы и раджпуты. — И снова Торамана легко повел плечами. — Когда-то были еще и кушаны — в некоторой степени. Но теперь эта опора треснула и может рассыпаться в пыль.

Нанда Лал заговорил впервые после того, как зашел в шатер:

— Три ножки все еще будут поддерживать стул, даже если сломается четвертая.

Торамана кивнул, даже не посмотрев на начальника шпионской сети. Он не сводил взгляда со жреца.

— Да. В особенности, когда четвертая ножка никогда не пользовалась серьезным доверием. Все будет по-прежнему, при условии, что оставшиеся три останутся стоять по разным углам. Если две из них сольются в одну, то стула у вас больше не будет. Получится неустойчивая двуногая конструкция, которая только и ждет, когда рухнуть. И, конечно, поэтому императора волнуют мои брачные планы.

Йетаец замолчал. Через несколько секунд Нанда Лал понял, что больше он говорить не станет, если его об этом не попросят. И еще понял, что, поступая таким образом, Торамана сам делает некое предложение.

Начальник шпионской сети расслабился. Он умел торговаться, имел в этом деле немалый опыт и мог угадать маячащую на горизонте сделку.

А еще он понял, что разговор становится слишком серьезным, чтобы доверять его жрецу, и Нанде Лалу придется полностью отказаться от роли незаинтересованного наблюдателя. Приняв решение, он шагнул вперед и уселся за стол.

— Тогда скажи мне, почему императору следует разрешить брак, — приказал он.

Бочкообразная грудная клетка Тораманы приподнялась, когда он делал медленный глубокий вдох. Очевидно, что он не торопится, собираясь правильно представить аргументы.

— Во-первых. Прочность, требуемая стулу, зависит от веса того, что на этом стуле лежит. Когда Велисарий угрожает на реке Инд, а Рао — Нармаде, вес возрос в три или четыре раза. Во-вторых. Трехногому стулу требуются более толстые и крепкие ножки. Применительно к людям — более верные. Даже скорее преданные. В-третьих. Слабость связана с раджпутами. В настоящий момент они привязаны к малва только клятвами. Нет кровного родства, и еще меньше доверия. Клятвы — даже клятвы раджпутов — хрупкие вещи. В-четвертых, самый верный способ привязать раджпутов крепче — это привязать их кровными узами. Устраивать высокопоставленным раджпутам браки с представителями правящего клана малва, как делали это с йетайцами.

Торамана замолчал и долго смотрел на Нанду Лада.

— Я не сказал вам ничего из того, что вы уже сами не понимаете. Давайте на мгновение предположим, что Рана Шанга станет вдовцом. Возможно, из-за болезни жены, возможно, из-за несчастного случая — или неудачной встречи с какими-то случайно попавшимися по дороге бандитами. Я уверен, что ему предложат вступить в брак с кем-нибудь из высокопоставленных малва. Причем очень высокопоставленных. Впервые царь раджпутов — а он является величайшим из них — будет связан с малва кровью, а не только

клятвами.

Нанда Лал чувствовал, как меняется выражение его лица. Несмотря на все свои попытки скрыть эмоции, он не мог ничего поделать. Он был в шоке. Никогда — никогда! — он не мог представить, что этот человек, выглядящий грубым и неотесанным варваром, сможет догадаться о столь многом на основе столь малого. А что еще он знает? «Неудачная встреча с какими-то случайно попавшимися по дороге бандитами», — да, это были его слова. Но какие мысли — какие догадки — скрываются за этими словами?

Нанда Лал подавил желание тотчас вызвать пятерых наемных убийц, ждавших перед шатром, и приказать им убить Тораману на месте. С трудом подавил.

С трудом — и по двум причинам. И только второй была его заинтригованность возможностями, которые открывала неожиданная проницательность и сообразительность Тораманы.

Первая причина его сдержанности была еще проще. Кроме пяти наемных убийц, подчинявшихся Нанде Лалу, в нескольких шагах от шатра находились дюжины солдат, по большей части йетайцев и раджпутов. И все они — как уже стало очевидным для Нанды Лала — крепко привязаны к своему командиру Торамане, как все солдаты в их армии привязаны к Дамодаре и Рану Шанге.

Если вкратце, то это — единственная армия в империи малва, где работу наемных убийц с радостью выполняют разъяренные солдаты, причем в течение минуты, в чем можно было не сомневаться. Люди Нанды Лала смогут убить Тораману, в этом начальник шпионской сети совсем не сомневался, даже если силач-йетайец и заберет с собой на тот свет пару-тройку нападавших. При условии, конечно, что Нанда Лал будет рад видеть свое порубленное на куски тело, лежащее рядом с трупом Тораманы.

«Такова проблема. Империя не может позволить себе потерять эту великолепную армию. Но можем ли мы позволить себе вообще ее иметь? Если этот острый, как бритва, меч когда-нибудь окажется направленным в нашу сторону...»

Шли долгие секунды молчания. Все это время Торамана неотрывно смотрел на начальника шпионской сети. Наконец молодой йетайский полководец в очередной раз пожал плечами.

— Я думаю, что ты слишком много беспокоишься. Если его любимая жена умрет — по какой угодно причине, лишь бы к этому не прикладывали руку малва, — у Раны Шанги будет еще больше оснований заключить династический брак. — Каким-то неуловимым образом следующие слова были произнесены с легким ударением. — Несмотря на все его могущество и воинское мастерство, он, как ты знаешь, не очень хорошо разбирается в интригах.

«Перевод: у меня могут возникнуть сомнения относительно „неудачных обстоятельств“. Но у Шанги они не возникнут».

Нанда Лал вспомнил все, что знал о царе раджпутов, решил, что йетайец правильно его оценил. Но все еще оставался Дамодара...

Торамана заговорил вновь, словно умел читать мысли:

— Что касается господина Дамодары, то его благодарность императору за то, что он щедро предоставил о семье дворец в столице — в безопасности от римских наемных убийц и почти у императорского порога тоже прочно привязывает нашего полководца к малва. Хотя, по моему мнению, в его преданности не было оснований сомневаться.

Нанда Лал тут же отбросил последнее предложение. Это была чистая дипломатия. Главным было первое.

«Перевод: пока семья Дамодары остается в заложниках у императора, Дамодара остается покорным».

И снова Нанда Лал пересмотрел свою точку зрения, и снова решил, что йетайец прав. Несмотря на всю свою гениальность, Дамодара ни разу не продемонстрировал излишней амбициозности. Немного — конечно, да — но так, чтобы подвергать смертельной опасности жену и детей? И родителей?

«Нет, я сам видел, как он играл с детьми, когда его семья в прошлые годы посещала столицу. Он обожает своих детей и, по отчетам шпионов, любит жену и является преданным сыном».

— Хорошо, — сказал начальник шпионской сети. Слово прозвучало резко, почти хрипло. Но не так сурово, как следующие: — Но остаешься ты.

Впервые после того, как Торамана пригласил Нанду Лала и жреца к себе в шатер, его лицо перестало быть каменной маской. Казалось, йетайцу весело.

— Я? — пролаял он. — А ты знаешь о моем клановом статусе среди йетайцев?

Нанда Лал кивнул, затем вытянул вперед толстую руку и покрутил ею в воздухе.

— Средний. Не высокий, не низкий.

— Думаю, ближе к низкому, чем к высокому, — возразил Торамана. Он немного склонил голову набок и вопросительно посмотрел на Нанду Лала. — Вопрос. Какой у меня шанс получить брачное предложение от знатной дамы-малва?

Нанда Лал колебался. В тишине Торамана продолжил:

— Предположим — на мгновение, — что я вернулся с войны против Рима овеянный славой. Победителем сотен сражений.

— Возможно, — проворчал Нанда Лал. — Но маловероятно.

Вопросительный взгляд Тораманы стал откровенно испытующим. Нанда Лал вздохнул и — опять — его мнение об уме йетайца повысилось еще на чуть-чуть.

— На самом деле, реальных шансов нет.

Йетайец кивнул.

— Чистота крови всегда лежала в основе правления малва, — он легко кивнул жрецу. — И в основе религии Махаведы.

Торамана ничуть не выглядел огорченным. Напротив, йетайец почти что смеялся:

— Ну пусть будет так. Я — амбициозный человек, но не дурак. В мире есть ограничения. Так обстоят дела сейчас, так было всегда и так будет всегда. Я просто хочу добраться до собственного потолка, и никак не меньше.

С его сурового, типично йетайского лица исчезла всяческая веселость.

— Теперь, возможно, вы меня понимаете.

И снова в шатре воцарилось молчание. На этот раз на довольно долгое время. В целом минут на пять. Пять минут, на протяжении которых йетайский полководец и начальник шпионской сети всей империи малва смотрели Друг на друга, а жрец Махаведы, прекрасно понимая, что все эти тонкости давно не его дело, пытался сделаться настолько невидимым, насколько мог.

— Хорошо, — заявил в итоге Нанда Лал. — Даже не «Достаточно хорошо», а просто хорошо. Я считаю, мы понимаем друг друга.

Кивок йетайского полководца больше напоминал поклон во время принесения клятвы в верности.

— Да, господин, понимаем. Позвольте мне продвинуться в этом мире так далеко, как я могу, и вам не нужно беспокоиться о последствиях. — Нанда Лал все еще сомневался.

— Может настать день — а Рана Шанга будет твоим родственником, — когда, не исключено...

— Если такой день наступит, господин, что меня сильно удивит, — не сомневайтесь: я сделаю то, что нужно сделать. Да, кровные узы крепки. Но амбиции сильнее. Они подобны горному леднику.

— Да ты еще и поэт! — воскликнул Нанда Лал.

Весело улыбаясь, он встал из-за стола. Несмотря на крупное тело и уже немолодой возраст, Нанда Лал был полон жизненных сил. Он уже стоял на ногах, когда жрец только начал подниматься.

— Я предвкушаю долгое и полезное для нас обоих сотрудничество, командир. И я обязательно лично приеду на твое бракосочетание, когда бы оно ни проходило, И пусть будет, что будет.

Торамана, тоже вставший на ноги, поклонился в пояс.

— Это честь для меня. — Когда он разогнулся, Нанде Лалу показалось, что на губах йетайца появилась слегка хитроватая улыбка. — Но предупреждаю заранее — я не забуду ваше обещание. Пусть будет, что будет.

Нанда Лал жестом велел Вишванатану выйти из шатра первым. После того как жрец удалился, начальник шпионской сети остановился у порога шатра и сурово посмотрел на стоящую в углу статую.

— Уродливая чертова штуковина, — тихо сказал он. Торамана находился в нескольких футах от Нанды Лапа.

Йетаец бросил взгляд на статую, затем пожал плечами.

— Действительно уродливая. В этом мы с ней похожи. И, так же как и я, она служит своим целям.

Нанда Лал рассмеялся и ушел, не переставая удивляться уму Тораманы.

Теперь эта мысль наполняла его радостью. Правда он велел одному из своих шпионов не спускать с полководца глаз.

К несчастью, шпион не разделял мнение своего хозяина о Торамане. Поэтому поздно вечером у йетайского полководца не возникло сложностей с тем, как незамеченным выйти из шатра. Так, чтобы шпион и не заподозрил об этом.

А поскольку Нарсес был не менее опытен в уходе от слежки, то двое мужчин встретились без всяких прочем. Как и было оговорено раньше, в процессе обмена фунта чая на сравнимую меру фимиама. В этой сделке участвовали двое слуг, и произошла она на неофициальном «рынке», устроенном солдатами и местными жителями на берегах Джамны.

Нет необходимости говорить, что она осталась незамеченной шпионами Нанды Лала. И Торамана, и Нарсес умели подбирать слуг.

Они сидели в небольшом шатре, стоявшем в стороне от основного армейского лагеря и исполнявшем роль склада. Нарсес уже ждал йетайца, сидя на мешке. Как только Торамана вошел, евнух заговорил:

— Перескажи мне все. Очень точно.

На это у Тораманы ушло несколько минут. Возможно, он вспомнил не каждое слово, но близко к тому. Если бы Нанда Лал присутствовал в этом шатре, то его мнение о Торамане еще улучшилось бы. Память йетайца была такой же феноменальной, как и его ум.

Когда он закончил, Нарсес коротко, сухо и хрипло рассмеялся.

— «Позвольте мне продвинуться в этом мире так далеко, как я могу, и вам не нужно беспокоиться о последствиях». Это очень красиво сформулированное предание.

Торамана небрежно пожал плечами.

— Я ничего не знаю об искусстве красиво говорить. Все могут видеть, я — грубый йетайец, немногим лучше варвара. Но даже когда я был ребенком и играл в грязи, то знал, что лучший способ врать — это говорить правду. Просто позволить тому, кто слышит правду, воспринимать ее по-своему. Восприятие, а не сами слова вот что делает их ложью.

Нарсес кивнул и улыбнулся, напоминая в этот момент рептилию.

— И это тоже еще одно красиво сформулированное предложение. — Улыбка исчезла. Следующие слова он произнес без каких-либо эмоций. — Если время придет — когда время придет, — тебе потребуется...

Торамана оборвал его, нетерпеливо махнув рукой.

— Действуй быстро, решительно и так далее. — Он поднялся на ноги даже с большей живостью, чем та, которую продемонстрировал Нанда Лал в его шатре. — Не бойся, Нарсес. Мы с тобой прекрасно друг друга понимаем.

— «Но амбиции сильнее», — тихо процитировал старый евнух. — «Они подобны горному леднику».

И снова Торамана махнул рукой.

— Поэзия, — фыркнул он. — Нет никакой поэзии в горных льдах. Я знаю. Я видел ледник. Я родился в Гиндукуше, Нарсес. И узнал, еще будучи мальчиком, что мир создан, подобно льду.

Он повернулся, пригнулся, откидывая полог шатра, и исчез. Так же тихо, как и пришел.

Глава 21

ХАРК

Лето 533 года н.э.

— Мы так и думали, что найдем тебя здесь, — сказал Эон.

— А где же еще? — фыркнул Усанас. Удивленная Антонина оторвала взгляд от кобылы, на которую смотрела, и покосилась на конюшню. Эон и Усанас стояли внутри, у открытых дверей, и их спины освещало солнце позднего утра.

Антонина начала краснеть. Затем, опустив глаза, принялась отряхивать платье от соломы. Когда она пришла этим утром на конюшню, после того как Велисарий уехал, чтобы присоединиться к армии, то мало обращала внимания на подобные мелочи. Даже теперь ее старания объяснялись больше привычкой, чем настоящим беспокойством о своей внешности.

— Я так предсказуема? — пробормотала она.

Усанас улыбнулся.

— Каждый раз, когда Велисарий отправляется в один из своих походов, ты проводишь половину следующего дня, глядя на лошадь. Это успело стать притчей во языцех.

Эон прошел к ближайшей куче сена и плюхнулся на нее. Совершенно очевидно, что негуса нагаст Аксумского царства беспокоился о том, как он выглядит, не больше, чем Антонина. Он даже провел несколько секунд, наслаждаясь ощущениями, и мог показаться несведущему человеку беззаботным мальчишкой, а не правителем одной из самых могущественных империй.

— Да, прошло много времени, — сказал он весело. Затем помахал рукой. — Иди сюда, Усанас! Почему ты так настаиваешь на сохранении достоинства?

Улыбка Усанаса стала немного сардонической.

— Конская еда! Нет, спасибо. — Он гневно посмотрел на кобылу в ближайшем стойле. Безобидное животное ответило на его взгляд со всем возможным спокойствием. — Предательские создания, — объявил Усанас. — Все они. «Глупые животные» — ха! Но я — охотник. По крайней мере, был им раньше. Поэтому я знаю, какие злодеяния и пороки таятся в сердцах диких животных.

Он прошел к еще одному стойлу — пустому — и прислонился плечом к деревянной стойке.

— И они все дикие, не сомневайтесь в этом ни на секунду. — Он с той же сардонической улыбкой посмотрел на кучу сена, в которой сидела Антонина. — Я лучше съем саму лошадь, чем стану использовать ее пищу в качестве стула. Это более цивилизованно.

Антонина не проглотила приманку. Она просто улыбнулась в ответ. Хоть Усанас и часто заявлял, что боится и ненавидит животных, она прекрасно знала, что он — опытный наездник и погонщик слонов. А также, как она подозревала, отлично умеет управляться и с верблюдами, хотя она никогда не видела, чтобы он близко подходил к кому-то из этих угрюмых животных.

Эон скептически фыркнул. Затем его молодое лип стало серьезным.

— Нам нужно поговорить, Антонина. Мне жаль беспокоить тебя сейчас — я знаю, что ты бы предпочла провести день... э...

— Вдыхая по уехавшему мужу, которого знаешь много лет, словно глупенькая влюбленная девчонка, — ехидно завершил фразу Усанас.

— Но я действительно глупая и влюбленная, — запротестовала Антонина.

Однако без особой горячности. На самом деле, слова Усанаса принесли ей некоторое утешение. Возможно, это было странно. Но суровое детство, проведенное на улицах Александрии, за которым последовал долгий период, когда она была куртизанкой — время, оказавшееся еще суровее, заставляли ее ценить новую жизнь, которую она начала после того, как вышла замуж за Велисария. Антонина наслаждалась тем, чего у нее раньше не было, и искренне любила мужа.

Но...

В конце концов, она была женой Велисария. Самого Велисария, а не какого-то неизвестного купца или мелкого чиновника. И несмотря на то, что Антонина ценила свой брак, он налагал на нее крупные обязательства.

Она хотела было печально вздохнуть, но подавила это желание и заявила:

— Вы хотите планировать предстоящую морскую кампанию. Немедленно.

Эон кивнул.

— Из-за изменений в тактике и временных ограничений стало важным, чтобы наша экспедиция отправилась как можно скорее. А поскольку теперь потребуется включить римский флот, мы не можем терять время. — Эон сделал слишком большое ударение на слове «потребуется», словно ожидал, что с ним будут спорить! — Координация действий союзников иногда оказывается сложной. Нам нужно... э... четко определить... э...

Эон замолчал. Усанас скривил губы и получилась усмешка — такая же великолепная, как и его обычная улыбка.

— Глупый мальчишка — который, как предполагается является царем царей! — лопочет о том, кто будет командовать. Он или кто-то из римлян.

Антонина не могла не разразиться смехом.

— Ты больше не его давазз! — воскликнула она. — А он — не просто принц! Больше ты не можешь давать ему подзатыльники!

Теперь пришел черед Эона улыбаться. Усанас нахмурился.

— Ничего не могу поделать, — проворчал он. — Быть даваззом легче, чем выносить эти глупости с мухобойкой. Вежливый! Достойный! Мне это не по силам.

Антонина махнула рукой.

— Это не проблема. Естественно, командовать будешь ты. Единственные римские корабли, которые мы можем выделить для этой экспедиции, — это полдюжины новых судов с пушками, те, что проектировал Иоанн. Он называл их «каравеллами». Велисарий забрал все старые корабли для атаки на Бароду. Ты привел с собой сто восемь боевых галер. На каждой свыше двухсот человек — в сумме примерно двадцать тысяч, и это гораздо большая сила, чем можем выставить мы, римляне. А поскольку вы снабдили все корабли пушками, то в Вашем распоряжении куда больше орудий.

Она замолчала, так как ее отвлекла сторонняя мысль.

— Я все еще удивлена, что у вас получилось собрать *такой* флот за таков короткое время. Как вам это удалось?

Эон выглядел довольным.

— За это можно поблагодарить мою жену Рукайю. Если есть кто-то в Аксумском царстве или Аравии, кто знает, что семнадцатилетняя царица, по крайней мере, а Царица, — почти ребенок, то их можно пересчитать по пальцам.

— По пальцам одной руки, — поправил Усанас. — Хм, — проворчал он. — У этой девушки железная воля. Что обнаружили многие задиристые кораблестроители и купцы, поставляющие товары.

— А еще она очень умная, — продолжал Эон, не закончивший хвастаться женой. — Именно Рукайе принадлежит идея переоборудовать наши уже существующие галеры под пушки, вместо того чтобы строить новые корабли, как делаете вы, римляне. Теперь вы называете их каравеллами?

Он извиняюще улыбнулся.

— Мы можем строить корабли быстро — следуя модификациям, которые предложила Рукайя, — если продолжаем придерживаться наших старых методов. Потребовалось бы гораздо больше времени для того, чтобы делать суда по проекту Иоанна. У нас просто нет такой производственной базы, в особенности по работе с металлом.

— В любом случае мы не смогли бы снабдить каравеллы нужными орудиями, — добавил Усанас. — Даже ваши римские оружейники в Александрии едва могут выпускать достаточно таких орудий для ваших собственных кораблей. Но для проекта Рукайи требуются только небольшие пушки — использующие четырехфунтовые ядра — и только по четыре на корабль, так что Александрия легко с этим справляется.

Антонина кивнула. И молча поздравила себя за то, что изначально выбрала Рукайю в жены Эону³¹. Но ее самодовольство было недолгим. По напряженным выражениям лиц аксумитов она видела, что те все еще беспокоятся о вопросе командования.

— Так в чем проблема? — прямо спросила Антонина, не видя оснований ходить вокруг до около.

Усанас покачал головой.

— Антонина, я считаю, что твое мнение базируется скорее на теории, чем на понимании реальной ситуации. Как раз то, что Ирина назвала бы «обучением по книгам».

Он хотел говорить дальше, но его перебил Эон:

— Наши суда — это в основном галеры, Антонина. — Потом добавил гордо: — Конечно, это аксумские галеры! Мы вполне способны выходить в открытое море. Но...

Он пожал плечами.

— Но мы не можем брать с собой большое количество провизии и боеприпасов, когда галеры полностью укомплектованы солдатами и матросами. Не больше, чем на несколько дней. Даже аксумиты за несколько дней не могут пересечь Эритрейское море.

— У нас закончатся провизия и вода, — пояснил Усанас. — Не упоминая про порох и ядра, которых хватит на одну крупную схватку.

Антонина наконец поняла. А поняв ситуацию, она поняла и беспокойство аксумитов. Они могут выполнять роль ударной силы, но только если римляне предоставят суда для перевозки провизии и боеприпасов.

Она ничего не могла с собой поделать. Хотя она и пыталась подавить импульс, но все равно рассмеялась.

— Что тут смешного? — спросил Эон, наполовину сурово, наполовину неуверенно. Отчасти царь, отчасти мальчишка.

Антонина прикрыла рот ладошкой.

— Простите, — сказала она. — Я просто подумала о римских торговых судах, получающих приказы от аксумитов. Все равно что собирать кошек в стадо.

Усанас развел руками.

— В этом-то вся и проблема. Эти люди не желают никому подчиняться при самых благоприятных обстоятельствах. Нет шансов, что мы сможем управлять ими, не угрожая физическим насилием на каждом шагу. Скорее всего, каждый день. Что в конце концов лишит всю операцию смысла.

Антонина нахмурилась. Еще одна чертова проблема обеспечения. Но затем, увидев ожидание на лицах Усанаса и Эона, женщина поняла, как они представляют себе решение этой проблемы. Решение, которое они определенно боятся высказать, потому что опасаются ее реакции. И еще потому, что знают: до того, как Велисарий уехал, он заставил жену пообещать, что она не станет лично участвовать в сражениях.

Теперь Антонина не просто захихикала, она расхохоталась.

— Вы даже представить себе не можете! — воскликнула она. — Я с радостью отправлюсь через океан, вместо того чтобы сидеть в этом жалком городишке, управляя

³¹ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Удар судьбы».

сворой недовольных купцов и торговцев. И даже мой беспокойный муж согласился бы, что я не могу уклоняться от выполнения того, что — цитирую — «Необходимо для успеха кампании». Это будет сделано! — улыбнулась она.

Усанас улыбнулся в ответ.

— Да. Если ты будешь командовать экспедицией, то я уверен: ни один купец не сможет спорить с тобой.

Антонина перестала улыбаться.

— Я тоже уверена.

Менее чем через час Антонина отдала первый приказ, запустивший в действие новый план, Дриопию, ее компетентному и надежному секретарю.

— Я тебя повышаю. Я отправлю послание Фотию и Феодоре и попрошу дать тебе новый титул. Что-нибудь грандиозное. Может, место в Сенате. И уж точно какое-нибудь поместье, чтобы ты жил так, как тебе заблагорассудится.

Она вышла из комнаты, где раньше у нее был штаб, и оставила позади сбитого с толку бывшего секретаря

Разборка с двадцатью капитанами торговых судов, которые станут обеспечивать экспедицию провизией боеприпасами, отняла несколько больше времени.

Но незначительно.

— Давайте четко уясним, — твердо сказала Антонина, выслушивая их возражения на протяжении часа и все это время оставаясь на причале. Она показала пальцем на римские каравеллы, стоящие на якоре в гавани Харка. В красном свете садящегося солнца суда выглядели довольно зловеще. — Вот эти боевые корабли потопят любого из вас, кто только попытается оспорить приказ после того, как мы отчалим. А мы отчаливаем послезавтра.

Она позволила им какое-то время подумать над ее словами.

Немного.

— И вы должны быть готовы отплыть послезавтра. Или эти корабли потопят каждого, кто не отчалит в течение часа после начала отплытия. В любом случае, городские бедняки жаловались, что у них мало дерева.

С другой стороны, решение вопросов с Менандром и Эйсебием заняло почти весь вечер. От их возражений было не так просто отмахнуться.

Например, молодые офицеры настаивали на том, чтобы сопровождать Антонину во время экспедиции. Тут она стояла твердо.

— Не будьте дураками. У меня двадцать тысяч человек — и большинство из них аксумские моряки — чтобы беречь меня от беды. Понимаете, я не веду их в бой! Я просто отправляюсь вместе с ними, чтобы обеспечить должное осуществление римских поставок провизии и боеприпасов, жизненно необходимых для успеха кампании.

Менандр с Эйсебием упрямо уставились на нее. Антонина хлопнула в ладоши.

— Достаточно! Вы гораздо нужнее Велисария, чем мне. Поскольку я забираю все каравеллы и их опытных капитанов, он будет полагаться на вас, отбивая атаки малва на реке Инд. Вы, я надеюсь, понимаете, что он ведет гораздо большую армию?

При упоминании имени Велисария Менандр покраснел. Эйсебий, у которого было гораздо более смуглое лицо, — нет. Но упорно продолжал смотреть мимо Антонины. Он старался не встречаться с ней взглядом, потому ему удалось высказать еще один, последний протест.

— Тебе потребуется «Феодора-Победительница», Антонина. Нужно проверить, чтобы суда в Чоупатти и Бхаруче были полностью разрушены. А я — единственный кто все еще может управляться с новой пушкой, стреляющей зажигательной смесью, в боевых условиях.

Антонина колебалась. Она мало что понимала в данной области.

К счастью, помог Эзана. Командующий сарвом Дакуэн прибыл вместе с Эоном и

Усанасом в особняк Антонины, где обсуждались последние планы относительно римского флота. Даже до того, как Эйсебий закончил говорить, Эзана уже качал головой.

— Не так, Эйсебий. На самом деле, если взять с собой «Победительницу», то будет больше проблем, чем пользы. Ты знаешь, как работает это странное оружие, а мы нет. Попытка вклиниться в нашу тактику ведения боя — в особенности в последнюю минуту — не принесет никакой пользы. Нравится тебе это или нет, случайно можно сжечь больше аксумских кораблей, чем малва.

И поспешно добавил, увидев, что молодой грек собирается возразить:

— Не из-за *твоей* ошибки, а потому что какой-нибудь смелый аксумский капитан подведет свой корабль под удар. Поверь мне. Это неизбежно.

Эйсебий сделал глубокий вдох, потом медленно выдохнул. Наблюдая за ним, Антонина была уверена, что молодой офицер вспоминал, что говорил по этому же поводу Иоанн Родосский. И снова почувствовала горечь утраты. Теперь боль была не такой сильной, прошло немало времени. Но тем не менее было неудержимо горько.

— Хорошо, — сказал Эйсебий. — Но если ты, Антонина, не хочешь брать с собой «Победительницу», то я не совсем понимаю, какую роль ты собираешься отвести моему кораблю. — Он пожал плечами. — Сама по себе новая пушка идеально подходит для разрушения кораблей малва на реке Инд. Но «Победительница» — не галера, она ходит только под парусом. После окончания сезона муссонов будет практически невозможно перегнать ее вверх по Инду — против течения — разве что мы потянем ее на мулах. А какой корабль может участвовать в сражении, если его тянут выючные животные?

И снова Антонина обнаружила, что не в состоянии ответить на этот вопрос. По выражениям лиц опытных моряков она понимала: они все согласны с Эйсебием.

— Очень трудно переделать парусник в галеру, — пробормотал Эзана. — Нужно практически полностью его перестраивать.

— Мы можем просто перетащить пушку на одну из галер, — предложил Эон. Но выражение его лица не свидетельствовало о большом воодушевлении. — Да, утратится преимущество высоты. И это будет несколько опасно на близком расстоянии. Хотя именно так — с близкого расстояния — орудие можно использовать с наибольшим преимуществом. — Его энтузиазм быстро сходил на нет.

Усанас собрался что-то сказать, но его перебил Менандр.

— Можно поступить по-другому, — уверенно сказал он и указал большим пальцем на юг, туда, где лежала гавань. — Вы все знаете, что новые пароходы, спроектированные старым императором, пришли сюда три дня назад. Но вы можете и не знать, что на «Юстиниане» доставили запасной паровой двигатель — на случай серьезных механических неполадок. Но я в любом случае не могу использовать эту штуку. Не могу поставить на «Юстиниан» второй двигатель. Но мы можем использовать его для переоборудования «Победительницы» — сделать ее колесным пароходом. — Он сделал паузу и побрел на Эйсебия. — Я так думаю.

Как и всегда после того, как перед ним поставили техническую проблему, Эйсебий тут же погрузился в размышления. Морской офицер все еще в сердце оставался мастеровым. Он провел пальцами по волосам и уставился сквозь толстые стекла очков на выложенный плитками пол.

— Можно. Легче сделать пароход с кормовым колесом, но установка движителя сбоку принесет преимущества на такой реке, как Инд. Поскольку она медленная и грязная, там везде должны быть скрытые наносные песчаные острова и отмели. Если у тебя колесо сбоку, иногда их можно просто «переехать». По крайней мере, так утверждает Эйд.

— Но судно с боковыми колесами нельзя прикрыть броней, — тут же возразил Менандр. Хотя сам молодой катафракт, в общем-то, не был инженером, он быстро усваивал новые технологические методы, которые вводил Эйд. В мире механики, в котором терялись более старшие воины, он чувствовал себя вполне комфортно.

Эйсебий поднял голову и его глаза широко открылись.

— А почему мы придумываем какие-то колеса? «Юстиниан» и второй корабль были спроектированы с архимедовыми винтами. Не должно возникнуть особой сложности в перестройке «Победительницы» под гребной винт.

Менандр упрямо стиснул зубы и закатил глаза. Увидев это, Эйсебий вздохнул.

— Забыл. У тебя только один запасной гребной винт, да? А с таким количеством проблем, которые возникнут у «Юстиниана» — как у любой новой модели, — ты не хочешь оказаться сидящим где-то на Инде без запасного винта.

К этому времени Антонина и аксумиты полностью утратили нить разговора. Увидев непонимание на лицах, Эйсебий объяснил:

— Собрать винт очень сложно. Нужны очень хитрые приспособления. В письме, которое пришло с «Юстинианом», император — я имею в виду главного юстициария — сказал, что ему пришлось экспериментировать несколько месяцев — имеется в виду, его ремесленникам, пока они не собрали винт правильно. Нет возможности делать это здесь, без мастерских, которые имеются в Асэбе.

Легче явно не стало. Менандр вздохнул.

— Вы знаете, что такое гребной винт?

Полное непонимание.

Менандр с Эйсебием переглянулись. Затем одновременно вздохнули.

— Неважно, Антонина, — сказал Менандр. — Мы с Эйсебием займемся этим вопросом. А вы отправляйтесь в океанский круиз. Получайте удовольствие.

Глава 22

БАРОДА

Осень 533 года н.э.

Лоцман на судне у Велисария оказался действительно так хорош, как он о себе рассказывал. За полчаса до рассвета, как он и обещал, тяжелогруженный корабль пристал к берегу реки. Берег, как и следовало ожидать от одного из многочисленных рукавов реки Инд, был грязным и глинистым. Но даже такой сухопутный человек, как Велисарий, мог сказать, судя по внезапному, легкому толчку при остановке корабля, что почва здесь достаточно крепкая и способна выдержать вес людей и лошадей.

На протяжении двух недель, когда стало ясно, что сезон муссонов подходит к концу, Велисарий отправлял большие отряды осматривать дельту Инда. Они уходили под покровом ночи на небольших лодках, высаживаясь на землю и проверяли твердость почвы вдоль многих рукавов реки. Каждый год во время сезона муссонов сильное течение Инда приносило в дельту неисчислимые тонны ила. До тех пор пока новая почва не станет достаточно сухой, на нее нереально высадить тысячи людей и животных.

— Приятно иметь точные разведданные, — стоя рядом с полководцем, сказал Маврикий.

— Риска все равно не избежать, так что пусть хотя бы почва будет достаточно твердой.

Велисарий повернул голову. В слабом свете, отбрасываемом убывающей луной, он различал очертания следующего судна, причаливавшего рядом с ними к берегу врезаюсь в него носом. Другие такие корабли, как он знал, шли следом за этим — и их было много и все они выстроятся вдоль этого и еще двух ближайших рукавов реки. На протяжении следующих трех дней Велисарий намеревался высадить большую часть своей армии. В целом тридцать тысяч человек. Эйд заявлял, что операция Велисария — крупнейшая десантная операция во всей истории человечества до этого дня.

Теперь полководец наблюдал за суетливой активностью на борту его корабля. Первые военно-морские инженеры — эту новую специальность Велисарий ввел в последний год — уже спрыгивали на берег. Эти люди не носили никаких доспехов и не имели при себе оружия, за исключением ножей. От них — по крайней мере, на данный момент — не требовалось сражаться. Их задачей было сделать так, чтобы сражаться могли остальные.

Как только высадились первые инженеры, другие стали передавать им сплетенные из тростника циновки, Люди работали быстро, раскладывая циновки поверх мягкой почвы и создавая узкую дорожку, непосредственно прилегающую к реке.

— Они действуют быстрее, чем я ожидал, — проворчал Маврикий. — С таким малым количеством тренировок и той подготовкой, которую мы могли им дать...

Велисарий рассмеялся. Маврикий был все еще несколько недоволен изменением планов, составленных прошлым летом после попытки устроить взрыв в Харке.

«Он просто ворчит. — Эйд был не более благодушен. Этот человек никогда не бывает довольным. Сколь нужно тренировок, что разложить простые тростниковые циновки?»

«Все не так просто, — ответил Велисарий. — Сновать взад-вперед в темноте, по незнакомой местности, при угрозе нападения, что, несомненно, не выходит из головы, в то время как у них нет ни оружия, ни брони? И это не считая того, что половина все еще страдает от морской болезни».

Он взглянул на небо. Все еще ни намек на рассвет, но луна отбрасывает достаточно света только для того, чтобы убедиться в отсутствии туч.

«Надо молиться, чтобы эта ясная погода еще постояла, — продолжал Велисарий. — Три дня, которые мы провели в море, ожидая ее, давят на всех людей. Они не моряки, и это, черт побери, видно».

Эйд не возражал. Несмотря на то что кристалл стал понимать природу тех, кого называл «своими протоплазменными братьями», Эйд знал, что все еще имеет склонность упускать из виду грубые особенности их существования. С другой стороны... он-то был совсем не в состоянии разложить циновки.

Послышался легкий цокот. Арабские разведчики выводили своих лошадей из трюмов и сводили их по трапу на тростниковую тропинку. Лошади страдали от плохой погоды в море не меньше, чем люди. Они были так рады ступить на твердую почву, что даже не пытались сопротивляться тем, кто их вел. По сути, самая большая проблема, с которой столкнулись арабские разведчики, заключалась в том, чтобы не дать лошадям перейти на галоп.

К Велисарию подошел Аббу. Старый араб, старший среди разведчиков, нетвердо стоял на ногах.

— Один день, командир, и не больше, — Аббу говорил с уверенностью пророка. — Послезавтра все враги будут сметены до стен Бароды.

Веселая уверенность этого пожилого человека тут же превратилась в роковую мрачность. Они с Маврикием обменялись взглядами.

Два истинных пессимиста, пришедших к соглашению в вопросе несовершенства Вселенной.

— Конечно, потом последует катастрофа. — Аббу удовлетворенно потряс густой бородой. — Полный крах. Пушки не придут вовремя. Атака с моря жалко провалится, большинство твоих новых судов будут беспомощно дрейфовать или сразу же потонут. А твоя армия умрет голода перед стенами города.

— У Бароды нет стен, — спокойно заметил Велисарий. — Пушки, которые мы разгружаем, в основном предназначены для того, чтобы остановить любые суда, идущие с подкреплением. Это если они вообще придут. Хусрау со дня на день должен вступить в пустыню Хач. Кто знает? Может, уже вступил.

Аббу не успокоился.

— Персы! Атакующие из пустыни? К сегодняшнему дню половина из них — это белеющие на солнце кости, Запомни мои слова, римский полководец. Нам судьбой предначертана ранняя могила.

Велисарию пришлось приложить усилия, чтобы не улыбнуться. Отличное настроение Аббу было заразительным. После многих лет работы бок о бок со старым разбойником Велисарий прекрасно знал, что уверенность Аббу прямо пропорциональна его ворчливости. Мрачный и недовольный Аббу — это человек, полный уверенности. Веселый Аббу, который легко отмахивается от всех опасностей, — это человек, загнанный в угол и ожидающий

скорой смерти.

— Иди, Аббу, — рассмеялся Велисарий. — Очисти мне дорогу от малва.

— Вот это! — Арабский разведчик повернулся, направляясь к своему коню. — Вот это! Единственное, что пройдет, как запланировано!

В течение минуты или около того Аббу собирал своих людей. Не прошло и десяти минут, как сотни легковооруженных арабов — со многих судов — уже исчезли в темноте. Они передвигаются быстрее любой легкой конницы на земле, и можно не сомневаться, что они обрушатся на все войска малва, которые застанут в Бароды и или убьют их, или загонят в порт.

Когда последний всадник растворился в пурпурном мраке едва зарождающегося дня, Велисарий повернулся к Маврикию.

— Итак? Где твои предсказания о катастрофе?

Маврикий заворчал себе под нос.

— Аббу все сказал. Добавить нечего.

Теперь цокот был значительно тяжелее. На палубу выводили боевых римских лошадей, рядом шли тяжелогруженные катафракты, сводившие их на берег.

Казалось, лицо Маврикия стало менее мрачным. Или, возможно, стал ярче свет?

— Хотя все может оказаться и не так плохо. Аббу всегда был пессимистом. Не исключено, что после поражения нам удастся с боем прорваться через горы и, может, десятая часть армии останется в живых.

К тому времени, как Велисарий увидел Бароду, город уже полыхал. И полыхал яростно — гораздо сильнее, чем должен гореть город, построенный в основном из глины.

— Наши пушки никак не могли это сделать, — заметил Маврикий.

Велисарий покачал головой. Он остановился на небольшом возвышении — правильное сказать, горке сухой грязи — и прислушался. Он не видел римского флота, но слышал звуки канонады.

— Хотя звучит неплохо, — тихо сказал он. — Не думаю, что флот понес значительные потери.

Он стоял и слушал еще минут пять. И только один раз за все это время он различил в общем гуле более глубокий рев одного из осадных орудий малва, предназначенных для защиты гавани. И даже он звучал как-то странно. Слегка приглушенно, словно...

— Они используют мелкую картечь, — сказал Григорий. Командующий артиллерией, выгружавшейся сейчас в Дельте, сопровождал Велисария и Маврикия. — Похоже ты был прав, командир. Они берегут заряды для чего-то еще.

Велисарий прекратил прислушиваться к пушечному и стал изучать Бароду. Большая часть города была не видна, окутанная дымом. Но тут и там он различал глинобитные дома городских окраин.

Бароду не окружали стены. Но жилые кварталы были плотно застроены, здание прилегал к зданию так, что они казались единой стеной. Более того, насколько мог разглядеть Велисарий, ни в одной из наружных стен не было предусмотрено окон. Это могло быть результатом сознательного планирования, но Велисарий подозревал, что дело только в цене. Население Бароды было многонациональным и по большей части непостоянным. Поэтому в городе строилось наиболее простое и дешевое жилье.

Велисарий порылся в седельных выюках и извлек подзорную трубу. Затем начал изучать переулки, ведущие к внутренней части города. Он по-прежнему почти ничего не видел. Переулки были узкими и извилистыми, и взгляду Велисария открывались только отдельные их участки. Не нужно говорить, что они были заполнены мусором. Только одна из улиц — и Велисарий ее изучал — позволяла рассмотреть хоть что-то внутри города.

Внезапное прекращение пушечного огня, возможно, связанное с легким изменением направления ветра, позволило полководцу услышать звуки, доносящиеся из самого города. Крики.

— Ты был прав, — повторил Григорий.

Велисарий сжал челюсти. Как только Григорий начал говорить, Велисарий увидел первые признаки движения в городе. Четыре человека, одетые в лохмотья, — две женщины и двое детей, так ему показалось — бежали по одному из переулков. Пытались выбраться из Бароды.

Пока Велисарий наблюдал, одна из женщин покачнулась и упала. Мгновение он думал, что та просто подвернула ногу. Вывихнула лодыжку или сломала кость, судя по тому, как она извивалась на земле. Ее лицо искажала гримаса. Велисарий ничего не слышал, но уверен, что она кричит...

Он не сразу заметил стрелу, торчащую из ноги женщины. Через пару секунд еще одна стрела попала ей между ребер. Теперь он слышал крик.

Когда женщина упала, остановился один из детей. Он колебался, оглядывался назад, пока другая женщина не схватила его и не побежала прочь.

Слишком поздно. В переулке появилось трое солдат. Сразу же в поле зрения оказался и жрец Махаведы. Он что-то кричал. Когда солдаты оказались около раненой, один из них остановился, чтобы полоснуть ее по горлу мечом. Яркая артериальная кровь окрасила грязную серую стену ближайшего здания.

Два других солдата продолжали преследовать вторую женщину и детей. Беглецы уже практически выбрались за пределы города.

У себя за спиной Велисарий услышал, как выругался один из телохранителей. Это был Приский — он отличался великолепным зрением и ему не требовалась подзорная труба, чтобы следить за происходящим.

— Может, нам удастся... — неуверенно сказал катафракт.

До того как Велисарий успел покачать головой, у него в сознании прозвучал голос Эйда: «Нет! Нет! Город — смертельная ловушка!» Велисарий вздохнул. Он опустил трубу и повернулся.

— Мне очень жаль, Приский. Мы не можем так рисовать. Эти пожары устроили малва, а не мы. Это сделано преднамеренно. Они всегда знали, что не смогут удержать Бароду при серьезной атаке. По крайней мере, пока мы контролируем море. Поэтому они применяют тактику выжженной земли. И, как я и боялся — и ожидал, — эта тактика включает и уничтожение населения.

Он повернулся назад, заставляя себя наблюдать за происходящим, хотя не видел оснований использовать подзорную трубу. Двое солдат догнали убегающую женщину и детей уже за чертой города. Блеснули клинки. Солдаты, сбавив темп, трусцой побежали к своему третьему товарищу и жрецу, ожидающим у входа в переулок. Воссоединившись, они отправились назад, внутрь города.

Они напоминали Велисарию трупоедов, копающихся в отбросах в поисках еды.

— Проклятые твари! — рявкнул Приский. — Но подождите, когда вы сами попытаете уйти...

Катафракт оглядел открывающуюся глазам панораму. Казалось, зрелище его удовлетворило.

Уже видны были колонны римских войск, марширующие по ровной местности. Некоторые из них шли маршруту Велисария и его группы. Однако большинство рассеялось по территории. В течение нескольких часов Барода будет окружена римской армией.

— Никаких пленников, — проворчал Приский. Потом сурово, почти гневно посмотрел на полководца.

Политика Велисария, не допускающая зверств, за последние два года надежно прижилась в его армии. Его букелларии, как называли их римляне, — отряд особо приближенных фракийских катафрактов — были готовы проводить эту политику в жизнь. Приский сам являлся одним из букеллариев и обычно подробных проблем у него не возникало. Но сегодня с дисциплиной было определенно хуже.

Велисарий посмотрел на Приския таким же суровым взглядом, только не злым.

— Не дури, Приский, — спокойно сказал он. — Большинство этих солдат просто выполняют приказы. И после того, как они закончат убивать горожан, понадобятся нам в качестве рабочей силы.

Он изобразил улыбку перед тем, как предложить катафракту своего рода утешительный приз.

— Жрецы Махаведы, с другой стороны, к тяжелому труду непривычны. Поэтому я не вижу необходимости оставлять их в живых. Их и офицеров малва.

Приский нахмурился, как и Исаак, как и весь небольшой отряд телохранителей Велисария. Но никто больше не спорил и не возражал.

— Веселее, парни, — сказал Маврикий. Его слова сопровождались хриплым смехом, сопоставимым по гамме звуков со средней руки камнепадом. — Никто не говорил о том, чтобы сделать жизнь солдат легкой.

Хилиарх — буквально термин переводился как «командующий тысячей воинов», хотя по факту Маврикий было подчинено гораздо больше людей — повернулся в седле и улыбнулся. Обнаженные зубы, грубое лицо с высокими скулами и седой бородой делали этого человека сильно похожим на старого волка.

— Может, нам и не удастся загнать ублюдков до смерти, — весело продолжал он. — Но они будут жалеть, что не умерли, не сомневайтесь в этом.

Его слова были встречены дружным, хоть и невеселым смехом.

— Они уничтожают орудия в гавани, — объявил Григорий.

Как только он произнес эти слова, раздался внезапный грохот. Звук гигантского взрыва пронесся по местности. Большая часть Бароды — по большей части территория порта — исчезла под огромным облаком дыма.

— Теперь они взрывают все, что могут, в гавани. — Григорий скорчил гримасу. — Я думал, они немного подождут. Большинство людей, обслуживающих орудия, вероятно, оказались пойманы... — Он замолчал и покачал головой.

Велисарий сам несколько удивился. В артиллерии малва работали исключительно кшатрии, представители воинской касты. Как правило, малва не имели склонности пускать таких людей в расход. Он ожидал, что командующий малва в Бароде включит кшатриев в число тех, кто станет прорываться наружу.

«Никто не будет прорываться наружу, — внезапно принял ментальный импульс от Эйда. — Хотя уверенности нет. Но...»

Как и Григорий, Эйд замолчал, столкнувшись с невероятной безжалостностью. Велисарий почти представлял, как кристалл по-своему качает головой.

Велисарий закончил мысль вслух:

— Я бы сказал, что жрецы Махаведы взяли командование в Бароде в свои руки. Вероятно, казнили военного командующего. За некомпетентность или уклонение от выполнения обязательств, или еще по какой-то причине. Теперь в городе хозяйничают жрецы.

Судя по выражению, появившемуся на лицах Маврикия, Григория и телохранителей, эта мысль не вызвал у них никакого недовольства. Сказать по правде, ровно наоборот.

— И хорошо, — пробормотал Исаак. — Пускай ублюдки горят в аду.

Приский рокошуще рассмеялся.

— Отлично. Мы просто можем сидеть тут и смотреть, как они горят.

Теперь Григорий скривился.

— Может, и нет. Если в Бароде есть кто-то из кушанов, то я удивлюсь, если они не откажутся подчиняться. После того, как поймут, что приготовили для них жрецы.

Велисарий уже собрался говорить, но замолчал, увидев, как качает головой Маврикий. В отличие от Григория, который был занят разгрузкой орудий и боеприпасов, Маврикий присутствовал, когда Велисарий слушал отчеты вернувшихся из Бароды шпионов.

— Там нет никаких кушанов, — объявил Маврикий. — Если верить нашим сведениям, малва полностью уводят их от реки Инд. — Он снова по-волчьи улыбнулся, — Готов

поспорить: Кунгас изрядно продвинулся по Центральной Азии и известия о нем быстро распространяются. Очевидно, несколько тысяч кушанов, расквартированных в верхней долине, вышли из подчинения малва. В последний раз, когда их видели, они направлялись вверх по реке Джелам с головами жрецов Махаведы, кшатриев и некоторых йетайцев на пиках.

Григорий не очень хорошо разбирался в географии.

— А что такое Джелам?

— Один из притоков Инда, — ответил Велисарий. — Обеспечивает легкий доступ — то есть относительно легкий — к Гиндукушу. И к Пешевару, где Кунгас планирует заново отстраивать столицу Кушанского царства.

— О!

Приский рассмеялся.

— О! Чертова империя малва начинает трещать швам.

Велисарий не видел оснований исправлять это чересчур оптимистичное заявление. В реальности, как он знал, что великая империя малва — все еще самая могущественная в мире — едва ли могла быть описана, как «трещащая по швам».

Да, северо-западная часть Деканского плоскогорья полностью потеряна, если не считать Бхаруча и низин вдоль реки Нармада. Но покорение малва империи Андхра произошло всего несколько лет назад, и этот регион никогда не был включен в империю малва. Даже южная и восточная части покоренной Андхры были упрямыми и беспокойными. А северо-запад — Махараштра, земля маратхи — никогда не прекращал сражаться в открытую, даже до того, как Шакунтала убежала из плена и у восставших появилась цель.

Что касается кушанов...

«Они никогда полностью не входили в социальную структуру малва, — сказал Эйд. — Они не считались привилегированными, как йетайцы, с ними никто не нянчился, они не были связаны обычаями и клятвами, как раджпуты — квадратный кольшечек в круглой ямке. И так было всегда, даже в самые лучшие времена. Они обязательно бы вырвались, если бы им представился какой-то шанс».

После секундного молчания Эйд продолжил:

«Нельзя сказать, что государство малва „трещит по швам“, пока не восстанет самое сердце империи: Гангская равнина, на которой живут десятки миллионов поденных малва. Не только восставшие в лесах Бихара и Бенгалии, а крестьяне с равнин и люди из великих городов. Вот кто нам нужен. А они не станут восставать — после бойни в Ранапуре, — пока не увидят реального шанса на победу. А его нет, пока империя остается нерушимой и малва преданы йетайцы и раджпуты».

И снова Эйд замолчал. Затем пришла вполне довольная мысль:

«Все равно... я думаю, справедливо сказать, что трещины появляются. Большие трещины».

Велисарий ничего не ответил. В следующие минуты, когда один крупный взрыв следовал за другим, возвещая о разрушении Бароды, он даже не побеспокоился следить за городом. Полководец повернулся в седле и смотрел на северо-восток. Где-то там, за горизонтом, лежала Раджпутана. Суровая и бесплодная горная местность была кузницей, из которой выходили раджпутские воины.

«А если начнут трещать они...»

«У малва все еще останутся йетайцы, — предупредил Эйд. — Йетайцам некуда идти. В особенности, если Кунгас заново завоюет земли бывшей Кушанской империи, где обитали когда-то йетайцы. До того, как они приняли предложение стать самым привилегированным классом в Индии после самих малва».

Велисарий хитро улыбнулся.

«Больше некуда идти? Не будь так уверен в этом, Эйд. Предприимчивые люди — в особенности те, кто в состоянии видеть дальше собственного носа — способны найти пути отхода почти в любой ситуации. Что там сказал тот человек? Тот, из будущего, которое

могло бы быть. Ты рассказывал мне о нем, у него еще так много мудрых изречений».

«Сэмюэл Джонсон³². Будьте уверены, сэр: когда человек знает, что его повесят через две недели, это великолепно помогает ему сконцентрироваться».

Глава 23

ДЕКАНСКОЕ ПЛОСКОГОРЬЕ

Осень 533 года н.э.

Рана Шанга не сводил взгляда с трона слоновой кости, на котором восседало рыхлое тело господина Венандакатры. Не с самого гоптрия Деканского плоскогорья. Во многом как и лицо Венандакатры — которое Шага изучил даже слишком хорошо за те недели, которые армия Дамодары находилась на Деканском плоскогорье — трон был вырезан так, что состоял из многочисленных сложных изгибов и полостей.

Но царю раджпутов было гораздо легче смотреть на трон, чем на господина-малва, который на нем сидел. В конце концов, предмет мебели был вырезан рукой простого ремесленника, а лицо Венандакатры, больше похожее на морду толстой жабы или ящерицы, сформировали пороки и прихоти.

Царь раджпутов на мгновение задумался об этом сравнении. И нашел, что это помогает ему сдерживать ярость. В последнее время, когда его гнев, казалось, угрожал вылиться наружу, Шанга направлял их на безвредную фантазию о том, как бы разрушить этот проклятый трон, разбить на мелкие кусочки вместо того...

Господин Венандакатра наконец прекратил рвать, метать и поливать грязью войска раджпутов, составлявших сердце армии Дамодары. Начал говорить сам господин Дамодара. Звук спокойного и ровного голоса командира прорвался сквозь гнев и ярость, затуманивающие разум Шанги.

Царь поднял глаза и перевел взгляд на Дамодару. Командующий армией малва, недавно прибывшей на Деканское плоскогорье, удобно откинулся на своем стуле. Очевидно, он был расслаблен и чувствовал себя вполне свободно.

— ...пожалуйста, расскажи о своем неудовольствии императору и Нанде Лалу, — говорил Дамодара. Говорил спокойно, почти безмятежно. — Пожалуйста, господин Венандакатра! Сделай мне одолжение! Возможно, император прислушается к твоим словам — хотя это и маловероятно — и отправит меня и мою армию куда-то в другое место. Участвовать в войне вместо того, чтобы удовлетворять прихоти испорченного ребенка.

В ответ на оскорбление Венандакатра зашипел. Он стал клекотать, как индюк, в ярости и негодовании, но все еще спокойный голос Дамодары прошел сквозь этот поток брани, как раскаленный нож.

— В равной мере глупого и испорченного ребенка. Я говорил тебе с самого начала, что даже раджпуты и йетанские следопыты не могут соперничать с маратхи Рао на их собственной земле. У Пантеры по всей Великой Стране разбросаны укрепленные крепости. Если мы противостоям ему в долинах, он отступает в горы. Если мы осаждаем форты — что легче сказать, чем сделать, Венандакатра, — он спускается в долины. И каждый раз выпускает из нас все больше крови.

Венандакатра продолжал клекотать.

Дамодара фыркнул. Насмешливо и раздраженно.

— Со дня моего прибытия я говорил тебе, чтобы ты прекратил свою ужасающую кампанию. Убийства и пытки деревенских жителей-маратхи не приводит ни к чему, кроме пополнения армии Рао. К этому времени, по самым скромным оценкам, она такого же размера, как моя. А по моим — в полтора раза больше.

³² Джонсон, Сэмюэл (1709-1784) — английский писатель, лексикограф. Составитель «Словаря английского языка», автор «Жизнеописания наиболее выдающихся английских поэтов».

Клекот возобновился, и на этот раз в нем можно было различать более-менее четкие фразы.

— Я тебя самого посажу на кол... Я — двоюродный брат императора... А ты только дальний родственник... Отказ соблюдать субординацию, выход из подчинения, предательство... На короткую палку...

— Замолчи! — рявкнул Дамодара. Впервые военачальника-малва покинуло обычное спокойствие. — Как именно ты предлагаешь посадить меня на кол, ты, мерзкое создание?

Круглое лицо Дамодары исказила ухмылка. Он махнул рукой в сторону телохранителей Венандакатры. Пять йетайцев стояли в дальней части зала для приемов. Они, казалось, немного нервничали.

— С их помощью? — спросил Дамодара. Его ухмылка превратилась в дикую улыбку. Сидящий рядом с ним Шанга небрежно положил могучую руку на рукоять меча. Этот меч сам по себе был легендарным в Индии даже до начала войны. Теперь легенда стала только известней.

Телохранители-йетайцы определенно нервничали.

За спиной Шанги и Дамодары на подушках сидели двое раджпутских офицеров и один йетайец. Шанга почувствовал, как они поменяли положение. Ему не требовалось оборачиваться, чтобы знать: все трое в одно мгновение готовы вскочить на ноги с оружием в руках.

Теперь телохранители-йетайцы нервничали сильно. Несмотря на вызывавшую уважение неподвижность, от пятерых стоящих у стены мужчин отчетливо веяло страхом. Больше они не смотрели на своего хозяина Венандакатру. Они смотрели на людей за спиной Шанги.

Скорее, на одного из этих людей. Шанга знал — и внезапно ему потребовалось бороться с собой, чтобы подавить веселый смех, — что больше всего телохранителей пугает сидящий за его спиной йетайский офицер. Не только потому, что Торамана наводил ужас как воин, но и потому, что тоже был йетайцем.

Да, йетайцем — как и сами телохранители. Но все в малва на Деканском плоскогорье уже знали, что Рана Шанга, величайший царь Раджпутаны, пообещал выдать одну из своих сводных сестер замуж за Тораману. И сделал это потому, что Торамана попросил о браке с представительницей династии Чохаров.

Что подразумевал этот союз, поняли все. Венандакатра в том числе...

Гоптрий Деканского плоскогорья гневно посмотрел за спину Шанге. Туда, где мог рассмотреть лицо Тораманы. Несмотря на ярость и привычку потакать всем своим прихотям, Венандакатра не упустил тонкостей обсуждаемого вопроса.

— Император не дал согласия на этот абсурдный брак! Йетайцы все еще...

Он подавился следующими словами, какие бы они ни были. Страх приближающейся римско-персидской армии, которую вел Велисарий, нарастал, и малва были вынуждены ослабить давние принципы строгой кастовой системы. Венандакатра прекрасно знал, что Нанда Лал согласился на брак. Дело оставалось за императором, но это проблемой не было.

Конечно, в прошлые времена они бы так не сделали. Они наказали бы любого раджпуту или йетайца, предложившего что-нибудь подобное. Высокопоставленным и проявившим себя йетайцам и — иногда — раджпутам ряд решалось вступать в брак с представителями правящей касты малва для укрепления их преданности. Но никогда двум главным опорам правления малва не разрешалось вступать в брак друг с другом. Угроза таких союзов была очевидна.

В прошлые времена...

Дамодара хрипло рассмеялся.

— Прошлое — это прошлое, Венандакатра. В прошлом Велисарий не стоял у наших границ.

Командующий армии малва внезапно поднялся на ноги.

— В этом нет смысла, — сказал он снова спокойно и ровно. — Если хочешь, можешь

жаловаться императору. Но после всех твоих жалоб и провалов на протяжении последних трех лет, я сомневаюсь, что он станет тебя слушать.

Мгновение Дамодара изучающие смотрел на своего номинального начальника. Затем снова спокойно заговорил:

— Ты кретин и ровным счетом ничего не смыслишь в военном деле, Венандакатра. Тебя называют Подлым, и еще никогда никого не называли так справедливо. Я больше не стану подвергать своих солдат ненужной опасности и нести потери из-за твоих глупых, ослиных требований. С этого времени моя армия будет патрулировать подходы к Бхаручу и берега реки Нармады. Пусть Рао держит горы и остальную часть Великой Страны.

Он заложил руки за спину и уставился вниз на Венандакатру. Гоптрий Деканского плоскогорья смотрел на него в ответ глазами, казавшимися большими, как кувшинки, и резко выделявшимися на бледном лице. Так не разговаривают с двоюродным братом императора.

— Пока Бхаруч остается нашим, мы держим руку на горле Махараштры, — продолжал Дамодара. — Когда придет время и у нас снова будут силы для этого, мы как следует сдавим это горло. Но пока...

И снова он презрительно фыркнул.

— Я назвал тебя кретином и правильно сделал. Завтра — это завтра, а сегодня — это сегодня. Сегодня первостепенная задача — это отразить нападение Велисария. Для этого нам нужен Бхаруч и большой флот в гавани.

Наконец Венандакатра смог говорить.

— Я хочу, чтобы ты убрался из Бхаруча! — заверещал он. — Вон — слышишь меня? Вон! Вон! Ты и твои вонючие раджпуты! — Мгновение гоптрий гневно смотрел на Тораману. — Все твои солдаты! Вон из города! Живите в лагерях вдоль реки!

Гоптрия трясло от ярости. Он начал бить по подлокотникам трона пухлыми ручками.

— Вон! Вон! Вон! Сейчас же! — Дамодара пожал плечами.

— Пусть будет так. Хотя разумнее оставить по крайней мере треть моей армии в самом Бхаруче. Но... — Он снова пожал плечами. — Я уже давно отказался от мысли научить тебя здравому смыслу.

Взгляд Дамодары переместился на Шангу и трех сидящих позади него офицеров.

— Пойдемте, — приказал он. — Я хочу, чтобы армия покинула город к завтрашнему вечеру.

— Немедленно! — заорал Венандакатра. — Не к завтрашнему вечеру! Сейчас! Сейчас!

Дамодара искренне рассмеялся.

— Разве я не сказал: кретин? — Следующие слова он произнес, словно обращаясь к ребенку. Очень испорченному ребенку: — Нельзя перевести армию из сорока тысяч человек, их лошадей, имущество и припасы с места на место мгновенно, Подлый.

Он отвернулся и направился к выходу из зала.

— Я и так думаю, что мы сотворим чудо. К завтрашнему вечеру.

Шакунтала, императрица Андхры, провела четыре часа, обыскивая свой дворец в Деогхаре, перед тем как наконец смирилась с неизбежным. Это было потерей времени, о чем она знала. Не случайно ее поиск завершился в детской. Она взяла сына из рук няньки и прижала к себе.

— Его нет, Намадев, — борясь со слезами, прошептала императрица. Затем тяжело опустилась на стул и погладила маленькую головку. — После того, как он убедился, что его сын здоров...

Ребенок счастливо улыбнулся лицу своей матери и загукал от удовольствия. Намадев был веселым мальчиком. Веселым и счастливым. Хорошее подтверждение тому, что древней династии Сатаваханы не грозит исчезнуть с лица Земли.

И это наконец освободило его отца. Снова Ветер Великой Страны мог нести разрушения и сеять панику в стане врага.

Глава 24

ИНД

Осень 533 года н.э.

На рассвете Велисарий вышел из своей небольшой каюты на грузовом судне, которое медленно шло вверх по течению Инда, и стал осматривать местность по обоим берегам реки при помощи подзорной трубы.

Он почувствовал облегчение. Сезон муссонов, судя по всем отчетам и также исходя из его собственного, трехлетней давности, опыта, в долине реки Инд заканчивался раньше, чем на самом субконтиненте. Увиденное, казалось, только подтверждало это. Куда бы ни бросил взгляд Велисарий, плодородные пастбища, составлявшие долину Инда, казались сухими и твердыми. Если не считать каналов и небольших притоков, разделявших ландшафт на клины — или доабы, как называл их местные жители, — Велисарий не мог обнаружить ничего, что могло бы стать серьезным препятствием для осуществления его планов.

Он лениво провел несколько секунд, наблюдая за летом зимородка, наслаждаясь знанием и ярким, осушающим ранним утренним солнечным светом. Затем его взгляд привлекла белая цапля, устроившаяся на спине индийского буйвола, и он рассмеялся.

Маврикий проснулся еще раньше и теперь стоял рядом с полководцем. Когда хилиарх увидел, над чем смеется Велисарий, то и сам хохотнул. Для разнообразия Маврикий пребывал в хорошем настроении.

Велисарий опустил подзорную трубу.

— Пшеница и овес, куда ни глянь. И еще немного риса. Плюс к тому я видел индийских буйволов. Что бы ни говорили о малва, они, по крайней мере, не то что не уничтожили ирригационную систему и каналы, а даже развили ее и расширили каналы.

Маврикий недовольно поморщился.

— У нас все равно нет рабочей силы. Нигде нет людей. Я не видел никого, за исключением каких-то рыбаков вчера на закате. Они, впрочем, вытащили лодку на берег и бросились бежать, как только мы приблизились.

— А ты их винишь? — Велисарий повернул голову и снова стал смотреть на реку.

Насколько он мог видеть, за его собственным кораблем шел следом огромный римский флот. На них находилось столько солдат, сколько могли вместить суда. Основная часть армии, включая почти всю пехоту, шла вверх по течению под командованием Бузеса и Кутзеса. Велисарий и его войска, путешествовавшие по реке, теперь практически полностью вышли из прибрежной провинции под названием Татта и входили в сердце Синда. После захвата Бароды — лучше сказать, свалки, которая недавно была Бародой, — Велисарий тут же начал строить новый порт. Работа шла медленнее, чем он изначально планировал, поскольку его решение принять предложение Антонины о смене графика означало, что восстановление порта неизбежно задерживалось по техническим причинам. Но инженеры заверили Велисария, что они в состоянии сделать саму гавань рабочей уже через несколько дней.

К счастью, атака, казалось, поймала жрецов Махаведы на середине подготовительной операции. Фанатикам удалось уничтожить город вместе с большей частью населения и гарнизона, но они успели причинить волнорезу сравнительно малый урон. Самой большой проблемой, с которой столкнулись инженеры, была постройка достаточного количества укрытий для огромной армии, которая начинала выгружаться вслед за первой волной взявшей Бароду.

Там изменение графика сработало как преимущество. Сезон муссонов заканчивался даже на побережье. Теперь начиналось лучшее в Индии время года, прохладный и сухой сезон, который индусы называли раби. Он будет продолжаться примерно четыре месяца и закончится где-то в феврале, а потом придет гарам. Но даже гарам, несмотря на дикую жару и неприятную пыль, не менее сухое время. До следующего мая, до начала сезона муссонов, Велисарию не придется бороться с эпидемиями, неизбежно сопровождающими крупные

войска в походе. Какие-то болезни, конечно, будут, но уж точно не чума.

И передвижение будет таким же легким. Несмотря на то что Велисарий прекрасно знал, что быстрые маневры, которые он предпочитал, вскоре станут невозможны, — прорыв сквозь укрепления малва в узком проходе за Суккуром будет скорее похож на длительную осаду, — он намеревался полностью воспользоваться преимуществами погодных условий, пока была такая возможность.

При этой мысли он снова поднес к глазам подзорную трубу. Однако на этот раз он не стал осматривать местность. Его взгляд был обращен на север. Там, если все прошло худо-бедно по плану, должна находиться персидская армия императора Хусрау, пробивающаяся в долину из пустыни Хач. Между ним самим на юге и Хусрау на северо-западе римский полководец надеялся поймать в капкан и разбить любые силы малва, которые еще смогли найти убежище в укреплениях вдоль реки.

На самом деле, Велисарий рассчитывал сделать даже больше. Он надеялся, что армия малва, расквартированная в нижней части долины, все еще будет дезорганизована из-за неожиданно ранней атаки римлян — и абсолютно неожиданного нападения тяжелой персидской конницы, появившейся, как чертик из коробочки, из пустыни на западе. Достаточно дезорганизована, чтобы он полностью разбил ее и взял укрепления вдоль всего нижнего течения Инда. Судя по отчетам шпионов, ни одна из этих крепостей, за исключением города Суккур, еще не закончена. Ему может удастся полностью выгнать малва из нижней долины. Им придется перегруппировываться в Суккуре и верхней долине к северу от прохода за Суккуром.

Если у Велисария получится — и при условии, что его армии и армии Хусрау удастся спасти достаточно местных жителей, — он займет позиции, с которых малва даже не смогут надеяться его выгнать. По крайней мере, пока римляне и их союзники аксумиты имеют преимущество на море. Вся нижняя долина реки Инд будет в безопасности в римских и персидских руках. Достаточно обширная и богатая территория, чтобы обеспечить их гораздо большим, чем просто предоставить плацдарм для высадки морского десанта. Театр военных действий тогда полностью переместится на индийскую территорию.

— Весь Синд... — пробормотал он.

Маврикий, как обычно, за исключением тех случаев, когда хитрый разум Велисария рассматривал какую-то особенно необычную стратегию, следил за мыслями командующего.

— Напомни мне сделать Антонине комплимент насчет ее женской интуиции, — сказал хилиарх с улыбкой.

— А ведь это правда! — рассмеялся Велисарий. Его собственная улыбка была широкой и против обыкновения не хитрой.

Опыт последних нескольких дней очень хорошо дал ему понять, что настойчивость Антонины в конце концов дала ему немалое преимущество. Получается, его жена оказалась мудрее опытных солдат. Судя по всему тому, что видел Велисарий, малва оказались застигнуты врасплох. По крайней мере, они были настолько удивлены, насколько может давний враг быть удивлен вторжению. Велисарий хрипло рассмеялся.

— Подозреваю, что отличная разведывательная сеть Нанды Лала сработала против него, — заметил Велисарий. — Он знал, что мы не станем атаковать так скоро. Сотни шпионов передавали ему информацию на каждой стадии нашей подготовки. Точную информацию — вплоть до каждой амфоры с зерном. Конечно, после того как мы поменяли планы и начали быстро собираться, они и об этом слышали. Но...

— Слишком поздно, — закончил фразу Маврикий. — Это проблема, когда живешь в гигантской и могущественной империи. Она слишком большая, чтобы можно было быстро реагировать.

«Как стегозавр³³, — вставил Эйд и послал в сознание Велисария изображение

³³ Стегозавр — разновидность динозавров.

огромной, странного вида рептилии. — К тому времени, как нервный импульс дойдет до его мозга... Да, это мозг Линка, а не глупой рептилии. Но Линк не вездесущ. Он не обладает магическими возможностями. Он не ясновидящий. Он полагается на информацию, которой его обеспечивают другие.»

Слова Эйда напомнили Велисарию о фразе, которую кристалл время от времени использовал, когда переходил на язык будущего, привыкшего к искусственному интеллекту. Раньше смысл этого выражения никогда полностью не доходил до Велисария.

И снова полководец улыбнулся.

«ГИГО³⁴. Мусор введешь, мусор получишь».

Маврикий не до конца разделял веселье Велисария.

— Они достаточно скоро оправятся от удивления. Может, недостаточно быстро, и мы сможем взять Синд до Суккура и проход за ним. Но это не принесет нам особой пользы, если мы не найдем людей, доставлявших бы нам провиант. И это не упоминая о поддержании в рабочем состоянии ирригационной системы. Не упоминая о нормальном функционировании деревень и городов.

Седой хилиарх гневно посмотрел на ковер из доабов, тянувшийся до самого горизонта. Множество блестящих на солнце каналов и рек удерживали участки сухой земли на месте, подобно тому, как свинцовое обрамление не позволяет рассыпаться цветному витражному стеклу.

— Представь, как это делают солдаты. Хоть большинство из них и были крестьянами не так давно. Нам потребуется половина армии, чтобы заставить другую половину работать.

Велисарий снова поднес к глазам подзорную трубу.

— Если я только не ошибся в догадках, Маврикий, то эти луга и пастбища просто кишат крестьянами. К этому времени малва вероятно уже начали резню, и новости распространяются быстро. — Он нарисовал подзорной трубой в воздухе круг и показал на север. — Кроме того, они не должны быть очень рады нашему приближению.

Маврикий не стал спорить. Он знал по собственному опыту, и как крестьянин, и как катафракт, каким сообразительным и хитроумным может быть сельское население, когда дело касается того, чтобы держаться вне поля зрения проходящей армии. И еще знал, что обычно на то имеются веские основания.

Получалось, что крестьянам в сущности нечего бояться армии Велисария. Что армия — это все, что может спасти их жизни. Но Маврикий прекрасно знал, что у римлян столько же шансов «убедить» в этом индийских крестьян, как у кошки внушить мышам, что она — вегетарианка. В особенности крестьян, которые к этому времени уже полвека находятся под сапогом малва. Вначале придется выгнать людей из укрытий. И только тогда, всеми силами показывая свои добрые намерения, римляне могут надеяться привлечь их на свою сторону, и, по крайней мере, получить их неохотное согласие и помощь. И все это следует делать достаточно быстро или направляющаяся в Синд римская армия начнет голодать. Маврикий начал говорить что-то по этому поводу, но затем, увидев внезапное напряжение, с которым Велисарий прижал к глазам подзорную трубу, хилиарх замолчал. Что-то происходило.

— Я думаю... — пробормотал Велисарий. — Я думаю... — Мгновение спустя он удовлетворенно кивнул.

— Уверен в этом. Это Аббу стоит на носу приближающейся галеры. И гребцы работают веслами с удвоенной скоростью.

Велисарий резким движением сложил подзорную трубу. Хитрое приспособление собралось со слабым щелчком. Великолепная работа напомнила Маврикию об Иоанне Родосском, сделавшем эту вещь, и на него накатила волна грусти.

Однако это была слабая волна и накатила она ненадолго. Маврикий уже несколько

³⁴ ГИГО (0100) — английское жаргонное выражение, означающее недостоверные данные, вводимые в ЭВМ и приводящие к ошибочному результату.

десятилетий был солдатом. Мужчины умирают на войне, таков один из ее законов. Достаточно часто, как в случае Иоанна, от того, что просто не повезло.

— Наконец-то! — воскликнул Велисарий. — Мы получим настоящие новости. Аббу не стал бы возвращаться — определенно не на боевой галере, идущей в два раза быстрее, чем обычно, — если бы у него не было новостей.

Маврикий удовлетворенно буркнул что-то себе под нос. Как и Велисарий, как и любой солдат, достойный называться солдатом, он ненавидел, когда его заставляли маневрировать вслепую. А со времени захвата Бароды и нескольких стычек с подразделениями малва в дельте римляне потеряли контакт с врагом. Кто-то командования малва быстро оценил обстановку, это стало ясно, и приказал отступать.

Но куда они отступили? Сколько их? Как далеко они намерены отступать? Эти вопросы и сотня других ос вались без ответов.

Аббу кое-что прояснил, едва взобрался на борт небольшого флагманского корабля Велисария. Старый араб улыбался и чуть ли не приплясывал от возбуждения.

— Хусрау ударил по ним, как лавина! — выпалил он. Затем хлопнул в ладоши. — Разбил малва за пределами Суккура, когда эти дураки устроили вылазку, думая, что выступают против одной лишь легкой конницы! Ха! Персидские дехганы! Малва, наверное, описались, когда поняли... а затем... — Старший разведчик сделал драматическую паузу и снова хлопнул в ладоши. — А затем он взял сам город!

Велисарий с Маврикием на мгновение застыли.

— Он взял Суккур? — переспросил Велисарий. — Но предполагалось, что город окружен стенами. Я даже получил их описание от двух своих шпионов!

— И у него не было осадных орудий, — запротестовал Маврикий.

Аббу улыбнулся.

— Да, город на самом деле окружен стенами, командир. И очень большими — я сам их видел. — Улыбка стала шире. — Достаточно толстыми, чтобы удержать огромную армию малва, которая сама теперь их штурмует.

Маврикий все еще пытался разгадать загадку. Быстро соображающий Велисарий же быстро пришел к единственному возможному решению.

— Население восстало. Как только пришли сведения о том, как Хусрау разбил малва в поле, население поднялось против гарнизона.

Аббу яростно закивал.

— И перерезало множество убудков до того, как прибыл Хусрау. Конечно, они не смогли бы справиться со всем гарнизоном после того, как те пришли в себя, но они выгнали солдат с одной из стен на достаточно долгое время, чтобы открыть ворота. А когда в городе оказались персы, малва превратились в пададь.

Мысли Велисария все еще были далеко. Его взгляд был прикован к северному горизонту, словно силой воли он мог разглядеть все, что происходило в Суккуре. Затем он медленно обвел взглядом окружающую местность.

— Я ошибся, — пробормотал он. — Я видел только их страх. — Он говорил наполовину ошеломленно и наполовину грустно. — Я слишком долго был солдатом.

Эйд понял его, даже если не понял никто другой.

«Малва терроризировали их на протяжении двух поколений. А теперь прибывает император чуть ли не сказочной Персии, овеванный доблестью и славой, с грохотом вылетает из пустыни, окруженный железными дехганами, — мысли были мягкими и теплыми. — Даже крестьяне Синда слышали рассказы о Рустаме и его огромной булаве величиной с голову быка. Туманные легенды, да еще и принадлежащие другому народу. Но несмотря на покрытую шрамами память, они захотят поверить этим легендам. В особенности теперь, когда малва точат топор».

— Да, — сказал Велисарий. — Да. Эта война стала освободительной. И по названию, и по сути. А когда здесь находится сам Хусрау, есть то, вокруг чего приведенные в

замешательство, испуганные — и обозленные — люди могут объединиться. Фигура Хусрау принесет делу легитимность, что не может сделать простая армия. Да, иностранный правитель — ну и что? Синдом уже много столетий управляют иностранцы. Теперь наконец будет тот, кто в равной степени великолепен и могуч. Справедлив и вызывает страх.

Он повернулся к Маврикию.

— Передай всем. Проверь, чтобы все поняли. Выжги это у них на лбах, если потребуется — или я выжгу на их трупах. Если какой-либо римский солдат совершит хоть какое-то преступление в этой долине, то будет тут же казнен. Любое преступление, Маврикий, хотя бы кражу козла.

Карие глаза полководца ярко горели от гнева, что было почти такой же редкостью, как солнечное затмение. Маврикий повернул голову и посмотрел на трех курьеров, постоянно его сопровождавших.

— Вы слышали полководца, — резко сказал он. — Выполняйте. Немедленно. Используйте столько человек, сколько нужно для передачи информации.

Его взгляд упал на Льва. Антонина настояла, чтобы Велисарий добавил Льва к своим личным телохранителям, и оставила себе только Матвея. Лев был самым страшным и больше всего походил на дикаря в небольшом отряде охранников Велисария — а все они были огромными мужчинами и все выглядели, как дикари. Они стояли в радиусе слышимости.

— Ты слышал?

Лев горестно кивнул.

— Ты понял?

Лев кивнул.

Маврикий бросил взгляд на Велисария. Полководец хитро улыбнулся.

— Думаю, какое-то время я смогу обойтись без Льва, — сказал он.

Маврикий повернулся назад ко Льву.

— Хочешь отдохнуть от обычных обязанностей?

Лев кивнул.

Мгновение Маврикий колебался. Вне сражений, где его силы и рефлексов оказывалось вполне достаточно, Лев был таким тупым, что иногда его принимали за глухонемого.

— Но ты уверен, что ты понял...

Лев перебил его.

— Нетрудно понять. Делай, что велел командир, или я тебе врежу.

Лев поднял огромную булаву, его любимое оружие. Да, вещь была сделана просто, никакой хитрой резьбы, делающей ее похожей на голову быка, или глупых украшений. Но, возможно, даже Рустам из арийских легенд не мог бы так легко с ней управляться.

— Бей очень сильно. Два, три, может, десять раз. Полководец выжигает свое имя на том, что осталось. Понятно.

Все, кто стоял достаточно близко, чтобы слышать этот приказ, расхохотались. Даже Аббу смеялся от чистого сердца, несмотря на то что поддержание дисциплины среди подчиненных ему разведчиков сильно его утомляло. По большей части его люди были бедуинами, которые считали разграбление покоренной деревни таким же естественным, как прием пищи. Конечно, никаких зверств, если только деревня не сделала чего-то, что вызвало бы у них раздражение. Но — кража козлов?

До того как Лев и курьеры начали перебираться в привязанную к кораблю галеру, Велисарий уже отдавал новые приказы. Это был один из немногих случаев в его жизни, когда ему изменило обычное спокойствие. Он ходил взад и вперед по палубе, как тигр в клетке.

— Да! — воскликнул он. — Мы сделаем так!

Он сильно хлопнул в ладоши — звук был похож на пушечный выстрел. Один раз, два, три. Затем резко прекратил ходить и повернулся, чтобы посмотреть на офицеров.

— Разделяй армию, Маврикий. Я хочу, чтобы стрелки и инженеры сидели в галерах.

Вместе с таким числом полевых орудий, сколько удастся туда погрузить — после того, как разместить мушкетеров Феликса. Галеры могут добраться до Суккура быстрее, чем парусные суда, да еще с этим проклятым непостоянным ветром.

Теперь Велисарий повернулся к Ашоту, армянскому катафракту, которого он считал вторым после Маврикия командующим среди своих подчиненных.

— Ты нападешь на малва с юга. Тебе придется удерживать их, Ашот. Это будет нелегко. Их значительно больше. Но если я не ошибся, малва все еще безуспешно пытаются разобраться с новой ситуацией. Они так заняты, пытаясь штурмовать Суккур, что если и строят циркумвальные линии³⁵, то только частично. Вероятно, еще вообще не начинали.

Ашот кивнул, тут же сообразив то, что подразумевает командир. «Циркумвальные линии» — укрепления, которые строит осаждающая армия для защиты себя от нападения, в то время как используя свои «контрвальные линии», пытается разбить крепость или город. Термины были родом из будущей истории, но это не смутило Ашота. На протяжении последнего года, когда они готовились к предстоящей кампании, Велисарий провел бесчисленное количество часов, натаскивая своих помощников в комплексных методах ведения осадной войны. Этим методам Велисария научил Эйд, почерпнувший их из опыта будущих войн. Римский полководец нисколько не сомневался, что Линк проделал со своими доверенными людьми то же самое.

— Без хороших циркумвальных линий внезапное появление римских солдат, спешащих расправиться с осаждающими — по крайней мере, создающих такое впечатление, — есть суть мгновенная угроза, — заметил Ашот. — Им придется атаковать нас. У них не будет выбора.

Он склонил голову набок.

— Что, как я предполагаю, ты и имел в виду. На самом деле, мы не подкрепление. Мы — приманка.

— Вот именно, — ответил Велисарий. Он снова принялся ходить взад и вперед, но сделал только несколько шагов. Остановился, указал пальцем на север, затем на восток. — Если тебе удастся оказаться непосредственно на юге от малва, осаждающих Хусрау в Суккуре...

Он замолчал и посмотрел на Аббу.

— Два вопроса: все ли персы забаррикадировались в Суккуре? И есть ли на юге какая-то подходящая местность, где Ашот может расставить свои войска?

— Не все персы, командир. После того как Хусрау разбил малва на открытом поле — может, в тридцати милях к северо-западу от Суккура, — а затем услышал, что в городе поднялось восстание, император отправил значительную часть своей армии назад в Кветту. Практически всю пехоту, за исключением артиллеристов.

На мгновение на лице Велисария появилось замешательство. Затем он сказал:

— Конечно. Он все предусмотрел. Его дехганы смогут удержать Суккур, когда им будут всячески помогать горожане. Самой большой опасностью будет голод, поэтому чем меньше солдат, тем лучше. А пехота может стабилизировать поставки в Кветту — и к тому же держать саму Кветту, стоящую на пути в Персию.

Впервые после того, как получил известие о захвате Хусрау Суккура, Велисарий, казалось, расслабился. Он почесал подбородок и тихо рассмеялся.

— Хотя — смелый шаг. И он сильно рассчитывает на меня. Потому что если мы не снимем эту осаду...

— И достаточно быстро! — рявкнул Маврикий. — Будь проклято это меньшее количество солдат. У него тысячи дехганов, а дехгана невозможно представить без боевой

³⁵ Циркумвальная линия — укрепленная линия, окружающая военный лагерь. Здесь — линия осады, осадные сооружения.

лошади. Каждое из этих огромных животных жрет в шесть или семь раз больше, чем человек.

Велисарий кивнул и вопросительно посмотрел на Аббу.

— А второй вопрос?

Старый араб гневно посмотрел на полководца.

— Я что, проклятый артиллерист? — последнее слово он почти выплюнул. Аббу был яростным приверженцем традиций. Он перевел гневный взгляд на Григория. — Кто знает, какая местность требуется этими новомодным штуковинам?

Григорий рассмеялся.

— Ничего особенного, Аббу. Что-нибудь плоское, с мягкой почвой, из которой мои артиллеристы и инженеры могут выложить бермы. — Он бросил взгляд на Феликса из Халкедона.

Сирийский офицер был самым молодым членом группы офицеров, которых Велисарий собрал вокруг себя после начала войны. Хотя Феликс в первую очередь являлся командиром мушкетеров, и Велисарий, и Григорий считали, что он неплохо знает и артиллерийскую тактику. Что Феликс тут же доказал, уверен сказав:

— Деревья будут очень кстати. Кроме этого, что угодно, что помогает орудиям в какой-то мере контролировать подходы. И позволяет мне установить мушкетеров и пикинеров для защиты орудий от малва. Идеальными будут реки или каналы. Болота тоже подойдут.

— Плохо для лошадей, — пробормотал Аббу, который, как ходили слухи, спал вместе со своим конем.

— В большей или меньшей степени, в этом как раз и заключается весь смысл, — возразил Григорий. — Кавалерия у малва, а не у Ашота. Чем больше трудностей возникнет у врага, когда он попробует до нас добраться, тем лучше.

Аббу провел рукой по густой бороде.

— Да. Я оставляю тебе людей, которые ездили со мной в Суккур, и многих моих других разведчиков. Они смогут найти тебе такое место. Инд поворачивает чуть ниже Суккура. Небольшие бухточки, реки и петли — прямо как в Месопотамии. Где-то там будет место, где твои проклятые орудия смогут ударить по малва. В то время как они...

К Аббу вернулось хорошее настроение.

— В то время, как они скармливают себя твоему орудийному огню. Нет способа обойти тебя с фланга без достаточного количества кораблей.

Гладившие бороду пальцы сжались в кулак и стали ее трепать.

— А у малва их нет. — Теперь он яростно дернул себя за бороду. — Мои арабы — истинные бедуины! — сожгут те лодки, которые у них есть. Вы увидите.

Он повернулся к Велисарию и легко поклонился ему.

— Твой план сработает, командир. Если только ты доберешься туда вовремя. — Ястребиные глаза Аббу побрели на северо-восток. За теми лугами и пастбищами лежал край огромной пустыни Тар. — Это будет трудный марш. Но если ты сможешь обойти их с востока — в особенности, если малва тебя не увидят...

Велисарий пожал плечами.

— Раньше или позже нас заметят. Но к тому времени, если все пойдет хорошо — малва будет слишком поздно выпутываться из схватки с Ашотом и Феликсом. Тысячи их солдат завязнут в трясине в месте разлива реки. Они просто не смогут быстро маневрировать. И не смогут снять осаду Суккура. Не тогда, когда внутри находится Хусрау со своими дехганами, в любой момент готовый устроить вылазку. Малва окажутся в ловушке между Ашотом на юге и Хусрау на севере — а я ударю с востока. Со всеми катафрактами, которых сможет привести Ситтас. А после того как Бузес и Кутзес приведут нашу пехоту к Суккуру, с находящимися там малва будет покончено. Им придется отступить назад в Пенджаб, со всеми потерями, которые приносит поспешное отступление.

Как и всегда, изящность маневра не смогла обмануть Аббу.

— Хитро, хитро. Может быть. Но сработает. При условии, что ты доберешься туда

вовремя.

Глава 25

Итак, Велисарий начал марш, чтобы обойти по флангу малва, осаждающих императора Хусрау, после того как флотилия небольших грузовых судов и речных барж, везущих конницу и полевую артиллерию, прошла огромный изгиб Инда. Он находился от осужденного города менее чем в ста милях, если считать по прямой.

Но Велисарий не собирался приближаться к Суккуру ни со стороны реки, ни с юга. После высадки войск на берег он намеревался двигаться на восток. Он пересечет канал Хайрпур, обогнет по краю горы к югу от Суккура, где стоит древний город-крепость Кот Диджи, и найдет канал Нара. Затем, следуя вдоль по Наре, то есть двигаясь к востоку от гор, он в конце концов снова выйдет к Инду у Рохри.

Конечно, Рохри находился не на той стороне реки, в любой армии, собиравшейся снять осаду Суккура, — Маврикий высмеивал план Велисария с того самого момента, как полководец начал его объяснять. Ситтас же, напротив, был полон энтузиазма.

— О, замолчи, старый ворчун, — сказал он, нахмурившись (и посмеиваясь, потому что остроумные замечания Маврикия были довольно забавными. Хотя и грубоватыми и неуважительными по отношению к полководцу). — Он признанный военный гений, — продолжал Ситтас, хитро поглядывая на Велисария. Римский командующий раздраженно поморщился. — Готов поспорить: все учебники истории в будущем будут так утверждать.

Затем более серьезно, проводя толстым пальцем по нарисованной на карте реке Инд, добавил:

— К этому времени тебе уже следует знать его методы. Наш гений любит заставлять своих врагов атаковать его, а не наоборот. «Стратегическое наступление, тактическая оборона» — так он любит называть это, когда находится в философском настроении.

Палец Ситтаса скользнул мимо Суккура и Рохри и отправился вверх по течению Инда, пока не добрался до места ответвления Чинаба, первого рукава Инда в Пенджабе.

— Вот здесь. Вот здесь мы по-настоящему ударим по ним. Если сможем обойти Суккур и этот проклятый узкий проход за ним, то у нас будет могучая сила катафрактов и полевой артиллерии в Пенджабе, сплошь состоящем из заливных лугов.

— «Пенджаб» означает «земля пяти рек», — вставил Велисарий. — Это дает представление о том, сколько места для маневров у нас будет, когда на следующий год мы снова начнем наступление. Мы окажемся в значительно лучшем положении, чем когда пытаемся с боем прорваться из нижней долины. Если мы сможем продолжать выводить малва из равновесия и отвлечем их от стабилизации фронта к югу у Суккура.

Маврикий не казался успокоенным.

— Ты уже разделил наши силы на три подразделения, как бы это ни было рискованно. — Он начал загибать пальцы. — Ты оставил Бузеса и Кутзеса позади, чтобы вести пехоту, они все еще далеко на юге, маршируют вверх по Инду. Ты отсылаешь Ашота, чтобы он двигался вверх по реке и занял со своими орудиями мушкетерами Феликса позиции против малва. И теперь ты предлагаешь тяжелой коннице и полевой артиллерии форсированный марш длиной в сотни миль...

— Триста, по моим оценкам. — Маврикий продолжал говорить:

— ...по неизвестной местности — в лучшем случае плохо известной — со скверно налаженной линией снабжения и сложной битвой по окончанию пути, где твоя конница будет защищаться. — Он упрямо добавил: — Это слишком большой риск. Тебе следует придерживаться изначального плана.

Велисарий посмотрел на своего самого доверенного подчиненного. Посмотрел внимательно, торжественно и совершенно серьезно. Ни один умный человек не станет отмахиваться от советов Маврикия, если дело касается войны.

Но когда Велисарий заговорил, его тон был, как всегда, тверд.

— Какой «изначальный» план, Маврикий? В изначальном плане атака на Бароду должна была произойти через несколько недель после того, как мы это сделали. Мы уже сняли этот план с повестки дня и — ты это знаешь не хуже меня — я импровизирую, продвигаясь дальше. Я планировал сконцентрироваться на Суккуре, но теперь... чем больше я думаю об этом, тем более очевиден для меня вывод, к которому, вероятно, пришел Ситтас. Мы ударим по ним в Суккуре, оставим там достаточно людей, чтобы они подумали, будто мы останавливаемся там, но на самом деле продолжим идти вверх по Инду. К этому времени у малва уже, прямо скажем, не все в порядке. Они, я полагаю, в замешательстве. Их командный состав понес потери, да что там, вся структура, возможно, уже трещит по швам. Не забывай: Линк по-прежнему в Каушамби, а не в Пенджабе, где он мог бы всех быстро собрать.

Велисарий склонился над картой и постучал по ней пальцем.

— Если бы у меня не было армии и офицеров, которым бы я доверял, я бы и не мечтал пытаться это сделать.

В то время как Бузес и Кутзес ведут основные силы, я хочу двигаться как можно быстрее, ударяя по малва снова и снова. Прижать их, заставить атаковать силы, которые я оставил позади на хороших оборонительных позициях, в то время как я сам продолжаю обходить их с флангов, двигаясь вначале на север, потом на восток.

Полководец продолжал меланхолично стучать пальцем по карте. Казалось, его взгляд слегка расфокусировался, словно он пытался въяве представить вражеские армии.

— Они будут делать то же самое, что и я, прямо сейчас, только, готов поспорить, они менее организованы и не так быстро двигаются. И у них нет хороших командиров, таких, как Бузес и Кутзес. Они приведут из Пенджаба большие силы, точно так же, как я веду их вверх по реке из нижней долины. Остается посмотреть, кто первым доберется до Суккура.

Постукивание закончилось резким, многозначительным Даром ладонью по карте.

— Я не собираюсь играть по их правилам. Я позволю малва добраться до Суккура, пока сам обхожу их, двигаясь вначале на север, потом на восток. Затем, если я смогу добраться до Чинаба и построить одно из наших собственных полевых укреплений, то можно считать: мы уже ворвались в Пенджаб.

Маврикий стал яростно тереть бороду: очевидно, внутри хилиарха шла серьезная борьба. Потрепанный ветеран точно понял, на что рассчитывает Велисарий. На хаос войны. Если римляне смогут оседлать этот хаос, в то время как малва барахтаются в нем...

— Если мы сможем закончить эту кампанию, прочно обосновавшись в Пенджабе, то полностью избежим проблем с попыткой выбраться с боем из Синда через проклятое «горлышко бутылки» у Суккура, — сказал Велисарий. — Вы знаете, что это будет за кровавая баня! Конечно, нам потребуется какое-то время после этого, чтобы восстановить силы и перегруппироваться, но после того, как мы будем готовы возобновить наступление, мы окажемся в гораздо лучшем положении. Мы будем атаковать малва в Пенджабе, который раскрывается перед нами пятью реками, что могут служить линиями поставок и дорогой для вторжения. Хорошая территория, лучше и придумать нельзя, даже при условии, что малва покроют Пенджаб крепостями и линиями укреплений. И — и! — к этому времени Кунгас станет угрожать им с северо-запада, что заставит малва сражаться на двух фронтах.

Полководец торжествующе посмотрел на своих подчиненных.

— Я знаю, что это игра, Маврикий, — тихо закончил Велисарий. — Но я думаю, что это не так рискованно, как ты считаешь, а награда будет поистине невообразимой.

На его лице появилась хитрая улыбка.

— Я помню, как один ветеран сказал мне много лет назад, когда я только начинал служить, что самая глупая вещь, которую ты можешь сделать на войне, — это позволить врагу восстановить равновесие после того, как ты заставил его пошатнуться. «Положи их на лопатки и бей тогда, когда они лежат», так он сказал. И я отлично помню эти слова, потому что он повторял их, кажется, тысячу раз.

Маврикий нахмурился. Велисарий продолжал:

— Ранняя атака на Бароду удивила малва. Удар Хусрау из пустыни Хач полностью застиг их врасплох. Теперь он шатаются, они потеряли равновесие. Именно поэтому они будут так заняты попытками выбить Хусрау из города, что нам в Суккуре удастся ударить по ним достаточно сильно, чтобы прижать их, а затем нанести молниеносный удар по верхней долине и выстроить укрепления у Чинаба. Мы заставим малва — заставим, Маврикий, у них не будет выбора — снять осаду Суккура и попытаться привести всю южную армию назад в Пенджаб. Армию, которая будет поймана между нами и Хусрау и вынуждена маршировать по берегу Инда, где мы контролируем реку с помощью речного флота. — Он пожал плечами. — Им, возможно, удастся избежать ловушки, но они так и так понесут тяжелые потери.

Взгляд Велисария скользнул по карте.

— Конечно, мы можем встретить по пути и другие армии малва. Но готов поспорить: эти войска, вербуемые отовсюду, откуда только возможно, будут сильно дезорганизованы. У нас здесь сильная и умелая армия, плюс отличные командиры. Вероятно, мы сможем разбить их и завершить марш к Чинабу с достаточным количеством солдат, чтобы удержать отвоеванную землю.

— И что тогда? Ты проходишь мимо факта, что мы тоже будем пойманы между двух армий, — возразил Маврикий. Он расставил ноги как борец перед поединком. — Ты можешь быть уверен, что малва бросят всех солдат, которые у них только есть, к верхней долине, чтобы ударить по нам у Чинаба — чтобы удержать нас прижатыми, — в то время как они приведут армию из Суккура, чтобы нас разбить. А в Пенджабе большая армия, так говорят все шпионы. И это не считая того, что к тому времени, как мы доберемся до Чинаба, поставки продовольствия будут даже не плохими. Они будут полностью нарушены. Малва не придется даже атаковать нас. Они могут уморить нас голодом.

Маврикий, Велисарий и Ситтас не сговариваясь посмотрели на Менандра. Молодой человек оставил Эйсебиа в только что покоренной Бароде и последовал за флотилией Велисария на пароходе, названном в честь своего создателя. «Юстиниан», догнал армию как раз вовремя, чтобы Менандр смог поучаствовать в этом совещании старших офицеров. Он стоял в нескольких шагах позади других в командном шатре Велисария, где и проходил спор между полководцем и старшими военачальниками его армии.

Велисарий было немного забавно — и он был крайне доволен, что молодой фракиец мог говорить, не краснея от смущения, что часто раньше случалось с Менандром, когда ему предлагали высказать свое мнение. Неопытный катафракт, сопровождавший Велисария на его разведывательную экспедицию в сердце империи малва изменился за четыре года, что прошли после того путешествия, и стал испытанным офицером. Командующим. Неуверенность, скрываемая под маской бахвальства, сменилась расслабленной уверенностью³⁶.

— Я могу это сделать, Маврикий, — твердо сказал он. — При условии, что мы отправимся в путь немедленно. Мы все еще ловим хвост муссонов. Еще несколько дней (хотя в любую минуту удача может отвернуться) мы в состоянии использовать ветер, чтобы гнать наши суда вверх по реке, и течение, чтобы вести нас назад. Но после того, как начнется раби...

Менандр не задумываясь использовал индийский термин для обозначения прохладного сухого периода, когда ветры дуют с Гималаев. Индия больше не была для него экзотической и незнакомой землей.

— ...будет совсем другое дело. После этого осуществление поставок вверх по реке станет очень тяжелым делом. Парусные суда будут практически бесполезны, если только мы

³⁶ О путешествии Велисария с тремя катафрактами в Индию рассказывается в романах Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь» и «В сердце тьмы».

не потянем их волоком. Эйсебий уже стартует на «Победительнице», но те поспешные изменения, которые он произвел с судном, это... не все, что нужно. Поэтому я сомневаюсь, что он сможет тянуть за собой более одной баржи. Это означает, что нам по большей части придется пользоваться галерами, которые не так хороши, как грузовые суда поставок, потому что слишком много места занимают гребцы.

— Всегда есть твой корабль, — сказал Велисарий. Теперь он улыбался хитрее обычного. — «Юстиниан».

Менандр удивился. Затем провел рукой по волосам цвета пшеницы.

— Да, наверное. Не потребуется много переделывать, чтобы он мог тащить несколько барж. А курьерское судно недавно принесло сообщение от царицы Рукайи: брат «Юстиниана» только что покинул кораблестроительные верфи в Асэбе. Поэтому достаточно скоро нам удастся использовать и «Фотий». А этими двумя судами...

Молодой офицер поморщился.

— Боже, когда Юстиниан узнает...

Шатер содрогнулся от смеха. Новые боевые пароходы были гордостью и радостью Юстиниана. Бывший император провел много лет, руководя большой командой ремесленников, строивших двигатели, и проектируя судна, на которых их установят.

Чтобы использовать их в сражениях, а не... не...

— Прославленные тягачи! — улыбнулся Маврикий. — Юстиниана хватит апоплексический удар, если он узнает. Вероятно, он потребует, чтобы Феодора заживо содрала с Менандра кожу.

Менандр, впрочем, не находил последнее замечание очень веселым. Ни Юстиниан, ни Феодора не славились мягким характером.

— Нужно держать это в тайне... — пробормотал он и скорчил гримасу.

— Не надо об этом беспокоиться! — громогласно возвестил Ситтас, сделал пару шагов и от души хлопнул Менандра по спине. Молодой офицер ощутимо пошатался. У сложенного, как дикий кабан, Ситтаса «дружеский шлепок» выходил слишком сильным. — Тебе даже не придется врать. Если грузовым баржам, которые потянут вверх по реке твои новомодные суда, не придется каждый раз прорываться с боем, то я посчитаю это чудом. Судя по отчетам наших шпионов, существует даже большая новая крепость малва за Суккуром, мимо которой придется проходить, если хочешь попытаться прорваться в Пенджаб.

Тот факт, что Менандр находил перспективу отчаянных речных сражений упрощением проблемы, вызвал еще один взрыв смеха.

Все еще кисло улыбаясь, Маврикий вернулся к планам наступления.

— Хорошо, но это все равно оставляет кое-что в подвешенном состоянии. — Он ткнул коротким толстым пальцем в карту. — Ты, командир, знаешь не хуже меня, что твой «молниеносный удар» скорее всего расползется по швам уже на старте. Чтобы он сработал, мы должны провести армию по открытой местности. Шесть тысяч арабов и сирийцев, наша легкая конница, вполне вероятно справятся с этим довольно легко. Но пятнадцать тысяч катафрактов и две тысячи артиллеристов и военных инженеров? И не забывай, что нам придется форсировать реки и каналы, а не только использовать их в качестве линий поставок.

Он снова нахмурился, заметно помрачнев.

— Это путь к верному провалу, молодой человек. Про Юлиана³⁷ тоже говорили, что он военный гений, когда он пробирался в Персию. Пока чертов дурак не сжег свои корабли и не попытался двигаться через Месопотамию по суше.

Велисарий пожал плечами.

³⁷ Юлиан Отступник (331-363) — римский император с 361 по 363 г. Пытался возродить языческие культы, боролся с христианством. Погиб в войне против персов на реке Тигр.

— У Юлиана было в четыре или пять раз больше солдат, чем беру с собой я. И — несмотря на то, что я сам это говорю — мои методы обеспечения армии лучше, чем у него.

Он на мгновение замолчал и прямо посмотрел на Маврикия. Хилиарх поджал губы и отвернулся. Много лет назад, когда Маврикий обучал блестящего, но неопытного фракийского офицера, он убедил юношу принять стратегию снабжения великого Филиппа Македонского. Как можно больше использовать мулов, как можно меньше — громоздких повозок. С тех пор, на протяжении многих кампаний, эти методы показали себя с лучшей стороны.

— Тем не менее... — проворчал он, уставившись на карту, где была изображена та самая местность, о которой шла речь. — Мы не знаем, насколько хорошей будет фуражировка. Мулы могут нести только ограниченное количество грузов, все-таки необходимо использовать какое-то количество повозок для артиллерийских боеприпасов. И если эта местность такая плодородная, то можешь быть уверенным: у малва расквартировано там немалое количество войск.

Велисарий почесал подбородок.

— Сомневаюсь, Маврикий. Не сейчас. Командующие малва, вероятно, увели большую часть солдат назад к реке. Они ожидают, что мы воспользуемся Индом для продвижения наших войск, а не Нарой. И тем более...

Он замолчал, подбирая слова. На протяжении многих лет сражаясь с Линком, Велисарий приобрел определенное понимание того, как работает разум этого чудовища. Тот суперчеловеческий интеллект, который дали Линку новые боги будущего, достаточно часто являлся прорехой в броне.

Эйд понял.

«Линк всегда много знает, но черпает знания из истории. Не из опыта. И он никого не слушает. Он слышит, но не обращает внимания. Потому что „знает“. История — зафиксированные данные, которые есть у Линка, как и у меня — скажет Линку, что долина реки Инд по большей части бесплодна. Это из-за деградации окружающей среды, вызванной более поздней деятельностью человека. Подчиненные Линка могли бы сказать ему другое, но...»

Эйд ненадолго замолчал, затем снова стал посылать уверенные ментальные импульсы.

«Линк и не станет об этом думать. Я сам много раз удивлялся, насколько больше жизни в землях, которые, судя по моим „знаниям“, должны быть наполовину пустыми. Но я не Линк. Я думаю не так, как он. Я научился слушать, а не просто слышать».

Велисарий кивнул. Для его подчиненных этот же означал определенную уверенность полководца, которую они научились узнавать и глубоко уважать, даже если и не были посвящены в подробности. Кивок означал: Эйд согласен со мной.

— Для начала я сомневаюсь, что они оставили там большую армию, — уверенно сказал Велисарий.

Его офицеры, осознавая вес суждений Эйда, приняли это утверждение. Даже Маврикий. Он только вздохнул.

— Тогда хорошо. Но мы должны взять с собой все митральезы. И всех снайперов. — Он посмотрел на Марка из Эдессы, стоявшего в глубине шатра. — Их тренировали, как драгунов, поэтому они смогут поддерживать армию на высоком уровне.

Велисарий скептически взглянул на Маврикия. Тот фыркнул.

— Всех их, черт побери. Ашот будет осуществлять контросаду малва в Суккуре с такой широкой дорогой поставок, как Инд — буквально, — и удерживать позиции со всей нашей пехотой после того, как придут Бузес и Кутзес.

На лице Маврикия отразилось одобрение, когда он подумал о братьях, которые в процессе кампаний в Месопотамии и в горной системе Загрос привели пехоту Велисария в отличную форму. Если и было что-то в этом мире, что ценил Маврикий, то это войска ветеранов. Да, большинство солдат в гигантской римской армии, участвовавшей теперь в войне против малва, были недавними рекрутами, поступающими на военную службу в

надежде разделить трофеи, которые меньшие по размеру армии знаменитого Велисария получили от более ранних кампаний. Но каждое ответвление этой новой армии образовывалось вокруг костяка ветеранов, закаленных в борьбе против малва.

Сирийская пехота и кавалерия Бузеса и Кутзеса, артиллеристы Григория, мушкетеры и пикинеры Феликса, но сила в лице стрелков Марка из Эдессы, фракийские букелларии собственно Велисария, которыми командовал сам Маврикий, — и великолепные греческие катафракты, сломившие малва под Анатой и у дамбы и отражавшие яростные кавалерийские атаки во время битвы на перевале. Маврикий обменялся коротким взглядами с Кириллом, к которому перешло командование греческими кафраками после ранения Агафия во время сражения у дамбы. Взгляд был полон взаимного одобрения. Ситтас внезапно расхохотался.

— Ты только посмотри на этих двоих! Словно я не знаю, о чем они думают!

Он снова дружески хлопнул по спине, но на этот раз Кирилла. Греческий катафrakt был более крепко сложен, чем Менандр, и только поморщился.

— Не беспокойся, мой низкороденный товарищ. Я прослежу, чтобы мои высокомерные благородные катафракты последовали за тобой. — Ситтас нахмурился. — Даже если я сам не могу сказать, что очень рад идее сражаться спешившись и за укреплениями.

Его лицо просветлело.

— Но... кто знает? Должна же время от времени возникать необходимость отправляться на вылазку. История запомнит и отметит, что последний великий бросок тяжеловооруженных катафрактов вел Ситтас Колоссальный.

И снова шатер наполнил смех. На этот раз смеялись не столько весело, сколько довольно. Приведет ли смелый маневр к победе или поражению, никто сказать не мог. Но все колебания и сомнения будут отброшены в сторону. Если план вообще может сработать, эти люди проследят, чтобы ничто не помешало его осуществлению.

Глава 26

ИНДИЯ

Осень 533 года н.э.

Кунга с внимательно посмотрел на Ирину. Хитрость и веселость, обычно маячившие в глубине его глаз, на этот раз полностью отсутствовали.

— Ты уверена? — спросил он.

Она кивнула. Довольно спокойно, как ей подумалось. По крайней мере, она на это надеялась.

— Чего бояться, Кунгас? Тот факт, что малва почти не сопротивлялись, чтобы удержать Беграм, говорит, что Велисарий сильно бьет их на юге. Они, очевидно, стягивают все свои войска в Пенджаб.

Кунгас ничего не сказал в ответ. Вместо этого он подошел к краю сада на крыше и положил руки на широкий карниз, который служил ограждением. Оттуда, с высоты дворца, который захватили его люди, чтобы тот служил резиденцией монарху возрожденной кушанской империи, он уставился на улицы Беграма. Он слегка повернул голову, изучая сцену внизу. По большей части прислушиваясь к ней.

Город праздновал. После того как йетайцы разрушили Пешевар много лет назад, Беграм стал главным городом кушанов.

Примерно четыре пятых населения были по происхождению или кушанами, или частично кушанами. Да и патаны, составлявшие, с позволения сказать, большинство меньшинства, не испытывали особой любви к малва. По правде говоря, никакой не испытывали. Поэтому если патаны и не в полной мере присоединялись к кушанским празднествам, они и не лили слез. И определенно не было знаков, что они планируют как-то активно выражать недовольство.

На лице Кунгаса ничего нельзя было прочесть, оно ничего не выражало. Это была

маска безразличия. Но Ирина, которая имела большой опыт «интерпретации Кунгаса», как она называла это в шутку, могла сказать, что ее муж не рад сложившейся ситуации.

Если брать только личное, это знание согревало ее. На самом деле, больше, чем согревало — она почувствовала, как по ее телу пробежала маленькая искра страсти. Но Ирина подавила ее скорее даже твердо, чем тело. Не столько по старой привычке начальницы шпионской сети, скорее как женщина, которая стала думать, как царица. И ее мысли, по правде говоря, были даже более хладнокровными.

Хотя она на мгновение пожалела, что нет времени удовлетворить ее страсть. Слишком многое зависит от времени.

— Прекрати это, Кунгас, — твердо сказала она. — Ты знаешь так же, как я — больше, чем я, потому что ты полководец, а я нет, — что ты должен немедленно идти к перевалу Хибер. Сейчас. Сегодня!

Кунгас даже не посмотрел на нее. Единственным свидетельством того, что он слышал ее слова, стало постукивание пальцами по карнизу, на котором лежали его руки.

— Идти немедленно, — задумчиво произнес он. — Да, это резонно. Все указывает на то, что малва в панике. Их войска даже не отступают — они бегут из Гиндукуша. — Он насмешливо фыркнул. — И определенно не от страха перед моей маленькой армией. Их никто не вынуждает уходить с гор — их вытягивают. Словно где-то в долине реки Инд появился огромный водоворот. Прибыло чудовище, такое, как Харибда³⁸. Таков Велисарий в действии.

Увидев, как изменилось настроение Кунгаса, Ирина сразу же воспользовалась преимуществом и надавила сильнее.

— Если ты отправишься сейчас — немедленно, — то сможешь поймать малва у перевала Хибер до того, как у них появится время, чтобы занять оборону. Хотя это все равно будет жестокая борьба — то есть тебе потребуется взять всю армию, — но если ты будешь двигаться быстро, мы сможем закончить эту кампанию, контролируя Хибер. Что будет означать: проход в наше новое царство в *наших* руках, а не в руках малва.

Он ничего не сказал. Постукивание пальцами снова доминировало барабанную дробь, и это было единственным свидетельством того, что Кунгас обращает внимание на жену.

— Ты колеблешься только из-за меня! — запротестовала Ирина. Затем добавила, посмеиваясь: — Если бы я не была старым мешком с костями — полумертвым от усталости, — то ты, вероятно, настоял бы на том, чтобы тащить меня с собой.

Наконец маска дала трещину. Кунгас тонко улыбнулся

— Едва ли, — весело сказал он. — По крайней мере, ты не казалась умирающей от усталости прошлой ночью. И я не помню, чтобы ты по ощущениям воспринималась, как мешок с костями. Как раз наоборот.

Он повернул голову и оценивающе оглядел ее фигуру.

— Я бы сказал, что дорога, несмотря на все трудности, пошла тебе на пользу.

Ирина улыбнулась. Она была согласна с Кунгасом. Она стала стройной, как никогда раньше, а вся внешность знатной греческой дамы канула в небытие. Конечно, эти изменения не встретили бы одобрения в высшем обществе Константинополя. Бледная кожа и округлые формы были в том аристократическом обществе идеалом женской красоты. Но ее бронзовая от загара кожа и твердые мускулы, а также общая подтянутость и бодрость больше подходили ее новому статусу царицы кушанов.

— Истощена, вымотана, — настаивала она. — На краю могилы.

Затем добавила более серьезно:

— Кунгас, я, вероятно, не смогу поддерживать темп, который ты теперь должен взять, и мы оба это знаем. Может, я больше и не кисейная греческая барышня, но я едва ли в той же

³⁸ Харибда — в греческой мифологии чудовище, страшный водоворот, трижды в день поглощающий и извергающий воды узкого пролива, на другом берегу которого в пещере обитает шестиглавая Сцилла.

физической форме, что и твои солдаты. По правде говоря, я сомневаюсь, смогут ли выдержать ваш темп прибившиеся к армии женщины.

— Даже не попробуют! Я оставлю их всех позади!

Кунгас наконец принял решение и, как обычно, отбросил все колебания.

— Это будет легендарный марш. Моя армия заставит людей забыть о том жалком афинском бегуне из Марафона. Двадцать шесть миль, ха! Пустяк. И затем в конце падать мертвым? Маловероятно. Только не кушаны.

Он стал медленно прогуливаться вдоль карниза, проводя рукой по полированной поверхности, словно поглаживая камень. Вспомнив ощущения той же руки у себя на теле прошлой ночью, Ирина на мгновение пожалела, что Кунгас принимает ее совет. Но если она сожалела о предстоящем отсутствии плотского удовольствия, то получала от слов Кунгаса удовольствие значительно большее. Не из-за его решения, а от ссылок на классику. Именно она поведала Кунгасу о Харибде и о Марафоне. И как и всегда, ее муж ничего не забыл из того, что она ему рассказала.

— Я буду в безопасности, — тихо сказала Ирина. Кунгас остановился и повернулся, чтобы взглянуть на нее. Тонкая трещина-улыбка исчезла без следа.

— Ты будешь в смертельной опасности, и мы оба знаем это. Когда вся армия уйдет из Беграма — за исключением небольшой группы солдат, которых я оставлю в качестве твоих телохранителей, — ты будешь отдана на милость любой мало-мальски значительной силы в этих горах. Это даже не обязательно должны быть малва. Любое патанское племя может налететь и взять этот город.

Ирина уже начала откидывать назад волосы по старой привычке, но остановила руку на полпути. Длинные, густые каштановые локоны, которые у нее когда-то струились по плечам, исчезли вместе с остальными отличительными признаками греческой аристократки, которой она когда-то была. Волосы оставались прежними — такие же каштановые и длинные, — но не спадали волнами, а были крепко связаны на затылке — на манер того, как убирали волосы мужчины. Кушанские женщины называли эту прическу «конский хвост».

— Позволь мне самой беспокоиться о патанах. Сразу же после твоего ухода опасности от них не возникнет, несмотря ни на что. В конце концов, Беграм — не деревня. Это крупный город, со стенами и большим населением для его охраны. И к тому же люди прямо-таки горят желанием его защищать.

Она кивнула, словно показывая на веселое празднование, продолжавшееся на улицах внизу.

— Любой патанский вождь прекрасно знает, что несмотря на то, что он может взять Беграм, ему придется заплатить за это высокую цену — и, вероятно, она будет слишком высокой для него, город-то, в конце концов населен кушанами. Более того, его племя окажется отданным на милость твоей армии, когда ты вернешься.

— Если мы вернемся.

— Если вы вернетесь, — согласилась Ирина. — Но патаны подождут — посмотрят, что случится на перевале Хибер, Кунгас. Даже самые горячие головы не попытаются штурмовать Беграм, пока будут опасаться твоей армии. И кроме того...

Победила старая привычка. Она протянула руку, перекинула конский хвост через плечо и стала его гладить.

— И кроме того, я не буду проводить эти недели в безделье, — сказала она тихо, чуть ли не воркуя от предвкушения. — В конце концов, дипломатией можно подчас добиться больших чудес, чем ратными подвигами.

— Ты, вероятно, шутишь, — прошипел Валентин.

Он уставился на предметы в руках Аджатасутры, словно это были ядовитые змеи. В лунном свете узкое, с острыми чертами, лицо катафракта делало его похожим скорее не на ласку, а на демона.

И к тому же очень оскорбленного демона. Аджатасутра пожал плечами.

— Есть и другая альтернатива.

Он поднял левую руку, все еще державшую лопаты, и показал на Аджмер внизу склона, служившего городу кладбищем.

— Я могу купить подходящую женщину и трех детей на рынке рабов. Немного поработать кинжалом — гораздо меньше усилий, кстати, чем копать — и у нас будет то, что нужно.

Он опустил лопату и сурово посмотрел на Валентина.

— Конечно, эту работу придется выполнять *тебе*, не мне.

Валентин уставился на город внизу, и его лицо заострилось больше обычного. Он явно подумывал об альтернативе...

Анастасий шумно выдохнул. Звук в той же мере был и вздохом, и сухим смешком.

— Даже ты не сможешь этого, Валентин. И ты об этом знаешь. Поэтому нет смысла откладывать неизбежное.

Огромный катафракт шагнул вперед и взял у Аджатасутры лопату.

— Надеюсь, ты хоть знаешь, какие могилы нам требуются. Или будем копать наугад?

Аджатасутра рассмеялся.

— Пожалуйста! Мне эта работа нравится не больше, чем тебе. Уверяю, эти недели я не просидел дома в тишине и покое. — Он протянул вторую лопату Валентину, а третьей принялся копать сам. — Одной могилы будет достаточно. Вот этой. Это была большая семья, хотя нам потребуются всего четыре тела. Одна женщина и трое детей. Два мальчика и одна девочка, примерно нужного возраста.

Хоть Валентин и принял участие в работе, он все еще был недоволен.

— Умерли от чумы? Прекрасно. Мы разрываем чумную болезнь.

— Никакой болезни. Просто бедная семья — одна из многих, — ютившаяся в лачуге на окраине города. Легкая добыча для уличных банд. Так что на телах будут даже подходящие ранения.

После того как были эксгумированы четыре тела, мрачное настроение Валентина несколько не улучшилось.

— «Подходящие ранения», — спародировал он. — Хорошо бы суметь это определить, а?

Скорчив гримасу отвращения, он уставился на то, что осталось от четырех трупов, все еще одетых в полусгнившие лохмотья.

Аджатасутра пожал плечами.

— Знаков будет достаточно для тех, кто станет проводить расследование. Мы сожжем караван после нападения, поэтому, в любом случае, мало что останется.

Анастасий, в отличие от Валентина, преданно изучал философию. Поэтому он уже подошел к ситуации с точки зрения логики. А сделав это, с облегчением выдохнул.

— Могло быть и хуже, — пророкотал он. — Трупы подойдут. Но эти лохмотья нужно снять.

Валентин с негодованием поднял брови. Его негодование переросло в ярость, когда он увидел, что Аджатасутра вынимает из принесенного с собой мешка.

— Ты прав, — весело сказал наемный убийца и подал ком ткани двум римлянам. — Эта одежда, кстати, стоила мне маленького состояния. А если не мне, так Нарсесу. Нарядов царских особ Раджпутаны достаточно, чтобы человек обанкротился.

Тем же самым вечером в Каушамби жена Дамодары впервые вошла в комнату, где жили две ее новые горничные.

Сестры немного отшатнулись назад на кровати, где обе сидели. Несмотря на всю легкость движения, оно явно было продиктовано страхом.

— Простите, хозяйка, — поспешно сказала старшая. Она судорожно качала на руках маленького мальчика, пытаясь его успокоить. — Обычно он так не кричит.

Госпожа Дамодара прошла к кровати, склонилась над ребенком и изучающе его осмотрела. Она оказалась невысокой женщиной и такой же пухленькой, каким был когда-то ее муж, но в ней чувствовалась какая-то особенная твердость, что делало ее более представительной и она казалась выше, чем на самом деле. Конечно, впечатление усиливал тот факт, что она носила дорогую одежду члена правящего клана малва.

— Он болен, — объявила она. — Вам следовало мне сказать. Пойдемте.

Она выпрямилась и вышла из комнаты. Испуганные и поставленные в тупик сестры последовали за госпожой.

На протяжении следующих нескольких часов их страх постепенно уменьшался. По сути говоря, почти исчез. Зато росло смущение и непонимание. В конце концов, никто не слышал, чтобы занимающая высокое положение госпожа-малва выполняла роль лекаря при ребенке служанки-рабыни. И использовала для этой цели свои собственные покои! И кормила его лекарством из своих рук!

Когда девушки собрались уходить, а ребенок наконец заснул, у двери их остановил голос госпожи Дамодары:

— Надеюсь, вы помните, что сказал вам Аджатасутра?

Две сестры, запутавшиеся еще больше, чем раньше, повернулись и уставились на нее. Госпожа Дамодара вздохнула.

— Ох уж эти шпионы и наемные убийцы, — пробормотала она. — Он даже не назвал вам свое имя?

Значение ее слов наконец дошло до сестер. Обе девушки изумленно уставились на госпожу.

— Что он вам сказал? — спросила та. — Что самое *важное* ?

— Не задавайте никаких вопросов, — прошептала Младшая. — Делайте, что вам говорят. И сами никому ничего не говорите.

Госпожа Дамодара с интересом поглядела на своих служанок. Да, она могла быть невысокого роста и к тому же пухленькой, но в это мгновение она напоминала ястреба. Или сову, она тоже хищник.

Однако сестрам недолго пришлось терпеть на себе взгляд госпожи.

— О да! — внезапно воскликнула она. — Шпионы слишком умны, для своего же собственного блага. Если хоть что-то из происходящего станет известным, мы все умрем. Но вам лучше знать, чтобы, когда придет время, вы все поняли сразу.

Она прошла к своей собственной огромной кровати и присела на краю.

— Идите сюда, девочки, — приказала она и похлопала по покрывалу. — Садитесь, и я расскажу вам, кто вы.

Две сестры — теперь полностью поставленные в тупик и снова напуганные — направились к кровати. По пути младшая ухватила за то единственное, в чем они были уверены на протяжении долгих лет в рабстве.

— Мы — дочери Дададжи Холкара.

Госпожа Дамодара тихо рассмеялась.

— Именно так!

И затем она рассказала им, кем стал их отец. Рассказала, что скромный писарь из маленького городка успел за эти годы превратиться в пешву могущественной Андхры. И Андхра с каждым днем становится все сильнее и сильнее.

К тому времени как госпожа закончила свой рассказ, обе девушки плакали. От радости, потому что знали: их отец — как и их мать — все еще живы. И от горя, потому что слышали о смерти брата.

Но по большей части от страха и боли в разбитых сердцах.

— Значит, вы держите нас в заложницах, — прошептала младшая.

— В любом случае, наш отец никогда не захочет получить нас назад, — рыдала старшая и крепче прижимала к груди ребенка. — Не теперь. Не такой великий человек, не таких оскверненных дочерей.

Некоторое время госпожа Дамодара внимательно и изучающе смотрела на них. Затем встала и подошла к окну спальни. Из окна открывался дивный вид на великий город Каушамби.

— Заложницы? — казалось, она говорит сама с собой. — Да. Это так. С другой стороны...

Она смотрела на спящий город. Он напоминал госпоже Дамодаре огромного зверя, купающегося на волнах глубокого черного океана.

— Давайте лучше думать об этом, как об обещании. Малва нужно за многое ответить, Многие отцы остались бездетными, многие дети сиротами. — Она отвернулась от окна и уставилась на сестер. — Поэтому, не исключено, придет день, когда ваша воссоединенная семья послужит в некотором роде отданным долгом. И таким образом ваш отец, ставший могущественным человеком, не исключено, воздержится от мести и посоветует другим сделать то же самое. Потому что вид его живых детей напечалит его об огромном количестве мертвых.

Сестры уставились на нее, в их глазах стояли слезы.

— Теперь мы не будем для него ничего значить, — повторила старшая. — Не после всего, что случилось с нами.

Госпожа Дамодара еще раз тихо и мягко рассмеялась.

— О, я так не думаю.

Она повернулась назад к окну, на этот раз изучая не столько город, сколько землю, на которой он стоял. Словно размышляла о природе огромного темного океана, в котором плавал зверь.

— Что бы ни случилось, Индия никогда не будет прежней, — тихо сказала она. — Поэтому я не стала бы заявлять с такой уверенностью, дети, что ваш отец подумает то, что подумал бы раньше. Этот человек не поднялся бы к таким вершинам, если был бы неспособен принимать новое. И кроме того...

И снова госпожа Дамодара рассмеялась.

— Говорят, он философ. Давайте же надеяться, что это так!

Она повернулась, встала перед сестрами, сидящими у нее на кровати, и положила руки на бедра.

— А теперь, я думаю, пришло время всем нам начать новую жизнь. Конечно, вы продолжите выполнять свои обязанности, это необходимо. Не задавайте никаких вопросов. Ничего никому не говорите. Но что касается остального... Как вас зовут?

Простой вопрос, казалось, успокоил девушек, вернув их обратно из пропасти страха и печали.

— Меня — Лата, — сказала младшая и робко улыбнулась. — Мою сестру — Дхрува.

— А моего мальчика — Баджи, — добавила старшая. — И он дорог мне, как восход солнца, независимо от того откуда он.

Госпожа Дамодара кивнула.

— Хорошее начало. В особенности то, что ты сказала в конце. Нам всем потребуется твоя мудрость, дитя до того, как мы все это переживем.

Никто не обратил внимания на нищего, сидящего перед дворцом Венандакатры. Он был не более чем одним из многочисленных попрошайек. Старик занимался своим ремеслом у дворца на протяжении нескольких недель и давно стал частью пейзажа. По правде говоря, мало кто вообще обращал на него какое-то внимание — и определенно не надменные йетайцы, охранявшие гоптрия.

В отличие, правда, от некоторых обитателей городских трущоб. Несмотря на очевидную бедность старика, его одежда выглядела несколько необычно. Нет, конечно, она не была богатой — это были лохмотья, причем грязные, — но удивляло их количество. Большинство нищих носило только набедренную повязку. А тело этого старика было полностью скрыто под одеждой.

Для этого имелись основания, как обнаружила уличная шайка головорезов, когда эти бандиты набросились на старого нищего. Нападение произошло через несколько дней после того, как он впервые появился у дворца, в небольшом петляющем переулке, где старик спал по ночам. Головорезы заметили, что кружка старика особенно щедро наполнилась в тот день, и не видели оснований, по которым этому жалкому созданию следует наслаждаться таким количеством денег. Первого бандита, который схватил нищего за руку, почти парализовало от шока. Рука под грязными лохмотьями оказалась совсем не иссушенной костью, как он ожидал. Это была крепкая, мускулистая и такая сильная рука, что у бандита на мгновение появилось чувство, что он схватился за кусок железа.

Впечатление усилилось мгновение спустя — когда локоть старика очень быстро пошел назад и врезался бандиту под горло. К такому же выводу, что и их товарищ, пришли еще трое головорезов. Хотя это было очень короткое просветление.

Несколько дней спустя еще одна шайка обнаружила то же самое. После этого старого нищего оставили в покое. Новость быстро распространялась, как и всегда бывает в таких перенаселенных и зловонных трущобах. Теперь все считали, что нового нищего, жившего в том переулке, охраняет демон. Как еще объяснить покалеченные трупы, которые появлялись по утрам — теперь уже два раза — у входа в переулок? В то время, как сам нищий пребывал на рассвете в добром здравии и заново принимался на свое жалкое ремесло.

Конечно, ни слова об этом не дошло до властей. А если бы и дошло, то они все равно не обратили бы внимания. Трущобы любого города — в особенности такого огромного, как Бхаруч — полны предассудков и слухов.

Таким образом день за днем старый нищий просил подаяния у стен дворца. И день за днем йетайцы, охранявшие вход, иногда небрежно на него косились.

Сам Венандакатра, входивший и выходящий из дворца даже ни разу не взглянул на нищего. Замечать такие существа гоптрий считал ниже своего достоинства. Поэтому Венандакатра совершенно не видел, как глаза нищего следят за каждым его движением, хотя голова остается опущенной, как и положено несчастному, униженному созданию. Да и сами эти глаза казались странными для такого человека. Они были почти желтые, как у хищника.

Глава 27

СИНД

Осень 533 года н.э.

Велисарий и его армия встретили первое подразделение малва вскоре после того, как обогнули южные склоны Кот Диджи и пересекли Нару. К счастью, римляне заранее получили предупреждение, что вражеские войска находятся поблизости — не от шпионов или разведчиков, а от беженцев, непрерывным потоком текущих на юг от Инда.

Аббу и его разведчики поймали небольшую группу беженцев, казавшуюся одной большой семьей. Не зная языка, он привел людей к полководцу. Знание Велисарием иностранных языков стало легендой среди его войск. Талисман Бога позволял ему понимать любой язык — даже, как говорили некоторые, язык животных.

Конечно, истина не совсем соответствовала легенде. Эйд на самом деле обеспечил Велисария великолепными способностями к изучению языков. Но это была не магия, и данное свойство не позволяло Велисарию мгновенно понимать чужой язык и разговаривать на нем.

Поэтому он не мог общаться с этими сжавшимися перед ним на земле крестьянами, несущими небольшое количество пожитков, прикрепленных ремнями к спинам, и ведущими с собой единственную корову, для «охраны» поставленную в центр. Вдобавок люди были так испуганы, что Велисарий сомневался, смогли бы они в любом случае говорить. Головы мужчин и женщин были опущены вниз. Они смотрели на почву перед собой, словно игнорируя вооруженных людей в доспехах, которые их окружали, могли изменить реальность.

Дети оказались менее робкими. Или, по крайней мере, меньше готовыми поверить в то, что с реальность можно так запросто манипулировать. Они с интересом рассматривали римских солдат округлившимися и испуганными глазами. Одна маленькая девочка — возможно, шести или семи лет — громко плакала, несмотря на все усилия матери, которая пыталась заставить ее замолчать. Из-за ужаса самой женщины ее попытки ни к чему не приводили, ведь для того, чтобы прекратить эту настоящую истерику, требовалось хорошенько встряхнуть ребенка.

Велисарий поморщился и отвернулся — и встретился взглядом с мальчиком того же возраста. Возможно, братом девочки, например двоюродным. Если учитывать вьевшуюся пыль и грязь, покрывавшую крестьян, и искаженные от страха лица, то фамильное сходство определялось с трудом. Если точнее, то фамильное сходство было глубоко похоронено под тем отупением, которое заставляет всех людей в отчаянии выглядеть похожими друг на друга.

Мальчик не плакал. Он просто смотрел на полководца так широко открытыми глазами, что они, казалось, полностью вылезли из орбит. Велисарий улыбнулся ему. Единственной реакцией мальчика стали — если такое возможно — еще больше округлившиеся глаза.

В этих широко открытых глазах не было ничего от детского любопытства. Там был ужас, такой глубокий, словно мальчик — парализованный грызун, смотрящий на кобру.

— О боже, — пробормотал Маврикий.

Велисарий вздохнул. Он отказался от мысли допросить крестьян. Они в любом случае ничего ему не скажут. Ничего не смогли бы сказать, даже если бы он говорил на их языке. Война ударила по крестьянам, как ударяет всегда — подобно грозе, насланной далекими и нисколько не заботящимися о людях божествами, уносит их прочь, как река уносит мусор во время наводнения. Они не увидят ничего из происходящего, кроме хаоса и сумятицы. Передвижения войск, маневры, удобная местность как военный термин, а не путь для бегства — все это было выше их понимания.

— Отпустите их, — приказал Велисарий. — Маврикий, проверь, чтобы их проводили наши фракийцы, я не думаю, что возникнут какие-то проблемы с солдатами, но...

— Не нужно рисковать, — закончил Маврикий и слегка нахмурился. — Не то чтобы у этих крестьян было что украсть, но некоторые греки — новые, не люди Кирилла — начинают жаловаться на отсутствие трофеев.

Он посмотрел на одну из крестьянских девушек. Она была старшей — возможно, шестнадцати или семнадцати лет.

— Они могут выплеснуть свое раздражение другим образом, чтобы получить хоть какое-то удовольствие. А затем... — Он коротко и хрипло рассмеялся. — Ты представишь армии еще одну наглядную демонстрацию «дисциплины Велисария», и мы будем смотреться несколько глупо, начиная сражение, когда тянем за собой казненных катафрактов.

Велисарий кивнул.

— То, что эти люди вообще здесь, говорит мне то, что я должен знать. Малва начали бойню.

Он взялся за удила. Его карие глаза, обычно теплые, как старое дерево, горели яростью.

— Это означает, что малва рассеяны по местности и дезорганизованы. Поэтому пришло время для еще одной демонстрации. — Следующие слова прозвучали почти как шипение. — Я заставляю этих людей бояться Бога. Как записано в Ветхом Завете.

Он обрушился на малва менее двух часов спустя, тому времени перевалило за полдень. Арабские разведчики начали приносить отчеты, на этот раз основанные непосредственным наблюдении за врагом. Как Велисарий и ожидал, солдаты малва растянулись на несколько миль.

— Кое-что горит, но немного, — подвел итог Аббу. Лицо старого пустынного воина горело гневом. — Вероятно, они планируют жечь все позднее. Сейчас просто убивают.

Об этом Велисарий уже догадался. Пока они продвигались вперед, римская армия

встретила и других беженцев. Ручеек превратился в широкий поток, пока вся местность не покрылась убегающими в панике людьми. Малва убивали всех, кого могли поймать. Тактика выжженной земли, которую Тамерлан с гордостью назвал бы своей³⁹. Убей землю, уничтожив тех, кто на ней живет, а не просто то, что они вырастили и построили.

— А есть ли в этом районе подходящее место, к которому мы могли бы сгонять малва? — спросил Велисарий.

Аббу показал на северо-восток.

— Да, командир. Вон в том направлении, недалеко — может, пять миль. Небольшое русло реки, почти сухое. Идет с северо-запада на юго-восток.

Лицо старого араба еще больше вытянулось. На нем все еще был виден гнев, но теперь его перекрывало предвкушение. Он тут же понял цель Велисария.

— Хорошее место для убийства, — прорычал Аббу. — В особенности противоположный берег. Невысокий, но крутой и покрытый острыми камнями.

Он снова показал пальцем, на этот раз больше на восток, чем на север.

— Вон там. Небольшой холм полого спускается к берегу реки с нашей стороны. Он — низкий.

Велисарий кивнул. Затем сказал:

— Ситтас, забирай всех своих катафрактов и обходи малва с фланга на западе. И возьми людей Кирилла. Верните ублюдков. Не пытайся разбить их, просто гони их стадом к реке, на которую показал Аббу. Поскольку они дезорганизованы, то побегут и не станут сражаться.

Он сурово посмотрел на огромного грека.

— Побегут и не станут сражаться. Если только ты не загонишь их в угол.

Ситтас ответил улыбкой на суровый взгляд полководца

— Не надо мне указывать. Я вообще-то знаю не только то, как идти в атаку. — Он начал разворачивать коня. — Кроме того, мне нравится твой план. Мы покажем этим свиньям, как устраивать настоящую бойню.

До того как Ситтас закончил говорить, Велисарий уже отдавал новые приказы.

— Григорий, поставь артиллерию вон на ту возвышенность. Но не используй ни митральезы, ни мортиры, пока я не отдам приказ. А еще лучше — держи их укрытыми. Я хочу, чтобы это оружие как можно дольше оставалось в секрете, и ему в любом случае требуются специальные боеприпасы, которые мы должны использовать экономно в самом начале кампании. Аббу, проводи их туда — или пусть это сделает кто-нибудь из твоих людей.

Когда Григорий и Аббу удалились, чтобы вывести войска на нужные позиции, Велисарий продолжил отдавать приказы. Им подчинялись, но за одним исключением.

— Нет, Марк, — твердо сказал Велисарий. — Я знаю, что ты хочешь дать своим стрелкам впервые по-настоящему почувствовать бой, но это не место и не время. Мы не можем пополнить твои боеприпасы из общих запасов, а нам они потребуются позднее.

Он смягчил отказ легкой улыбкой.

— Достаточно скоро тебя ждет много сражений. В Суккуре и в других местах. Но сегодня ты мне нужен просто, чтобы охранять орудия. Убивать будут они.

Как и всегда, Марк продолжал упорствовать. Эту черту Велисария на протяжении нескольких лет удалось немного смягчить. Но немного, поскольку на самом деле он никогда не прилагал особых усилий, чтобы сделать. Потому что если быть совсем честным, «любящий подраться» — это та характеристика, которую Велисарий ценил в своих офицерах. Во время сражения на перевале способности и умения Марка и его подчиненных

³⁹ Тамерлан (1336-1405) — полководец, эмир с 1370 г. Разбил Золотую Орду. Совершал завоевательные походы в Иран, Закавказье, Индию, Малую Азию, сопровождавшиеся разорением многих городов, уничтожением и уводом в плен населения.

сломили натиск йетайцев⁴⁰. То, что Марк с готовностью повторит свои достижения снова и снова — или умрет, — являлось одной из опор всей кампании Велисария.

— Но у проклятой артиллерии тоже немного снарядов, — проворчал Марк. — И они пережевывают их, как волк мясо.

— Они и вражеские войска могут пережевывать, как волк, — усмехнулся Велисарий. — В особенности с близкого расстояния, картечью. И я могу пополнять их запасы любым порохом. Если потребуется — даже некачественным, тем, который делают малва. Но мне нелегко будет восстановить запас твоих особых патронов.

Марк из Эдессы знал, что он зашел так далеко, как мог себе позволить. Да, он был упрям, но знал субординацию. Поэтому, продолжая хмуриться, он поспешил к коню и теперь срывал свою злобу, резко отдавая приказы стрелкам. Его голос напоминал волчий рык.

— Пусть Бог поможет малва, если они попытаются обжевать батареи, — мрачно улыбаясь, сказал Маврикий. — Марк давно хочет проверить и свои штыки. И не думай, что он не воспользуется этой возможностью, если она ему представится.

Казалось, Маврикий тоже охвачен жаждой крови.

— Но учти, я с наслаждением буду смотреть на это. Несмотря на то, что ты прав: не время и не место. — Маврикий вздохнул, счастливо и удовлетворенно. — Это время и место для простой работы мясника.

К тому времени как началась настоящая бойня, малва были сильно обескровлены. Во-первых, постарался Ситтас, наблюдая за солдатами малва, бегущими по руслу реки в полном беспорядке, Велисарий знал, что Ситтас и его катафракты «повернули» их так, как кузнец загибает ствол орудия — молотом и огнем.

Велисарий решил остаться с артиллерией и снайперами. Они были его наименее опытными войсками, по крайней мере, в использовании оружия — и он хотел понаблюдать за ними в действии.

Небольшой перепад высот позволял Велисарии видеть не менее полумили русла реки. Первые подразделения малва почти добрались до легкого изгиба, где римляне намеревались их удерживать. За малва, двигаясь подобно потоку воды, гналось столько вражеских солдат, что они, казалось, заполнили русло реки от берега до берега.

— Сколько их, как ты думаешь? — Маврикий пожал плечами.

— Трудно сказать точно. Если навскидку, то тысяч двенадцать или что-то вроде того.

Это было несколько больше, чем предполагал сам Велисарий, но ненамного. Он кивнул, продолжая изучать приближающегося врага. Некоторые из солдат малва, возможно, инстинктивно чувствуя ловушку, пытались выбраться на низкий юго-западный берег. Но Ситтас, несмотря на всю ярость, с которой он мог вести атаку, был таким же хитрым, как и любой командующий катафрактами в римской армии, и предвидел нечто подобное. Поэтому он велел Кириллу со своими людьми снова зайти врагу с фланга. Греческие катафракты уже находились на юго-западном берегу, горя желанием отогнать малва назад копьями и саблями.

Несколько солдат малва попытались, впрочем, выбраться на противоположный берег. Но, как верно подметил Аббу, берег был очень крутым, хоть и не особо высоким. Кое-где — практически вертикальным и, насколько мог видеть Велисарий, не настолько низким, чтобы на него можно было быстро запрыгнуть. Его высота варьировалась от восьми до двенадцати футов. Возможно, карабкаться вверх не так уж и долго — но только не для человека, отягощенного доспехами и оружием, за которым гонится плотная толпа ничего не соображающих и испуганных солдат. Немногие малва пытались вылезти на берег, а большинство из тех, кто пытался, было сорвано с уступа их же товарищами, в беспорядке бегущими мимо. Что касается тех нескольких, кому все-таки удалось взобраться, то они в

⁴⁰ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Удар судьбы».

любом случае не нашли наверху убежища. Аббу и его арабы перебрались через русло реки и заняли позиции на другом берегу на полчаса раньше. И они были готовы к бою не меньше, чем катафракты.

— Работает, — отметил Маврикий. — Будь я проклят, если это не так.

Велисарий кивнул. Его тактика показывала себя в действии. Ситтас с большей частью катафрактов поймали пехоту малва на открытом месте. Силы были равными — двенадцать тысяч против двенадцати. Тяжеловооруженная конница, конечно, может считаться «устаревшей» в эпоху огнестрельного оружия, но старение не происходит за одну ночь.

Катафракты ударили как тяжелый кулак. Хорошо организованные и подготовленные войска, например пикинеры (из тех, что прикрывают мушкетеров), да еще поддерживаемые артиллерией, могут противостоять такой атаке, даже сломать ее. Но армия, пойманная врасплох, у которой нет времени восстановить равновесие, похожа на зерно в молотилке.

Беспорядочно отступающие солдаты пойдут по пути наименьшего сопротивления. В особенности, когда Ситтас и его катафракты гонят их перед собой по руслу реки, Кирилл и его люди охраняют более пологий берег, Аббу держит другой, а впереди армию малва поджидает артиллерия. Идеальные условия для резни.

Возвышение, на котором Григорий установил свои новые орудия, давало прямую линию наводки на реку и достаточный угол, чтобы обстреливать продольным огнем приближающиеся войска. Оставалось только закрыть кувшин крышкой.

— Сейчас, я полагаю, — сказал Маврикий. Велисарий кивнул. Хилярх взмахнул рукой, и на этот его жест откликнулись трубы. Ожидавшие сигнала фракийские букеллари проскакали через русло примерно в двухстах ярдах вниз по течению и заняли позиции. Когда первые ряды армии малва заметили их, то тут же стали замедлять темп. Несколько человек совершенно остановились. За их спинами столпились следующие. Они представляли собой идеальную мишень для пушечного огня, не более чем в четырехстах ярдах — пожалуй, слишком близко для сферического ядра.

Велисарий склонился к Григорию, сидевшему на лошади слева от него.

— Чем ты зарядил? Сферическими ядрами или картечью?

— Ядрами, — уверенно ответил Григорий. — На этой местности — когда ближайший берег представляет собой либо отдельные валуны, либо комья глинистого сланца — рикошет сработает не хуже картечи. А у меня в запасе больше всего сферических ядер.

Велисарий был не совсем уверен, что Григорий прав, но не собирался оспаривать его мнение и приказывать перезарядить орудия. По сути, командующий артиллерией имел в этом деле больше опыта, чем Велисарий, по крайней мере, в теории, да и тренировался немало. Это будет первое сражение в войне с малва, когда какая-либо из сторон использует полевые орудия как основную силу. И в любом случае, для картечи все-таки далековато...

— Тогда вперед. Стреляй, когда...

— Огонь! — заорал Григорий и взмахнул рукой.

Ожидавшие команды солдаты тут же протрубили сигнал. Но его почти полностью перекрыл грохот орудий. Вся батарея Григория — тридцать шесть трехфунтовых пушек — выстрелила одновременно.

Этот залп сделал гораздо меньше, чем ожидал Велисарий. Да, первый ряд солдат малва упал — и достаточно часто их разрывало пополам. Но вместо того, чтобы сильно проредить вражеский строй, ядра просто продали узкие дыры в плотной массе солдат.

Велисарий напряженно приподнялся на стременах. Исход сражения зависел от этих полевых орудий. Полководец до последнего не хотел использовать митральезы и мортиры в самом начале кампании. Он повернулся к Григорию, собираясь приказать заряжать картечью.

Но Григория рядом уже не было. Командующий артиллерией успел подъехать к орудиям и теперь сам стоял на стременах и орал как больной слон:

— Вниз, вы, жалкие ублюдки! Опустите стволы пониже! Я хочу настильный огонь⁴¹, черт вас побери!

Артиллеристы судорожно трудились. По двое они меняли наклон орудий, в то время как командующий занимался наводкой. По его приказу они загоняли клинья между стволом и поперечным брусом, опуская орудия и укорачивая траекторию полета снаряда. Сделав это, люди бросились перезаряжать пушки. И снова простыми ядрами.

Велисарий поколебался, затем сел обратно в седло. Он все еще не был уверен, что Григорий прав, но...

«Хорошим офицерам нужна уверенность их командиров. Лучший способ для полководца деморализовать армию — это вмешиваться в дела своих доверенных людей».

В то время как перезаряжали орудия, греческие катафракты, собиравшиеся теперь на юго-западном склоне, начали стрелять по плотной массе солдат малва, запертых в русле реки. Как и настаивал Велисарий — он хотел свести к минимуму свои потери, — Ситтас и Кирилл держали конных лучников на удалении. Но даже с расстояния в двести ярдов стрелы катафрактных били достаточно сильно, чтобы легкая броня не спасала пехотинцев.

Велисарий увидел, как некоторые из малва начали перестраиваться в ряды. Где-то в этой куче солдат, очевидно, все еще оставались поддерживающие порядок офицеры. И, судя по всему, хорошие — в течение нескольких минут, потребовавшихся для перезарядки римских орудий, малва удалось кое-как построить пикинеров, которых по флангам охраняли мушкетеры. По оценкам Велисария, в течение минуты или около того они начнут атаку.

Он посмотрел на своих артиллеристов. Они приготовились стрелять и ждали приказа Григория. Велисарий снова перевел взгляд на врага. Он хотел изучить, какой урон причинит следующая партия ядер. Григорий потребовал «настильный огонь». Велисарий понимал, чего его главный артиллерист хочет добиться от подчиненных, но не был уверен в эффективности этой затеи.

— Огонь!

Яростный грохот. Затем...

— Матерь Божия... — прошептал Велисарий.

Желание Григория исполнилось. Почти все ядра ударили в землю на расстоянии от двадцати до пятидесяти ярдов от солдат противника. Трехфунтовые железные ядра с воем пролетели по низкой траектории, врезались в землю, затем отскочили. В то время как первый залп ударил в центр и арьергард вражеской армии, убив и покалечив сравнительно немногих, этот прошелся по малва от начала до конца войска.

Однако гораздо худшим, чем сами ядра, оказались рикошеты. Земля, о которую ударялись снаряды, представляла собой отдельные куски камня и сланца. От ударов они разлетелись во все стороны. То есть получилась своеобразная картечь. На одного солдата малва, разорванного ядром, приходилось четверо или пятеро пострадавших от «камушков».

Конечно, срикошетившие камни причиняли не такой серьезный урон, как сами ядра. Но достаточно серьезный, чтобы убить многих солдат и еще большее количество сделать калеками, да и ранеными оказались практически все, кто не успел укрыться за щитами и спинами товарищей.

Этот залп остановил атаку, которую малва пытались организовать. Случайно, или таков был замысел Григория, но хуже всего пришлось нестройной толпе в центре армии.

Теперь русло реки превратилось в залитую кровью маленькую долину. Катафракты продолжали стрелять, в то время как артиллеристы снова перезаряжали орудия.

— Огонь!

Еще один идеальный залп настильного огня. Велисарию стало немного дурно. В подзорную трубу он видел, как солдаты малва пытаются встать, скользят и падают на

⁴¹ Настильная стрельба — стрельба по пологой траектории, идущей на небольшой высоте почти параллельно поверхности земли.

кровавые ошметки, оставшиеся от их соратников. Падают, но, спотыкаясь, снова поднимаются на ноги...

Он опустил трубу и махнул Ситтасу. Но в тот момент катафракт был занят, пытаясь удержать своих людей, не давая им слишком близко подходить к реке, поэтому не увидел, как машет ему полководец. Тогда Велисарий повернулся в седле и закричал трубачам. На мгновение они тупо уставились на него.

«Прекратить огонь» было последним приказом, который они ожидали услышать. Но подчинились, напоровшись на гневный взгляд Велисария.

Удивленный Григорий и его артиллеристы подняли головы. Велисарий выругался себе под нос.

— Не ты, Григорий! Ты продолжай стрелять! Я хочу, чтобы катафракты прекратили огонь!

Григорий кивнул и вернулся к работе. Тем временем Ситтас уже скакал быстрым галопом по направлению к Велисарию. Завидя его приближение, полководец не знал, хмуриться или улыбаться. Он не сомневался, что Ситтас будет оспаривать его приказ.

Но к его удивлению, Ситтас широко улыбался, когда остановил коня.

— Я хотел оторвать тебе голову, пока не догадался. — Он оглядел то, что осталось от армии малва. Еще один залп пушечных ядер прошелся по их рядам. — Ты не собираешься приканчивать их всех, да? — вопрос был, очевидно, риторическим. — Это означает, что нам не удастся подобрать стрелы. А это немалая проблема, с нашими-то небольшими запасами — если мы используем слишком много стрел в самом начале кампании.

Прошло много времени с тех пор, как Велисарий воевал вместе со своим другом-великаном. Ситтас так смахивал на кабана — и достаточно часто вел себя похоже — что Велисарий позабыл, насколько умен этот человек с внешностью драчуна.

— Нет, не собираюсь. На близком расстоянии мы понесем потери, независимо от того, скольких успели положить. В этом нет смысла, не тогда, когда впереди вся кампания. — Мгновение он изучающе смотрел на врага. — С этой армией покончено, Ситтас. К концу дня ее остатки не будут представлять для малва никакой военной ценности на протяжении недель. Или месяцев. А этого нам достаточно.

Ситтас кивнул.

— Жаль, что мы не прикончим их. Но ты прав. Покалечить их достаточно. У нас есть другие, более важные дела и... — Он посмотрел на солнце. — Нам все еще может удастся пройти несколько миль, перед тем как разбивать лагерь.

Он сам внимательно посмотрел в сторону реки. Затем скорчил гримасу и сказал:

— Определенно, нам не нужно останавливаться на ночь рядом с этим местом. Не ложимся же мы спать около арены для боя быков.

На протяжении следующего получаса Велисарий заставил себя смотреть на бойню. За это время артиллеристы выпустили еще восемь залпов. Такую интенсивность стрельбы нельзя было поддерживать бесконечно, поскольку, если стрелять из таких пушек более десяти раз за час на протяжении длительного периода времени, то возникает риск их деформации или взрыва от перегрева. Но против такой компактной цели, какую представляли собой малва, восьми залпов оказалось достаточно. Более чем достаточно.

К тому же для Велисария это был первый раз, когда он собственными глазами смог увидеть невероятную эффективность полевой артиллерии при правильном ее использовании. Он планировал это — не стоило рисковать исходом всей кампанией, не изучив тщательно проблема — но тем не менее...

«Орудия Густава Адольфа разбили империалистов при Брейтенфельде, — тихо сказал Эйд. — А эти люди не такие крепкие и у них нет таких отличных командиров, как у людей Тилли⁴²».

⁴² Тилли, Иоганн (1559-1632) — граф, германский полководец, фельдмаршал. Во время Тридцатилетней

Велисарий кивнул. Затем вздохнул. Но ничего не сказал.

«Я знаю. Бывают времена, когда ты сожалеешь, что не стал кузнецом».

Велисарий кивнул. Вздохнул. Молча.

К концу этого получаса Велисарий решил закончить сражение. Не было смысла в дальнейшем продолжении бойни, да и солдаты малва наконец начинали выбираться из ловушки. К этому времени горы трупов стали такими высокими, что людям удавалось забираться по ним на противоположный, высокий берег и укрываться в зарослях. А на том берегу больше не ждал Аббу со своими арабами и не гнал незваных гостей назад. Велисарий убрал оттуда легкую конницу, опасаясь, что они могут случайно пострадать от полетевшего не по той траектории снаряда — как пострадали катафракты Агафия во время сражения под Анатой от огня Маврикия⁴³.

Большую часть потерь малва понесли от больших полевых орудий, но не все. Дважды смелые и энергичные офицеры малва смогли организовать попытку прорыва. Одна была направлена на фракийских букеллариев. Другая — на греков Ситтаса. Обе были довольно легко отражены с относительно малым количеством потерь.

После этого Велисарий больше не предоставлял малва возможностей для таких вылазок. К своей радости Марк из Эдессы наконец смог дать стрелкам впервые попробовать себя в сражении. Как только казалось, что еще одна группа офицеров начинала пытаться привнести какой-то порядок в ряды солдат, истекающих кровью в русле реки, Велисарий отдавал приказ, и их срезал огонь снайперов. Люди Марка, вооруженные чем-то вроде винтовок, использовавшихся во времена американской Гражданской войны, все еще оставались неметкими по стандартам Америки девятнадцатого века, но сейчас их навыков в обращении с оружием было вполне достаточно.

К тому времени как Велисарий закончил сражение, вражеские силы понесли потери в размере более пятидесяти процентов. Гораздо большие, чем требовалось для победы, как учит нас история. К тому же стараниями стрелков полегло немало офицеров, смелых и способных людей. Фактически, армия малва была стерта с лица земли.

Даже Маврикий объявил, что удовлетворен результатом. Конечно, Маврикий не был бы Маврикием, если бы тут же не затронул другую проблему. Маврикий холил и лелеял свой пессимизм, как другой человек холит жену.

— Как ты понимаешь, ничего из этого не будет иметь смысла, если аксумиты не смогут удержать главенство на море, — удовлетворение, с которым он пророчил очередной провал, казалось почти осязаемым. — Что-то пойдет не так, запомни мои слова.

— Я ничего не вижу, — пожаловалась Антонина, выглядывая из относительно узкого проема между навесом над передней палубой и фальшбортами⁴⁴, скрывавшими пушки на носу.

— Предполагается, что ты и не должна ничего видеть, — возразил Усанас, стоявший прямо за женщиной. — Солнце село. Только идиот будет атаковать таким образом в ясный день.

Антонина нахмурилась и продолжила осмотр. Она не была уверена, что раздражало ее больше — полная темнота или бесконечный стук дождя по крыше.

— А если мы сядем на мель? — пробормотала она. Затем, услышав тяжелый вздох Усанаса, сдержалась. — Прости, прости, — саркастически проворчала она. — Я забыла, что все аксумские моряки выскочили во всеоружии из брови Нептуна. Могут видеть в темноте,

войны одержал ряд побед, но потерпел поражение при Брейтенфельде (1631). Смертельно ранен в сражении на реке Лех.

⁴³ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Щит судьбы».

⁴⁴ Фальшборт — бортовое ограждение палубы на судне.

учуять берег с подветренной стороны...

— Они, кстати, *могут*, — сказал Усанас. — По крайней мере, учуять берег.

— Очень легко, — добавил Эон.

Негуса нагаст Аксумского царства стоял рядом с Усанасом, облокотившись на одну из четырех пушек. На закрытой передней палубе огромного аксумского флагмана было гораздо больше места, чем под щитом «Победительницы».

— Люди называют это «запахом моря», — добавил он. — Но на самом деле это запах морского берега. Гниющие водоросли и все такое. Открытое море почти не пахнет. — Он показал на впередсмотрящего, сидевшего на самом носу корабля. — Именно этим он и занимается, одновременно глядя вперед. Нюхает, в смысле.

— Как человек может почувствовать что-то в этом жалком ливне? — Антонина изучающе посмотрела на впередсмотрящего. Человек сидел не под навесом, как она сама, и женщина подумала, что матрос похож на мокрую крысу.

В этот момент впередсмотрящий повернул голову и что-то коротко просвистел. Затем еще два раза.

Антонина достаточно хорошо знала аксумские сигналы, чтобы интерпретировать свист. «Земля близко. Но дна еще нет».

На мгновение она почувствовала облегчение. Но только на мгновение.

— Мы, вероятно, где-то на Малабарском берегу, — мрачно сказала Антонина. — Шестьсот миль — или больше! — от Чоупатти.

Внезапно она взвизгнула и подпрыгнула на месте. Эон ее щекотал!

— Прекрати! — Она резко фыркнула и отодвинулась, чтобы удержать свои чувствительные ребра подальше от его пальцев.

Эон открыто смеялся. Усанас вместе с полудюжиной аксумских офицеров, расположившихся на передней палубе, широко улыбался.

— Если только ты прекратишь изображать из себя Кассандру⁴⁵! — громогласно заявил Эон, который в этот момент выглядел скорее как очень большой мальчик, чем как царь царей. Плут и разбойник — пусть будут прокляты царские регалии и одежды. Фахиолин, как аксумиты называли свою версию императорской тиары, съехал немного набок.

С последним смешком Эон прекратил ее щекотать.

— Ты когда-нибудь успокоишься, женщина? Аксумские моряки прорываются сквозь блокаду малва у Сурата уже на протяжении двух лет. На каждом корабле этой флотилии есть с полдюжины тех моряков и лоцмана. Они знают берег маратхи, как собственную ладонь. А хорошая погода или плохая, дождь или солнце, день или ночь.

Он снова лениво облокотился на пушку и похлопал по тяжелому стволу великого двигателя войны одновременно тонкой и сильной рукой.

— Скоро — достаточно скоро — мы прорвем эту блокаду, Оставим от нее мелкие кусочки.

Антонина вздохнула. Она, в сущности, понимала, что Эон прав. По крайней мере, прав относительно опасностей.

Это было долгое путешествие в самом конце сезона муссонов. Весь аксумский боевой флот плыл через Эритрейское море и полностью зависел от мастерства моряков — и от новых римских компасов, которыми снабдил их Велисарий, чтобы легче было добраться до берега. Это путешествие само по себе войдет в аксумские легенды. Если бы негуса нагаст лично не повел экспедицию, многие аксумиты воспротивились бы идее отправляться в путь в это время года.

Но как Эон и его высшие офицеры уверенно предсказали несколько недель назад,

⁴⁵ Кассандра — в греческой мифологии дочь Приама и Гекубы, прорицательница, пророчествам которой никто не верил. Предсказала гибель Трои.

путешествие прошло успешно. Но еще требовалось успешно его завершить...

Путешествие, каким бы оно ни было эпическим, — это одно дело. А выиграть сражение — совсем другое.

Антонину снова разедала тревога. И снова ее глаза были прикованы к горизонту.

— Глупая женщина! — воскликнул Эон. — Мы все еще во многих часах пути! Тот флот малва в Чоупатти — просто сплавной лес. Не сомневайся в этом!

И снова ее страхи ненадолго ослабли. Уверенность Эона была заразной.

«Прорвать блокаду малва... Разбить ее на куски!»

Такой подвиг, несмотря на результат атаки Велисария на Синд, заставит зверя-малва захромать. Восстание маратхи уже отвлекло на себя лучшую армию врага. Когда кончится блокада Сурата, римляне смогут поставлять продукты и боеприпасы в Махараштру. Дамодара и Рана Шанга будут не только постоянно заняты и неспособны обеспечить какую-либо помощь большей армии малва на Инде — им самим вполне может понадобиться подкрепление. В особенности, если после разрушения при Чоупатти флота малва, поддерживавшего блокаду у Сурата, аксумский флот сможет продолжить путь дальше и...

Это «и» как раз и беспокоило Антонину больше все?

— Это никогда не сработает, — прошептала она. — Я — идиотка, раз согласилась на такое!

— В первую очередь это была твоя идея, — фыркнул Усанас.

— Глупая женщина! — рявкнула она. — Что случилось со здравомыслящими и разумными мужчинами, что им вздумалось слушать такое бестолковое существо?

Этой ночью римская армия разбила лагерь в восьми милях к северу от места сражения. К северу и, по счастью, не с подветренной стороны.

Как раз перед тем, как ставить шатры, армия наткнулась на остатки деревни. Среди полуразрушенных хижин и лачуг тут и там были разбросаны трупы.

Среди руин нашелся и выживший. Старик сидел на земле, прислонившись к глинобитной стене, глядел в никуда и держал на руках тело старухи. Одежда женщины пропиталась кровью.

Когда к нему подъехал Велисарий и остановил лошадь, старик посмотрел на римлянина снизу вверх. Внешность полководца, вероятно, так или иначе отложилась в сознании крестьянина, потому что, к удивлению Велисария, он заговорил по-гречески. И на довольно беглом греческом, хотя и с сильным акцентом. Полководец догадался, что когда-то, много лет назад, старик был торговцем.

— Я работал в поле, когда это случилось, — тихо сказал он. — Далеко, а мои ноги теперь плохо ходят. К тому времени, как я вернулся, все уже закончилось.

Его рука медленно погладила седые волосы женщины. Взгляд переместился на ее неподвижное лицо.

Велисарий попытался придумать, что сказать, но смог. Рядом с ним откашлялся Маврикий.

— Как называется эта деревня? — спросил он.

Старый крестьянин пожал плечами.

— Какая деревня? Здесь нет никакой деревни. — Но через мгновение сказал: — Когда-то ее называли Кулачи.

Маврикий махнул рукой в сторону, откуда приехал.

— Сегодня мы разбили армию, которая это сделала. А теперь, по римским обычаям, мы ищем название для победы.

Велисарий кивнул.

— Совершенно правильно, — объявил он громко. — Это было сражение при Кулачи.

Римские солдаты, услышавшие его, важно закивали. Крестьянин изучающе смотрел на них, словно не находил, что сказать.

Затем он снова пожал плечами.

— Это твоё название, римлянин. Для меня оно больше ничего не значит. — Он продолжал гладить по волосам мертвую женщину. — Я помню день, когда женился на ней. Я помню каждый из дней, когда она рожала мне детей. Детей, которые теперь лежат здесь мертвыми.

Он уставился на юг, где истекала кровью учинившая резню армия.

— Но этот день? Он ничего для меня не значит. Поэтому — да, пусть у вас будет это название. Мне оно больше не нужно.

Уходя, несколько солдат оставили старику еду. Казалось, он не обратил на них внимания. Он просто сидел и гладил по волосам свою память.

Некоторое время Эйд молчал. Затем сказал, словно извинялся:

«Если бы ты был кузнецом, это бы тоже случилось. Как случалось раньше. В десять раз чаще и в десять раз хуже».

Велисарий пожал плечами.

«Я знаю, Эйд. И завтра это будет что-то для меня значить. Но сегодня? Сегодня я не вижу своей заслуги. Просто жалею, что не стал кузнецом».

Глава 28

ЧОУПАТТИ

Осень 533 года н.э.

Сразу же после рассвета первый корабль малва у Чоупатти утонул, получив пробоину. К сожалению, маневр был совершенно незапланированным и в результате оказался сильно поврежден один из аксумских боевых кораблей. Под проливным дождем галера заходила в залив, где малва держали свой флот во время сезона муссонов, и просто наткнулась на дозорное судно малва.

Сами малва не видели, как приближаются аксумиты. Изможденный тяжелой работой экипаж, которому приходилось оставаться в море на небольшом суденышке в плохую погоду, был занят выполнением своих обязанностей. Они не выставили ни единого человека наблюдать за морем. Мысль о том, что в заливе могут находиться вражеские боевые корабли, даже не пришла им в головы.

Они считали командующего сумасшедшим и ругали его с тех пор, как покинули причал. Никто не пытался по-настоящему «поддерживать блокаду» во время сезона штормов. Время, когда английские боевые корабли будут держать круглогодичную блокаду французских портов, лежало в отдаленном будущем.

В прошлые годы, после начала сезона муссонов, блокирующий Сурат флот малва просто уходил к небольшому, расположенному дальше по побережью городку Чоупатти, который они захватили и превратили в свою военную базу. И там на протяжении нескольких месяцев моряки наслаждались относительным спокойствием и прелестями жизни в грязном городке, появившемся в руинах рыбацкой деревни. Рыбаков там давно не было — или разбежались, или их заставили работать на армию. Те женщины, которым спастись не удалось, насильственно оказались в военных борделях, если были достаточно молоды, или служили поварами и прачками.

Да, этот сезон муссонов отличался от других. Правитель Южной Индии — господин Венандакатра, гоптрий Деканского плоскогорья — всегда славился отвратительным характером. По мере того как разгоралось восстание маратхи, он становился совершенно диким. И не вся эта дикость направлялась на восставших. Значительная часть доставалась его собственным подчиненным.

Итак... командующий малва не хотел рисковать. Несмотря на то что это казалось ему самому излишним и бессмысленным, он все равно постоянно держал одно судно в дозоре на море — чтобы никто из шпионов Венандакатры не доложил гоптрию, что блокаду не поддерживают, и самого командующего не посадили на кол, как посадили в прошлом

нескольких высокопоставленных офицеров. Их высушенная кожа — своего рода мешки — свисали с потолка в зале для приемов во дворце гоптрия в Бхаруче.

На аксумском корабле на носу сидел впередсмотрящий. Но он тоже не ожидал встретить в море вражеский корабль. Он сконцентрировал внимание на том — в большей мере уши, нежели глаза, — чтобы уловить первые признаки приближающейся земли. Поэтому он не видел судно малва до тех пор, пока не стало слишком поздно, чтобы что-то сделать, кроме как в последнюю минуту выкрикнуть предупреждение.

Секундами позже впередсмотрящий умер. Когда нос аксумского корабля врезался в корпус вражеского судна, моряк свалился на палубу малва и сломал шею. Потом его тело рухнуло на двух моряков, сидевших, скорчившись, у мачты, скрываясь от дождя. В панике те отбросили труп в сторону.

У них, надо заметить, имелись все основания для паники. Аксумский корабль был не только тяжелее и больше размером, но его строили специально под пушки. Корпус укреплялся скобами, чтобы поддерживать вес и противостоять отдаче. С другой стороны, небольшое судно малва представляло собой скорее рыболовецкую лодку, переделанную под боевую галеру. Эта «переделка» состояла только из установки нескольких орудий вдоль борта.

Аксумский корабль, шедший по ветру, с силой врезался в корпус судна малва и почти что переехал его. После столкновения половина моряков малва оказалась в воде сразу, а другая половина — в течение следующей минуты.

Ругаясь, капитан аксумского корабля бросился вниз с палубы, чтобы проверить, насколько серьезны повреждения. Тем временем его первый помощник быстро приказал выпустить сигнальную ракету, чтобы предупредить весь остальной аксумский флот, что они достигли цели.

Конечно, эта сигнальная ракета также предупредила и защитников порта. Но Эон и его высшее командование уже решили, что слишком рискованно пытаться предпринимать полностью неожиданную атаку в плохую погоду. Аксумские корабли вполне могут разбиться или сесть на мель. Кроме того, царь царей и его офицеры не сомневались, что хорошо обученные и готовые к бою аксумские моряки в состоянии справиться с любым гарнизоном, застигнутым врасплох во время сезона муссонов. Половина солдат малва — по крайней мере, половина — будут или пьянствовать, или спать, или отправятся к женщинам. А внимание несущих вахту в первую очередь сосредоточено на стенах города, так как единственная (по мнению защитников гарнизона) явная угроза — это восставшие маратхи под командованием Рао.

Когда корабль негусы нагаста показался в заливе, Эон не преминул поинтересоваться состоянием поврежденной галеры. К тому времени капитан уже вернулся на палубу и хмурился яростнее, чем когда-либо.

— Что с кораблем? — крикнул Эон. Капитан пожал плечами.

— Вода сильно заливает! — проорал он в ответ. — Вскоре затонет, если не доставить на берег для ремонта.

Эон не колебался ни секунды. И он даже не потрудился посоветоваться с Усанасом, Эзаной или Антониной, столпившимися у борта рядом с ним.

— Забудь о ремонте! — крикнул аксумский царь. — Подходи вплотную к флоту малва и разрушь столько, сколько сможешь! Мы спасем то, что останется, после того как возьмем порт!

До того как царь даже закончил говорить, капитан уже выкрикивал новые приказы. Бравого моряка нисколько не смутило, что его отправляли на откровенно самоубийственную миссию. Или, как минимум, на миссию, которая таковой казалась.

Равно как и Усанаса с Эзаной, хотя Антонина была в шоке.

— Хороший план, — проворчал Эзана. Увидев отчаяние на лице римлянки, он хрипло рассмеялся и покачал головой. — Не бойся, Антонина. Эти люди удержат малва, пока мы не

окажемся на месте. Это — аксумские моряки!

Вот так и получилось, что аксумскую атаку на малва в Чоупатти вел направлявшийся в гавань поврежденный корабль. Несколько принадлежащих малва парусников — опять же, переделанных из гражданских судов — стояли за небольшим волнорезом. Боевые галеры, составлявшие основу вражеского флота, были вытянуты на сушу. Именно из-за протяженной и широкой линии берега малва выбрали Чоупатти в качестве военно-морской базы на сезон муссонов.

Аксумский капитан проигнорировал парусники у небольшой пристани. Его целью были галеры. Поэтому, когда его корабль встал на мель, то сделал это как раз в гуще боевых кораблей малва.

Правильнее сказать, рядом с ними. К этому времени в аксумский корабль залилось столько воды, что он сел на мель в двадцати ярдах от берега. Капитан принялся удрученно ругаться, а потом увидел, что его главный артиллерист чуть ли не пляшет от радости, приказывая повернуть две пушки на корме таким образом, чтобы они по возможности смотрели вперед. Пушки на носу уже готовились стрелять.

Капитан окончил очередную длинную тираду. Он мыслил привычными для аксумита категориями. Война на море была для него неразрывно связана со взятием на абордаж. Его артиллерист, выученный представителями Когорты Феодоры под командованием Антонины, куда лучше своего капитана понимал правила сражения с использованием огнестрельного оружия. Корабль, севший на мель на некотором расстоянии от берега, представлял собой отличную платформу для стрельбы. Если бы они добрались непосредственно до берега, корабль накренился бы слишком сильно, и невозможно было бы удержать на месте ни одну из пушек.

Поврежденный аксумский корабль теперь представлял собой небольшую крепость в центре войск противника. После того как капитан это понял, гримаса, не сходявшая с его лица с момента столкновения, стремительно исчезла.

— Сарвенам — встать вдоль бортов! — крикнул он. — Готовьтесь отражать нападения тех, кто попытается взять нас на абордаж!

Аксумские моряки, сидевшие на веслах, тут же оставили скамьи и начали занимать позиции там, где указывал капитан. Если кто-то из малва и попытается разбить пушки, то будет встречен копьями и тяжелыми мечами — оружием, которому отдавали предпочтение аксумиты.

Но все еще оставались...

Капитан прищурился, пытаясь сквозь дождь разглядеть крепость малва, в которой размещался охранявший гавань гарнизон. Она стояла на горе, выходя главным воротами на залив, и в ней имелось по крайней мер восемь больших осадных орудий, любое из которых могло разрушить аксумский корабль одним точным выстрелом. К счастью, пять из восьми орудий в крепости были установлены так, чтобы охранять Чоупатти с суши от нападения восставших маратхи.

Аксумиты знали об этой крепости. На протяжении последних двух лет они постоянно поддерживали контакт с маратхи, и шпионы Шакунталы предоставили им детальное описание всех укреплений в Чоупатти. К сожалению, у аксумитов не было карт.

К тому времени как, по оценкам капитана, уже перевалило за полдень, дождь, казалось, стал слабее. Но видимость все еще оставалась слишком плохой, так что разглядеть что-нибудь на расстоянии больше пятидесяти-шестидесяти ярдов не представлялось возможным. То есть крепость капитан не мог рассмотреть совсем.

— Хорошо, — проворчал его стоявший рядом помощник. — Если мы их не видим, то и они не могут видеть нас.

Капитан пришел примерно к такому же выводу. Теперь он переключился на волнорез, едва различимый сквозь пелену дождя. С двух кораблей уже высаживались на причал аксумские моряки, еще две галеры находились совсем близко.

В самом конце волнореза возвышалось деревянное кроение, где малва постоянно держали небольшое подразделение солдат. По сути своей это был сарай. Теперь он наполовину обрушился — от пушечного огня, от копий и мечей первого же подразделения аксумитов. Капитан нигде не видел трупов, хотя некоторые враги могли быть похоронены под кусками древесины. Но он подозревал, что часть солдат малва, несших в сарае вахту, убежали еще до высадки моряков.

— Вот, идут, — сказал помощник. — Наконец-то! Ну и какая же компания ублюдков!

Капитан прищурился. Да, солдаты малва начали появляться в конце волнореза и потоком выливаться на берег, где стояли галеры.

Но это были маленький поток. Скорее, робкий и неуверенный ручеек. Большинство солдат малва все еще зашнуровывали доспехи. То, как они держали оружие на взгляд капитана, не свидетельствовало о большой уверенности и энтузиазме.

— Гарнизонные войска, — пробормотал он. — Чего от них можно ждать?

Однако те малва, что выстраивались в конце волнореза, вероятно, выступали под командованием достаточно опытного и способного офицера. К тому времени как первые аксумские моряки добрались до них, малва удалось выстроить из щитов настоящую стену, ошетилившуюся копьями. Несколько стоявших позади мушкетеров выпустили залп в направлении аксумитов, хотя и не очень согласованно.

Правда, все это помогло малва ровно настолько, насколько забор из деревянных реек спасает от разъяренных быков. Аксумская тактика взятия на абордаж основывается по большей части на определенных психологических моментах. Моряки специально тренировались и изначально были готовы к серьезным потерям. На протяжении десятилетий получение «абордажного шрама» считалось делом чести. Такими шрамами гордились.

Так что аксумиты не стали бросать в сущности бесполезные короткие копья и использовать длинные. Они просто побежали вперед и врезались в линию врага. Как могли, они отражали копья малва небольшими легкими щитами, тяжелыми мечами (прообразом которых явно было не что иное, как мясницкий нож), прорубая дорогу в центр вражеского строя. Остальное сделали сила и ярость. Африканская нация с успехом применяла в бою тактику росوماхи, никогда не слышав об этом животном.

Зрение помощника оказалось лучше, чем у капитана. Внезапно он резко вскрикнул, и крик его был полон отчаяния.

— Что случилось? — спросил капитан, пытаясь рассмотреть отдаленную схватку. Насколько он понимал, аксумские моряки разбили линию обороны противника.

— Атаку ведет негуса нагаст! — последовало в ответ шипение. — Проклятый идиот!

Капитан сжал челюсти. И еще сильнее прищурился, пытаясь подчинить своей воле слегка близорукие глаза.

— Идиот, — эхом повторил он. Затем добавил с легким вздохом: — Всегда существует такая опасность, если царь молод. В особенности, если он не поучаствовал в достаточном количестве сражений, пока был принцем.

Тем не менее тон, которым были произнесены эти слова — что можно сказать и о помощнике, — отдавал мрачным, но глубоким удовлетворением. Аксумское царство на протяжении столетий слыло могучей империей. Его царь царей мог править половиной Аравии и иметь флот, слава о котором гремит за океаном. Но сердце этой силы все еще составляли яростные воины с гор, чьи сарвы, как аксумиты называли свои полки, служили основой военной мощи Аксума.

Нынешний негуса нагаст, как и все его предшественники, обладал длинным перечнем грандиозных и великолепных титулов. «Тот, кто приносит рассвет» стоял в этом списке не последним. Но он начал свою жизнь просто как Эон Бизи Дакуэн — Эон, солдат из полка Дакуэн.

И это было самое важное его имя. Сегодня, если кто-то по-прежнему сомневается, Эон докажет, что это именно так. Даже чуть подслеповатый капитан прекрасно знал: первым аксумитом, бросившим свое защищенное лишь легким доспехом тело на стену из вражеских

щитов, был царь, ведущий в бой своих подданных.

И поэтому, несмотря на неодобрение разума, сердце капитана радовалось. И, как и все аксумские моряки, готовые атаковать бастион малва в Чоупатти, даже следя за канонирами, разрывавшей галеры малва на берегу и превращавшей их в щепки, капитан выкрикивал имя своего императора.

Имя , не титулы. Эон Бизи Дакуэн!

Сражение продолжалось немногим более трех часов. На протяжении всего этого времени капитан выкрикивал имя своего императора.

Сражение стало достаточно яростным после того командующий-малва смог организовать сопротивление. Аксумский капитан несправедливо называл его людей «гарнизонными войсками». Большинство войск малва расквартированных в порту, составляли моряки, привычные к трудностям морской жизни и знакомые с абордажными боями. И еще они были знакомы с аксумской тактикой, потому что на протяжении последнего года много раз сталкивались с аксумскими кораблями, прорывавшимися сквозь блокаду. И эти солдаты умели драться, потому что Чоупатти являлся изолированной базой, окруженной восставшими маратхи.

Но все равно силы были неравными. Аксумиты были подготовлены заранее, и подготовлены хорошо. Они застали малва врасплох, несмотря на то что командующему гарнизоном и удалось навести порядок в рядах солдат, пока тех не загнали в угол. Но разница в командовании была слишком большой.

Не в военном руководстве как таковом. Командующий-малва был способным и смелым офицером, опытным как в морских, так и сухопутных сражениях. Как пехотный офицер, один из кшатриев малва, сражавшихся в первых рядах, а не стоявших у пушек позади всего войска, он одним из первых прорвался сквозь стены Амаварати, что привело к падению империи Андхра, которой правил отец Шакунталы. Позднее его перевели во флот и он обнаружил немалые способности к ведению войны на море. Он достаточно быстро поднимался по служебной лестнице и ни одно из повышений не получил благодаря взятке или родственным связям.

Если сказать по правде, он был не только более опытным, но и более способным командующим, чем царь, который вел его врагов. В этом сражении про негусу нагаста вряд ли можно было сказать, что он вообще «командовал». Он просто вел, прорываясь сквозь ряды малва, как любой из его людей. Как Александр Македонский до него — хотя царь царей, безусловно, обладал едва ли малой частью военного гения Александра — Эон Бизи Дакуэн вел своих людей в бой.

Во время этого сражения Эону даже удалось повторить один из самых знаменитых подвигов Александра. Негуса нагаст в числе первых достиг стен крепости, к которым аксумиты начали приставлять лестницы. А затем — несмотря на яростные протесты окружающих его солдат — настоял на том, чтобы первым перемахнуть через стену.

На самом деле, это было глупо — даже по-идиотски. Огромная сила Эона вознесла его на парапет, и царь быстро очистил площадку от нескольких солдат малва, охранявших эту часть стены. Точно так же, как сила Александра вознесла его на парапет в одном из завоеванных им городов. А затем, как и Александр, Эон оказался в ловушке, когда защитники крепости отбросили осадные лестницы.

Обнаружив, что стал мишенью всех лучников малва, и не видя места, где мог бы укрыться от стрел, Эон вновь был вынужден следовать примеру Александра. Он прыгнул внутрь самой крепости — он оказался в одиночестве, но, по крайней мере, стал не так уязвим для стрел. Там он занял позицию рядом с небольшим деревом, точно так же, как сделал македонец, хотя это дерево и не было фиговым, как то, из легенды об Александре, — и начал яростно защищаться от небольшой толпы атакующих малва.

Командующий-малва умер вскоре после этого. К тому времени как сарвены хлынули

через стены крепости, в крепости даже не беря пленных, командующему удалось организовать сопротивление, что позволило ему повести небольшую колонну солдат вниз к берегу. Там, во время короткой схватки, он попытался остановить аксумских моряков, поджигавших корабли малва.

Эта попытка не увенчалась успехом, и командующий умер в бою. Хотя он погиб в честной битве, а не во время бойни, когда сарвены преследовали бегущих в глубь материка малва на протяжении многих миль, до тех пор пока не спустилась ночь и не подарила нескольким выжившим благословенное спасение.

В этот день малва не щадили. Хотя назавтра сарвены достали тело командующего-малва из груды трупов на берегу и торжественно похоронили. Они сделали это по велению Эзаны, командующего сарвом Дакуэн, который приказал вдобавок поставить над могилой храброго офицера небольшой камень.

Воины другой нации могли бы осквернить труп. Но солдаты из сарва Дакуэн, как и их командующий, выросли на других традициях. Эти традиции недалеко ушли от племенных. Под цивилизованными названиями полков маячили не такие уж туманные лица старых тотемов. И эти традиции предписывали отдать честь вражескому командующему.

Люди-охотники убивают тигра, но не обещивают его. Даже когда — в особенности когда — тигр, умирая, смог дотянуться до главного охотника.

Эон Бизи Дакуэн получил свой ценный абордажный шрам. Правильнее сказать, рану. Сам шрам никогда не сформируется, потому что негуса нагаст Аксумского царства умрет от раны еще до того, как успеет образоваться шрам.

Его солдаты, прорываясь через крепостной вал, видели, как копье вошло Эону в живот, когда он в одиночку дрался внутри крепости. И знание только подогрел ярость, которая разрушила флот и убила людей малва.

Эон и сам знал, когда убивал последних врагов перед тем, как без сознания рухнуть на землю.

И Усанас знал, с того момента, когда добрался до негусы нагаста и осмотрел рану. Молодой царь, которого он воспитывал чуть ли не с детства, уйдет с ли земли самое большее через несколько дней. И впервые за много лет человек по имени Усанас не мог смотреть на случившееся философски, не мог иронизировать или делать саркастические замечания и демонстрировать Вселенной свою широкую улыбку. Он упал на колени и просто плакал, и плакал, и плакал.

И Антонина знала, с того момента, когда увидела, как первая аксумская галера отчалила от волнореза и поплыла по направлению к флагману, на котором женщина оставалась на протяжении боя. Корабль плыл медленно, торжественно, каждый взмах весла сопровождался барабанным боем, задающим ритм гребцам и служившим царю похоронным маршем.

По правде говоря, интуитивно она знала о смерти Эона с того момента, когда увидела безумную злобу, с которой аксумские моряки резали солдат гарнизона, пытающихся защитить свои корабли. Аксумские сарвены, конечно, всегда были яростными в сражениях, но происходившее в этот день выходило за рамки привычного. Это была бойня, словно разъяренные росوماхи утоляли жажду крови.

Когда тело Эона доставили на флагманский корабль и отнесли в каюту, Антонина сопровождала негусу нагаста. Она сделала все, что могла, руками аксумского врача, пытаясь облегчить страдания раненого. Но задолго до того, как в каюту вошел Усанас, с вытянутым и измученным лицом, Антонина посмотрела правде в глаза. Какое-то время Эон еще проживет. Может даже — если врач приложит все возможные усилия — прийти в сознание и говорить. Но больше месяца Эон не протянет. Вероятно, не больше двух недель. Не с этой раной. Копье сильно повредило важнейшие внутренние органы, а после такого ранения неизбежен фатальный исход. В отчаянии Антонина подумала, как вызвать Велисария и Эйда, но вскоре отказалась от этой мысли. Эйд мог знать какой-то способ, который мог бы спасти Эона — и

на самом деле знал, потому что ее муж уже приказал начать эксперименты по созданию лекарств будущего, но для этого пока не находилось времени — слишком много было других забот. А теперь время вышло. Даже если ей каким-то образом удастся призвать Эйда, кристаллическая сущность из будущего сможет сделать не больше, чем сама Антонина.

Она плакала, и плакала, и плакала. Она плакала в объятиях Усанаса, и он тоже плакал, и Антонина время от времени думала, как мог бы плакать кристалл.

Не плакал ли бы. А просто, как именно.

Глава 29

СУККУР

Осень 533 года н.э.

Когда Велисарий впервые услышал пушки, стреляющие по Суккуру, то почувствовал огромное облегчение. Да, разведчики Аббу уже сообщили, что римские и персидские силы удерживают осаждающих город малва. Тем не менее не было ничего более успокаивающего, чем самому слышать звук римских орудий.

Даже на таком расстоянии — до Суккура и реки Инд все еще оставалось около мили — он мог по звуку отличить римские пушки от пушек малва. Забавно, но разница была не в них самих. Большинство сорокавосемифунтовых осадных орудий, которые Велисарий привез с собой раньше, принадлежали малва. Велисарий и персы захватили их в Месопотамии в прошлом году. Но римский порох был гранулированный, в то время как малва часто пользовались старым, очень неоднородным.

Здесь, как и во многих других областях империи, малва сдерживала их медленно развивающаяся экономика — отставание было неизбежным, если настаивать на сохранении кастовой системы. У врага имелся гранулированный порох, но недостаточно, чтобы обеспечить им все подразделения на время долгой осады. Точно так же они прекрасно могли делать подковы и новые упряжи для вьючных животных — но производить их в достаточном для всей армии количестве без замены кастовых методов ремесленничества «индустриальной» системой, которую приняли римляне, они были неспособны. В то время как все кавалеристы Велисария ездили на подкованных лошадях и все вьючные животные использовали новые упряжи вместо старых, по крайней мере половина армии малва не была этими благами обеспечена.

В случае крупных предметов, производимых в относительно малых количествах, вроде пушек или мушкетов, малва могли компенсировать свои более примитивные технологии большим количеством рабочей силы. Даже рабочие, использующие устаревшие методы и остающиеся в рамках кастовой системы, могли производить много таких изделий — при условии, что достаточное их количество отряжали для работы по проектам. Реакционный фанатизм малва имел тенденцию реально проявлять себя в неспособности массово производить небольшие и дешевые изделия, к примеру, те же подковы, и нужное количество гранулированного пороха.

Больше всего удовольствия прислушивающемуся Велисарии доставила сравнительная скорость стрельбы. Малва выпускали залпы, в то время как орудия Ашота стреляли индивидуально. При некоторых обстоятельствах это заставило бы Велисария побеспокоиться. Одновременный залп более эффективен, чтобы сломить атаку, чем нескоординированная пальба. Но Ашот знал это не хуже других, и тот факт, что он позволял такое своим артиллеристам, означал: он не отражает ничьи атаки. Он просто участвует в артиллерийской дуэли.

— Хорошо, — проворчал Маврикий, который пришел к тому же выводу. Хилярх откинулся в седле. — Значит, мы все еще вовремя.

Он обвел взглядом окружающую местность, его седая борода ошетинилась.

— Что хорошо, поскольку эта маленькая часть твоего плана развалилась. Проклятые жадные греки!

Челюсти Велисария слегка сжались. Он разделял гнев Маврикия на недисциплинированных греческих катафрактов и собирался поговорить об этом с Ситтасом. Но...

Он тяжело вздохнул.

— Подозреваю, этого нельзя было избежать.

Он посмотрел направо, где то, что осталось от Рохри подвергалось разграблению константинопольскими катафрактами. Затем, со значительно большим удовлетворением, он стал изучающе осматривать правильные ряды фракийских букеллариев и греков под командованием Кирилла.

Остальные войска Велисария называли их «старые греки», эти люди служили под началом Велисария еще в Месопотамии. Вместе с фракийцами и полевой артиллерией они практически сразу вернулись в строй после взятия Рохри. С ними Велисарий сможет продолжить двигаться вперед в течение часа.

Другие...

— Оставь их, — проворчал он. — Я еще поговорю с Ситтасом. На самом деле, ты несправедлив к нему, он сделал все, чтобы остановить людей. Но он выместит свой гнев на войсках. Тем лучше. От Ситтаса им достанется больше, чем от меня.

Маврикий кивнул и погладил бороду.

— Тогда после того, как Ситтас в ярости наорет на своих греков, ты сможешь произнести перед ними небольшую спокойную речь о необходимости дисциплины — при условии, что мы хотим выиграть эту кампанию и получить в десять раз больше трофеев, чем можно найти в этом жалком городке.

— Предполагаю, что это должно было случиться, — сказал Велисарий. — Они уже несколько недель жаловались на отсутствие добычи. Словно наши люди в прошлом году просто вошли в сокровищницу без многих месяцев сражений!

— Ну, не все так плохо. Греки заплатили за это, и достаточно хорошо.

Слова Маврикия не принесли Велисарию радости. Да, полная энтузиазма атака катафрактов Ситтаса должна была сломить сопротивление гарнизона Рохри гораздо быстрее, чем запланированная Велисарием осада. И также правда то, что таким образом он получил больше свободных дней, во время которых попытается выиграть у врага маневрами.

Но цена была высока. По грубым оценкам, он потерял примерно тысячу катафрактов во время этой сумасшедшей — и абсолютно импровизированной — атаки. И еще он знал, что столько же потеряет ранеными. Как всегда, война оказалась непредсказуемой любовницей. Что-то получаешь, что-то теряешь, затем соответственно меняешь планы.

Какой смысл об этом размышлять? Можно было сказать другое: по крайней мере, «греческая ярость» не повлекла за собой резню мирных жителей, которая сопровождает обычно неконтролируемое разграбление города. Не из-за того, что греки себя сдерживали — они перерезали весь гарнизон, напрочь отказываясь брать малва в плен, — а просто потому, что в Рохри совсем не осталось мирных жителей. Малва перебили их сами.

— Это безумие, — прошипел Велисарий. — Они продолжают выполнять приказы даже тогда, когда ситуация давно и окончательно изменилась. Теперь нет смысла придерживаться тактики выжженной земли в Синде. Мы уже у ворот Пенджаба. Им следует угонять местное население, чтобы самим в дальнейшем использовать его в качестве рабочей силы.

Наполовину мрачно, наполовину с философским удовлетворением, он изучал руины стен Рохри. Прорыв греческих катафрактов, несмотря на всю опрометчивость, объяснялся одной-единственной причиной: строительство укреплений не закончили к тому времени, как римская армия неожиданно прибыла с юга. Люди, которые могли бы этим заниматься, были мертвы задолго до завершения работы.

— Безумие, — повторил он. Затем покачал головой, повернулся и принялся изучать местность впереди. — То, что сделано, уже сделано. Отправь курьера к Ситтасу и скажи ему, чтобы следовал за нами, как только возьмет под контроль этих маньяков. Если мы станем ждать их здесь, то утратим инициативу. Я думаю, судя по отчету Аббу и звукам канонады,

если мы двинемся в путь сейчас, то сможем занять хорошую позицию на южном берегу.

Маврикий кивнул, подозвал курьера и отдал необходимые приказания. К тому времени как курьер уехал, армия Велисария уже стронулась с места.

По крайней мере, ее часть, учитывая, что греческие катафракты на какое-то время выбыли из ее состава. Поэтому армия, которая наконец добралась до берега Инда напротив Суккура, оказалась самой маленькой из тех, что много лет водил Велисарий. Три тысячи его собственных букеллариов, две тысячи людей Кирилла, несколько тысяч арабской и сирийской легкой конницы, две тысячи артиллеристов — и, к счастью, пятьсот драгунов Феликса.

Что именно у тебя осталось из остатков армии — вот что имеет значение. Потому что к тому времени, как Велисарий и его армия достигли южного берега, командующий огромной армией малва уже отправил тысячи своих людей на противоположный берег Инда на подмогу гарнизону Рохри.

Но... эта флотилия барж и лодок еще не достигла берега, когда прибыл Велисарий. Григорий спешно принялся подготавливать орудия. Тем временем, двигаясь гораздо быстрее, Феликс заставил своих драгунов — стреляющих дисциплинированно, по четко определенным целям — снимать лоцманов и моряков, управляющих этими судами.

Феликсу удалось привнести в приближающуюся флотилию достаточную сумятицу, чтобы предоставить Григорию время, которое требовалось ему для установки орудий. К тому времени уже садилось солнце. И если трехфунтовые ядра слишком малы, чтобы разбить хорошие укрепления, их более чем достаточно, чтобы превратить в щепки речные суда. По крайней мере, малва отказались от атаки и отступили назад на противоположный берег.

Конечно, ненадолго. На следующее утро, сразу после рассвета суда малва прибыли опять. На этот раз они растянулись в цепь, чтобы свести к минимуму урон, который могут нанести пушки и огонь снайперов. Малва понесли значительные потери во время пересечения реки, но к середине утра им удалось высадить на берег в общей сложности десять тысяч человек в трех точках на южном берегу. Количественно у них теперь было почти столько же людей, как у Велисария.

Это им совсем не помогло. К тому времени Ситтас заново восстановил порядок среди своих катафрактов и вытащил их из Рохри. Малва едва ступили на берег, как на них налетели, подобно лавине, катафракты. Восемь тысяч всадников, вооруженных луками, копьями и саблями, добавились к войскам, уже громившим малва, и их суммарных сил было более чем достаточно, чтобы разбить еще одну армию малва.

На этот раз Велисарии удалось спасти вражеских солдат, хотевших сдаться в плен. Греки удовлетворили свою жажду крови в Рохри. Даже они с опозданием поняли, что захваченные в плен солдаты могут за них выполнять тяжелую работу по возведению полевых укреплений. Даже они с опозданием поняли, что реальная война представляет собой нечто большее, чем просто серию атак.

Таким образом три сражения и три победы прибавили славы имени Велисария к тому моменту, как он наконец снова возобновил контакт с Ашотом и императором Хусрау.

Кулачи. Рохри. Сражение на переправе.

Конечно, если смотреть объективно, ни одно из них не было крупным сражением. Разбиты две маленькие армии, взят город. Это имело мало значения, если вообще имело хоть какое-то. Важность побед лежала в самих названиях, а не в правде под ними. Теперь у Велисария была попробовавшая крови армия и новые войска, которые с гордостью внесли себя в длинный список побед над малва, который начался Анатой.

Теперь уже восемь раз с начала войны Велисарий и его армия встречались с малва на поле брани или во время осады. Аната и дамба, сражение на перевале, Харк и Барода — и

теперь эти три новые победы⁴⁶. Если не считать сражение на перевале против Дамодары и Шанги, то каждое столкновение заканчивалось победой римлян. Даже поражение на перевале было близко к победе, так как помогло уничтожить огромную армию малва в Харке. Такая нить побед придает уверенность армии. Ту уверенность, которая удваивает и утраивает силы на войне. На реальной войне, которая, в отличие от маневров, является в равной мере испытанием духа и плоти.

Конечно, одной уверенности недостаточно. Точно так же важны чувство сплоченности и солидарности. Достигнуть этого было немного труднее. Отсутствие дисциплины и эгоистичная жадность греков в Рохри разъярили остальную армию — в особенности, когда они обнаружили, что вынуждены отражать атаку малва без помощи тех, кто, как предполагалось, должен быть их «товарищем» на протяжении целого дня.

Со своей стороны, греки пришли в ярость, обнаружив, что остальная часть армии рассчитывает на трофеи, которые они — катафракты — добыли благодаря собственной доблести (и крови) во время штурма Рохри. В теории они знали о традиционной политике Велисария. Но... но... применительно к ним? Здесь и сейчас?

Велисарий оставил войска самих разбираться с этим вопросом. Он и так был достаточно занят, готовясь к военному совету с Ашотом и Хусрау. А если бы и не был, то вероятно, стал бы держаться в стороне. Такие вещи лучше решать в неформальной обстановке.

Да, он на самом деле немного забеспокоился, когда артиллеристы Григория стали разворачивать свои полевые орудия в сторону греческого лагеря. И поглядывал на маневры фракийских катафрактов на юге и людей Кирилла на востоке, блокировавших линии отхода греков. Это не говоря о том энтузиазме, с которым стрелки Феликса начали делать ставки, насколько большую дыру их великолепные ружья могут проделать в броне греческого аристократа.

Но... все мирно разрешилось после одного напряженного дня. Достаточно скоро греки решили, что щедрость в раздаче трофеев на следующий день после победы — это отличная практика. Со своей стороны, фракийцы со товарищи допустили, что атаки греков в Рохри и на южном берегу были проведены со щегольством и храбростью, вполне достойными любого человека, который когда-либо шел за Велисарием.

В итоге самой сложной проблемой для Велисария стала попытка сделать так, чтобы его слышали в командном шатре, когда он обсуждал стратегию и тактику с Хусрау и Ашотом. Шум празднования заглушал все: греческие катафракты хвалили фракийцев, артиллеристы перекрикивали стрелков, причем так, что все лягушки поблизости впали в состояние шока. Арабское улюлюканье добавило особый привкус этому акустическому блюду.

— Что там за невероятное веселье? — спросил Хусрау, как только вошел в командный шатер.

— Музыка для моих ушей, — ответил Велисарий.

— Мы можем их удержать, — уверенно сказал Хусрау. — Какое-то время дела шли туго. Один раз они даже проломили небольшой участок стены до того, как мы отогнали их прочь. Но после того, как прибыл Ашот и занял позиции на юге, малва стали более осторожными.

Персидский император одобрительно посмотрел на армянского катафракта.

— Он очень умен! — весело заявил Хусрау. — Он так хорошо устроился, что малва и представить не могли как мало у него солдат.

— Они сделали две крупные вылазки, — подхватил Ашот. — И во вторую чуть не

⁴⁶ Упомянутые выше сражения описываются в романе Д. Дрейка и Э. Флинта «Щит судьбы» и «Удар судьбы».

взяли наши позиции. Но...

Он улыбнулся Аббу.

— Арабы нашли нам великолепное место для обороны. Оба раза, когда малва бросались в атаку, из-за особенностей территории выходило так, что они скапливались напротив наших орудий. Их потери были ужасными, и, я считаю, их командующие даже не понимают, как близки они были к успеху во время второй атаки. Я не думаю, что малва попытаются снова.

Велисарий почесал подбородок.

— Поэтому теперь, по сути, все свелось к долгой осаде и продолжительному контрбатарейному огню. Мы связываем очень большую армию малва гораздо меньшими собственными силами.

И Хусрау, и Ашот кивнули.

— Сколько у тебя осталось пороха? — спросил Велисарий у армянина.

— На какое-то время хватит, — ответил Ашот и пожал плечами. — Хотя если Менандр не пополнит наши запасы в течение нескольких дней, ситуация изменится.

Он нахмурился.

— На самом деле, командир, малва стараются держаться подальше от больших орудий. С таким малым количеством войск, как у меня, они вполне могут разбить нас на той позиции. Конечно, они понесут огромные потери. Но малва всегда готовы пролить кровь своих солдат. И если их командующие поймут, насколько мы зависим от артиллерии, они заплатят эту цену.

— Что означает: ты не можешь позволить себе ослабить огонь и беречь боеприпасы, — вставил Маврикий. — Это откроет твою слабость.

Все мужчины в шатре повернули головы и посмотрели на юг, словно могли увидеть реку сквозь стену шатра.

— Я надеюсь, что этот твой Менандр — способный офицер, — задумчиво произнес Хусрау. — Он кажется очень молодым.

— Он сделает все, что только возможно, — твердо сказал Велисарий. — В любом случае, проблема не в нем. Дело в том, нормально ли работают паровые двигатели Юстиниана. Что, к сожалению, мы не можем узнать, пока Менандр не доберется сюда. Или Бузес и Кутзес с основной армией.

Маврикий вздохнул.

— Сами по себе Бузес и Кутзес проблем не решат. Конечно, когда подойдет пехота, у малва не будет шанса сломить позиции Ашота. Им придется отступить назад в Пенджаб. Но этим солдатам самим потребуются еда и боеприпасы, в особенности если мы собираемся преследовать врага. Если Менандр не сможет заставить заработать линии снабжения — то есть использовать реку, — мы повиснем в Суккуре на кончиках пальцев.

Впервые после начала совещания заговорил Григорий:

— Да. Но, по крайней мере, после прибытия Бузеса и Кутзеса мы снова будем поддерживать контакт со всеми нашими силами, растянувшимися вдоль реки — до самой Бароды. Они прокладывают телеграфные линии по мере продвижения.

Он хитро взглянул на Аббу. Как и всегда, когда упоминались «новомодные штучки», старый араб, придерживающийся традиционных взглядов, яростно хмурился.

— Связь могут поддерживать мои разведчики! — рявкнул он. Затем добавил с неохотой: — Если потребуется.

Велисарий покачал головой.

— Для твоих людей найдется гораздо лучшее применение, чем использование их в качестве курьеров. — Он решил бросить Аббу кость — и притом довольно большую. — Эта новомодная система прекрасно срабатывает для поддержания контакта с арьергардом. Но только *люди* могут проводить разведку на территории врага.

Аббу гордо надулся. В особенности после следующих слов Велисария.

— И именно туда я предлагаю идти. Вперед. Я хочу продолжить выводить малва из

равновесия.

Склонившись над картой, Велисарий кратко пересказал персидскому императору свои планы. К его облегчению, Хусрау тут же согласно закивал. Велисарий, конечно, не подчинялся Хусрау, но поддержание хороших отношений с персами было ему необходимо.

— Да, — уверенно заявил император. — Так и следует действовать. Арийский метод!

Последнее, хвастливое заявление, возможно, было неудачным. Последний раз собравшиеся в шатре римские офицеры видели, как персы атаковали «арийским методом» под Миндусом. И потеряли армию, потерпев одно из худших поражений в долгой истории их страны⁴⁷. Очевидно, почувствовав возникшую в шатре небольшую неловкость, Хусрау улыбнулся.

— Конечно, не так глупо, как иногда делалось в прошлом.

Маврикий выступил в роли дипломата.

— Не так давно ты, император, сам сломил малва. Когда вел атаку арийским методом, очистив дорогу в Суккур.

Хусрау улыбнулся шире.

— Я? Чушь, Маврикий, — император хлопнул по плечу молодого персидского офицера, стоявшего рядом с ним. — Это Куруш вел тот великолепный парад арийской военной мощи. Уверяю вас: я оставался далеко позади. Конечно, он был одет в мои лучшие доспехи и размахивал моим мечом, как великий Кир из древности.

По шатру прокатился смех. Несмотря на долго длившуюся вражду между Римом и Персией, все римские легионеры в армии Велисария были очарованы магнетизмом личности императора. Никто в шатре не сомневался в смелости Хусрау Ануширвана. Но приятное разнообразие вносило и лицемерие персидского монарха — вообще-то, любого правителя — не боявшегося говорить правду.

— Спаси нас, Господи, от безрассудных вождей, — пробормотал Маврикий. — В особенности тех, которые пытаются надеть мантию Александра Македонского. Ничего хорошего не ждет их на этой дороге.

Велисарий выпрямился.

— Упоминание твоей мудрости под Суккуром, император ариев, подводит меня к следующему вопросу, который я хочу поднять. — Он колебался, затем, не видя другого выхода, выпалил: — Теперь, после того как ты выбрался из Суккура, тебе не следует возвращаться. Если город падет, это будет отступление. Если вместе с ним падешь ты — трагедия.

Разумно это было или нет, но Хусрау напрягся. До того как он успел хоть что-то сказать, Велисарий продолжил:

— Но это только одна причина, по которой тебе не следует возвращаться. Другая — более важная — заключается в том, что ты нужен своим людям в Синде.

Как Велисарий и рассчитывал, последние слова прорвались сквозь собирающуюся вокруг Хусрау бурю негодования. Глаза персидского императора округлились.

— *Моим* людям? — спросил он в замешательстве. — В Синде?

Велисарий величественно кивнул.

— Именно так, император. Синд — как мы договорились — теперь является персидской территорией. Он переполнен испуганными и отчаявшимися людьми, которые бегут из-под меча малва. Теперь это твои подданные, Хусрау с Бессмертной Душой. Им неоткуда ждать спасения, кроме как от тебя. Что невозможно, пока ты заперт в осажденном Суккуре.

Ситтас — чудеса когда-нибудь прекратятся? — тоже проявил себя дипломатом.

— Малва не удалось принести слишком много разрушений самому Синду, император, до того как их выгнали прочь. Они сожгли какие-то посевы, вырубili несколько садов,

⁴⁷ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь»

разграбили несколько городов и разрушили часть ирригационной системы. Но это можно исправить, тем более что земля осталась нетронутой. Проблема в том, что разбежались люди, которые обрабатывают эту землю. Большинство из них живы, но слишком испуганы, чтобы от них была какая-то польза.

Велисарий ловко продолжил:

— Именно там ты сейчас нужен по-настоящему, император. Куруш удержит Суккур, если это вообще по силам человеку. Ты нужен на юге. Объезжающий местность, видимый всеми, успокаивающий и заверяющий, что новый правитель беспокоится об интересах своих крестьян и защитит их от малва. И ты убедишь их вернуться в свои деревни и на поля.

Хусрау повернул голову и посмотрел на Куруша. Молодой персидский офицер выпрямился и расправил плечи.

— Я согласен, император. Никто не в состоянии заменить тебя в этой работе. Я смогу удержать Суккур — и удержу — для тебя, в то время как ты прикрепляешь новую провинцию к нашей империи.

Хусрау сделал глубокий вдох, затем еще один. Затем, как и было ему свойственно, быстро принял решение.

— Пусть будет так. — Он замолчал на мгновение и задумался перед тем, как повернуться к Велисарию. — Я не хочу забирать из Суккура много людей. Они потребуются Курушу больше, чем мне.

Император мотнул головой, указывая на вход в шатер.

— Сюда меня сопровождали двадцать человек. Я их оставлю, как телохранителей. Но мне потребуются и твои римские войска. Кавалеристы. Примерно тысяча.

Велисарий не колебался ни секунды. Он повернулся к небольшой группе офицеров, стоявших в дальней части шатра. Его взгляд быстро нашел того, кого искал.

«Джовий. Он надежный и способный, но медлительный во время маневров. Помощь для Хусрау, небольшая головная боль для меня».

— Возьми пятьсот человек, Джовий. Фракийских букеллариев. Император захочет спускаться по Инду. — Он быстро взглянул на Хусрау. Император кивнул. — Поэтому вы достаточно скоро встретите сирийскую конницу, направляющуюся на север. Когда встретите, скажи Бузесу и Кутзесу, чтобы дали тебе еще пятьсот человек. Или сколько посчитает нужным император. Вечером я напишу приказ.

Джовий кивнул. Теперь Велисарий посмотрел на Маврикия, чтобы убедиться, не возражает ли командующий букеллариями. Хилярх флегматично пожал плечами.

— Для нас пятьсот фракийцев роли не сыграют. Не там, куда мы направляемся. Твои хитрые планы или сработают, или не сработают. А если не сработают, то и пять тысяч фракийцев не смогут спасти нас от гибели.

В шатре послышался смех.

— Кроме того, судя по тому, как идут дела — по звукам — в будущем у нас не должно возникнуть слишком много проблем с дисциплиной, — продолжал Маврикий, послушав, как снаружи идет веселье. — А эти греки — я скажу это только один раз, сейчас — вероятно, так же хороши, как и фракийцы на поле брани.

— Тогда решено, — сказал Хусрау, вопросительно склонив голову и посмотрев на Велисария. — Еще что-то есть? Еще какая-нибудь хитрая римская стратегия, которую нужно надувательским способом навязать тупому арийскому императору?

На этот раз смеялись долго и громко. И к тому времени, как смех стих, союз между Персией и Римом стал немного крепче.

«На самом деле, странно, — пришел мягкий ментальный импульс Эйда. — То, что юмор может быть самой крепкой цепью из всех, скрепляющих человеческую судьбу».

Велисарий начал придумывать достойный ответ. Эйд беспечно перебил его.

«Это потому, что вы, протоплазменные, такие тупицы, вот почему. Логика вам недоступна, вы заменяете ее этими глупостями, которые называете „шутками“».

Велисарий не смог определить, появилась ли от этих слов у него на лице недовольная

grimаса. Хотя он определенно скривился после следующего посланного Эйдом импульса.

«Кстати, рассказывал ли я тебе анекдот о кристалле и фермерской дочери? Однажды вечером девушка работала в поле...»

Глава 30

Пытаясь не поморщиться, Велисарий изучающе смотрел на молодого — очень молодого — офицера, который стоял перед ним. Как и всегда, гладкое лицо Калоподия совершенно ничего не выражало. Хотя Велисарий подумал, что, возможно, заметил где-то глубоко в глазах офицера веселую искорку.

«Я так надеюсь, — подумал он довольно мрачно. — Для выполнения этого поручения ему потребуется чувство юмора».

Эйд попытался успокоить Велисария.

«Магрудеру оно помогло, когда старик воевал на полуострове».

Велисарий ментально фыркнул.

«Макгрудер выступал против Маклеллана, Эйд. Маклеллана! Неужели ты думаешь, что эта водевильная шутка сработала бы против Гранта или Шермана? Или Шеридана?⁴⁸»

Он повернул голову и посмотрел сквозь дверной проем шатра на малва, поставивших лагерь по ту сторону реки. Конечно, он не мог разглядеть особых деталей. Из-за ширины Инда и неизбежной суматохи, сопровождающей возведение полевых укреплений большой армией, было невозможно оценить точный размер и позиции малва.

Но Велисарий и не пытался оценить материальные характеристики своего врага. Он пытался, как мог, оценить талант неизвестного офицера, а скорее офицеров, которые командовали этой огромной массой людей. И не находил в увиденном ничего утешительного.

Да, главнокомандующий врага — кто бы он ни был — казался несколько медлительным и неловким в том, как управлял своими войсками. Хотя, как знал Велисарий, управлять большой армией во время осады, по природе своей — медленное и трудное занятие. «Быстрые и гибкие маневры» и «ведение войны в траншеях» подходили друг другу примерно так же, как слон — маленькой лодке.

Но вражескому командующему не требовалось быть особенно талантливым, чтобы план Велисария разошелся по швам. Ему просто требовались... целеустремленность, упрямство и готовность стать мясником для своей армии. Фактически, если что-то и работает в его пользу, то как раз отсутствие воображения. Если бы Маклеллан не был таким умным человеком, то его бы не испугали тени и миражи.

«Это не то же самое, — сказал Эйд, все еще пытаясь успокоить Велисария. — Если бы Магрудер не удержал Маклеллана на полуострове своими театральными эффектами, мог бы пасть Ричмонд. Худшее, что случится, если Калоподию не удастся то же самое...»

На мгновение состоящий из граней разум кристалла задрожал, словно Эйд пытался подобрать наиболее подходящий термин. Но ему не удалось.

«Хорошо, я признаю: это эффектный трюк. Но если он не сработает, все, что случится, — это Калоподий и его люди отступят на юг. Не последует никакого провала, поскольку ты не рассчитываешь на него, как на защитника линий поставок».

Последовала еще одна пауза, похожая на дрожание калейдоскопа, — Эйд мучился с формулировками. Велисарий чуть не рассмеялся.

«Потому что у меня не будет никаких линий поставок, — закончил он. — Потому что я сам буду пытаться устроить эффектный трюк. Маршировать через двести миль вражеской

⁴⁸ Макгрудер, Маклеллан, Грант, Шерман, Шеридан — военачальники времен Гражданской войны в США 1861-1865 годов. Кроме того, Улисс Симпсон Грант (1822-1885), главнокомандующий армией Севера, позднее стал восемнадцатым президентом США.

территории и жить с земли по мере продвижения».

Эйд, казалось, во что бы то ни стало решил его успокоить.

«Это сработало для...»

«Я знаю, что это сработало для Гранта во время кампании у Вискбурга, — перебил Велисарий несколько нетерпеливо. — В конце концов, мне следует это учесть, так как вся эта кампания сделана по образцу той — за исключением того, что я предлагаю включить в сделку еще и Атланту. Ну... по крайней мере, Чаттанугу⁴⁹ ». На этот раз он все-таки засмеялся вслух, хотя и тихо. «Даже Грант и Шерман называли бы меня лунатиком. Даже Шеридан!»

Очевидно, поняв бесполезность заверений, Эйд, подстраиваясь под настроение Велисария, весело послал импульс:

«Кастер⁵⁰ бы одобрил».

Тихий смех Велисария угрожал перерасти в хохот, но полководцу удалось сдержаться. Лицо молодого Калоподия теперь определенно приобрело некоторое выражение, в основном вопросительное, но не только... «Мне лучше все объяснить, пока парень не пришел к выводу, что его командующий сошел с ума».

Быстро отбросив в сторону свои сомнения и страхи, Велисарий обрисовал Калоподию основные черты плана — и роль, отведенную молодому греческому аристократу. До того как Велисарий объяснил едва ли половину, глаза Калоподия — как полководец надеялся и одновременно боялся, — загорелись от энтузиазма и готовности.

— Это сработает, командир! — воскликнул парень, не дождавшись, когда тот закончит последнее предложение. — Только...

Чуть ли не дергая Велисария за рукав, Калоподий вывел его из шатра наружу. Там, все еще горя энтузиазмом, он начал показывать свои предполагаемые позиции и в деталях рассказывать об обманных маневрах.

— ...я бы это сделал так, — завершил Калоподий. — Когда бревна будут замаскированы под пушки рядом с несколькими настоящими, которые вы мне оставляете, чтобы придать правдоподобность иллюзии, я смогу сделать так, что этот остров станет выглядеть, как настоящий бастион. Таким образом, мы испугаем ублюдков. Они решат, что мы не стали бы этого делать, если бы у нас не было больших сил в резерве у Рохри. И я заставлю постоянно маршировать ходячих раненых, чтобы они казались войском.

Велисарий мысленно вздохнул.

«Умный парень. Точно так, как я бы сам это сделал».

Он переключился на Эйда.

«Вот что меня беспокоило. Если Калоподий проиграет, это не станет для меня кошмаром. Да, правда. Но он сам и больше тысячи человек будут обречены. Не будут отступать с острова в середине Инда, если малва бросят против них большую силу и поднажмут».

Эйд ничего не сказал. Велисарий нахмурился.

«Это — та самая чертова „очень слабая надежда“. Вот что это такое. То, что я обычно не одобряю».

Увидев, как командующий хмурится, и неправильно это истолковав, Калоподий стал вдаваться в подробности. И если его голос звучал несколько виновато, сами слова были полны уверенности.

⁴⁹ Вискбург — город в США в штате Миссисипи. Во время Гражданской войны 47 дней находился в осаде (в 1863 году). После падения города генерал Грант получил контроль и рекой Миссисипи. Атланта и Чаттануга — города в США.

⁵⁰ Кастер, Джордж Армстронг (1839-1877) — американский генерал кавалерии. После Гражданской войны командовал войсками, направленными против индейцев Запада. Погиб в сражении при Литтл-Биг-Хорне вместе со всем своим отрядом.

Велисарий позволил ему закончить, не прерывал. Частично, чтобы оценить тактические способности Калоподия — которые оказались удивительно хорошими для такого молодого офицера, в особенности благородного катафракта, которого попросили сражаться в обороне и на своих двоих — но в основном, чтобы позволить успокоиться нервам. На протяжении своей военной карьеры Велисарий старался избегать принесения в жертву собственных людей. Но в некоторых случаях...

И это был один из них. «Очень слабая надежда» или нет, если Калоподий преуспеет с этим тактическим маневром, то шансы Велисария в его собственной, большой игре значительно улучшатся.

Велисарий осмотрел остров, следуя взглядом за пальцем Калоподия, когда молодой офицер показывал предлагаемые позиции. Пока он это делал, Велисарий продолжал свои размышления.

Чтобы все прошло, как надо, ему требовалось исчезнуть из вида врага. По крайней мере, на две недели, скорее на три, когда он выведет армию из долины Инда — и, таким образом, из поля зрения войск малва, которые будут маршировать вдоль берега или плыть вниз по реке, чтобы усилить осаду. Он завлечет малва в капкан у Суккура, в то время как обойдет их, перекрывая дорогу к отступлению.

Велисарий отведет свою армию прямо на восток и затем, двигаясь по краю пустыни Чолистан, отправит на северо-восток. Он будет маршировать параллельно реке, поддерживая расстояние примерно в тридцать миль между своими силами и Индом, причем выставит щит из арабских разведчиков, которые помогут сохранить его передвижения в тайне.

Даже если люди Аббу встретятся с какими-то подразделением малва, враг скорее всего предположит, что просто разведгруппа или рыскающие в поисках пожилых мародеры. Малва никогда не представят, что за отрядом из легкой конницы к месту ответвления Чинаба — а это в двухстах милях от находящегося на осадном положении Суккура — приближается могучая армия, состоящая из тяжелой римской конницы и артиллерии.

Велисарий полагался только на собственную смелость. Только смелость — и готовность Калоподия и менее двух тысяч катафрактов умереть, если потребуется, на острове от рук огромной армии малва, осаждающей Суккур. И снова сама смелость гамбита была единственным, что давало шанс на победу. По оценкам Велисария — и Калоподия, очевидно, с ним соглашался — командующий малва предположит, что силы на острове — это просто подразделение основной армии Велисария. Которая, такой напрашивается вывод, все еще стоит в Рохри.

Стоит, отдохнувшая, переформировавшаяся — и готовая воспользоваться преимуществом провала вражеского нападения на выставленный на острове отряд. Готовая перебраться через Инд и соединиться с персами, забаррикадовавшимися в Суккуре, и римскими силами Ашота к югу от города.

И снова заговорил Эйд, и снова успокаивающим тоном:

«К этому времени после Анаты, и дамбы, и Харка малва будут в ужасе от еще одной „ловушки Велисария“. Их командующий в Суккуре уставит на этот остров и глубоко задумается. И будет думать. Какая там скрыта ловушка? Он станет изучать остров и придет к выводу, что Калоподий — просто приманка. И — мудрый человек! — он решит, что лучше эту приманку не проглатывать».

Велисарий кивнул, одновременно отвечая и Эйду, и молодому офицеру, стоящему перед ним.

— Это сработает, — твердо сказал полководец, его тон выражал уверенность, которой он в действительности не чувствовал. Но...

Теперь Велисарий принял решение. Полные энтузиазма слова Калоподия убедили его в самом важном. Если у этого плана есть хоть какой-то шанс на успех, он сработает из-за смелости офицера, который претворял его в жизнь. И в то время, как часть души Велисария оставалась темной и мрачной при мысли о том, что он просит семнадцати, летнего парня

умереть, хладнокровный разум полководца знал правду. По какой-то странной причине, похороненной глубоко внутри человеческого духа, именно такие «мальчики» на протяжении истории доказали свою готовность умирать во имя. Чего — не суть важно.

Снова и снова они делали это, не счесть, сколько раз, где и когда. Не имело значения ни происхождение, ни воспитание. Такие «мальчики» показали себя в варшавском гетто и на ушедшей под воду дороге на Шилох⁵¹. Словно на пороге взросления они чувствовали себя обязанными доказать, что имеют право называться мужчинами, хотя на самом деле никто никогда не бросал им вызов — за исключением их самих, в туманных и полных опасения нишах своих собственных душ. Велисарий вздохнул.

«Пусть будет так. Мне самому было семнадцать лет, — Его холодный взгляд переместился на ландшафт острова. Велисарий вспоминал себя. — И я бы с готовностью сделал то же самое».

Оставалось только заточить жертвенный нож. Велисарий собрался с духом и заговорил:

— Помни, Калоподий. Обескровь их. Если они придут, выпусти им кишки до того, как умрешь. — Его тон был таким же суровым, как и слова. — Конечно, я надеюсь, что они не придут. Я надеюсь, что поддельные пушки и постоянное передвижение того малого количества войск, которое есть, убедят малва, что мои основные силы все еще находятся здесь. Того количества орудий и людей, что я тебе оставляю, будет достаточно, чтобы отразить любые пробные вылазки. А после того, как сюда доберется Менандр с «Юстинианом», любая атака малва через реку будет отбита. Но...

— Если они пойдут в атаку до того, как сюда прибудет Менандр, то от нас ничего не останется, — закончил Калоподий. — Но им будет нелегко, если мы станем удерживать позиции. Не забывайте: мы захватили или разрушили большую часть их судов во время сражения на переправе. Поэтому они просто не могут нахлынуть на меня одной массовой атакой. Им придется поработать.

Он пожал плечами.

— Это война, командир. И в любом случае, нельзя жить вечно. Но если они придут, я обескровлю их. Я и константинопольские катафракты, которых вы оставляете, — Его молодой голос звенел уверенностью. — Вероятно, мы не сможем их сломить — если они бросят в атаку приличные силы, — но мы сильно их потрепем. Достаточно сильно, чтобы предоставить вам те несколько дней, которые требуются. Это я могу обещать.

Велисарий колебался, пытаясь придумать, что добавить. До того как он смог что-то сформулировать, некий звук заставил его повернуть голову.

Подошел Маврикий. Хилярх посмотрел на него и на Калоподия. Его глаза были такими же серыми, как борода.

— Ты согласился, парень? — спросил он. После того как молодой офицер кивнул, Маврикий фыркнул. — Чертов дурак.

Однако Маврикию тоже когда-то было семнадцать, ин шагнул вперед и положил руку на плечо Калоподия.

— Это очень слабая надежда, как ты знаешь. Но, как я предполагаю, каждый человек по крайней мере раз в жизни должен сделать что-то подобное. И если по какому-то нелепому стечению обстоятельств ты выживешь — у тебя будет право хвастаться всю оставшуюся жизнь.

Калоподий улыбнулся.

— Кто знает? Может, даже моя тетя прекратит называть меня «этот бесполезный сопляк».

Велисарий рассмеялся. Маврикий хитро посмотрел а парня.

— Это может оказаться не таким благословением, как тебе представляется. Она может начать приставать к тебе вместо конюхов.

⁵¹ Шилох — город в древней Палестине, теперь в Иордании.

Калоподий поморщился, но быстро нашелся.

— Не проблема! — объявил он. — Я получал отличные оценки как по риторике, так и по грамматике, я уверен, что смогу отразить попытки виновной в кровосмешении совратительницы.

Но определенное беспокойство оставалось у него на лице, и именно оно в конце концов позволило Велисарию смириться с мрачным цинизмом плана. Было что-то странно успокаивающее в зрелище семнадцатилетнего мальчика, которого больше беспокоила перспектива отдаленной социальной неловкости, чем гораздо более близкая перспектива собственной смерти.

«Вы — странная форма жизни, — заметил Эйд. — Я иногда размышляю, не является ли термин „интеллект“ высшим оксюмороном⁵²».

Велисарий, последовав примеру Маврикия, сам пожал плечо парня и широкими шагами отошел прочь, чтобы начать подготовку к маршу. Когда он отдавал новые приказы, часть его сознания рассматривала замечание Эйда. И он пришел к выводу, что часто юмор служит оболочкой разумности.

«Да, правильно. Разумное животное в конце концов понимает предопределенность своей собственной смерти. Поэтому обоснованно, что его мыслительный процесс несколько... какое слово лучше подходит?»

«Таинственен», — тут же пришел ответ.

Два дня спустя Велисарий и его армия вышли из своих полевых укреплений рядом с Рохри. Они оставили три пушки с обслуживающими их артиллеристами и тысячу катафрактов Ситтаса на острове среди новых, быстро воздвигнутых укреплений. И еще оставили позади, в самом Рохри, всех раненых. Многие из этих людей умрут от ран в течение нескольких следующих дней или недель. Но большинство — возможно, шестьсот или семьсот человек — были достаточно здоровы, чтобы обеспечить Калоподия войсками, которые ему требовались для поддержания впечатления, что Рохри все еще занят армией Велисария.

Они вышли вскоре после полуночи, используя лунный свет, чтобы отыскать дорогу. Как знал Велисарий, его солдатам придется двигаться медленно, чтобы не создавать шума. Ведь если малва услышат их, то поймут, что происходит перемещение большой группы войск. Вдобавок Велисарий хотел — ему требовалось — оказаться полностью вне поля зрения врага к рассвету.

Конечно, даже при самых лучших условиях тяжелая конница и полевая артиллерия производят изрядно шума. А плохая видимость (как-никак была ночь) едва ли могла называться этим «самыми лучшими условиями». Тем не менее Велисарий считал, что ему может удастся это маневр. Первой двинулась кавалерия, пока артиллеристы Григория добавляли огонь своих пушек к огню орудий Калоподия. По приказу Велисария они стреляли по отдельности, а не залпами. Бесперывная канонада, как он думал, послужит неплохим прикрытием для производимого конницей шума.

Затем, чуть позже, станет отводить свои орудия Григорий. Отводить по одному за раз, следуя за ушедшей кавалерией, оставляя остальные для продолжения стрельбы, пока постепенно не уйдут все. словно бы Велисарий медленно понимал, что артиллерийский обстрел ночью — плохой способ атаковать невидимого и отдаленного врага, сидящего в траншеях позади полевых укреплений. В конце останутся только три орудия Калоподия и они будут стрелять до тех пор, пока курьер, который переберется на остров на одной из небольших лодок, не скажет Калоподию, что его командующий преуспел на первом этапе своего великого маневра.

⁵² Оксюморон — сочетание противоположных по значению слов, например «живой труп». Буквальный перевод слова *oxymoron* с греческого — остроумно-глупое.

Конечно, эта пальба будет стоить Велисарию большого количества драгоценного пороха. Но ему удалось сохранить все специальные боеприпасы, которые нужны были для митральез и мортир, и большую часть патронов для снайперов. И он был уверен, что у него будет достаточно пороха, чтобы хватило пушкам против любого врага, какого он встретит во время марша к Чинабу. Останется ли много пороха в итоге, чтобы отражать неизбежную контратаку малва после того, как он поставит свои полевые укрепления у места ответвления Чинаба...

«Беспокойся об этом, когда придет время», — сказал он себе. Тем не менее, несмотря на суровый укор, он не мог не повернуться в седле и не уставиться в темноту над Индом.

Теперь он смотрел на юго-запад, а не по направлению к пушкам, стреляющим на реке. Пытаясь, каким бы бессмысленным ни было усилие, найти Менандра где-то в черноте. В конце концов, успех кампании Велисария будет зависеть от еще одного молодого офицера. Точно так же, как рассчитывал на смелость и находчивость Калоподия и то, что парень скроет уход его армии от врага, Велисарий зависел от энергии и компетентности Менандра. От того, организует ли он поставку всех необходимых войскам припасов, чтобы этот смелый маневр стал чем-то большим, чем азартная игра.

Возможно, странно, но он находил некоторое успокоение в размышлениях. Если Велисарий был готов приговорить одного молодого человека к смерти, он мог хладнокровно, со всей готовностью, отдать свою судьбу в руки другого. На протяжении жизни Велисарий твердо убедился, что успех полководца в конечном счете зависит от способности собирать вокруг себя лидеров. Теперь, когда он, возможно, сделал самую смелую ставку в своей карьере, он с немалым удовлетворением думал, что готов поставить на кон свою жизнь на собственные методы командования.

«Взявшись за гуж, не говори, что не дюж. Держись тех людей, что привели тебя сюда. Знай, на что ставить».

И так Велисарий повторял себе, пока направлял лошадь по освещенному лунным светом ландшафту. Он вспоминал разные пословицы и поговорки. Некоторые из них он знал давно, другим его научил Эйд, демонстрируя картины будущего.

На протяжении всего марша Эйд молчал. Но Велисарий подумал, что различает легкий след удовлетворения, исходивший от кристаллической сущности. Словно Эйд тоже находил утешение в соответствии действий и слов.

Далеко на юго-западе, у одного из многочисленных поворотов Инда, Менандр сидел в трюме «Юстиниана». Он ругал рок и фортуны и — в особенности! — бывшего императора, на которого ругательств не хватало.

— Будь проклят Юстиниан и его чертовы изобретения! — рявкнул он, гневно глядя на паровой двигатель и греческих ремесленников, которые судорожно над ним работали. Его собственные руки были покрыты маслом вплоть до локтей, и ругательство было скорее ритуальной формальностью, чем выражением чувств. В конце концов, проклятая штукавина сломалась не в первый раз. А судя по прошлому опыту...

— Вот оно, — сказал один из ремесленников и выпрямился. — Теперь снова все должно быть в порядке. То же самое жалкое, глупое, проклятое...

Менандр перестал вслушиваться. До того как ремесленник закончил длинный перечень эпитетов, Менандр вылез на палубу и начал отдавать приказы, чтобы продолжить путешествие вверх по реке.

Десять минут спустя, во время изучения речных барж, которые тянули за собой «Юстиниан» и «Победительница», настроение Менандра значительно улучшилось. Даже в лунном свете он видел, что флотилия хорошо продвигается вперед. Гораздо лучше — гораздо, гораздо лучше, — чем могли бы любые галеры, которые гребли бы против течения великой реки. И четыре грузовых судна, которым требовалась минимальная по количеству людей команда, несли гораздо больше припасов — гораздо, гораздо больше, — чем могло бы

в пять раз большее число галер.

Он поднял глаза и посмотрел в темноту на юге. Где-то там, во многих милях позади, двигается вверх по реке гораздо большая флотилия парусных судов и несет людей и припасы для Ашота. Но от муссонов теперь практически ничего не осталось, и парусники продвигались немногим быстрее, чем Бузес и Кутзес, ведущие основные римские силы вдоль по берегу.

Тем не менее они не бездельничали и не тратили время попусту. Они двигались так быстро, как могла любая огромная армия, состоящая преимущественно из пехоты. Пятнадцать миль в день, по оценкам Менандра. И Бузес с Кутзесом, когда он их оставил, были уверены, что смогут поддерживать этот темп на протяжении всего марша.

— Три недели, — пробормотал Менандр себе под нос. — Через три недели они будут у Суккура. А после того, как до Суккура доберется пехота, с малва будет покончено. Если Хусрау и Ашот смогут продержаться столько времени, Бузес и Кутзес словно молот ударят по суккурской наковальне. У малва не останется выбора, кроме как отступить назад в Пенджаб.

Он мысленно представил это отступление. Теперь он практически мурлыкал:

«Им придется отступать двести миль. Когда за ними идут наши основные силы, когда им блокирует путь Велисарий, — возможность того, что Велисарий может не дойти до Чинаба, даже ни разу не пришла в голову Менандру. — А мы с Эйсебием ударим по ним с реки при помощи „Юстиниана“ и „Победительницы“. И „Фотия“, который прибудет позже».

Менандр любовно похлопал по толстой деревянной обшивке нового парохода. В соответствии с последним посланием, полученным Бузесом и Кутзесом по телеграфной линии, которую те тянули следом за собой, корабль-брат «Юстиниана» добрался до Бароды и уже заходил в Инд. И тащил за собой еще одну партию ценных поставок на фронт.

— Отличные корабли! — воскликнул Менандр, обращаясь к далекой луне, которой ни до чего не было дела.

После рассвета на следующее утро Менандр громко жаловался поднимающемуся солнцу. Но в этот раз — просто на капризы судьбы, а не сумасшествие далекого Юстиниана с его навязчивыми идеями о модернизации всего, до чего можно дотянуться.

В пятый раз после начала путешествия «Юстиниан» сел на мель. В то время как лоцман должным образом зафиксировал существование наносного песчаного острова на картах, которые делала экспедиция для тех, кто пойдет после них, Эйсебий стянул «Юстиниана» с мели при помощи «Победительницы», двигатель которой работал на полную мощность. После того как «Победительница» преуспела, стягивая с отмели корабль Менандра, собственный двигатель «Юстиниана» сделал все остальное.

Через несколько минут, когда препятствие было преодолено, а грузовые баржи осторожно от него отведены, настроение Менандра снова стало солнечным.

Таким же было настроение и старшего лоцмана.

— Хорошо, что старый император спроектировал эту штуку так, что она может давать задний ход, — весь флот Менандра традиционно и с любовью пользовался термином «старый император», имея в виду слепого Юстиниана, ставшего теперь ремесленником. — Это странно, поскольку он никогда не планировал, что судно будет использоваться на реке.

Менандр скривился.

— Кто говорит, что он никогда не планировал пускать его по реке? — спросил он. Затем, покачивая головой твердо сказал: — Не надо недооценивать старого императора. Он — мудрый человек. Спроси любого, кого он когда-либо судил.

Лоцман серьезно кивнул.

— Да, да. Старого императора нельзя подкупить, чтобы он принял решение в пользу какого-то богатого дурня. А если попытаешься, это может стоить тебе головы.

С любовью лоцман похлопал по обшивке корабля и одобрительно посмотрел на одно из тяжелых орудий рядом.

— Это судно наведет божий страх на малва. Вот увидишь.

Менандр уже хотел было добавить пару лестных слов в адрес корабля, но его оборвал резкий свист.

— Снова! — заорал Менандр и побежал к люку, который вел вниз, к помещению с двигателем. — Проклятый Юстиниан и его чертовы изобретения!

То же самое поднимающееся солнце отбрасывало свет на армию Велисария, которая теперь уже далеко ушла от Инда.

— Да, мы определенно оторвались, — удовлетворенно сказал Маврикий. — Хотя люди устали после полуночи быстрого марша. Ты хочешь сегодня пораньше встать лагерем?

Велисарий покачал головой.

— Никакого отдыха, Маврикий. Не раньше того, как сядет солнце. Я знаю, что к этому времени солдаты будут измождены, но они справятся с этим.

Он даже не побеспокоился оглянуться туда, где оставил двух молодых людей нести груз, гораздо более тяжелый, чем следовало бы складывать на их плечи.

— Подгоняй солдат, Маврикий, — проворчал он. — К тому времени как мы доберемся до Чинаба, я хочу, чтобы все люди в этой армии ругали меня денно и нощно. — Маврикий улыбнулся.

— Думаешь, они выместят гнев на малва? — Он улыбнулся шире. — Наверное, ты прав.

Глава 31

КАМБЕЙСКИЙ ЗАЛИВ

Осень 533 года н.э.

— Завтра вы ударите по малва в Бхаруче, — прошептал Эон.

Голос умирающего царя, несмотря на всю слабость, не дрожал, и сам негуса нагаст ничуть не колебался. Ни у кого из людей, собравшихся в царской каюте на флагманском корабле, не возникло трудностей с пониманием его слов. Там собралось все высшее командование морского аксумского флота. Если они и склонялись вперед на своих стульях, сжимая руками колени, но не потому, что напряженно прислушивались. Просто из глубокого уважения. Антонина, наблюдая за ними со своего места, ближе к задней части каюты, обнаружила, что борется со слезами. Теперь, в конце короткой жизни, вся неугомонность и буйство молодого принца исчезли. Осталось достоинство негусы нагаста Аксумского царства.

Эон в это мгновение напоминал ей своего отца, царя Калеба, который тоже погиб — и тоже был убит малва. И не просто потому, что его лицо, осунувшееся от боли и измождения, заставляло юношу выглядеть гораздо старше, чем он был на самом деле. У Калеба не было живого ума его младшего сына, но тот человек источал ауру царственной власти. Как и Эон теперь, перед тем как потеряет и власть, и саму жизнь.

— Вы полностью разрушите их флот. Как торговые суда, так и военные.

Слова, произносимые сухим и хриплым голосом Эона, слегка сливались. Но это нисколько не отвлекало от их смысла. Из-за этого слова царя напоминали расплавленное железо, выливаемое в формы. Ему нельзя отказать, нужно просто принять. Командующие сарвами торжественно кивнули.

— Вы разрушите причалы. Разрушите верфи. Сожжете и разрушите всю гавань.

И снова последовали торжественные кивки.

Эон слегка изменил положение на постели, откинувшись на подушки. Однако на его лице не отразилось и следа боли, которую, вероятно, вызвало движение. Его лицо казалось выточенным из монолитного камня.

И, как знала Антонина, скоро так и будет. Как и в случае Вахси в прошлом году, аксумские сарваны превратят эту глупую смерть в легенду. До того как пройдет год, — она

совершенно не сомневалась, — лицо Эона будет высечено в камне по всему Аксумскому царству. И выткано на шпалерах Йемена и Хиджаза.

— Я так приказываю, — сказал Эон. — Пусть даже военно-морской флот Аксумского царства будет разрушен в процессе — но я так приказываю.

Он сделал глубокий вдох, от которого содрогнулся, и продолжил:

— Наши люди смогут построить новые суда и воспитать новых сарвенов. Но только при условии, что Велисарии будет предоставлено время, чтобы сломить малва. И это время можем дать ему только мы, прижавшие малва к земле. — Потом он заговорил медленнее и с большим трудом: — Если мы им позволим, даже один раз, высвободиться и уйти в море, спина римлян окажется открытой.

Головы сарвенов покорно склонились. Эон мгновение наблюдал за ними, словно заверяя себя в их верности, перед тем как продолжил.

— Бхаруч — это ключ. Это — единственный большой порт, который остался у малва на западном побережье. Разрушите огромный флот, разрушите гавань... — вместе со словами из горла Эона начало вылетать неприятно сипение. — И к тому времени, как малва смогут восстановить влияние на море, меч Велисария уже окажется у их шеи. Будущее Аксумского царства будет обеспечено, даже если не останется ни одного живого моряка, чтобы это увидеть.

Эзана откашлялся. Другие командующие сарвами повернули головы, чтобы посмотреть на него. Официально Эзана являлся просто одним из многих командующих саравита. Но на протяжении последних двух лет он стал «первым среди равных». Он и великий герой Вахси были личными телохранителями Эона, не так ли? Сына Эона называли в честь Вахси, а Эзана являлся командующим царским полком, к которому принадлежал сам Эон. И станет принадлежать маленький Вахси после того, как умрет его отец.

— Это будет сделано, негуса нагаст. Даже если этот флот будет уничтожен в процессе.

Последние слова Эзаны эхом повторили все командующие полками:

— Даже если этот флот будет уничтожен в процессе.

— Именно так, — добавил Усанас.

Аквабе ценцен, как и всегда, сидел в позе лотоса на полу. Теперь он распрямил ноги и встал со всей своей неподражаемой грациозностью. Затем слегка опустил плечи и положил руку на лоб Эона.

— Это будет сделано, негуса нагаст. Не сомневайся. А теперь ты должен отдохнуть.

— Пока нет, старый друг, — прошептал Эон. — Есть еще одно дело, которое нужно успеть сейчас. — Его темные глаза переместились на единственную женщину в каюте. — Пройди вперед, Антонина.

Антонина почувствовала напряжение. Опасения волной нахлынули на ее разбитое сердце. Эон мало разговаривал с ней с тех пор, как пришел в сознание после сражения в Чоупатти. Но она была уверена, на какую тему он будет сейчас говорить.

«Только не это, Эон! Ты не можешь просить меня — твою мать во всех смыслах, кроме биологического — это сделать! Что угодно, но только не это!»

Эон ни на секунду не сводил с нее взгляд. Медленно стараясь, чтобы ее нежелание не проявилось внешне, Антонина подошла к кровати, на которой лежал умирающий царь.

Однако когда она встала рядом с Усанасом, Эон, казалось, ушел глубоко в себя. Антонина на мгновение почувствовала облегчение. Глаза негусы нагаста переместились на Эзанау.

— В конце концов, я — солдат сарва Дакуэн. Поэтому я буду участвовать в сражении, Эзана. Я требую у тебя этого права, как у моего командующего и как у моего подданного.

Глаза Эзаны немного округлились. Ветеран многих боев, сарвен прекрасно знал, что Эон, вероятно, умрет до начала сражения. Он определенно не сможет даже стоять, не то что держать оружие.

Но затем, словно между ними прошел какой-то мистический сигнал, Эзана с серьезным видом кивнул.

— Не сомневайся, негуса нагаст. Эон Бизи Дакуэн поведет нас к победе в Бхаруче, точно так же, как вел нас в Чоупатти.

Этот обмен фразами поставил Антонину в тупик, но у нее не было времени размышлять. Теперь взгляд Эона был прикован к ней. Момент, которого она так боялась, настал.

— После моей смерти династия будет в опасности, — хрипло сказал Эон.

Антонина с трудом промолчала. За своей спиной она почувствовала, как напряглись командующие саравита. Эон теперь впервые указал на огромную тень, висевшую надо всеми после его смертельного ранения.

К ее удивлению, Эон рассмеялся. Казалось, от этого усилия его тело изогнулось от боли, хотя веселое выражение не ушло с лица.

— Ты только посмотри на них, — наполовину выдохнул он. — Словно святые, обвиненные в грехе.

Он замолчал и слегка откашлялся. Затем продолжил очень твердо:

— Это правда, и все здесь присутствующие это знают. Мой сын — почти младенец, а его мать — арабка. Царица из Мекки, правящая Аксумским царством? Когда каждый аксумит с подозрением отнесется к амбициям ее семьи? И каждый сарв будет смотреть на остальных с той же долей подозрения?

Мгновение Эон холодно и гневно смотрел на командующих полками. Никто из них, за исключением Эзаны, не мог долго выдерживать этот взгляд. Через несколько секунд они уже смотрели в пол.

— Правда! — заявил Эон. — Я знаю это. Вы знаете это. Все знают это.

Он сделал паузу и с усилием вдохнул воздух.

— Я этого не потерплю. Во-первых, потому, что Рукайя — моя жена, а Вахси — мой сын, и они дороги мне. Я не хочу для моих жены и ребенка судьбы родственников Александра Македонского. Во-вторых, потому, что Аксум стоит на пороге грандиозного будущего, и я не хочу, чтобы моя империя рухнула из-за моей глупой ошибки. — Он снова закашлялся и снова стал судорожно хватать воздух.

— Пусть династия выживет — выживет и будет процветать — и моя ошибка превратится в великолепную легенду. — Ему удалось слабо улыбнуться. — Как, я подозреваю, обычно и бывает с легендами. Но если позволить ей рухнуть... — Он больше не мог бороться с болью, и она исказила его черты. — То все это было впустую, — прошептал он. — Диадокси⁵³ заново возродятся в Аксуме и наша империя, как империя Александра, окажется разорванной на части.

Теперь силы стремительно покидали царя, и это видели все. Эзана откашлялся.

— Скажи нам о своем желании, негуса нагаст. — На мгновение его взгляд метнулся по сторонам. — Мы — я, по крайней мере, — проследим, чтобы оно было исполнено.

На мгновение Антонина почувствовала прилив надежды. Она задержала дыхание. Но затем, увидев, как Эон слегка покачал головой, почувствовала, что дрожит

«Нет! Не это!»

— Я слишком слаб, — прошептал Эон. — Слишком. Нет, дело не в замешательстве, нет. Но я не могу думать достаточно четко. Все слишком сложно, слишком трудно. И...

И снова он замолчал и закашлялся.

— И, если говорить по правде, я не могу думать ни о чем, кроме как о моей любви к Рукайе и Вахси. Только самый острый ум сможет найти путь в этом тумане. И только тот, чья беспристрастность и мудрость признаны всеми.

Когда командующие полками наконец поняли Эона, то их взгляды переместились на Антонину. Мгновение спустя, увидев их кивки — кивки согласия, даже облегчения, —

⁵³ Диадокси — военачальники-наследники империи Александра Македонского, один из которых (Птолемей) стал впоследствии основателем одноименной династии.

Антонина поняла, что возражать невозможно.

Она уставилась на Эона. В его темных глазах не осталось ничего величественного. Это был просто просящий маленький мальчик, который смотрит на свою мать — снова и в последний раз — ищет в ней спасение и надежду.

Антонина откашлялась. Затем, к своему удивлению, ей все-таки удалось заговорить относительно спокойным голосом:

— Я сделаю это, Эон. Я прослежу за безопасностью твоей жены и сына, и всей династии. Я проверю, чтобы твоя смерть была не зря. Не будет никаких диадохов, захватывающих власть с Аксуме или Асэбе. Твое наследие не разрушат никакие амбициозные полководцы и строящие заговоры советники.

Ее взгляд переместился с умирающего царя на командующих сарвами. В нем читалось спокойствие, холодное спокойствие, твердое, как алмаз.

— Ты можешь быть в этом уверен.

— Уверен, — эхом повторил Усанас. Его огромные могучие руки были скрещены на не менее могучей груди. Он не предпринимал усилий, чтобы скрыть собственный гнев. И ничто в этом взгляде даже отдаленно не напоминало спокойствие. Если только это не было спокойствие, с которым лев изучает свою добычу.

— Уверен, — повторил Эзана, его голос звучал так же резко, как голос аквабе ценцена. Эзана даже не посмотрел на других командующих полками. Он смотрел только на царя. Эон, совершенно ясно, вот-вот опять потеряет сознание. Эзана поспешил произнести следующие слова:

— Негуса нагаст назначил римлянку Антонину надзирать над переходом власти в Аксуме. Я выступаю свидетелем. Кто-то посмеет бросить мне вызов?

Молчание. Эзана позволил ему длиться секунду за секундой, и ничто не нарушило тишину.

— Кто-нибудь? Какой-либо командующий какого-то полка?

Молчание. Затянувшееся, непрерываемое.

— Пусть будет так. Это будет сделано.

Казалось, негуса нагаст кивнул. Возможно. Затем он закрыл глаза и его тяжелое дыхание стало более спокойным.

— Царю требуется отдохнуть, — объявил Усанас. — Аудиенция закончена.

Когда ушли все, за исключением Антонины и Усанаса, женщина слабо прислонилась к стене каюты. Слезы медленно потекли у нее по щекам.

Она затуманенным взором встретила с полными грусти глазами Усанаса.

— Я женила его, Усанас. Нашла ему жену и первая показала ему его сына. Как я могу?..

Почти со злостью Усанас смахнул рукой слезы

— Я не пожелал бы тебе этого, Антонина, — сказал он тихо. — Но Эон прав. Империя может развалиться на части — и действительно развалится, если нет твердой руки, чтобы провести ее сквозь эти тяжелые времена и никто, кроме тебя, не может обеспечить эту руку. Мы все остальные — как аксумиты, так и арабы — слишком заинтересованные лица. Аксумиты боятся, что родственники Рукайи станут слишком могущественными и будут пытаться принизить арабов. Они начнут ругаться друг с другом относительно того, какой полк и какой клан должен стать главным. Арабы, с новыми надеждами на лучшее место, будут бояться понижения до вассалов и начнут готовить восстание.

— Ты не араб и не аксумит, — возразила Антонина. — Ты мог бы...

На лице Усанаса появилась прежняя улыбка.

— Я? Дикарь с озер?

— Прекрати! — рявкнула Антонина. — Никто так не думает — и не думал много лет — даже ты сам! И ты это знаешь!

Усанас покачал головой.

— Нет, на самом деле, нет. Но это едва ли имеет значение, Антонина. Как минимум

моя умудренность и знания вызовут у всех еще большие подозрения. Чего же хочет этот странный человек? Он даже читает философские книги!

Снова мелькнула улыбка.

— А ты сама стала бы доверять кому-то, кто может анализировать софизмы Алкивиада⁵⁴?

Антонина устало пожала плечами.

— Ты не Алкивиад. И никто в это не верит. — Ей самой удалось изобразить подобие улыбки. — И вообще я сомневаюсь, что тупоголовые и практичные сарвены вообще знают, кто такой Алкивиад. Но дело вовсе не в нем. Я не верю, что в Аксумском царстве или Аравии есть хотя бы один человек, кто верит, что Усанас — хитрый, двуличный авантюрист, который преследует только собственную выгоду.

Усанас пожал плечами.

— Это — нет. Я считаю, что мне доверяют. Но вопрос не в доверии, Антонина. Да и проблема-то не в предательстве. Это просто... замешательство, неуверенность. Туман, в котором каждый человек начинает задумываться о своей судьбе и беспокоиться, а затем... — Он вздохнул. — А затем начинает плести заговоры, и лгать, и искать собственную выгоду. Давить, чтобы получить преимущества. Не из-за предательства и государственной измены, а просто из страха.

Антонина попыталась возражать, но не смогла. Усанас был прав, и она это знала.

— Только ты, Антонина, достаточно далека от складывающейся ситуации. Тебя ничего не связывает с Аксумом, кроме уз верности и разума. Люди могут мне доверять, но они никогда не станут доверять моим суждениям. В то время, как они станут доверять суждениям — и постановлениям — вынесенным тобой. Как они и делали раньше.

У Антонины опустились плечи. Усанас подошел к ней и обнял. Теперь ее слезы катились по его груди.

— Я знаю, — прошептал Усанас. — Я понимаю. Ты будешь чувствовать себя подобно паучихе, которая плетет паутину из савана собственного сына.

И теперь, после того как все это было произнесено, Антонина начала рыдать. Усанас гладил ее по волосам.

— Ах, женщина, ты никогда не была охотницей. Я провел много часов, ожидая в чащобах свою дичь, и много изучал паутину. По правде говоря, в мире нет ничего более красивого. Нити тонкие, но прочные, и разве имеет значение, как они получились? Все, что существует на свете, сделано из самого простого вещества. Но тем не менее оно здесь и оно прекрасно.

Сражение у Бхаруча началось на следующий день ранним утром. Когда аксумские галеры вошли в гавань за ними следовало несколько римских боевых кораблей. Защитники города ждали их и были настороже. Здесь никто не удивился. Аксумский флот плыл вперед не как львица, выпрыгивающая из засады, а в слоновьем, почти царском приступе ярости.

Уверенный в своей мощи, непредсказуемый в гневе, не замечающий любое сопротивление. На палубе каждой галеры выбивали ритм разрушения барабаны. Сарвены на веслах поддерживали этот ритм своими собственными песнями мести. Командующие, стоя рядом с установленными на носах кораблей пушками, держали в руках копья и время от времени потрясали ими, обещая врагу скорую смерть.

А на огромном флагманском корабле малва, глядя сквозь подзорные трубы, смогли увидеть командующего флотилией. Они не сомневались: самого царя. Кто еще во время сражения будет сидеть на троне, одетый в лучшие одежды? Солнце играло на железном наконечнике его украшенного жемчугами и обернутого золотыми пластинами копья.

⁵⁴ Алкивиад (450-404 гг. до н.э.) — афинский политический деятель и полководец. Воспитанник Перикла и ученик Сократа. Софизм — формально кажущееся правильным, но ложное по существу умозаключение, основанное на преднамеренно неправильном подборе исходных положений.

Командующие неуверенно посмотрели на своего начальника, Венандакатру Подлого, гоптрия Деканского плоскогорья. Он находился на крепостном валу гавани и гневно смотрел на приближающуюся вражескую флотилию глазами рептилии. Вялой тонкой рукой он ударил по огромному осадному орудию, рядом с которым стоял.

— Стреляйте по ним, как только они окажутся в радиусе действия, — приказал он. — Вскоре этот флот весь превратится в плавающие обломки, мусор на воде. Дураки!

Офицеры переглянулись. Затем самый старший, чуть поморщившись, откашлялся и сказал:

— Гоптрий, я считаю, что следует вызвать Дамодару. Скоро нам потребуются раджпуты, а им нужно несколько часов, чтобы вернуться в город. Даже если ты вызовешь их немедленно.

Венандакатра злобно сплюнул.

— Раджпуты? Раджпуты? — Он указал на гавань пальцем, дрожа от ярости и негодования. — Это просто флот, ты, идиот! Какая польза от конницы раджпутов? — И он снова ударил рукой по стволу орудия. — Утопите их — этого достаточно!

Офицер колебался. Вызывать гнев Подлого было опасно.

Его взгляд вернулся на вражеский боевой корабль. Но командующему и раньше приходилось сражаться с аксумитами, и... в этом барабанном бое он чувствовал ярость и чувствовал, что готовил им вид царственной особы на флагманском корабле.

— Они не остановятся, гоптрий. Это не диверсионная группа. Это армия, нацеленная на разрушение. Они смирятся с потерями и войдут в гавань. А тогда...

Венандакатра плевался от ярости, но командующий продолжал говорить. В конце концов, он был кшатрием, а их воспитывали смелыми даже в землях малва. Командующий расправил плечи.

— Мне доводилось раньше сражаться с аксумскими моряками. Нам потребуются раджпуты.

Когда выстрелило первое орудие малва, не был дан сигнал начинать общий залп. Это был единичный выстрел, и снаряд упал в воду далеко от аксумитов. В конце концов, у человеческой плоти плохие аэродинамические характеристики. Венандакатра Подлый решил начать сражение у Бхаруча, выстрелив своим самым опытным командующим из ствола огромной пушки.

Звук пушечного выстрела удивил Антонину. Она поднял взгляд от книги и уставилась на все еще отдаленные крепостные валы, которые защищали флот, скрытый в гавани Бхаруча.

— Почему они...

Стоявший с другой стороны Усанас пожал плечами

— Полагаю, нервы. Этот выстрел не мог долететь до нас ни при каком раскладе. — Он дико рассмеялся. — Пусть Бог поможет командиру батареи. Уверен: Венандакатра накажет его.

Этот звук, казалось, привел в чувство и Эона. Он поднял опущенную до этого голову, и фахиолин, аксумский символ власти, коснулся специальной подпорки для головы, которой был оснащен огромный трон, установленный моряками на палубе флагманского корабля. На мгновение глаза Эона снова открылись.

Похудевшее, истерзанное болью тело — это все, что осталось от когда-то могучего мужчины после получения смертельной раны. Длинные одежды и императорские регалии, которые Эон не надевал со времени бракосочетания в Ктесифоне, скрывали его с головы до ног. Царя прикрепили к трону ремнями, чтобы он не свалился, точно так же, как и копье, которое он гордо держал в руке. Даже его кулак привязали к копыю полосками ткани. Что бы ни случилось, но Эон будет участвовать в этом сражении.

— Что?.. — пробормотал он.

— Ничего, негуса нагаст, — объявил Усанас. — Малва визжат в страхе. Ничего больше.

Эон с трудом кивнул. Затем, закрывая глаза, прошептал:

— Читай дальше, Антонина.

Глаза Антонины вернулись к книге. Мгновение спустя, отыскав нужное место, она продолжила перечислять подвиги древних воинов под стенами Трои. Эону всегда нравилась «Илиада».

Он не услышал конца истории. Возможно, час спустя, когда битва вошла наиболее яростную стадию, Эон снова пришел в себя и заговорил.

— Не надо больше, Антонина, — прошептал он. — Нет времени. Я навсегда покончил со сражениями. Читай другую.

Стискивая зубы, чтобы не зарыдать в голос, Антонина опустила «Илиаду» на палубу. Затем взяла другую книгу. Несколько секунд она стряхивала с нее покрывавшие обложку щепки. Пару минут назад пушечное ядро ударило по палубному ограждению флагманского корабля. Восемь аксумских моряков были убиты или серьезно ранены. Многие другие, включая саму Антонину, получили слабые повреждения от разлетевшихся во все стороны щепок.

Это был удачный выстрел. Эон был готов рисковать собой, но не Антониной и Усанасом. Поэтому он приказал флагманскому кораблю держаться в недосыгаемости для пушек малва. Но Венандакатра или понял, что потопление флагманского корабля повлияет на боевой дух аксумитов, или просто вышел из себя от ярости, а поэтому приказал сделать залп с перегруженными порохом снарядами. Одно из пушечных ядер попало по флагману. Четыре пролетели мимо. Последнее не перелетело крепостной вал — взорвалось само орудие, и погибла большая часть артиллеристов. От усилия, которое потребовалось, чтобы поднять тяжелый том, открылся порез на руке Антонины. Кровь снова начала сочиться сквозь повязку и пачкать страницы книги, когда женщина открыла ее. Это было плохо. Это была красивая книга. Но Антонина подумала, что это, возможно, подобающе.

Она начала читать Новый Завет. Евангелие от Марка было любимым у Эона, поэтому она выбрала именно его. Антонина читала медленно, осторожно, четко произнося каждое слово. И пока не дошла до самого конца, она ни разу не оторвала взгляд от книги, ни разу не посмотрела на сидящего рядом с ней царя.

Эон Бизи Дакуэн умер где-то на этих страницах, как понимала Антонина. Но никогда не узнала, когда именно. И до самого дня своей смерти она будет благодарить «пастыря доброго» за то, что позволил ей это блаженное незнание.

Глава 32

Венандакатра завопил, поднимаясь с кирпичной кладки, которая рухнула не более чем в трех ярдах от него. Гоптрий подвернул ногу и упал, у него перехватило дыхание. Когда он хватал ртом воздух, то как зачарованный смотрел на пушечное ядро, которое разбило кусок защитного укрепления Бхаруча. Уродливая металлическая штуковина, почти вся энергия которой была потеряна от столкновения со стеной, медленно катилась по направлению к нему. Затем, следуя небольшому уклону каменной платформы, поменяла курс, а потом исчезла из вида, свалившись с края стены. Секунду или две спустя Венандакатра смутно услышал, что ядро наконец успокоилось. Судя по звуку, оно упало на одного из солдат малва, которые находились в укрытии внизу.

Молча, все еще пытаясь привести в норму дыхание, Венандакатра выругал того солдата и наслаждался его смертью. Точно так же, как ругал всех солдат, прятавшихся рядом с ним, и всех остальных, не сумевших отразить атаки аксумитов и римскую канонаду.

Почти остекленевшие, его глаза теперь уставились на дыру, которую пушечное ядро

проделало в крепостном валу. Венандакатра поразился мощи орудия, из которого оно было выпущено. Он этого не ожидал.

А ему бы следовало — он ожидал бы именно этого, если бы обращал хоть какое-то внимание на советы Дамодары. Но Венандакатра, последний опыт которого в ведении военных действий на море имел место несколько лет назад, действительно не понимал, как быстро продвинулись вперед и малва, и их враги в создании огнестрельного оружия с начала войны. Он не помнил, чтобы боевые галеры были оснащены пушками. И логика подсказывала ему, что галеры, по природе своей, много пушек нести не могут.

Конечно, в этом он был прав. Как и все боевые галеры, снабженные пушками, аксумские суда несли только такое число орудий, какое могло поместиться на носу и корме. Давать «бортовой залп» было невозможно из-за наличия скамей для гребцов. И аксумские корабли, несмотря на то что проектировались для пересечения открытого моря под парусом, во время сражения в основном шли на веслах.

Поэтому, да, у них на каждом судне стояло очень немного пушек — в массе своей только четыре, две на носу и две на корме. И орудия не были особо мощными. Но у аксумитов был большой флот — и у них все еще оставалось много судов даже после того, как они прорвались сквозь залпы защищающих Бхаруч орудий. А римские корабли, которые шли после них, были спроектированы, чтобы давать бортовые залпы, и на них стояли мощные орудия. Венандакатра не был уверен, но думал, что с римских судов огонь велся из того, что его собственные артиллеристы называли «слоновьи ноги». Римляне, если он правильно помнил, называли их тридцатидвухфунтовыми пушками. По большей части римляне стреляли крупной картечью, предназначенной убивать людей, обслуживающих огромные орудия малва. Но они с равными интервалами стреляли и твердыми ядрами, и этих тяжелых шаров оказалось более чем достаточно, чтобы разбить крепостные валы, защищавшие батареи малва. Эти укрепления представляли собой работу старых каменщиков и были воздвигнуты давно, в эпоху старого ведения войны, то есть, в отличие от новых укреплений, не могли выдержать пушечный огонь, малва просто никогда не ожидала, что им придется защищать Бхаруч от такой атаки — по крайней мере, Венандакатра не ожидал, — поэтому гоптрий и не приказал построить новые стены для замены устаревших.

Теперь сражение шло уже несколько часов. Да, аксумиты потеряли много судов. Но даже эти потери использовались ими для своей пользы — и наполненная чистой яростью аксумская атака продолжалась. Если только корабль не разрушался полностью и не тонул в гавани, аксумские моряки загоняли свои поврежденные суда в центр стоящего на якоре флота малва. Затем, перепрыгнув через борта и приступив к абордажу, превращали собственные суда в плавающие зажигательные бомбы. Используя пушечный огонь с галер и эти плавающие факелы, аксумиты завершили разрушение военного флота малва и начали делать то же самое с торговым.

Теперь, когда опасность быть перехваченными галерами малва исчезла, римляне провели свои боевые корабли прямо перед защищающими гавань укреплениями и начали давать бортовые залпы с расстояния, не превышающего двести ярдов. Римляне были теперь так близко, что малва больше не могли опускать стволы огромных осадных орудий, чтобы ударить в ответ.

В этот момент, к изумлению Венандакаты, все оставшиеся на плаву аксумские галеры высадили моряков на причалы Бхаруча.

«Сумасшествие! Они спятили? Это же диверсионная группа! Они не могут надеяться взять один из величайших городов малва!»

Затем, когда моряки стали прорываться сквозь территорию, непосредственно прилегающую к гавани, поджигая все вокруг — верфи, склады, все, до чего доходили руки, — галеры отошли от причалов. И снова Венандакатра был шокирован. Несмотря на очень малое количество членов экипажа, аксумские боевые корабли повернули свои орудия на укрепления. Теперь аксумиты стреляли крупной картечью, очищая крепостные валы от солдат, а римляне били, словно молотом, по этим укреплениям своими огромными

железными ядрами.

«Почему? Почему? Даже эти орудия недостаточно большие, чтобы обрушить стены Бхаруча!»

Он был прав. Но снова Венандакатра недооценил ярость Аксума. Обрушить стены невозможно, но отколоть от них приличные куски — вполне. Что обнаружил и сам гоптрий. Аксумиты собирались нанести достаточный урон, чтобы обслуживающие орудия артиллеристы бросились бежать в укрытия.

В то время, как моряки в гавани, закончив свою разрушительную работу, начали штурм...

Венандакатра наконец понял правду. Да, аксумиты не могли взять Бхаруч. Но, ведомые этой почти самоубийственной яростью, которая все еще озадачивала гоптрия, они могли полностью разрушить город, рабочий порт и морскую базу. Они не остановятся, пока не штурмуют укрепления и не выведут из строя осадные орудия. Даже если половина моряков умрет в процессе. Теперь Венандакатра пришел в панику. Он с трудом выпрямился. Все еще пытаясь привести в норму дыхание, он, шатаясь, направился к ступеням, которые вели в город вниз. Он знал, что аксумские моряки скоро придут — и знал, что его жалкие артиллеристы имеют не больше шанса отразить нападение этих бездушных сумасшедших, чем дети — стадо бегущих слонов. «Дамодара! И его раджпуты! Только они...» Венандакатра почувствовал облегчение, увидев, что носильщики его паланкина преданно оставались на посту. Несмотря на очевидный страх, они не убежали в поисках укрытия где-то в глубине города. Он отплатил им ругательствами, врезал старшему ремненной плетью и забрался внутрь паланкина.

— Во дворец! — завизжал он. — Если кто-то из рабов упадет, я посажу его на кол!

Так получилось, что один из них все-таки упал. Неизбежно некоторые из римских орудий стреляли гораздо дальше интересующих их целей, так что железные ядра и картечь падали на улицы Бхаруча. Одно такое ядро, попав в стену дома — случайно, но под идеальным углом, — обрушило переднюю часть здания на улицу. Носильщики были вынуждены перебираться через завал с неудобной ношей, и один из них сильно подвернул ногу.

К счастью, хотя Венандакатру сильно покачнуло в паланкине, он едва ли это заметил. Частично потому, что собственный ужас заставлял гоптрия не замечать внезапный страх рабов. Однако по большей части потому, что он был занят, ругая все современные технологии и приспособления, которые на протяжении многих лет с такой готовностью принимали малва.

Когда-то при нем постоянно дежурили курьеры на лошадях, готовые отвезти послания гоптрия куда угодно, ко всем его подчиненным — а Дамодара все еще формально являлся его подчиненным, даже если власть Венандакаты над полководцем в реальности была крайне слаба.

Но Дамодара бы пришел, в ответ на послание, переданное курьером. В этом Венандакатра несколько не сомневался. Несмотря на то что Венандакатра ненавидел маленького военачальника, он не сомневался ни в его смелости, ни в его компетентности.

И Дамодара придет, после того как Венандакатра сможет его вызвать. Но теперь единственным доступным для этого способом, к сожалению, являлся телеграф, который соединял дворец Венандакаты с полевым лагерем Дамодары, находившимся вверх по течению Нармады. Великолепное, почти магическое приспособление, которое Линк принес малва из будущего.

Пока носильщики с трудом пробирались ко дворцу, тяжело дыша от усталости, Венандакатра продолжал молча ругать новую технику. С опозданием он понимал, что само великолепие всех этих изобретений скрывало их внутренние слабости. Люди дешевы и их много, а техника — нет. В старые времена у него было бы много курьеров. Сегодня имелось всего несколько телеграфных линий.

На самом деле, только две — соединяющая Бхаруч с лагерем Дамодары и идущая через горы Виндхья в столицу империи Каушамби. Бандиты Рао осознали важность этих новых проводов, которые тянулись через Махараштру. Поэтому, где бы они ни орудовали — а орудовали они везде на тех труднопроходимых территориях, которые называли «Великой Страной», — восставшие перерезали провода.

Нет, даже больше, чем просто перерезали! Медь стоила дорого, а грязные маратхи были прирожденными ворами. Поэтому, пока Венандакатра не прекратил даже пытаться поддерживать телеграфные линии где-либо, кроме мест, которые могли патрулировать надежные раджпуты Дамодары, восставшие маратхи просто крали провода и наполняли сундуки бандита Рао — его и шлюхи Шакунталы — ценностями малва.

На несколько приносящих удовлетворение минут Венандакатра прекратил ругать технику, чтобы наградить различными эпитетами Рао и Шакунталу. Но достаточно скоро это развлечение наскучило ему, и он вернулся к проклинанию телеграфа, который никогда не будет проклят в достаточной мере.

Потому что основная проблема заключалась в том, что само человечество являлось гнусным и отвратительным созданием. За исключением нескольких избранных, которые начинали — только начинали — выковырывать новое и более чистое племя, все люди были вылиты в презренной форме маратхи. Все люди — воры, если говорить по правде.

Поняв это, Венандакатра, естественно, предпринял определенные шаги, чтобы защитить ценный телеграф. Он охранялся днем и ночью, и гоптрий разрешил установить в городе только одно такое приспособление — рядом со своими личными покоями во дворце, чтобы грандиозность его династии не загрязнялась всевозрастающим воровством.

Теперь они практически подошли ко дворцу. Ярость и шум, пламя и дым сражения в гавани теперь остались далеко, в двух милях позади. Венандакатра склонился вперед и принялся хлестать носильщиков ременной плетью.

— Быстрее! Быстрее! Я посажу на кол раба, который упадет!

В конце, как раз когда они остановились перед входом во дворец, рабы на самом деле упали — и не один, а целых трое. Венандакатра гнал их на невозможной скорости, и люди были совершенно измождены. Теперь больше не требовалось прилагать усилия — и у них подогнулись колени.

На самом деле, было бы лучше, если бы и четвертый тоже упал. Тогда, падая все одновременно, рабы могли бы в большей или меньшей степени мягко опустить Венандакатру на землю. Вместо этого один человек остался стоять прямо, с шестом на плече — он слишком устал, чтобы понять, что происходит — и Венандакатра вылетел на тротуар из внезапно накренившегося паланкина.

Вопя от ярости, он принялся лупить единственного стоящего на ногах раба ременной плетью. Но удары были слабыми. Они едва ли попадали по рабу, потому что Подлый, падая, повредил плечо. Боль заставила его зашипеть, прекратить порку и схватиться за ушибленное место.

Затем он повернулся и, пошатываясь, направился к дверям дворца. К счастью, двери были уже открыты в целях вентиляции, как и всегда в дневное время. Оказавшись в прохладном вестибюле, Венандакатра указал плетью на рабов и заорал стражникам:

— На кол их! Всех!

Затем...

Он снова рывкнул. Никаких стражников не было. Трое людей, постоянно дежуривших сразу за входом во дворец, отсутствовали. Ушли.

«Ушли. Их нет на месте».

Мгновение Венандакатра просто смотрел вперед, выпучив глаза. Затем разъярился еще больше — он чувствовал, словно от этой чистой ярости его может разорвать — и поспешил к лестнице, которая вела к его покоям наверху.

— Их я тоже посажу на кол!

Какая-то часть разума попыталась объяснить гоптрию, что в середине яростного сражения солдаты могли быть вовлечены в борьбу. Но Венандакатра это проигнорировал. Долг есть долг, и этим все сказано — в особенности долг слуг перед своим хозяином. Эти стражники должны быть здесь. Постоянно!

Добравшись до верха лестницы, он снова рывкнул. Затем, настолько велика была его ярость, он беззвучно закричал:

«А где эти стражники?! Двое дежурят тут постоянно!»

Почти животный крик, казалось, успокоил его нервы. Ему удалось достаточно взять себя в руки, чтобы, не шатаясь и не падая, пройти к дверям, которые вели к его собственным покоям.

Он не удивился, обнаружив, что солдат, который должен был оставаться на посту внутри комнат гоптрия — постоянно! — тоже исчез.

Нет на месте. Никого.

Тогда Венандакатра понял, что случилось. Он чересчур гуманно относился к своим подчиненным. Он позволил им размягчиться во время службы в гарнизоне, в то время как раджпуты и йетайцы Дамодары и Раны Шанги участвовали в кампаниях против бандитов-маратхи. Внезапная и яростная битва повергла их всех в панику. И они бежали — и бросили своего господина!

Он направился к двери, ведущей в комнату с телеграфом. По пути он дал себе клятву.

Две клятвы. Во-первых, все члены его личной охраны — независимо от того, несли ли они сегодня дежурство или нет — будут завтра посажены на кол. Во-вторых, несмотря на его ненависть к Дамодаре, он примет предложение военачальника периодически отправлять гарнизонные войска на вылазки вместе с раджпутами.

Венандакатра скорее не вошел, а ворвался в комнату. Он заметил, но проигнорировал — почему здесь должно быть по-другому? — отсутствие охранника, который обычно находился на посту внутри комнаты. Постоянно.

Однако он даже удивился, обнаружив, что телеграфист остался верным своему долгу. Человек был там, где ему положено, и сидел на стуле перед телеграфным аппаратом.

— Хоть кто-то! — рывкнул Венандакатра. Затем прошел вперед и схватил человека на плечо. — Немедленно пошли теле...

Он замолчал на полуслове. Голова телеграфиста откинулась назад. Слишком пораженный, чтобы вымолвить хоть полслова — хотя часть разума кричала и кричала, и кричала, — Венандакатра просто уставился на шею телеграфиста.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, что произошло. То, что задушило телеграфиста, было почти невидимым. Шелковый шнурок затянули такие могучие руки, что он практически полностью ушел в плоть.

За спиной гоптрия прозвучал тихий голос.

— У меня плохие новости, Венандакатра.

Подлый медленно повернул голову и посмотрел в угол комнаты. Он едва мог различить фигуру в тени.

— Мой сын, как ты мог слышать, недавно родился. А те, кто за ним ухаживают, говорят, что он здоров. У него есть все шансы достичь зрелых лет.

Визжащий голос внутри разума Венандакатры начал вспоминать имя. Но гоптрий был слишком парализован, чтобы по-настоящему что-то услышать.

Тени шевельнулись. Фигура шагнула на свет. Она шла крадучись. Мужчина — а это несомненно был мужчина — двигался скорее как хищник, чем как человек. Затем, когда он начал надевать на правую руку рукавицу с железными шипами, сходство с хищником стало еще более полным.

— Поэтому теперь пришло время для нашего незавершенного дела. Давай станцуем, Подлый. Танец смерти, который ты когда-то хотел устроить для моей любимой, я теперь

устрою для тебя.

Наконец Венандакатре удалось преодолеть паралич. Он открыл рот, чтобы заорать.

Но крик никогда не прозвучал. Его подавила не столько могучая левая рука, опустившаяся гоптрию на горло, сколько шок от железных когтей правой, схватившей его между ног и оскопившей.

Агония переросла все пределы. Оцепенение стало полным и всеохватывающим. На самом деле, Венандакатра совсем не мог думать. Просто слушал и наблюдал за чудовищем, которое уничтожило его.

Это ведь так странно, что пантера может говорить.

— Я обучал ее мастерству наемного убийцы, тому, как убивать всяческую мерзость. Оставить жертву парализованной, но в сознании, чтобы отчаяние разума увеличивало агонию тела.

Снова мелькнула рукавица с железными когтями.

Когда разум Венандакатры вернулся, прорвавшись сквозь боль, как прилив над рифом, он увидел, что все еще стоит. Но только потому, что левая рука убийцы все еще держит его за горло. Иначе Венандакатра бы уже рухнул.

Рухнул и никогда бы больше не ходил. И не ел бы сам. Его колени и локти... больше не находились там, где им положено.

— Думаю, достаточно. Чем больше я старею, тем становлюсь более философичным.

Чудовище, все еще пользуясь только одной рукой, подняло тело Венандакатры, как человек поднимает мешок с навозом, и поволокло в угол, где до этого таилось в засаде. По пути отдаленная часть разума Венандакатры удивилась, увидев седые волосы в бороде чудовища. Он никогда не представлял себе пантеру с бородой. С седой — тем более.

В углу у окна чудовище отвело в сторону тяжелую штору. Скорее, сорвало ее железными когтями. В комнату внезапно ворвался свет.

Когда Венандакатра увидел ясно вырисовавшийся трон, то внезапно понял, как чудовище убивало время, пока сидело в засаде. Трон был переделан. Правильнее сказать усовершенствован. Отдаленная часть разума Венандакатры даже оценила остроумие дизайнера и качество работы.

Остальная часть кричала в отчаянии, и его покалеченное тело попыталось подчиниться. Но левая рука чудовища немного изменила хватку, и снова сверкнули железные когти, и крик умер вместе с разорванной глоткой, которая хотела его издать.

— Ты можешь умереть от потери крови из этой раны, но я в этом сомневаюсь. Она определенно не убьет тебя раньше другой.

Когти снова блеснули, и снова, и снова.

— Не то чтобы это имело значение. Во дворце не осталось стражников, которые могли бы тебя услышать. Похоже, великий ветер полностью очистил его.

Теперь Венандакатра стоял обнаженный, дорогие одежды были разорваны и разбросаны по комнате. Железные когти прошлись по его ребрам, левая рука развернула гоптрию. Теперь он смотрел в противоположную от трона сторону. Из его горла и тела текла кровь.

«Отчаяние разума, чтобы усилить агонию тела». Это была последняя, полностью сознательная мысль, если не считать последних слов его палача.

— Я думал, ты оценишь это, Подлый. Ты всегда предпочитал короткую палку.

Глава 33

ИНД

Осень 533 года н.э.

Аббу склонился над картой. Его лицо выражало одновременно дурное предчувствие и гнев. Свет ламп, висевших в командном шатре Велисария, подчеркивал морщины на ястребином лице старика. Высвечивались брови и нос, из-за густой бороды рот и щеки

оставались в тени, а глаза напоминали темные провалы. Для всего мира он выглядел колдуном, собирающимся вызвать демона. Или, возможно, собирающимся поужинать с дьяволом — и сожалеющим, что у него нет более длинной ложки.

Велисарий быстро обвел взглядом стол. Судя по напряженным лицам собравшихся, он подумал, что Маврикий, Ситтас и Григорий, вероятно, ведут то же сражение, что и он — пытаются сдерживать смех, наблюдая, с какой неохотой старший разведчик имеет дело с «проклятым новомодным изобретением». Ненавидимой, презираемой картой.

Карты — это игрушки для детей! В лучшем случае. Настоящие мужчины — отец, обучающий сына, поколение за поколением! — полагались на свои собственные глаза, чтобы видеть; память, чтобы помнить; остроту поэтической речи, чтобы описывать и объяснять!

«Очень плохо, что он не бормочет вслух, — задумчиво сказал Эйд. — Я уверен, что он мог бы преподать пару уроков даже Валентину».

Губы Велисария сжались еще сильнее. Если прозвучит хотя бы один смешок...

— Здесь, — скрипучим голосом сказал Аббу и показал пальцем на поворот Чинаба. Пометка на карте была недавней. Совсем недавней — чернила едва засохли. Что было неудивительно, поскольку Велисарий прямо сейчас собственноручно нарисовал этот участок Чинаба, следуя приблизительным указаниям Аббу.

— Слишком далеко на север, — пророкотал Ситтас. Теперь, когда началось настоящее дело, у огромного полководца больше не возникало трудностей со сдерживанием веселья. Его густые брови нависали над полуприкрытыми глазами, а губы были поджаты, словно грек только что съел лимон.

Аббу мрачно посмотрел на него.

— Здесь! — повторил он. — Корабли в Уче большие. Оба. Всю армию можно переправить через реку за один день. А на другом берегу в трех местах есть хорошие площадки для высадки.

Он снова склонился над картой, на этот раз с меньшей неохотой, предвкушая грядущий триумф.

— Здесь. Здесь. Здесь, — каждое слово сопровождалось постукиванием пальцем по разным точкам на карте. Аббу указывал на места для высадки на противоположном берегу Чинаба. — Я бы воспользовался вторым. Там нет почти никакого риска, что корабли сядут на мель.

Мгновение Аббу колебался. Но на этот раз его колебания вполне вызвали уважение. Как и любой мастер разведки, Аббу ненавидел любые неточности в описании местности.

Но... Аббу был лучшим разведчиком из тех, кого когда-либо задействовал Велисарий, поскольку отличался скрупулезной честностью и дьявольскими способностями.

— Я не могу быть уверен. Мы сами не перебирались через реку, потому что брода там нет. Но с виду у второй площадки река глубокая, без каких-то скрытых отмелей или наносных песчаных островов. Даже пляжа нет. Поэтому жители рыболовецкой деревни построили небольшой причал над водой. Конечно, слишком маленький для наших судов, но тот простой факт, что он там есть, означает: мы можем разгружать большие суда и не встать на мель.

Ситтас все еще хмурился.

— Слишком далеко на север, — снова проворчал он. — И город, и площадка на другой стороне реки. Двадцать или тридцать миль от развилки Чинаба и Инда. Не пойдет. — Он выпрямился и посмотрел на Велисария. — Возможно, нам стоит придерживаться изначального плана. Захватить эту сторону Инда и поставить укрепления непосредственно у места ответвления Чинаба.

Велисарий не стал отвечать немедленно. Он понимал нежелание Ситтаса, но...

«Как будет удачно, если нам удастся все это проверить!»

«У вас совсем не будет пути для отступления», — заметил Эйд.

— Ни единого пути для отступления, — эхом повторил Маврикий. Конечно, хилиарх никак не мог слышать голос Эйда, но ситуация была настолько очевидной, что Велисарий не

удивился совпадению их мыслей. — Если все пойдет не так, мы окажемся в ловушке и малва просто закроют крышку. Чинаб у нас справа, Инд слева...

Ситтас покачал головой.

— Не могу сказать, что меня особо беспокоит это. После того как мы ворвемся в Пенджаб — где бы мы ни ударили и где бы мы ни установили полевые укрепления, — «путь для отступления» в любом случае — это во многом самообман.

Он кивнул в сторону армии, стоящей лагерем прямо перед шатром и невидимой за кожаными стенами.

— Ты знаешь не хуже меня, Маврикий, что у нас не будет возможности отступать по местности, по которой мы только что прошли. Даже если бы мы могли прервать контакт с малва после того, как начнется сражение. Что маловероятно, учитывая, насколько их больше, чем нас.

— Мы уже очистили местность от провизии, — сказал Велисарий, соглашаясь с Ситтасом. — И дело шло туго. Если бы крестьяне не были в панике, наслушавшись про устроенную малва резню в Синде, и не убежали, то нам могло бы и не хватить припасов, чтобы добраться даже сюда.

Маврикий слегка поморщился, но спорить не стал. Территория, по которой прошла армия Велисария, с одной стороны обрамленная рекой Инд, а с другой — пустыней Чолистан, была — как и подозревал Эйд — гораздо менее голой, чем зарегистрировано в будущей истории. Но все равно ее нельзя было назвать «плодородной». Если бы убегающие крестьяне не оставили многое из уже собранного урожая позади, то римская армия оказалась бы вынуждена двигаться очень медленно из-за необходимости постоянно разыскивать продовольствие.

А так им удалось проделать весь путь за шестнадцать дней — быстрее, чем ожидали Велисарий и члены его высшего командования. Но после этого марша они начисто лишили землю всей легко собираемой еды. Попытка отступать по своим следам, будучи преследуемыми крупной вражеской армией, станет кошмаром. Большинство римских солдат никогда не доберутся домой живыми. И очень возможно, что всей армии придется сдаться.

«Сдаться» в руки малва означало провести довольно недолгий период времени в трудовом батальоне. Малва имели привычку заставлять своих пленников работать до смерти.

— Выиграть или умереть, — сказал Ситтас. — Именно так обстоят дела, независимо от того, где мы ударим по врагу в Пенджабе.

Он склонился над картой и положил обе руки на стол.

— Но я все равно думаю, что слишком рискованно отправляться внутрь развилки рек. Проблема не в отступлении, а в получении припасов по реке.

Велисарий прекрасно понял, что имеет в виду Ситтас. Чтобы добраться до римской армии, забаррикадовавшейся между Индом и Чинабом, грузовым римским судам придется плыть под огнем врага с западного берега Инда. Если же римляне поставят свои укрепления на противоположном берегу, ниже места ответвления Чинаба, то корабли с поставками смогут идти вдоль восточного берега.

Тем не менее...

Он почесал подбородок.

— Кораблям все равно придется плыть под огнем, Ситтас. Не таким серьезным, это верно, но все равно достаточным. Малва уже построили крупную крепость на западном берегу Инда, еще дальше на юг, и ты можешь быть уверен: они разместили там большие осадные орудия. Да, река значительно шире к югу от Чинаба, но не такая широкая, чтобы эти орудия не могли дострелять до противоположного берега. Поэтому независимо от того, где мы встанем, корабли с поставками, пытающиеся добраться до нас, окажутся под вражеским огнем.

Маврикий уже начал что-то говорить, но его оборвал главнокомандующий. Велисарий на протяжении этой кампании полагался во многом только на смелость. И инстинкты подсказывали ему держаться прежнего курса.

— Я принял решение. Мы воспользуемся предложением Аббу. Возьмем Уч молниеносным ударом, разобьем расположенную там маленькую армию, а затем используем их корабли, чтобы переправить нашу армию в треугольник. Мы поставим укрепления поперек треугольника, как можно ближе к острому углу, чтобы иметь достаточную концентрацию войск в том месте. Затем...

Он выпрямился.

— После этого мы будем полагаться на смелость наших катафрактов, удерживающих контратаку малва. И смелость Менандра, доставляющего провизию и боеприпасы, которые нужны нам, чтобы продержаться. Все просто.

Он обвел взглядом лица мужчин за столом, почти бросая им вызов и ожидая возражений.

Маврикий рассмеялся.

— Меня не беспокоит их смелость, командир. Просто... Эти проклятые новомодные хитрые изобретения Юстиниана лучше бы сработали, как нужно. Это все, что я могу сказать.

Ситтас, как и Маврикий, не имел склонности бросать вызов Велисария после того, как решение принято. Поэтому, будучи отличным офицером, он перешел к конкретике.

— Если оставить проблему снабжения, положение на развилке — самое лучшее с точки зрения обороны. Мы сможем сконструировать наши полевые укрепления так, чтобы обеспечить нас путями отхода. Чем больше малва будут на нас давить, тем более узким станет фронт, когда мы отступим на юг, на острый угол треугольника. Пока мы сможем обеспечить людей достаточным количеством еды...

Внезапно он разразился смехом.

— И они потребуют многого, не думайте, что не потребуют! Ха! Греческие катафракты — к тому же половина из них аристократы — не привыкли копать траншеи. Они будут стонать и брзжать весь день и полночи. Но пока мы хорошо их кормим, они будут работать

— У них не будет особого выбора, — фыркнул Аббу. — Даже греческие благородные господа не так глупы. Или копай, или умрешь. После того как мы переправимся через Чинаб, другой альтернативы не будет.

— Я только надеюсь, что они не станут спорить со мной о деталях, — проворчал Григорий. — У этих истощенных и исхудавших ублюдков Ситтаса — в тех редких случаях, когда они вообще думают о полевых укреплениях — мозги все еще испорчены легендами о Цезаре. Когда я в первый раз употреблю слова «бастион» и «равелин», они посмотрят на меня так, словно я сошел с ума.

Ситтас улыбнулся.

— Нет, не посмотрят, — он указал большим толстым пальцем на грудь Велисария. — Просто скажи им, что услышал эти слова от Талисмана Бога. Это для них примерно то же, что и мощи святого.

Григорий ничуть не успокоился, но Велисарий был склонен согласиться с Ситтасом. Даже из греческих знатных катафрактов печально известный консерватизм можно при случае выбить. Вдобавок к этому времени все они уже, по традиции римской армии, испытывали суеверное благоговение и уважение к таинственному Разуму Эйда.

— Если мне потребуется, я дам им взглянуть, — Рассмеялся Велисарий. — Если Эйд захочет, то может устроить ослепительное представление.

«Великолепно, — пробормотал Эйд. — Я путешествовал через просторы времени, чтобы стать диковинкой или уродцем на цирковом представлении».

Велисарий снова принялся чесать подбородок. На его лице появилась хитрая улыбка.

— Мне это нравится, — твердо сказал он. — Давайте не слишком увлекаться обсуждением армейского обеспечения. Следует также подумать и о сражении как таковом. И я не могу представить лучшую местность для обороны, чем треугольник между рек.

— И я не могу, — вставил Григорий.

Все люди в шатре разом посмотрели на него. За исключением Агафия — который находился далеко на юге, в Бароде, организовывая поставки припасов для всей римской

армии, марширующей на север в Синд, — никто не понимал современные методы ведения осады лучше, чем Григорий.

Молодой офицер начал загибать пальцы.

— Первое. Хотя я не буду уверен, пока мы туда не попадем, готов поспорить, что уровень грунтовых вод там высокий. Ровная местность с высоким уровнем грунтовых вод — это как раз те условия, благодаря которым получились знаменитые голландские укрепления против испанцев. Которых они удерживали — самую могущественную армию в мире! — почти столетие.

Названия наций будущего были только едва знакомы людям в шатре, за исключением самого Велисария, но эти офицеры-ветераны мгновенно понимали, что имеет в виду Григорий.

— Земляные валы и канавы с водой, — продолжал он. — Самая труднопроходимая местность для артиллерии или для атакующей пехоты. В особенности, когда нигде вокруг нет возвышенностей, на которой малва могли быть установить контрбатареи.

Он погладил бороду и нахмурился.

— Мы можем пересечь всю территорию канавами и наполнить их водой. Самая большая проблема, которая у нас возникнет, — это то, как удержать сухими собственные траншеи. Приподнятые земляные валы — из все той же канавной грязи — этот вопрос решают. Голландцы использовали штормовые столбы — в основном горизонтальный частокол, — чтобы защитить валы от разрушения. Я сомневаюсь, что у нас будет для этого достаточно хорошего дерева, но мы, вероятно, сможем воспользоваться кустарником, чтобы изготовить старые добрые римские изгороди.

Упоминание старых методов, казалось, обрадовало Ситтаса. Он дошел даже до того, чтобы похвалить современные приспособления.

— Артиллеристам и снайперам это понравится. Медленнодвигающаяся, огромная армия, падающая в канавы... А что с конницей?

— Забудь о коннице вообще, — чуть ли не рывкнул в ответ Григорий. И холодно посмотрел на Ситтаса. — Правда в том — независимо от того, нравится тебе это или нет, — что мы, скорее всего, закончим тем, что будем есть наших лошадей, а не ездить на них.

И Ситтас, и Аббу — в особенности последний — выглядели так, словно им больно. Маврикий хрипло рассмеялся.

— Вы только посмотрите на них, — фыркнул он. — Лошадь — это лошадь. Сможем раздобыть еще столько же. Если выживем.

— Хороший боевой конь... — начал Ситтас.

— Стоит его веса в серебре, — закончил Велисарий. — А сколько стоит твоя жизнь?

Он испытующе посмотрел на Ситтаса, затем на Аббу. Оба избегали его взгляда.

— Правильно. Если потребуется, то мы их съедем. И вот что еще можно сказать о хороших боевых лошадях — они крупные животные. У них много мяса.

Ситтас вздохнул.

— Хорошо. Как ты говоришь, это лучше, чем умереть. — Он посмотрел на юг. — И я определенно надеюсь, что Менандр доберется сюда до того, как нам придется принимать это решение.

«Юстиниан» и «Победительница» встретили первых малва примерно в десяти милях от Суккура. Смутно Менандр слышал орудия, стреляющие на юге. Однако первым они встретили небольшое подразделение кавалерии. Вероятнее всего, разведотряд. Малва уставились на странное зрелище, которое представляли собой боевые корабли с паровыми двигателями, ползущие вверх по течению и тянущие за собой четыре баржи. Менандр сидел внутри укрепления-скорлупы, в котором находилось одно из орудий. Оттуда он, в свою очередь, уставился на малва.

На мгновение у него возникло искушение приказать выпустить залп полыми снарядами, заполненными картечью. Малва находились достаточно близко, но... Он

отказался от этой мысли. Кавалерийский патруль не представлял опасности для флотилии, если только не доставит информацию об ее приближении осаждавшей Суккур армии. А поскольку нет никакой возможности убить их всех, то нет смысла тратить боеприпасы.

Менандр быстро провел в уме грубые подсчеты. Результат его развеселил. К тому времени как кавалерийский патруль сможет вернуться и сделать отчет, флотилия Менандра уже доберется до Ашота. После этого, освобожденный от всего груза, кроме одной или двух барж, Менандр сможет гораздо быстрее продвигаться вверх по Инду. У малва, конечно, есть телеграфная линия, соединяющая их армию возле Суккура с силами в Пенджабе. Но — предполагая, что Велисарии удалось добраться до Чинаба — малва, вероятно, слишком дезорганизованы, слишком заняты отбиванием этого неожиданного нападения на их жизненно важный регион, чтобы эффективно атаковать приближающуюся флотилию Менандра, состоящую из двух пароходов с баржами. Поэтому он просто наблюдал, как его корабли проплывают мимо врагов. Редкий случай, когда в эпицентре жестокой войны встречаются и мирно расходятся враги. Он даже обнаружил, что, движимый каким-то странным импульсом, весело помахал рукой кавалеристам малва. Трое из них, движимые тем же импульсом, помахали Менандру в ответ.

«Странное дело — война».

Малва предприняли жалкую попытку перехватить его флотилию, когда он находился менее чем в миле от укреплений Ашота. Два небольших судна, наполненные солдатами, приплыли вниз по Инду навстречу Менандру. Однако двигались они медленно, поскольку ветер в лучшем случае дул рывками. Корабли были парусными, а не весельными, поэтому вынуждены были полагаться в основном на медленное течение.

Менандр отдал приказ готовиться к сражению. Они с Эйсебием планировали оставить эту работу «Победительнице», но ее двигатель — такой же норовистый, как на корабле Менандра — сломался несколько миль назад. К тому времени как Эйсебий сможет его отремонтировать и прибыть на место, сражение уже закончится. Менандр не особо беспокоился.

Учитывая возможность атаки с реки, Ашот постоянно находился настороже и поставил на берегу два полевых орудия. Несколько удачных выстрелов оказалось достаточно, чтобы потопить одно из вражеских судов.

Менандр, стоявший рядом с одним из длинных двадцатичетырехфунтовых погонных орудий, был очарован тем, что случилось потом. На самом деле, настолько очарован, что какое-то время обращал мало внимания на все еще приближающийся к нему вражеский корабль.

Командующий малва явно предпринимал все возможное, чтобы направить судно к берегу до того, как оно полностью затонет. Прямо в руки римлян. Ему это почти удалось до того, как его люди были вынуждены прыгать в воду. Но заплыв получился коротким — многие из малва смогли дойти до берега пешком. Римские войска ждали малва, чтобы взять их в плен.

Не было никакой борьбы, никакого сопротивления. Мокрые и грязные солдаты казались смирившимися со своим новым положением.

Менандр отвернулся. Оставшееся на плаву судно врага находилось почти в радиусе действия его передовых орудий, и вскоре он отдаст приказ стрелять. Но он воспользовался временем, перед тем как сконцентрировать все внимание на предстоящем маленьком сражении, чтобы поразмышлять о методах ведения войны своего великого командира. Методах, которые иногда осмеивались — но никогда теми, кто становился их свидетелем. «У милости может быть своя острая сторона. Острее, чем копьё или меч, и более смертельная для врага».

— Вы только посмотрите, как карабкаются эти жалкие ублюдки! — засмеялся один из артиллеристов. — Как утята, плывущие к маме-утке!

Менандр посмотрел на смеющегося парня. И сказал тихо:

— А как ты думаешь, кто копал землю за Ашота? Ты можешь быть уверен, черт побери, что люди Ашота не устали от работы. Они бодры и намерены отдохнувшими участвовать в сражениях. День за днем пленники малва работают в условиях незначительно хуже тех, при которых они жили во время службы. Что делает их почти всегда готовыми сдаться.

Веселье ушло с лица парня — он задумался над новой концепцией. Увидев его замешательство, Менандр с трудом не рассмеялся.

«Учти, я думаю, что Ашот будет в экстазе, когда мы подплывем. Готов поспорить: его проблемы с припасами оказались даже хуже, чем он ожидал, раз требуется кормить столько дополнительных ртов».

Через несколько минут началось сражение. Через несколько минут после начала оно закончилось. Два больших орудия на носу «Юстиниана» попросту разорвали судно малва. Два выстрела, которые малва удалось выпустить из своего маленького орудия, пролетели далеко от «Юстиниана».

И снова моряки и солдаты малва бросились в воду. Но на этот раз они были слишком далеко от берега, чтобы у многих был шанс до него добраться.

Менандр колебался, но только мгновение. Затем вспомнив дружеское махание руками и хитрости его глубокоуважаемого командира, он принял решение.

— Плывите прямо сквозь них! — рявкнул он. — И замедлите ход. Всех малва, которые смогут ухватиться за веревку, мы потащим с собой на берег.

Он повернулся и отправился на корму, отдавая по пути приказы солдатам.

К тому времени как отчаявшиеся малва смогли схватиться за один из канатов, которые бросили им римляне, Менандр уже поставил солдат, готовых отразить любую попытку взятия на абордаж. У заряженных орудий стояли люди.

Однако задолго до того, как они добрались до причалов, сооруженных людьми Ашота специально для пароходов, Менандр уже не беспокоился о возможности абордажа. Было ясно как день: у малва, которых они спасли, было не больше желания наброситься на римлян, чем у утят — атаковать маму-утку. На лицах пленных Менандр не видел ничего, кроме облегчения.

Очевидно, что для этих людей война закончилась. И они были рады увидеть, как пришел ее конец. Большинство из них было крестьянами. Им был знаком тяжелый труд при малом количестве еды. Конечно, наслаждаться нечем. Но и бояться тоже нечего.

Сам Ашот встретил Менандра на причале. Он кричал от радости, и хвалил молодого офицера, и хлопал его по плечу.

— Я знал, что у тебя получится! Как хорошо, что ты здесь — а то у нас уже все заканчивается.

Веселые глаза Ашота переместились на малва, сдающихся при выходе на берег.

— И, как я вижу, ты привез еще один хороший улов. Говорю тебе, Менандр, за последние несколько недель были моменты, когда я чувствовал себя скорее рыбаком, чем солдатом.

Глава 34

ГИНДУКУШ

Осень 533 года н.э.

— Как ты считаешь, сколько там патанов? — спросил Кунгас. Пока Васудева думал над этим вопросом, Кунгас продолжал изучать позиции малва при помощи подзорной трубы, которую ему подарил Велисарий, покидая Харк. Занятая кушанами позиция поверх руин насчитывающей столетия буддийской ступы, разрушенной йетайцами во время покорения этих земель, давала Кунгасу хороший вид на крепость, блокировавшую перевал Хибер в

самой узкой точке.

— Трудно сказать, — пробормотал командующий армией. — У них только разведчики и мелкие мобильные отряды, поэтому они слишком быстро передвигаются по местности, чтобы их можно было сосчитать.

— Не больше, чем несколько сотен?

— И столько не наберется. Шанга с раджпутами находится в тысяче миль, поэтому «союз» патанов с малва в лучшем случае дал трещину. По моим догадкам, единственные патаны, которые все еще находятся под командованием малва, — это, может, двести отверженных. Кажется, племена отходят назад в свои укрепленные деревни и занимают нейтральное положение.

— Будем надеяться, что Ирина сможет удержать их там, — пробормотал Кунгас и опустил подзорную трубу. — А ее успех в большой степени будет зависеть от того, сможем ли мы взять эту крепость и полностью выгнать малва с перевала Хибер.

Он начал спускаться вниз с руин.

— Когда на той стороне так мало патанов, мы можем захватить возвышенность. Использовать гранаты, чтобы очистить вынесенные вперед укрепления, а затем установить мортиры и полевые орудия и начать бомбардировать большую крепость через узкие проходы. Глупые ублюдки! Они слишком много лет не сражались в горах.

Теперь, когда они находились на ровной земле, Васудева смог сконцентрироваться на плане Кунгаса. То, как кушан трепал кончик козлиной бородки, и складки на лбу свидетельствовали, что у него имелись некоторые сомнения.

— Мортиры — да. Их достаточно легко протащить вверх по этим скалам. Но полевую артиллерию? Да, мы сможем доставить их наверх. Это нелегко, учти, но в общем возможно. Но какой смысл? Все полевые орудия, что у нас есть, — трехфунтовые. Они слишком легкие, чтобы ломать стены, и — стреляя круглыми ядрами, а других у нас нет — они не причинят много вреда.

Кунгас покачал головой.

— Я лучше рассмотрел эту крепость, чем ты, Васудева, потому что у меня была подзорная труба. Да, внешние стены достаточно толстые, но все укрепления — включая внутренние стены — это типичная конструкция сангар⁵⁵. Груды сваленных вместе камней, и ничего больше. Они не ожидали нападения на Хибер, поэтому крепость строили поспешно. Вероятно, закончили всего несколько недель назад — судя по тому, что я смог рассмотреть. До сих пор не закончена половина фортов.

Васудева все еще хмурился. Хотя у него и больше опыта в использовании огнестрельного оружия, чем у Кунгаса, его разум медленнее приспосабливался к переменам, чем разум его царя.

Кунгас помог своему военачальнику.

— Подумай, что случится, когда по этим незакрепленным камням попадет крепкое железное ядро.

Лицо Васудевы прояснилось, и он прекратил теребить бородку.

— Конечно! Не хуже шрапнели⁵⁶!

Командующий армией посмотрел вниз на почву у себя под ногами и несильно топнул ногой.

— Твердый камень. Здесь нельзя вырыть ямы. В окопах и траншеях не спрятаться. — Он поднял глаза и стал изучать стоящую в отдалении крепость.

⁵⁵ Сангар (инд.) — каменная стенка, парапет, бруствер (небольшая насыпь с наружной стороны окопа или траншей построенная без использования какого-либо раствора для скрепления камней).

⁵⁶ Шрапнель — артиллерийский снаряд, начиненный шаровидными пулями и взрывающийся на некотором расстоянии над землей. Предназначен для поражения живой силы противника.

— И там тоже. Все их люди будут над поверхностью земли, прятаться за приподнятыми конструкциями вместо углублений в земле. А конструкции состоят из наваленных грудой камней.

Все колебания прошли, и Васудева стал таким же энергичным и решительным, как и всегда.

— Мы сделаем это, Кунгас! Мы возьмем эту возвышенность — очистим все внешние укрепления малва гранатами и мечами — принесем мортиры и артиллерию... и тогда! Разместим половину армии дальше на перевале, чтобы поставить в безвыходное положение любое подразделение малва, которое может прийти на подмогу. Это будет осада, и мы будем держать их в железном кулаке.

Кунгас улыбнулся — по-своему.

— Я даю им две недели, — сказал он. — Может, три. И они даже не смогут попытаться отступить назад в Пешеварскую долину после того, как мы перекроем им путь. Мы превышаем их количественно — три к одному. Мы порежем их на куски на открытой местности, и они это знают. У них не будет выбора, кроме как сдаться.

Он положил руки на бедра и одобрительно осмотрел горы, окружающие перевал Хибер.

— После чего — используя патанов для выполнения нужной работы — мы сможем укрепить этот перевал так, как это следует сделать. И у нас будет достаточно времени, пока малва заняты в долинах Велисарием. До того как они смогут контратаковать, Гиндукуш окажется в безопасности. Патаны склонятся перед нами — почему бы и нет? Ведь наше правление будет легче, чем правление малва. А на следующий год...

Но теперь он говорил сам с собой. Васудева, который не больше, чем его царь, имел склонность беспокоиться о формальностях, уже спешил прочь, чтобы отдать нужные приказы кушанской армии.

Кунгас оставался на руинах ступы оставшуюся часть дня и все последующее время. Он считал, что основатель нового Кушанского царства должен сделать свой штаб в священном месте, оскверненном теми, кто разрушил старое здание. К утру третьего дня войска Кунгаса взяли наружные форты, используя и свои традиционные мечи и копья, и римские гранаты, которые очень полюбили кушанским солдатам. Войска малва оказались хороши — гораздо лучше, чем обычно — но они не были раджпутами. И среди них набралось не больше нескольких сотен йетайцев, чтобы подгонять нерасторопных солдат.

Поэтому на утро четвертого дня началась бомбардировка крепости, бывшей ключом к перевалу Хибер. Кушанские войска смогли установить множество мортир в радиусе тысячи ярдов от крепости. Да, мортиры были грубыми. Простая латунная труба, установленная под фиксированном углом в сорок пять градусов на жестком основании. Единственным способом настроить радиус действия орудия было изменение порохового заряда. Но выпускаемые ими четырехдюймовые снаряды, с поджигаемым запалом, все равно сеяли разрушения внутри крепости, хоть и не могли разбить стены.

И через два дня после того, как кушаны установили полевые орудия на фортах, которые захватили раньше, огонь мортир усилили ядрами. В последующие дни они начали медленно превращать в порошок внутренние укрепления и — еще медленнее — рушить наружные. Камни для стен, собранные на местности, возвращались на местность, и их путь смазывала кровь.

Вставая каждое утро, Кунгас совершал одно и то же. Он говорил вслух, горам, которые приютят возрождаете царство:

— На следующий год — Пешевар!

Самый старый и пользующийся наибольшим уважением патанский вождь трепал бороду и яростно хмурился. Он размышлял. И великий патриарх патриархального народа был недоволен видом сидящей напротив него женщины. Возмутительно, что этот самостоятельно провозгласивший себя царем кушан оставил свою жену управлять столицей!

Тем не менее...

Другие люди, другие традиции. Пока кушаны не вмешиваются в его собственные — как заверила его эта возмутительная женщина, они не будут делать — вождь не особо беспокоился, каких глупых традиций придерживаются жители городов.

Но был и еще один момент. Вождь сколько угодно может смеяться над людьми, позволившими женщине править, но нет сомнений: нельзя пренебрежительно относиться к кушанам на поле брани. А судя по отчетам, которые доставляли патанские разведчики с перевала Хибер, кушаны, казалось, так же легко чувствуют себя во время сражений в горах, как и на равнинах. Это добавляло оснований для осторожности.

Как правило, патаны не особо боялись цивилизованных армий. Это войска долин. Достаточно опасные на ровной местности, но неспособные бросить вызов патанам в их горах. Но вождь не дожил бы до такого возраста и не поднялся бы до такого высокого положения, будучи надменным дураком. Цивилизованные государства с их богатством и огромными земельными угодьями могут собрать гораздо большие армии, чем патаны. Если эти армии показывали себя способными адаптироваться к войне в горах...

В конце концов, однажды в прошлом это уже случилось. Старый вождь едва удержался от того, чтобы не содрогнуться, вспоминая дикие карательные экспедиции раджпутов.

— Решено, — твердо сказал вождь и склонил голову — несколько неохотно — перед женщиной.

Затем он поднялся со стула и повелительно посмотрел на восьмерых других патанских вождей, сидевших рядом с ним. Как он и ожидал, никто из них не был готов бросить вызов его решению.

— Решено, — повторил он. — Пока вы не лезете в наши дела — не мешаете нашим караванам, — мы будем уважать мир. И посылать ежегодную дань царю кушанов.

Три вождя, казалось, немного пошевелились. Старший фыркнул и добавил последнее условие патанского союзничества с новым царством:

— Как ты понимаешь, это все действительно при условии, что царь кушанов сможет взять перевал Хибер. И удержать его после того, как малва нанесут контрудар. Мы не станем снова выступать против Раны Шанги!

Кушанская царица кивнула. Старый вождь не мог сказать точно, но подозревал, что проклятая женщина улыбается. Мешала толстая чадра, закрывавшая ее лицо. Но ему не нравилось веселье и ум, которыми, казалось, светились ее глаза.

«Проклятые кушаны!»

Ему сказали, что кушанская царица надела чадру только когда прибыли патаны. Он вполне мог в это поверить. Как говорили, она — хитрая бестия, коварная и изобретательная.

Тем не менее...

Обычаи есть обычаи. И в конце концов, они зависят от выживания. Поэтому, сохраняя ледяное спокойствие, чему мудрый старый патриарх научился на протяжении десятилетий, он удержался, чтобы не продемонстрировать свое неудовольствие.

— Меня не волнует Рана Шанга, — сказала женщина, говоря так тихо и скромно, как говорила с тех пор, как патанские вожди вошли в ее зал для приемов. — Мне дали понять, по причинам, которые я не могу раскрыть, что он будет занят в другом месте. На протяжении многих лет, вероятно, всю жизнь.

Старый патанский вождь уставился на нее сверху вниз. Ленивая болтовня глупой женщины? Возможно.

Но все равно...

Возможно, что и нет. Как говорили, эта женщина — очень хитра и настолько хорошо информирована, что кое-кто уже шепчется о колдовстве. Странно, но эта мысль принесла старому вождю определенное облегчение. Обычаи есть обычаи, а выживание — это выживание. И поэтому он пришел к выводу, что, поскольку кушаны, казалось, решили отдаться во власть женщине, наверное, хорошо, что у них хватило здравого смысла выбрать колдунью.

Глава 35

ЧОУПАТТИ

Осень 533 года н.э.

Антонина устала встать вниз на толпу, собравшуюся в гавани Чоупатти. Может, лучше сказать: сборище людей, наводнивших узкие мощеные улочки и высыпавших на опасно качающиеся деревянные причалы. По правде говоря, некоторые из этих причалов были гораздо хуже, чем просто «качающиеся». За то время, как аксумиты покинули это место и затем вернулись, принесли на своих кораблях как победу, так и печаль, маратхи, вынужденные в Чоупатти после уничтожения гарнизона, начали заново отстраивать город. Но работа только начиналась, и волна еще не докатилась до гавани. Частично потому, что гавань оказалась наиболее разрушенной частью города, но по большей части потому, что рыбаки, которые могли бы ею пользоваться, еще не вернулись. Для рыбаков, которые когда-то жили здесь, слово «Чоупатти» было и останется именем худшего из страхов. Город грабежа и смерти. Они не хотели его видеть, ни теперь, ни когда-либо еще. Они будут использовать другие порты, другие города, чтобы заниматься своим древним ремеслом. Только не Чоупатти. В Чоупатти они не вернутся никогда.

Но для пришедших сюда горцев «Чоупатти» стало синонимом победы и надежды. Место, где малва снова разбили — и те люди, на которых теперь смотрели, как на самых близких союзников маратхи. Даже более близких, чем великий Велисарий и Рим.

Велисарий был живой легендой, это так. Но, за исключением совсем немногих, кто встречался с ним во время давнего посещения полководцем Индии, это была туманная и далекая легенда. Маратхи слышали об Анате, и дамбе, и Харке. А теперь к этому списку побед добавилась еще и Барода. (А вскоре они услышат и о Кулачи.) Но никто не знал этих мест. Лишь немногие могли точно сказать, где они находятся, кроме как «где-то на западе» или «возможно, на севере?».

А где Чоупатти, они знали. И где Бхаруч, тоже. И, таким образом, чернокожие люди, взявшие Чоупатти и разрушившие Бхаруч — больше того, посадившие на кол самого Подлого, — были такими же реальными, как восход солнца. Не легенда, а герои, которые ходят среди них.

О да — они посадили Венандакатру на кол, даже если ни одна африканская рука никогда не дотрагивалась до этого чудовища. Потому что все маратхи знали от героя своего народа, что без атаки Аксумского царства на Бхаруч он никогда не смог бы осуществить месть Великой Страны. За короткое время после своего возвращения Рао повторял это снова и снова. А те, кто слышал эти слова лично от него, передавали их другим, а те — следующим, и так далее. Потому что теперь это была великая история Махараштры, и много поколений станет передавать этот рассказ из уст в уста.

Никто не смог бы очистить дворец без того великого ветра, что ударил по городу. Даже Пантера не смог бы прорваться к Подлому сквозь массу солдат, которые обычно защищали это чудовище. Но все солдаты в тот день были заняты в другом месте, за исключением очень немногих. Все отражали гнев аксумитов. В эту непредвиденную пустоту Ветер и проскользнул. Тихо, спокойно, украдкой, для того чтобы нанести могучий удар.

Дело было сделано рукой Великой Страны, да — и все маратхи гордились этим. Но только потому, что аксумиты сломали малва, наполовину сломавшись в процессе и к тому же потеряв своего царя.

Поэтому толпа собралась — или устроила столпотворение — на предательски ненадежных причалах. Потому что там они могли увидеть людей из Африки, и дотронуться до них, и поговорить с ними, и принести им те маленькие подарки, которые смогли найти. Антонина с раннего утра стояла на стенах Чоупатти. Вначале она пришла туда из-за смутной необходимости лично увидеть место, где Эон получил смертельную рану. Она наблюдала, как поднимается солнце, и пустыми глазами смотрела внутрь крепости, возможно, час или

около того.

Но затем наконец у нее в сознании отложились звуки, нарастающие за ее спиной, Поэтому она отвернулась от крепости, чтобы посмотреть вниз, на гавань. И обнаружила, что в душу ее возвращается тепло. Возможно...

Возможно...

Грубый голос Усанаса ворвался в мысли Антонины:

— Не надо предполагать, женщина. — Удивившись, она резко повернулась. Он не слышала шагов Усанаса. На самом деле, в этом не было ничего удивительного, если учитывать его мастерство охотника.

— Что? — Она не понимала, что аквабе ценцен мог иметь в виду. — Что предполагать?

Усанас скрестил на груди могучие руки. Затем заговорил:

— Ты думаешь, что ты — проклятие Аксумского царства? Иностранная женщина — Медея, — которая принесла нам беду? Убила двух царей — отца и затем сына? Пролила кровь половины нации и к тому же разрушила половину кораблей?

Антонина отвернулась. Она пыталась найти слова, но не смогла.

Усанас фыркнул.

— Не надо предполагать, женщина.

— Сколько из них вернется, Усанас? — прошептала она, почти давясь сказанным. — Сколько? — Она посмотрела на него полными слез глазами.

— В этот год? Нисколько, — жестко ответил он. — Только сарв Дакуэн, сопровождающий на родину тело Эона. По крайней мере, половина воинов, которые все еще живы и не настолько сильно ранены, что смогут пережить морское путешествие.

Ее глаза округлились. Усанас снова фыркнул.

— Ради Бога, Антонина, — подумай! Подумай для разнообразия, вместо того чтобы предаваться этим глупым мучениям и страданиям. — Он махнул рукой на гавань. — Это нация воинов, женщина. Да, и торговцев тоже, но это нация, выкованная на тренировочных полях полков.

Следующее фырканье больше напоминало смешок.

— Я готов согласиться, что ты красива, как Елена. Но Аксум пролил кровь не из-за тебя. Поэтому, пожалуйста, перестань по-идиотски имитировать эту дурочку, стоявшую на стенах Трои.

Образ заставил Антонину захихикать, а затем откровенно расхохотаться. Усанас улыбнулся, шагнул вперед и обнял ее за плечи. После того как Антонине удалось подавить смех, Усанас развернул ее лицом к гавани.

— Посмотри на них, Антонина. На этих лицах нет печали. Да, им жаль молодого царя, которого они любили и ценили. Да, им жаль потерять своих смелых товарищей, которые умерли или стали калеками. Но печаль? Ни следа.

Наблюдая за аксумскими сарвенами внизу, глядя, как легко они двигаются среди толпы — шутя, смеясь, с самодовольным видом, гордясь собой и купаясь в восхищении как стариков, так и девушек (в особенности последних), — Антонина понимала, что он говорит правду.

— Они знают, Антонина. Они *знают*. Теперь наконец они по-настоящему *знают*. То, что Эон обещал этим людям, если они последуют за ним, на самом деле свершилось. Теперь Аксумское царство стало великим. У Аксума есть своя империя. И эта империя простирается через моря. Это не какая-то туманная земля, засунутая в угол Африки, а нация, которая может дотянуться своей силой через океан и прижать самих малва.

Усанас сделал глубокий вдох и посмотрел на тот великий океан, о котором говорил.

— Кто теперь будет в этом сомневаться? Кто теперь станет оспаривать владычество Аксума на Эритрейском море? Не малва, уж точно! И в будущем не станет никто, ни Рим, ни Персия. Монеты Аксума будут так же хороши здесь, как римские. — Затем Усанас показал пальцем на толпу внизу. — И не думай, что об этом не размышляет каждый из сарвенов, по крайней мере, частью своего сознания.

Усанас снова фыркнул.

— То есть, той частью, которая не занята совращением и наслаждением от знания, что никакое особое мастерство не потребуется для совращения здесь. Не сегодняшней ночью, определенно.

Антонина рассмеялась.

Усанас продолжил:

— Нет, они уже начинают думать о будущем. О времени *после* войны, когда они вернутся. Каждый и все вместе — герои войны, с трюмами, наполненными так, что готовы лопнуть. Они принесут богатство назад в родные города и деревни, чтобы добавить к своим славным именам еще и золото.

Он слегка потряс ее за плечи.

— Поэтому пришло время — пришло — и тебе сделать то же самое. Нам не нужно твое чувство вины, Антонина. И мы не хотим, чтобы ты страдала. Но нам действительно нужны твой острый ум и мудрость. Проще говоря, нам необходима Афина. От Елены никакой пользы, кроме вреда.

Спускаясь вниз со стены, Антонина остановилась

— Но почему другие полки не возвращаются с сарвом Дакуэн?

Усанас холодно посмотрел на нее.

— О, — захихикала она. — Конечно. Было глупо с моей стороны этого не увидеть.

— Слава Богу, — вздохнул Усанас. — Я вижу, твои мозги возвращаются на прежнее место.

Когда они спускались вниз, осторожно пробираясь среди обломков, Антонина снова начала хихикать.

— Это чертовски хитрая тактика, Усанас. — Аквабе ценцен пожал плечами.

— На самом деле, нет. Каждый командующий полком прекрасно понимает логику. А почему бы и нет? Эзана все ясно им объяснил.

Антонина громко рассмеялась.

— Примерно так, я полагаю: вы остаетесь здесь. Слишком далеко для того, чтобы даже думать, как вмешаться. Завоюете больше славы и богатства и для Аксума, и для себя лично. В то время как я, командующий царским полком, к которому приписан Вахси, вернусь домой и покажу новому негусе нагасту, что рядом есть большой кулак, который требуется для защиты младенца. Если потребуется.

Она скосила глаза на Усанаса.

— А они не артачились? Хотя бы немного?

— Ничуть. Я думаю, втайне они почувствовали облегчение. Никто из них не хочет нарушения династии, Антонина. Когда есть твоя рука, чтобы направлять, и Эзана, чтобы обеспечить кулак, то с них снимается вообще любая ответственность. Они остаются просто солдатами, далеко, в чужой земле. Завоюете больше славы, больше известности, больше богатств.

Теперь вернулась его знаменитая улыбка.

— Я уверен, что ты обратила внимание: все сарвены в этой гавани — как раненые, так и нет — чуть ли не катаются под весом добычи. Так неосторожно со стороны малва было оставить свое золото, серебро и драгоценные камни в знаменитых подвалах гавани Бхаруча. — Улыбка начала исчезать.

— Итак. Как ты все-таки планируешь править?

Антонина внимательно посмотрела на Усанаса, словно он был сфинксом и загадывал загадку.

— Я пока не знаю, — резко ответила она. — Я думаю об этом.

Он в ответ тоже очень внимательно посмотрел на женщину. Словно изучал. Затем скорчил гримасу.

— Может, тебе сейчас следует вернуться во дворец, — пробормотал он.

— Нет шанса, — ответила Антонина, взяла его под руку и повела прочь. — Во-первых, я уже опоздала на аудиенцию к Шакунтале. А она, надо заметить, — императрица и не терпит опозданий. А во-вторых... — Антонина замолчала, глядя на Усанаса прищуренными глазами. — Я думаю.

— Я разбудил зверя. — Усанас покачал головой. — Я уже чувствую, как просыпается демон.

— Чушь. Я — просто женщина, которая думает.

— Это одно и то же, — простонал он.

Императрица покачала головой.

— Я не стану отдавать приказы, противоречащие приказам моих командующих, но считаю, что вы совершенно неправильно понимаете этого человека. И Рао больше всех.

Офицеры Шакунталы уставились на нее в замешательстве, и удивленное всего — ее муж. Они сидели на подушках, равно как и сама императрица, лицом к своей госпоже. Несмотря на маленький рост, создавалось впечатление, что Шакунтала возвышается над остальными. Как и всегда, молодая женщина сидела так прямо, что казалась значительно выше, чем на самом деле.

Рао погладил бороду.

— Я не стану отрицать. Тем не менее, императрица, я кое-что знаю о раджпутрах. И теперь эта армия — полностью армия раджпутов в том, что имеет значение для воина. Слово «малва», применяемое к господину Дамодаре, стало фикцией. Потрепанный плащ, прикрывающий совсем другую броню. Даже йетайцы в его армии принимают обычаи и традиции раджпутов. Старший офицер йетайцев, Торамана, как говорят, женится на девушке из клана Чохаров. И ни больше ни меньше, как на сводной сестре Раны Шанги.

— И другие поступают так же, — добавил командующий кавалерии Шакунталы, Шахджи. — И не только йетайцы. В Бхаруче не происходит ничего, о чем бы мы не узнали в течение дня. Мы получили бесчисленные отчеты от купцов и торговцев маратхи. День за днем, говорят они нам, солдаты-раджпуты ведут брачные переговоры с йетайцами и другими своими товарищами — даже кшатриями малва, — которые хотят прикрепить себя к раджпутам.

Каким-то образом Шакунтале удалось сесть еще более прямо.

— Да, я знаю. И вы думаете, что это означает, будто Дамодара и Шанга теперь поведут войну против нас в манере раджпутов? Наконец встретятся с нами на огромном поле брани?

— Они попытаются, — пробормотал Рао. — В то время, как мы попытаемся встретить их в другой манере.

Возможно, почувствовав внезапное напряжение в позах других офицеров, сидевших по обеим сторонам от него, Рао легко улыбнулся.

— О, пожалуйста, помолчите. Это ведь правда — наша армия еще не готова дать прямой отпор Дамодаре и его людям. И не будет готова еще какое-то время. Не забывайте: Дамодара сражался против Велисария — и победил.

Офицер по имени Кондев пошевелился.

— По всем статьям они количественно превосходили Велисария на перевале. Наши силы равны силам Дамодары. Нас даже больше, если мы подключим все резервы.

— И что с того? — пожал плечами Рао. — Армия Дамодары участвовала в великих сражениях, как против римлян, так и против персов. Они опытные и уверенные в себе воины. Наши солдаты не принимали участия ни в чем подобном. Тысяча стычек и засад — да. Сотня небольших битв на узких участках горной местности — да. Мы защищали и брали дюжину горных фортов — да. Но это не одно и то же. На открытом поле брани Дамодара разобьет нас наголову.

Последовало неуютное молчание. Судя по кислым выражениям лиц, было ясно: офицеры хотели отрицать слова Рао. Но...

Не могли. И то, что самый великий герой Махараштры был готов сказать о своей

слабости открыто и спокойно, делало отрицание невозможным. Кто они такие, чтобы сказать Ветру Великой Страны, что он ошибся в военном деле?

Так получилось, что сказала Шакунтала.

— Ты не прав, Рао. — Она сделала короткий рубящий жест левой рукой. — Не в плане правильности тактики, если Дамодара бросит нам вызов на открытой местности. По этому поводу я ничего не могу сказать. — Ее тон на мгновение стал скромным. По крайней мере, таким скромным, на какой была способна императрица. — Я даже не подумаю спорить со своим мужем по таким вопросам.

Рао улыбнулся. Но жена-императрица холодно проигнорировала это.

— Но ты не прав в политике. Дамодара, я в этом почти уверена, знает, что может разбить нас в сражении. Но не без того, чтобы самому понести тяжелые потери. И это, как я думаю, лежит в основе всего. Он ждет и будет продолжать ждать.

Рао нахмурился.

— Чего ждет?

Его глаза слегка раскрылись. Затем на одно мгновение вернулся старый Рао. Горный вождь, который когда-то тренировал императорскую дочь. Задолго до того, как женился на ней, в то время такой брак был немыслим.

— Чушь, девочка! Это раджпуты, говорю тебе. Даже если сам Дамодара и хочет захватить трон малва — а каков у него шанс, когда его семью держат заложниками в Каушамби? — его солдаты за ним не последуют. Если он станет давить и настаивать, то его зарежет сам Рана Шанга. Раджпуты дали клятву верности императору малва. А клятва раджпутов — и ты это знаешь не хуже меня — не нарушается. Она крепче железа.

Шакунтала покачала головой. Если императрице и не понравилось, как ее муж внезапно вернулся к старым, грубоватым способам обращения с ней, то не подала и виду. Более того, по намеку на улыбку на ее губах можно было предположить, что Шакунтала этим наслаждается.

Тем не менее головой она покачала яростно.

— Я не это имела в виду — хотя, Рао, я думаю, что ты забываешь уроки философии, которые когда-то давал нетерпеливой и упрямой девочке. — Да, Шакунтала на самом деле улыбалась. — Дело в том, что правда становится иллюзией, а иллюзия правдой. В плену майя не так-то легко проникнуть.

По комнате пронесся легкий смешок. Казалось, офицеры немного расслабились. Шуточные споры между императрицей и ее мужем было привычным делом. Привычным и сильно успокаивающим.

Шакунтала продолжала.

— У Дамодары такая природа — *ждать*. Люди упускают это в нем, потому что он способен на быстрые действия, когда двигается — а двигается он стремительно и часто. Но в основном он — ждущий человек. Это основа его души. Он не знает разницы между правдой и иллюзией и — что самое важное — знает, что не знает. Итак... он ждет. Позволяет делу самому развернуться, пока правда не начнет появляться.

— Какая «правда»? — резким тоном спросил Рао.

Шакунтала пожала плечами.

— Та же самая «правда», о которой думаем мы все. «Правда», которая разворачивается на Инде, не здесь. Мы не знаем, что случилось с Велисарием после того, как он оставил Бароду и повел свою экспедицию внутрь Синда.

Она бросила взгляд на Антонину, которая вместе с Усанасом и Эзаной сидела слева от Шакунталы. Антонина слегка покачала головой.

«Я знаю не больше тебя».

Рао и другие офицеры заметили этот быстрый обмен жестами, что, по всей видимости, входило в намерения Шакунталы. Она продолжала:

— Что случится на Инде? Когда Велисарий и малва столкнутся лицом к лицу? Кто выиграет, кто проиграет — и насколько великой будет победа или поражение? — Она

сделала паузу, бросая вызов кому-то, чтобы ей ответили. Когда стало очевидно, что ответ не последует, Шакунтала снова взмахнула рукой.

— Поэтому Дамодара будет ждать. Ждать и ждать. Пока правда не начнет проявляться. А до тех пор он будет заново отстраивать гавань и укрепления Бхаруча. Он будет отправлять патрули вверх по Нармаде — достаточно многочисленные, чтобы отразить любую засаду, но не такие большие, чтобы их уничтожение стало для армии серьезной потерей.

Кондев погладил бороду.

— Это правда, что все карательные экспедиции прекратились с тех пор, как после смерти Подлого командование принял Дамодара. Известно, что он выступал против рейдов, даже пока это чудовище оставалось в живых. Поэтому я не уверен, что это многое говорит нам о его планах на будущее.

Антонина решила, что пришло время выступить и ей. Она откашлялась, чтобы привлечь всеобщее внимание, затем, как только Шакунтала кивнула, разрешая, Антонина начала говорить:

— Я согласна с императрицей. Не относительно намерений Дамодары. — Она пожала плечами и более широко, чем Шакунтала, взмахнула рукой. — Хотя подозреваю, что в этом она тоже права. Хотя кто может прочесть человеческую душу? Однако ключевым является то, что предлагает императрица. И в этом я полностью с ней согласна.

Рао казался несколько раздраженным.

— Это означает, что мы ничего не будем делать. — Антонина покачала головой.

— Императрица сказала вовсе не это. Она не предлагала ничего не делать, Рао. Вместо этого она предложила нам подготовиться.

Антонина повернула голову и посмотрела на широкое окно, выходившее на город. Наполовину разрушенный Чоупатти был невидим, потому что окно находилось слишком высоко. Но Антонина могла разглядеть океан, спокойный после окончания сезона муссонов.

— В любом случае, аксумитам потребуется много времени, чтобы оправиться после ранений и отремонтировать поврежденные корабли. Как только задуют восточные муссоны, мы с Усанасом и сарвом Дакуэн вернемся в Аксумское царство. Но остальная часть аксумской армии может воспользоваться этим временем, чтобы отдохнуть и восстановить силы.

В комнате послышалось легкое шевеление. Офицеры были в курсе, что большая часть аксумских сил должна остаться в Индии, но сейчас впервые этот слух подтвердился. Они бросили взгляды на Усанаса и Эзану и увидели по их сурово-торжественным лицам, что Антонина говорит правду. Шевеление какое-то время продолжалось, стало сильнее, затем прекратилось. Ясно, что новость наполнила всех маратхи удовлетворением.

«Махараштра и Аксумское царство объединены. Теперь получается сила, которая может бросить вызов даже Дамодаре и раджпутам на открытом поле брани» — явно думали они.

— Пока нет, — твердо сказала Антонина, словно противореча ей же высказанному сомнению в возможное читать чужие мысли. — Аксуму требуется время. — Затем она добавила с большим ударением: — И оно требуйся вам. Если вы намереваетесь встречаться с Дамодарой и Раной Шангой где-либо еще, кроме засады, то вам нужно подготовить армию. Маратхи непривычны к таким методам ведения войны. Вы еще не готовы.

Лицо Шакунталы не выражало ничего, кроме уважения и внимания, но было ясно как день, что Антонина кратко изложила и ее собственную точку зрения. А Антонина, хоть сама и не была Велисарием, несла на себе полутень его репутации.

— Подождите, — повторила она. — Потренируйтесь, подготовьтесь. Дайте аксумитам отдохнуть, а затем начинайте тренироваться вместе с ними. Готовьтесь.

Она села так же прямо, как Шакунтала.

— Придет время, не сомневайтесь в этом. Но когда оно придет — когда правда начнет появляться из туманов, — вы будете к ней готовы.

Соглашался Рао с ней или нет, сказать было невозможно. Пантера Махараштры, когда

ему хотелось, мог становиться совершенно непроницаемым. Но понятно, что он был готов завершить дело. Теперь он смотрел на Шакунталу, не на Антонину.

— Ты считаешь, это правильно, императрица?

— Да.

— Ну тогда пусть будет так. — Рао склонил голову. Так склоняется слуга перед своей госпожой. — Будет так, как ты прикажешь.

Позднее, когда Рао, Шакунтала и Антонина расслаблялись в покоях императрицы, Рао внезапно рассмеялся и сказал:

— Думаю, все прошло очень хорошо. Даже мои маратхи достаточно удовлетворены, чтобы смириться со строгостями и суровостью тренировочного лагеря.

Шакунтала скептически смотрела на мужа, приподняв бровь.

— Нелепо! Противоречит здравому смыслу! — Воскликнул он. — Я просто играл роль. Ты определенно не думаешь, что я — сам Рагунат Рао! — так глуп, чтобы выступать в защиту бросания вызова Дамодаре непосредственно завтра?

— Завтра нет, — фыркнула Шакунтала. — Но послезавтра...

Бровь все поднималась и поднималась.

— Я ранен в сердце, — застонал Рао и прижал руку к груди. — Моя собственная жена!

Вид оскорбленной невинности плохо сочетался с хитрой улыбкой. К тому же Рао ехидно покосился на Антонину.

— А ты, римская женщина? Ты все еще погружена в эту свою роль? Как назвал ее Усанас — кто-то по имени Елена?

Антонина фыркнула, как Шакунтала — с императорским достоинством.

— Чушь. Я просто думаю, и все.

До того как Рао успел вымолвить хоть слово, Антонина нахмурилась, глядя на него, и рывкнула:

— Не надо этого говорить! Одного Усанаса и так более чем достаточно!

Глава 36

РАДЖПУТАНА

Осень 533 года н.э.

Йетайцы, охраняющие семью Раны Шанги, отреагировали на атаку так, как можно было ожидать от императорских войск малва. Как только Куджуло и кушаны бросились в атаку из засады, йетайцы обнажили оружие и повернули лошадей, чтобы их перехватить. Но, как и предвидел Аджатасутра, командующий из анвайя-прапта сачив поставил себя и всех своих людей во главе маленького каравана. Поэтому в течение нескольких секунд украшенный резьбой крытый фургон, в котором ехали жена и дети Раны Шанги, оказался изолированным.

— Сейчас! — крикнул Аджатасутра. Мгновение спустя наемный убийца и два катафракта вылетели из собственного укрытия — небольшой рощицы, которую караван недавно проехал. Они на лошадях понеслись к крытому фургону и трем повозкам, которые за ним следовали.

Увидев, как они приближаются, пятеро из шести человек, направлявших повозки с припасами — которые были на грани того, чтобы броситься наутек, еще завидев кушанов, — спрыгнули с повозок и понеслись к ближайшему оврагу. Шестой, судя по одежде — раджпут, схватил лук и стал судорожно нашаривать стрелу в колчане, прикрепленном к повозке.

Он не смог даже положить стрелу на тетиву. До того как он успел это сделать, первая стрела Валентина пронзила ему грудь. Выпущенная менее чем с сорока ярдов, из мощного лука катафракта, она пронзила легкие доспехи и снесла раджпуту с повозки. Он умер до того, как упал на землю.

Первая стрела Анастасия и вторая Валентина сделали то же самое с двумя охранниками-раджпутами, ехавшими на козлах крытого фургона госпожи Шанги, только человек, в которого стрелял Анастасий, не умер мгновенно. Анастасий стрелял не так метко, да и не так быстро, как Валентин. Он попал врагу в плечо. С другой стороны, Анастасий пользовался таким мощным луком, что рана получилась ужасная. Плечо раджпута было серьезно повреждено. Человек свалился с фургона и потерял сознание от болевого шока.

К этому времени сражение между семнадцатью кушанами и двенадцатью йетайцами было в самом разгаре. Трое йетайцев заметили, как бандиты атакуют фургон, и решили прийти на помощь госпоже Шанге. Но кушаны, воспользовавшись их внезапным замешательством, в течение секунды убили двух из трех. Только последнему йетайцу удалось высвободиться и рвануться к фургону. Он мчался галопом, размахивая мечом и изрыгая проклятия.

— Я займусь этим, — пророкотал Анастасий. — А ты займись фургоном.

Гигант направил коня вперед, остановил животное через несколько шагов и приготовил еще одну стрелу. Когда йетаец оказался менее чем в десяти ярдах, Анастасий выстрелил. С такого расстояния промазать не мог даже он. Стрела прошла сквозь доспехи йетайца, грудь, сердце и позвоночник, перед тем как выйти наружу. Кровавый наконечник и восемнадцать дюймов древка вышли из спины мужчины. Когда он свалился с лошади, то стрела воткнулась в землю, удерживая труп на месте, словно напоказ.

Аджатасутра и Валентин тем временем спешили и забрались на небольшой балкончик в задней части огромного фургона, место, где госпожа Шанга и ее дети могли подышать свежим воздухом, частично защищенные от пыли, поднимаемой их сопровождающими. Дверь, ведущая внутрь, была закрыта. И заперта, как тут же обнаружил Аджатасутра, когда попробовал дернуть за ручку.

— Отойди! — приказал он.

Валентин отпрянул в сторону, держа меч в одной руке и нож в другой. Щит он оставил притороченным к седлу. Аджатасутра даже не побеспокоился взять меч. Он был вооружен только кинжалом.

Наемный убийца отошел на один шаг, поднял колено к груди и выбил дверь. Как только она резко распахнулась, из внутреннего помещения фургона, опустив голову, бросился в атаку мужчина; лица его было не разглядеть в тени тюрбана. Он был без доспехов, одет только в обычные одежды и держал в руке короткий меч.

Меч Валентина начал подниматься и его удар обезглавил бы врага, но Аджатасутра внезапно крикнул «Стоп!» и этот крик остановил руку Валентина. Аджатасутра с легкостью увернулся от неумелого удара, схватил мужчину за одежду и врезал его телом по стене фургона, затем двумя короткими, быстрыми, безжалостными ударами отправил того в нокаут. Когда он уронил тело мужчины, стало возможным разглядеть лицо.

Валентин проглотил ругательство, которым собирался проклясть безрассудство Аджатасутры. Он смотрел на старика. Возможно, родственника. Скорее, судя по простым одеждам, старик был верным слугой. Быстрые действия Аджатасутры, сохранившего человеку жизнь, — и то необязательно, потому что бил наемный убийца все-таки по голове — не исключено, избавят их от проблем в будущем.

Внутри фургона кричала женщина. Валентин пригнулся и вошел, держа оружие наготове. Аджатасутра на мгновение задержался, чтобы оценить, как продвигается сражение между кушанами и йетайцами. Затем, тихо хрюкнув от удовлетворения, последовал за Валентином внутрь.

— Кушаны должны скоро закончить, — весело сообщил он. — Я думаю, что мы потеряли только четверых. Лучше, чем я ожидал.

Затем, увидев собранную позу Валентина, Аджатасутра напрягся. Он, на самом деле, не видел практически ничего, потому что ему мешал катафракт. Все, что мог разглядеть Аджатасутра, — это молодая служанка, скорчившаяся в одном дальнем углу и вопящая от ужаса. В то мгновение, когда его глаза встретились с ее, крик резко прекратился.

Совершенно ясно, что ужас девушки просто вышел за пределы крика.

Скорчившись в другом углу, сидела одетая в дорогие одежды маленькая девочка. Дочь Шанги, судя по всему. Ее лицо было таким бледным, а глаза — такими круглыми, как бывает только у шестилетней девочки. Но в целом она, казалось, держала себя в руках. По крайней мере, она не кричала, как служанка.

Но что там *перед* Валентином? Аджатасутра никогда не видел катафракта настолько готовым к смертельной схватке — он был наготове, как мангуст перед боем с коброй. Очевидно — Аджатасутра не предусмотрел такую возможность — госпожа Шанга взяла с собой одного из самых способных воинов мужа в качестве личной охраны.

— Уводи его в одну сторону, — прошипел Аджатасутра на греческом. — Я зайду с другой.

Валентин начал что-то бормотать. Затем, подчинившись приказу Аджатасутры, он, нервно посмеиваясь, воскликнул:

— Хорошо! Ты решай, как с ним разобраться, ты гений!

Когда Валентин прекратил загромождать дорогу, Аджатасутра наконец смог рассмотреть весь фургон изнутри. Госпожа Шанга, полная седая женщина с некрасивым лицом, сидела на большом диване. Она держала на коленях и крепко прижимала к себе четырехлетнего мальчика.

Перед ней, ровно между матерью и Валентином, стоял последний из детей Шанги. Это был двенадцатилетний мальчик. Аджатасутра знал, что его зовут Раджив и что большой перерыв между ним и двумя младшими детьми вызван тем, что двое других умерли в младенчестве.

Но он не знал...

...хотя ему следовало предположить...

— Великолепно, — пробормотал Валентин. — Просто великолепно. Ты уводишь его в сторону, а я зайду с другой.

Внезапно катафракт выпрямился и резким — почти злобным — движением убрал меч в ножны. Мгновение спустя исчез и нож.

Теперь Валентин скрестил руки на груди и спокойно облокотился о стену фургона. Затем заговорил на ясном и четком хинди:

— Я один раз уже сражался против отца этого парня, Аджатасутра. И одного раза мне хватило на всю жизнь. Поэтому *ты* можешь убивать мальчишку, если захочешь. *Ты* можешь проводить остаток жизни, беспокоясь, не явится ли за тобой Шанга. Я не идиот.

Аджатасутра уставился на мальчика. Раджив держал в руке меч и стоял в боевой стойке. На самом деле очень умело, учитывая его возраст.

Конечно, уверенность парня не очень-то удивляла, теперь, когда Аджатасутра об этом подумал. В конце концов, он был сыном Раны Шанги.

Аджатасутра пытался придумать, как разоружить парня, не причинив ему вреда, когда Раджив сам решил его проблему. Как только Валентин закончил говорить, мальчик скривил губы. И это была очень взрослая усмешка.

— Если бы ты, бандит, на самом деле сражался против моего отца, то сегодня ты был бы мертв. — Двенадцатилетний мальчик плюнул на пол фургона. И это получился достаточно хороший плевок. Он произвел впечатление на Аджатасутру. — Только два человека выступали против моего отца в поединке и выжили, чтобы потом об этом рассказывать. Первым был великий Рагунат Рао, Пантера Махараштры. Вторым...

Он замолчал. Затем впервые после того, как Аджатасутра увидел мальчика, глаза Раджива утратили выражение опытного мастера меча, готового начать схватку в любую секунду и потому смотрящего на всех противников сразу, и остановились на лице Валентина.

Глаза округлились. За спиной мальчика вскрикнула его мать. Аджатасутра не мог сказать, выражал это звук страх или надежду. Возможно, и то, и другое.

— Ты в самом деле Мангуст? — спросил Раджив чуть ли не шепотом.

Валентин улыбнулся, и улыбка изменила его худое лицо. Немножко неудачно, как

подумал Аджатасутра, поскольку более мирно катафракт выглядеть не стал, скорее наоборот.

Но затем, действуя быстро и легко, Валентин снял шлем и опустился на одно колено перед мальчиком. Казалось, он совершенно не замечает острого лезвия в нескольких дюймах от собственной шеи.

Валентин поднял голову и расправил жесткие черные волосы.

— Ты все еще можешь увидеть шрам, — сказал он тихо. — И можешь пощупать, если хочешь.

Раджив немного опустил меч. Затем медленно, явно колеблясь, он вытянул вторую руку и провел пальцами по голове Валентина.

— Это большой шрам, — сказал он удивленно. Теперь мальчик говорил тоном, более подходящим его возрасту

Наконец к разговору подключилась его мать — после того, как откашлялась.

— Мой муж всегда говорил, что Мангуст — человек чести. И определенно не бандит и не головорез.

Аджатасутра с облегчением вздохнул и убрал в ножны кинжал.

— И это так, госпожа Шанга. И то же самое можно сказать обо мне и людях, которые прибыли с нами. Я приношу извинения, что мы убили или ранили сопровождавших вас раджпутов. Но у нас не было выбора.

Упоминание об этих людях заставило Аджатасутру заметить, что весь шум за пределами фургона прекратился. Сражение кончилось.

Доказательство пришло немедленно. Производя очень мало шума, Куджуло просунул голову внутрь фургона.

— Все йетайцы мертвы. Мы сейчас прогоняем трусливых возничих с повозок. Пока убили троих. Мы подумали, что стоит оставить в живых двух-трех человек.

Аджатасутра кивнул.

— Если прогоните их на нужное расстояние. Достаточно близко, чтобы увидели, как горит караван, но слишком далеко, чтобы рассмотреть детали.

— А что там с охранником? Он никогда больше не сможет пользоваться одним плечом — по крайней мере, в полную силу, — но выживет, если мы обработаем ему рану. И то же самое старик.

Аджатасутра колебался. Он не планировал тащить с собой тяжелораненых. Но увидев, как Раджив снова напрягается, решил, что альтернатива еще хуже. Совершенно определенно, что сын Шанги — и, вероятно, его мать, будут сражаться, пытаясь спасти своих ближайших слуг.

— Свяжите их, — резко приказал он. — Вероятно, нам удастся замаскировать их, как больных. Или просто жертв бандитского нападения. Кто знает? Это, не исключено, даже поможет отогнать любопытных.

После того как решение было принято, он повернулся назад к госпоже Шанге.

— Мы пришли не затем, чтобы убить вас, мы хотим уберечь вас от беды. Все очень сложно. У меня нет времени объяснять вам сейчас. Вам придется просто временно поверить нам на слово. Мы должны двигаться немедленно или...

— Малва, — прошипела госпожа Шанга. — Мужчины и их глупые клятвы! Я говорила своему мужу, что они сыграют с ним и выставят его дураком.

Увидев, как напрягся ее сын, она вытянула руку и отвесила ему подзатыльник. Наполовину игриво, наполовину... нет.

— Глупец! — повторила она. — Даже ты, в двенадцать лет! Малва уничтожат нас всех.

Когда она снова посмотрела на Аджатасутру, то наемный убийца почти поразился уму и теплоте, блестящим в ее зоре. Впервые он начал понимать, почему у Раны Шанги репутация такого верного мужа, несмотря на то что у него такая некрасивая жена.

Когда час спустя они уехали с места боя и за ними поднимался столб дыма, Валентин

утверждал, что *почти* влюбился в нее.

— И влюбился бы по-настоящему, но только даже *эта* женщина не стоит того, чтобы снова сразиться с Шангой.

— Ты сделаешь все что угодно, только бы увернуться от выполнения честной работы, — пошутил Аджатасутра.

Валентин фыркнул.

— Ха! Как она расположила тела с кладбища? Идеально! Даже ни разу не поморщилась. Даже не скорчила гримасу.

Катафракт повернулся в седле и очень одобрительно посмотрел на женщину, следовавшую за ними на муле, одетую как бандитская жена и прижимавшую к себе обернутого в тряпье бандитского ребенка. Двое других бандитских детей, одетые в еще более грязные лохмотья, ехали на одном муле рядом с ней.

— Готов поспорить на свою премию по выходе в отставку против твоей, что эта женщина может приготовить любую еду. Вероятно, она смеется, когда режет лук.

К вечеру Валентин определенно чувствовал себя весело. Как выяснилось, госпожа Шанга и вправду могла приготовить все что угодно.

— Я так устал от этой проклятой кушанской еды, — бормотал он с полным ртом какой-то вкуснятины, сделанной госпожой Шангой. Из чего именно состоит это кушанье, никто не знал. Единственным, на спасении чего настояла госпожа Шанга до того, как поднести к фургону факел, был небольшой сундучок с кулинарными принадлежностями.

— Никто не заметит его отсутствия, — заявила она.

Аджатасутра, несмотря на некоторую неохоту, не стал упираться. Он просто настоял, чтобы она переложила содержимое — по большей части репчатый лук, пакетики с травами и специями и маленький нож — в различные мешочки, оставив пустой сундучок в фургоне. Он согласился, что никто не заметит отсутствия содержимого. Но сундучок, хотя и не являлся дорогим предметом, чтобы заинтересовать воров, был сделан с металлическим крепежом, который не сгорит в огне. Кто-то — скажем, Нанда Лал или его лучшие шпионы — могли заметить отсутствие этого крепежа и начать сомневаться.

— Тут есть лук, — счастливо продолжал Валентин. — Я люблю лук.

Анастасий тяжело вздохнул.

— Я не страдаю по отсутствию их еды, но мне не хватает самих кушанов. Я чувствовал себя гораздо лучше, когда нас окружали Куджуло и его маньяки. — Аджатасутра уже начал что-то говорить, но Анастасий взмахнул рукой, чтобы тот помолчал.

— Не беспокойся! Я понимаю твою логику, проклятый интриган. Пятеро мужчин — двое из которых раненые, а один из раненых — старик, женщина и трое детей могут перебраться через Гангскую равнину, не привлекая особого внимания. А большая группа вооруженных мужчин не может. В особенности кушанов. В особенности под стенами Каушамби.

Валентин к тому времени уже закончил поглощать пищу, и последние слова Анастасия вернули его в обычное мрачное настроение.

— Я все равно говорю, что этот план — сумасшествие. Мы сейчас могли бы вывезти госпожу Шангу и детей, — он показал на юго-запад. — Достаточно легко — ну, после тяжелого пути через пустыню Тар — добраться до армии полководца. Затем...

Аджатасутра снова хотел что-то сказать, но снова Анастасий жестом остановил его.

— Я сам разберусь с нашей маленькой лаской. — И гневно добавил: — Валентин, это было бы еще большим сумасшествием. Вся эта спасательная операция — не главное дело, и добавлена в последний момент. Мы по-прежнему должны выполнить основное задание. Если бы мы сейчас повезли госпожу Шангу, это раскрыло бы весь план и сделало бы остальную, главную его часть невозможной. Единственный способ сохранить секрет — это спрятаться в брюхе животного. В Каушамби. Последнем месте, где станет искать Нанда Лал.

— Нарсес! — прошипел Валентин. — Слишком хитер для своего же блага!

Но он прекратил спорить.

После того как превосходство логики было восстановлено и доказано, Анастасий вернулся к своим беспокойствам.

— Мне просто не хватает кушанов. Я, конечно, не виню их, что они вернулись к своим. А поскольку они по пути будут проезжать через Синд, то, вероятно, смогут передать полководцу, как у нас идут дела. Но... — Он вздохнул, даже тяжелее, чем раньше. — Нам троим будет нелегко, если атакуют настоящие бандиты.

Госпожа Шанга и дети поели раньше, и она уже, как могла, позаботилась о двух раненых раджпутрах. Поэтому теперь и она, и дети сидели вокруг костра, слушая этот обмен репликами. Как только Анастасий закончил фразу, на ноги вскочил Раджив, достал меч и принялся им размахивать.

— Бандиты — ха! Против Мангуста? И нас *четверо* !

Энтузиазм двенадцатилетнего мальчика, казалось, не успокоил Анастасия. Да и Аджатасутра разделял скептицизм гигантского катафракта. Иметь с собой слишком самоуверенного и неугомонного парня в качестве «дополнительного воина» казалось ему больше проблемой, чем помощью.

И, судя по хмурому выражению на лице, Валентин испытывал еще более сильные чувства. Но его недовольство, как сразу же стало ясно, вызвало другое.

— Если бы ты, парень, так держал оружие в бою, то был бы уже мертв.

Раджив опустил меч, его разрывали противоречия. С одной стороны, досада. С другой — уязвленная гордость.

— Мой отец учил меня держать меч! — запротестовал он. — Сам Рана Шанга!

Валентин покачал головой, встал с обычной грациозностью и стремительно выхватил собственный меч.

— Он не учил тебя держать меч так, — проворчал он. — Иначе у меня не осталось бы этого шрама на голове, а твой отец лежал бы в земле на горном склоне в Персии.

Катафrakt отошел на несколько шагов от костра. Солнце опустилось за горизонт, но света было еще достаточно. Валентин повернулся и сделал мечом приглашающий жест.

— Вполне можем начать сегодня вечером, парень, если ты собираешься помогать нам против бандитов, то тебе следует улучшить навыки обращения с мечом.

Раджив с готовностью побежал вперед, чтобы начать новый курс обучения. За его спиной госпожа Шанга покачала головой, не столько уныло, сколько иронично.

— В этом всем есть что-то странное, — усмехнулась она. — Сына обучает великий враг отца. Сражаться с кем, интересно?

— Бог склонен к причудам и фантазиям, — объявил Аджатасутра.

— Чушь, — возразил Анастасий. — Логика безупречна. В особенности, если мы рассмотрим, что Аристотель сказал о...

Глава 37

ПЕНДЖАБ

Осень 533 года н.э.

Велисарий переправлялся на первом корабле, оставив Маврикия укреплять римские оборонительные линии у Уча. Он не намеревался удерживать Уч после двух или трех дней, необходимых, чтобы перевезти всю армию через Чинаб. Но чтобы держать войско в руках, в то время как оно с боями отступает, требуется очень твердая рука, а по этой характеристике Маврикий подходил идеально.

Велисарий хотел как можно скорее увидеть землю, которую будет удерживать, именно поэтому он и решил рискнуть и сойти на берег. Его подчиненные возражали против этого решения, и довольно яростно, но Велисарий сам хорошо подходил под описание «очень твердый».

Кроме того, он считал риск минимальным. Небольшой треугольник земли,

сформированный слиянием рек Чинаба и Инда, был неудачно расположен, чтобы защищаться *против* вторжения в Пенджаб. Для этой цели было гораздо более разумно усилить Инд к югу от ответвления Чинаба — именно это малва и сделали. Поэтому Велисарий не рассчитывал встретить какие-то вражеские силы, за исключением конных патрулей. А против них набившихся в корабль катафрактов и арабских разведчиков будет достаточно.

Однако «набившихся» — это еще мягко сказано. Корабль был заполнен до предела, и Велисарий радовался, что дорога занимает не больше часа. К тому времени как его судно стало выгружать солдат, второе, захваченное римлянами при взятии Уча и также забитое солдатами, уже пересекло реку до половины.

Велисарий ступил на берег Чинаба к северу от места слияния Чинаба и Сатледжа. Эта позиция находилась слишком далеко на севере, чтобы он мог долго ее удерживать. До Инда было пятнадцать миль, а до слияния Инда и Чинаба — двадцать пять. Реки сформировали треугольник, общая длина сторон которого составляла более шестидесяти миль — скорее восемьдесят или девяносто миль, если учитывать все петли и изгибы обеих рек. С двадцатью тысячами человек, которые у него все еще оставались, Велисарий не мог надеяться защищать такую территорию больше нескольких дней.

Но если римляне не встретят крупную армию малва в треугольнике — а он этого не ожидал, — то Велисарий *мог* удерживать позицию эти несколько дней. Как раз достаточно, чтобы начать возводить укрепления дальше на юге, в гораздо меньшем треугольнике, в то время как его люди собирают провизию и корм для лошадей — сколько удастся. Теперь их припасы заканчивались. Они захватили в Уче значительное количество пороха, но совсем немного провианта.

Возможно, еще более важным, чем нахождение еды, Велисарий считал подключение к делу гражданского населения. Пенджаб был самым плодородным регионом Инда, а плотность населения здесь — самой высокой. Здесь малва не устраивали жестокой бойни, как в Синде — хотя, несомненно, известия об этих зверствах уже начали распространяться среди крестьян. Что, с точки зрения Велисария, было только к лучшему. Люди с треугольника еще не сбежали, но уже готовы были бросить родные дома. Они боятся скорее своих господ-малва, чем завоевателей из Рима.

И снова Велисарий намеревался использовать милость — определяя этот термин очень свободно — как оружие против врага. Его кавалерия подберется к Инду и затем, подобно варварским наездникам во время великой охоты в степях, погонит дичь на юг, загоняя ее во все более и более узкую часть треугольника. Только «дичью» будут крестьяне, а не животные. Целью гона — не съесть дичь, а использовать в качестве рабочей силы. Такие укрепления, какие намеревался построить Велисарий, потребуют много труда — гораздо больше, чем способны вложить имеющиеся у него в распоряжении солдаты, даже включая тысячи пленных малва.

«Сколько их тут, как ты думаешь, Эйд?»

Эйд сверкнул дрожащими гранями, что у него являлось эквивалентом пожимания плечами.

«Невозможно сказать точно. Нет свидетельств с этого этапа истории. В более поздние времена в Пенджабе население будет насчитывать миллионы, а это — плотность пятьсот человек на квадратную милю. Конечно, сейчас такой плотности нет, но я не удивлюсь, если наберется половина. Поэтому вполне может оказаться, что ты получишь рабочую силу в количестве десятков тысяч людей. Конечно, многие из них — старики и дети».

Велисарий сделал паузу, чтобы обменяться несколькими последними словами с Аббу. Арабские разведчики сходили на берег первыми. Как всегда, Аббу и его люди обеспечат Велисария разведанными. После этого он вернулся к ментальному разговору с Эйдом.

«Так много? Лучше, чем я надеялся. С двадцатью тысячами я уверен, что смогу построить укрепления, которые мне требуются, до того как малва смогут организовать серьезную осаду».

«Я не могу сказать наверняка. Но — думаю, да. Так с не большим, чем это, количеством мирного населения Густав Адольф воздвигнул укрепления у Нюрнберга за две недели. С другой стороны... то мирное население было горящими энтузиазмом партизанами-протестантами, преследующими свои цели. А этих пенджабских крестьян, которых ты соберешь, едва ли можно назвать римскими партизанами».

Велисарий усмехнулся.

«Да, так, правильно. Но, если я не ошибаюсь, мудрое изречение Сэмюэля Джонсона подойдет и сюда. Думаю, они постоянно помнят про резню, устроенную малва в Синде, и она преследует их в кошмарных снах. Если бы ты был крестьянином из Пенджаба, мобилизованным для строительства римских укреплений, предназначенных отражать осаду малва, то стал бы ты работать с неохотой?»

«Перспектива быть повешенным... — задумчиво произнес Эйд, вспоминая изречение Джонсона и немного его перефразируя. — Нет, не стал бы, в особенности, если ты будешь поддерживать дисциплину среди своих солдат и не допустишь плохого или жестокого обращения с гражданскими лицами. По крайней мере, кроме вынужденного тяжелого труда. Они будут прекрасно знать, что если малва тебя сломят, то их убьют вместе с римскими солдатами. Малва посчитают их „восставшими“, а они в Ранапуре показали, как наказывают восстание⁵⁷».

Три дня спустя перебрался Маврикий с остатками римских войск. К тому времени Велисарий уже провел подсчеты.

— Определенно, дела обстоят лучше, чем я предполагал, — сказал он, как только Маврикий вошел в командный шатер, поставленный Велисарием рядом с деревней Ситпур. — Не меньше двадцати пяти тысяч. Не исключено, что тридцать.

Маврикий удовлетворенно хрюкнул. Он снял шлем и повесил его на деревянный гвоздь, вбитый в ближайший шест, поддерживающий небольшой шатер. Шлемы Григория, Феликса и Марка из Эдессы уже висели там.

Это удовлетворенное хрюканье было последним знаком одобрения хилиарха. Еще до того, как добрался до стола, где была разложена первая карта местности с грубо сделанными пометками, он уже демонстрировал свой обычный пессимизм.

— Ты все еще слишком далеко на севере. Если ты думаешь, что можешь удержать столько земли с таким малым количеством войск, то ты спятил. Сколько отсюда до Инда? Вероятно, целых десять миль!

Григорий, Феликс и Марк из Эдессы откровенно расхохотались. Велисарий довольствовался только хитрой улыбкой.

— О, пожалуйста, помолчи. Я не собираюсь строить основные укрепления здесь, Маврикий. Я намеревался их возводить — фактически, уже начал — в десяти милях к юго-западу отсюда. — Велисарий показал на место на карте, где были проведены линии, изображающие тяжелые укрепления. — Там, ближе к острому углу треугольника, расстояние от Чинаба до Инда составляет не более шести миль. И я строю внешнюю линию укреплений здесь, в нескольких милях к северу.

— Мы просто поставили здесь полевые лагеря, — добавил Григорий. — Ничего особенного. Достаточно, чтобы большие подразделения катафрактов устраивали вылазки и нападали на первых малва в течение еще нескольких дней. Мы должны удерживать Ситпур в наших руках как можно дольше.

— Почему? — спросил Маврикий.

Трое членов высшего командования Велисария улыбнулись.

— Веришь или нет — и это к вопросу об удаче! — Ситпур является пекарным центром всей провинции.

⁵⁷ См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «В сердце тьмы».

Маврикий с такой силой выдохнул воздух, словно выплевывал его. Потом посмотрел суровыми серыми глазами на Велисария, и они стали еще суровее.

— Ты этого не заслуживаешь, попросту не заслуживаешь. Напоминает глупую «Илиаду», где каждый раз, когда этот безрассудный Ахилл впутывается в неприятности, появляется Афина и спасает его.

Велисарий поморщился, затем пожал плечами.

— Признаю: я предполагал, что местный хлеб пекут деревенские женщины и нет никаких специально оборудованных пекарен. Тогда обеспечение войск хлебом было бы подобно собиранию камней на пляже. Но я был готов заниматься и этим.

— Вместо этого деревенские жители собирают для нас все остальное — по большей части чечевицу, и много чечевицы — в то время как мы заставляем пекарни в Ситпуре работать круглые сутки, — перебил Марк. — Самая большая проблема, которая сейчас стоит перед нами, — это найти достаточное количество телег, чтобы перевозить хлеб на юг.

К этому времени даже Маврикий начал разделять охватившее всех возбуждение. Хотя он сделал последний выпад, пытаясь спасти какую-то часть здорового пессимизма. Но усилие было... слабым.

— Я предполагаю, что этот так называемый «хлеб» — плоские круглые лепешки. Редкая гадость, вероятно.

— Называются чоупатти, — засмеялся Феликс. — И лично я думаю, что они очень вкусные.

Маврикий не стал спорить по этому вопросу. Кулинарные предпочтения, в конце концов, — личное дело каждого, и не так важны для достижения общих целей. Еда — это просто еда, в особенности во время осады. До того как все закончится — при условии, что все пройдет хорошо, — Маврикий ожидал, что по крайней мере половину римских лошадей придется съесть.

— И чечевица, э? — пробормотал он, поглаживая бороду и глядя вниз на карту. — И мы сможем ловить рыбу в реках.

Последняя мысль, казалось, принесла ему облегчение. Не потому, что хилиарх всерьез полагал, будто римская армия сможет предотвратить таким образом голод во время долгой осады, а потому, что это выводило на поверхность новую проблему.

— У нас достаточно рыболовецких судов, — проворчал он. — Но не думайте, что у малва нет приличного количества своих. И это тоже не маленькие рыбачьи лодочки. У них достаточно больших кораблей в Пенджабе — судя по тому, что я вижу, — чтобы начать переправлять свои войска на треугольник до того, как мы закончим строить укрепления.

Он повернулся и махнул рукой назад, в направлении Уча.

— Вся местность начинает наполняться войсками малва. Кишеть ими. У них гораздо более тяжелая артиллерия, чем что-либо, имеющееся у нас. Когда мы покидали Уч, малва начинали устанавливать вокруг города двадцатичетырехфунтовые пушки. Это настоящие осадные орудия, а не маленькие пугачи, которые есть у нас.

Хилиарх с удовольствием вернулся на свою любимую почву. Он энергично начал поглаживать бороду.

— На расстоянии недельного марша у них должно быть тридцать тысяч человек. В три раза больше — на расстоянии месячного. А после того, как они начнут переводить войска с Гангской равнины, против нас выступят двести тысяч. — Маврикий помолчал секунду и добавил, немного запинаясь: — Достаточно скоро.

— Маврикий, никто не может очень быстро перевести такое количество войск на такое расстояние, — терпеливо начал Велисарий. — Нам потребовались месяцы, чтобы перебросить армию из Месопотамии к Инду и мы могли воспользоваться морем. Малва не могут переводить любое большое количество солдат через Раджпутану. Эта местность слишком сухая и бесплодная. Это означает, что им придется вести любые силы с Ганга маршем к истокам Джамны, а затем перебираться к Сатледжу. Это у них займет времени до следующего года, а ты это знаешь не хуже меня.

Он мотнул головой назад, показывая на север.

— До тех пор малва придется полагаться на те силы, которые у них уже есть в Пенджабе. Конечно, это сама по себе крупная армия, но готов поспорить — спорю, — что к этому времени они разбросаны по всей территории. Половина из них, вероятно, находится внутри или вокруг Суккура и превращается в падаль, сражаясь против Хусрау и Ашота.

Маврикий не стал спорить и по этому вопросу, но все равно не успокоился.

— Отлично. Но они все равно могут привести в три или четыре раза больше людей, чем есть у нас. Да, с хорошими укреплениями поперек треугольника мы можем порубить их до того, как они прорвутся. Но на этих реках достаточно судов, чтобы позволить им высадить войска вниз по течению.

Он провел пальцем по карте до места, где Инд и Чинаб сходились в одной точке к югу от римского лагеря.

— Практически везде вдоль по рекам. Поэтому нам нужно оставить ударную силу в центре, чтобы остановить любую высадку до того, как вражеские войска укрепят свои позиции. — Он помолчал и добавил мрачно: — Да, нам это может удаваться какое-то время. У нас все еще есть двенадцать тысяч катафрактов и мы в состоянии использовать половину из них как силы быстрого реагирования против любой атаки с воды. Но...

Григорий закончил мысль за него:

— Но раньше или позже они установят плацдарм для высадки десанта. А когда они это сделают, то действие начнет разворачиваться.

— Поэтому давайте обеспечим, чтобы это случилось позже, а не раньше, — твердо сказал Велисарий. — Потому что раньше или позже Менандр и Эйсебий тоже доберутся сюда. Мы совсем не видели признаков того, что у малва на этих реках есть какие-либо стоящие боевые корабли. После того как придут «Юстиниан» и «Победительница», мы сможем довольно легко контролировать берег.

В этот момент ни Менандр, ни Эйсебий не разделяли уверенности полководца. Во-первых, потому что им все еще предстояло пройти мимо крепости, которую малва построили на Инде ниже ответвления Чинаба. Во-вторых, потому что они оказались с гораздо большим грузом, чем ожидали. Вместо того чтобы тянуть одну баржу, «Юстиниан» тащил три, а «Победительница» — еще одну. На одной из трех дополнительных барж стояли все шесть двадцатичетырехфунтовых орудий, принадлежавших Ашоту; на второй находились артиллеристы и инженеры, которые требовались для их установки и работы; третья была нагружена порохом и ядрами.

Ашот настоял. Сурово.

— Они мне больше не нужны, — заявил он Менандру и Эйсебию. — После того как Калоподий отбил нападение малва на острове — когда они не сомневались, что преуспеют, — малва прекратили все атаки на римские позиции. Теперь они, вероятно, впали в отчаяние. У них заканчивается еда, а теперь еще и вы прибыли — не думайте, что малва вас не заметили — и они знают, что, скорее всего, перестанут получать припасы по воде. У них нет на реке никаких судов, которые могут выстоять против «Юстиниана» или «Победительницы». И уж определенно двух сразу.

— Они решат, что смогут! — запротестовал Эйсебий. Ашот покачал головой.

— Ты думаешь, как инженер, а не военный, Эйсебий. Год назад малва все еще считали, что покоряют Месопотамию. Последнее, о чем они думали, — это постройка оборудованных пушками и бронированных кораблей для защиты центральной части долины Инда. А это нельзя сделать за одну ночь, как тебе самому прекрасно известно.

— Ты думаешь, они собираются снять осаду Суккура? — спросил Менандр.

— Кто знает? — пожал плечами Ашот. — Если у них есть хоть немного здравого смысла, то они так и поступят. Ничего не говорит, что им удастся ворваться в Суккур после стольких недель попыток, а если они не смогут, то вскоре начнут голодать. Но я практически уверен, что полководец был прав: Линк все еще в Каушамби, слишком далеко от места

действия, чтобы принимать обоснованные решения. Поэтому офицеры малва, вероятно, действуют, основываясь на приказе «стоять любой ценой», который кажется разумным только командующему, находящемуся в тысячах миль отсюда. А высшее руководство малва ясно дало понять, какое наказание ждет за неподчинение приказам. Поэтому забирай двадцатичетырехфунтовые орудия, — подвел он итог. — Так и у меня останутся большие орудия на случай еще одной атаки малва, и Велисарий сможет использовать эти на севере. Эти чудовища действительно могут разбивать стены, если малва вдруг начнут возводить контрваллационные линии. А они начнут, если ему удастся захватить треугольник. Маленькие трехфунтовые пушки, которые сейчас имеются у Велисария, не смогут выполнить эту работу.

По пути вверх по Инду Менандр и Эйсебий выбрали и еще один груз. Однако небольшой — одного человека. Когда они спустились на берег острова, где Калоподий держал оборону, чтобы выказать ему свое уважение, юноша умолил взять его с собой.

Менандр с Эйсебием устали на него сверху вниз. Молодой греческий офицер лежал на тюфяке у себя в шатре. Нельзя было рассмотреть его лицо выше рта. Вся верхнюю часть головы покрывали бинты. Трюк Калоподия задержал атаку малва, но не предотвратил ее. Тем не менее ему удалось, благодаря личному героизму и героизму своих людей, отбить это нападение. Но он заплатил высокую цену. Его отряд понес тяжелые потери, а самого Калоподия ослепило шрапнелью.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Теперь от меня нет никакой пользы. После моего ранения войсками командует Антоний из Фессалоников — и он хорошо выполняет свою работу, — а мне здесь нечего делать, только лежать. — Калоподию удалось слабо рассмеяться. — Практикуюсь в риторике и грамматике. И уверяю вас, это времяпровождение очень быстро надоедает.

Двое морских офицеров колебались. Ни один из них не хотел выступать с очевидным возражением: тебе нечего делать и на севере, кроме как умереть, если Велисарию не удастся выстоять против малва.

Ответ был так очевиден, что Калоподий уже приготовил собственный. Достаточно ясно, что его просьба была не сиюминутным импульсом. Молодой аристократ — на самом деле, едва ли больше, чем мальчик — вероятно, лежал здесь много дней, надеясь на возможность покинуть место, где потерял зрение. И в яростной юношеской манере пытался вернуться к сражениям, несмотря ни на что.

— Полководец сможет пристроить меня к делу, — настаивал Калоподий. — Он будет вести осаду, обороняться. Много работы для квартирмейстера, и большую часть этой работы можно выполнить, не имея глаз. В конце концов, она в основном заключается в том, чтобы спорить с солдатами — что они могут получить, а что нет. — И снова Калоподий слабо усмехнулся. — А я правда хорошо владею риторикой.

Менандр посмотрел на Эйсебия, затем пожал плечами.

— Почему бы и нет? Если ему на самом деле так хочется.

У Эйсебия имелись на этот счет свои соображения. Но, не прошло и дня после того, как они оставили остров, как все сомнения стали уходить. К его большому удивлению — он был поражен — молодой знатный грек проявил интерес к технике. Или, по крайней мере, не считал ее чем-то абсолютно непостижимым.

Работать внизу, в трюме с паровым двигателем было конечно, слишком опасно для слепого. Но после некоторых экспериментов Эйсебий обнаружил, что слепой, который горит желанием учиться, может справиться с накачиванием камеры стреляющей огнем пушки, и достаточно легко.

— Это опасно, — заметил одолеваемый сомнениями Эйсебий.

— Это только к лучшему, — ответил Калоподий. Затем подумал и добавил: — Если только я не подвергаю риску тебя и экипаж.

Эйсебий начал качать головой, пока не понял, что жест ничего не значит для Калоподия.

— Я не это имел в виду. Я хотел сказать, что будет рискованно оставаться здесь наверху, когда мы пойдем мимо крепости. Там определенно дежурят сторожевые суда. Мне придется сжечь их, когда мы будем проходить мимо, или малва смогут взобраться на наши грузовые баржи. Мы станем прекрасной мишенью для больших орудий в крепости, так что о лучшей ночи можно только мечтать. Тебе на самом деле будет безопаснее на «Юстиниане».

Но Эйсебий не настаивал. Калоподий, совершенно определенно, не искал безопасности. В готовности молодого человека вернуться к боевым действиям было что-то почти самоубийственное. Словно, насмехаясь над самой смертью, он мог каким-то образом восстановить зрение. Или, по крайней мере, ту часть себя, которой молодой человек измерял собственную нужность.

Глава 38

Велисарий сгорбился и накрыл голову руками. Движение было скорее инстинктивным, чем разумным, поскольку шлем мог обеспечить гораздо лучшую защиту, чем руки. Судя по звуку, снаряд мортиры в любом случае приземлился слишком далеко, чтобы принести какой-то урон.

— Эти — самые худшие, — сказал Григорий. — Круглые ядра, даже из крупных двадцатичетырехфунтовых орудий, по сути своей не могут проделать дыру в наших укреплениях. Но эти их проклятые большие мортиры...

— И только один снаряд убил восемь человек сегодня утром, — пробормотал Феликс и внимательно посмотрел на Велисария. — Ты уверен...

Велисарий покачал головой и распрямился.

— Пока нет, Феликс. И не думай, что Ситтас не проел мне плешь тем же самым. — Полководец поставил перископ обратно на вал. Оптическое приспособление было одним из двадцати привезенных Велисарием из Харка. Эти штуки ему порекомендовал Эйд, и они определенно доказали свою ценность после того, как началась осада. — Он хочет повести вылазку, поскольку уверен, что может добраться до этих траншей и перебить обслуживающих мортиры малва, не потеряв при этом слишком много катафрактов.

Велисарий медленно обвел взглядом вражеские силы в траншеях, расположенных не более чем в нескольких сотнях ярдов от римлян.

— Он, вероятно, прав. Если я не ошибся в догадках, то командующие малва все еще заняты подволом своих сил на позиции. Их полевые укрепления слишком плохо сконструированы. Неаккуратные, небрежные. Солдаты возводят их в спешке, каждое подразделение само по себе, без какого-либо общего плана или координации.

Велисарий услышал тихий звук стреляющей римской мортиры и проследил за траекторией полета снаряда. Несколько секунд спустя тот ударил прямо по траншее малва. К этому времени, через два дня после того, как начались сражения на передовых укреплениях, управляющие мортирами римские артиллеристы добились от этих грубых орудий высокой точности. Они использовали порох малва вместо римского, поскольку Велисарий хотел сохранить порох лучшего качества для полевой артиллерии. Но даже после малого количества экспериментов римляне ловко адаптировались. После стольких лет войны порох малва стал более единообразным и стандартным, чем был вначале.

— Я не думаю, что эти люди там, в траншеях, уже поняли, что ввязались в настоящую осаду, — задумчиво сказал Велисарий. — Если я прав, это означает, что вскоре они начнут массированную атаку. Поэтому-то я держал митральезы вне пределов видимости и редко использовал снайперов. Когда они пойдут в атаку, я хочу уничтожить как можно больше людей. Затем — когда они отступят — Ситтас сможет устроить вылазку, что он так любит делать. Малва попадут в мясорубку.

Жутковатый смысл слов плохо сочетался с мягким, почти спокойным голосом. Но

Велисарий давно научился отбрасывать в сторону личные чувства во время сражения. Когда требовалось, этот гуманный по натуре человек был способен на полную безжалостность. Он больше даже не размышлял о такой дихотомии⁵⁸.

Как и Эйд. Мысли кристалла были еще более кровожадными, чем у полководца.

«У них также нет никакого настоящего опыта во взятии современных укреплений. Даже если их и проинструктировали, то это многого не даст. Они пойдут прямо к основной защитной стене, а не к бастионам, как следовало бы. Митральезы встретят их анфиладным огнем⁵⁹, направленным вдоль стены с осадными лестницами».

Сам Велисарий стоял на одном из таких бастионов. Бастион имел форму наконечника стрелы, задняя его часть находилась под углом в девяносто градусов к стене. Стороны бастиона оставались невидимыми атакующему врагу и закрытыми от пушечного огня из-за защитных выступов «наконечника», которые на профессиональном языке военных назывались «оборонительными выступлениями бастиона». Бойницы пока пустовали. Но митральезы ждали начала атаки в бункере внизу. Сквозь бойницы артиллеристы получают защищенную и идеальную линию огня вниз по всей длине стены, которая отделяет этот бастион от следующего, находящегося примерно в двухстах пятидесяти ярдах.

Перед укреплениями — толстыми земляными валами — пролегал широкий ров. Благодаря природному просачиванию грунтовых вод, проходящих близко к поверхности земли, в нем набралось воды уже примерно на два фута. В более сложных укреплениях, которые Велисарий строил в нескольких милях позади, где планировал по-настоящему держать оборону, его инженеры проектировали рвы таким образом, чтобы их внезапно заливало водой после прорыва заграждения. Но в этих, более простых наружных укреплениях не было ничего изысканного.

И не требовалось. У наружных укреплений было две цели:

Во-первых, дать Велисарию время, которое требовалось, чтобы закончить сбор всей возможной провизии к северу от его «внутренней линии». Эта работа теперь была практически завершена.

Во-вторых, он надеялся втянуть малва в плохо продуманную массированную атаку, которая позволит сильно их обескровить. Это еще предстояло сделать. Но судя по тому, что он мог заметить через перископ — и даже больше благодаря своему обостренному «чувству битвы», — атака произойдет очень скоро.

— Завтра, — объявил он. — Не позднее, чем послезавтра.

Велисарий посмотрел вдоль защитной стены сквозь оружейную бойницу. Он уже мог представить массу солдат малва, сгрудившихся у этой стены и взбирающихся на нее, и безжалостный анфиладный огонь митральез и полевых орудий, заряженных картечью, которые сделают полный грязь ров красным от крови.

Это была холодная мысль, несмотря на то что она отчетливо светилась красным. Она содержала не больше милосердия, чем демонстрирует кузнец по отношению к железному пруту, когда, осматривая раскаленное докрасна железа, оценивает силу удара.

Этой ночью Менандр с Эйсебием прошли мимо крепости на Инде. В идеале они предпочли бы переждать еще неделю, тогда им помогало бы новолуние. Но время поджимало. Они все еще не знали и не могли знать, преуспел ли Велисарий в своем плане захватить нижнюю развилку рек в Пенджабе. Но если захватил — а ни один из офицеров не имел склонности сомневаться в своем полководце — то вскоре их главнокомандующему отчаянно потребуются люди и припасы, которые они везли. И, возможно, даже в большей степени — контроль над рекой, который обеспечат «Юстиниан» и «Победительница».

⁵⁸ Дихотомия — последовательное деление на две части.

⁵⁹ Анфиладный огонь — то же самое, что продольный огонь.

В идеале они также предпочли бы держаться восточного берега Инда, то есть как можно дальше от огромных орудий крепости малва. Но у них не было карт, показывающих глубину реки так далеко на севере, — по крайней мере, у римлян, не у малва — и Менандра всерьез беспокоила опасность сесть ночью на мель на какой-нибудь скрытой песчаной косе. Поэтому он решил держаться центра реки, где такой риск был минимальным.

Конечно, «Победительнице» придется рискнуть. Чтобы перехватить сторожевые суда малва, которые определенно дежурят на реке рядом с крепостью, Эйсебий поплывет рядом с западным берегом. Хотя теоретически колесный пароход с боковым колесным винтом было возможно «провести пешком» по выступающей песчаной косе, ни Менандр, ни Эйсебий не имели желания испытывать эту теорию под вражеским огнем. Поэтому «Победительнице» придется полагаться только на скорость. По этой причине баржу, которую она тянула, теперь присоединили к «Юстиниану».

— Получится ли их обмануть? — пробормотал Менандр себе под нос, наблюдая за очертаниями маячившей слева крепости. — Я двигаюсь медленно, как улитка, а Эйсебий практически заходит в логово ко льву.

Тусклый свет, отбрасываемый убывающей луной, не позволял различить детали крепости. Она просто выглядела очень темной и большой — и очень мрачной. Менандр заметил мерцающие огни, показывающие, что в крепости давно зажгли жаровни, где разогревались ядра.

Что совершенно неудивительно. Бросок Велисария в Пенджаб разбил вражеские силы, стоявшие к востоку от Инда, но малва сохранили полный контроль над западным берегом к северу от Суккура. Кавалеристы малва ехали рядом с небольшой римской флотилией с тех пор, как она вышла из Рохри, и сообщали об ее местонахождении в крепость, используя телеграфную линию, которую малва протянули от лагеря осаждающих Суккур войск до самого Пенджаба. А оттуда, как не сомневался Менандр, в столицу Каушамби.

Тем не менее у них с Эйсебием имелось одно «секретное оружие», туз в рукаве. Менандр отвернулся от крепости и посмотрел на «Победительницу», которая стала уходить вперед. Теперь в любой момент... Внезапная вспышка пронзила тьму — на маленькой шлюпке, которую тащили на буксире за «Победительницей», зажгли небольшой заряд взрывчатого вещества. За несколько секунд адское химическое соединение, приготовленное Эйсебием, разгорелось и начало выпускать дым, а вскоре сформировалось большое облако. Менее минуты спустя «Юстиниан» и четыре привязанные к нему баржи стали исчезать в этом дыму. Пока не сгорит весь порох или лодка не затонет от жара, у Менандра будет определенная защита. Малва придется стрелять вслепую.

Эта мысль не принесла римскому офицеру особого облегчения. Большие осадные орудия малва были такими неточными, что и при ярком свете едва ли могли попасть по цели. Они полагались лишь на удачу. Но Менандру требовалось только вспомнить Иоанна Родосского и его судьбу, чтобы решить: возможно, настоящей госпожой битвы является Богиня удачи.

И проклятое соединение было страшно едким. Через несколько секунд Менандр уже старался лишний раз не дышать. И сильно сожалел, что точно так же, как малва не могут видеть его, он сам больше не может видеть «Победительницу», готовую принять бой со сторожевыми судами.

— Удачи, Эйсебий.

Эйсебий, настоящий ремесленник, на самом деле не полагался на удачу. Даже новая карьера морского офицера не сильно ослабила его веру в логику и порядок. Поэтому, когда он встал у ствола стреляющей огнем пушки, чтобы сокрушить приближающиеся сторожевые корабли, он немного думал о возможности быть потопленным крепостными орудиями. Если что, он просто пройдет так близко к сторожевым лодкам, что малва не станут стрелять в него, опасаясь потопить собственные суда.

Великий рев объявил о первом залпе малва. Несколько секунд спустя Эйсебий уже

вполголоса ругался и перенаправлял ствол пушки.

Цель, по которой он намеревался открыть огонь, исчезла. Малва действительно выстрелили по «Победительнице». Однако промахнулись и первым же снарядом потопили одну из сторожевых лодок.

Или из чувства досады, или просто потому, что комендант крепости решил, будто корабли Менандра представляют собой более подходящую цель, второй залп был нацелен на «Юстиниана» и четыре баржи, которые он тянул. Как и третий залп.

И Менандр, ругаясь еще более яростно, чем Эйсебий, утвердился во мнении, что битвой заправляет Богиня удачи. Ни по одному из кораблей малва не попали. По правде говоря, ни одно из огромных пушечных ядер даже не упало ближе, чем в тридцати ярдах от какого-либо из римских судов. Но одно, направляемое невероятной удачей, аккуратно перерубило канат, тянувший последнюю баржу.

Это баржа, на которой везли большую часть пороха и ядер для двадцатичетырехфунтовых орудий, отделилась и начала бесцельно дрейфовать в ленивом течении. Несколько пливших на ней солдат оказались абсолютно беспомощными. Ни один из них не был моряком; но даже если бы они знали, как поднять паруса, не было ветра, чтобы их раздуть; и римлян было слишком мало, чтобы взяться за весла — и в любом случае, баржу не проектировали для того, чтобы плыть против течения, используя силу гребцов. Все, что могли сделать римские солдаты, — это дрейфовать, ожидая самого худшего.

Менандр даже не сразу понял проблему. Изменение скорости флотилии из-за внезапного облучения груза было слишком ничтожным, чтобы его заметить. И только после того, как «Юстиниан» и прикрепленные к нему три баржи полностью вышли из дымовой завесы, он понял, что случилось.

Мгновение Менандра разрывало от нерешительности. Он все еще находился в радиусе действия орудий малва и останется на протяжении нескольких секунд. Если он отвяжет три баржи, которые тянет за собой, чтобы отправиться назад спасать четвертую, то может потерять все. С другой стороны, если он будет ждать, пока их не оттянет достаточно высоко вверх по течению, чтобы оставить баржи в безопасности, ему потребуется слишком много времени, чтобы спасти отвязавшуюся и вернуться — и это при условии, что по нему не попадут снарядом из крепости. За это время три остальные баржи вполне могут сесть на мель или их может отнести назад, в радиус действия вражеских орудий. Течение Инда небыстрое, но сама по себе баржа не способна ему сопротивляться.

Взгляд Менандра упал на «Победительницу», от которой его теперь отделяло около мили. Офицер видел, как с ее носа вылетела еще одна залп огня и охватил сторожевое судно малва. За «Победительницей» яростно горели еще два корабля. Как и ожидалось, речные суда не могли надеяться соответствовать «Победительнице» в бою. Одного выплеска огня ужасающим, изрыгающим пламя орудием было достаточно, чтобы превратить любое небольшое судно в ад.

У малва остался только один сторожевой корабль. Капитан этого судна не был трусом и продолжал двигаться по направлению к «Победительнице». Менандр увидел небольшую вспышку на носу судна, когда оно выстрелило из маленького погонного орудия. В лучшем случае — трехфунтового. Но даже при выстреле с близкого расстояния крепкие материалы, из которых был изготовлен носовой щит «Победительницы», выдержат удар.

Однако, к удивлению Менандра, «Победительница» стала разворачиваться. Офицер сразу понял, что Эйсебий заметил осиротевшую баржу — которая теперь находилась не более чем в трехстах ярдах от него — и намеревался отправиться на спасение.

— Ты, трахнутый дурак! — заорал Менандр. Он был в такой ярости, что повторил проклятие три раза подряд, несмотря на отсутствие у Эйсебия возможности его услышать.

Менандр начал в отчаянии бить кулаком по палубному ограждению. Он уже видел, как сторожевое судно малва набирает темп — гребцы судорожно работали веслами. Преимущество «Победительницы» в бою заключалось в использовании оружия, которому

невозможно противостоять и которое полностью защищено тяжелым щитом — но только при лобовой атаке. Однако неуклюжее судно двигалось не быстрее, чем весельное, а при взятии на абордаж у корабля малва значительно больше преимуществ, чем у «Победительницы». Из-за парового двигателя, обеспечивающего ход, и пушки «Победительница» была слишком тесной, чтобы иметь большой экипаж. И половина из них — механики, не солдаты. До того как «Победительница» сможет добраться до дрейфующей баржи и закрепить еще один канат, сторожевое судно малва уже настигнет ее и расправится с экипажем.

Единственное, что имелось у «Победительницы» для отражения подобной атаки, — это орудие Пакла⁶⁰, стоявшее в бронированном укрытии над машинным отделением. По сути своей это был огромный длинноствольный револьвер на подпорке, стреляющий коническим ядром, и обслуживали его двое человек. Все девять ядер в магазине можно было выпустить быстро, одно за другим. Оружейный техник поворачивал коленчатый рычаг, в то время как заряжающий снимал магазин и заменял его другим. Это орудие являлось наиболее близким к пулемету, если не считать тяжелую и неповоротливую митральезу. Изобретение Пакла было удобным маленьким орудием, и это следовало признать. Но Менандр не тешил себя иллюзией, будто его достаточно, чтобы прогнать столько людей, сколько находилось на сторожевом судне малва.

Лоцман «Юстиниана» подошел к Менандру. Ясно, что он пришел к тому же выводу, что и римский офицер.

— Вот что получается, если пытаться сделать из проклятого ремесленника моряка! — рывкнул он. — Он просто потеряет в этой схватке свой собственный корабль.

Менандр вздохнул. Он воспользовался временем, чтобы смириться с неизбежным, и снова пожалел о сумасшедшей скорости, которая потребовалась после изменения стратегии Велисария. Эта суматоха оставила после себя много незаконченных проектов. Среди них были планы эффективной системы сигналов, которые они с Эйсебием начали разрабатывать в Харке. Благодаря такой системе флотом сможет командовать один офицер. Этим офицером был бы Менандр, а не этот... этот... этот ремесленник!

Так получилось, что они с Эйсебием успели разработать только основы. Очень простую систему. Самые что ни на есть обычные сигнальные флаги. Но эти флаги сейчас были аккуратно сложены в ближайшем сундуке и абсолютно бесполезны в середине темной ночи. До разработки системы подачи сигналов лампами они так и не добрались.

— Ничего не поделаешь, — проворчал Менандр. — Если мы развернемся, то просто увеличим потери. Продолжай следовать по курсу.

— Хорошо, — сказал лоцман и кивнул, выражая свое одобрение. — Сказано истинным моряком.

— Давайте надеяться, что это сработает, — пробормотал Эйсебий.

Они почти добрались до оторвавшейся баржи. Он стоял как раз за пределами защищающего нос навеса и, перегнувшись через борт, пытался оценить расстояние между «Победительницей» и преследующим ее сторожевым судном малва. Затем, решив, что расстояние практически то, какое нужно, он посмотрел вверх, на крепость.

Пока малва продолжали стрелять залпами, Эйсебий не совсем понимал, почему они так делают, поскольку при несомненном преимуществе стрельбы залпами на поле брани в такой ситуации она не имела смысла. Как подозревал Эйсебий, командующий малва боится, что, работая в темноте, артиллеристы, соблюдающие собственную скорость стрельбы, могут поспешить и спровоцировать жуткий несчастный случай.

Какой бы ни была причина, Эйсебий ей радовался. Он собирался какое-то время

⁶⁰ Орудие Пакла — первый в истории пулемет (1718 г.), названный в честь англичанина Пакла, который изготовил опытный образец и получил на него патент. Орудие опередило время и не было запущено в производство. Опытный образец выставлен в Тауэре, Лондон.

поддержать «Победительницу» на месте. Он все еще оставался слишком близко к крепости, чтобы так рисковать, пока не выпустят залп. После этого малва потребуются долгие минуты, чтобы перезарядить огромные орудия. Достаточно времени, как думал Эйсебий, чтобы выполнить его поспешно придуманный план.

Темные очертания крепости внезапно осветились огромной вспышкой. В то мгновение, когда Эйсебий увидел выстрелы, он нырнул под щит и закричал Калоподию:

— Давай! Сейчас!

Слова почти полностью перекрыл грохот пушек.

Эйсебий увидел, как Калоподий нажал на рычаг, и тут же снова поднял голову, чтобы в последний раз взглянуть на расстояние между «Победительницей» и ее преследователем.

Скорее, оценить его. Эйсебия сбила с ног перелетевшая через борт волна. А затем он чуть не свалился в воду, когда «Победительница» стала яростно раскачиваться.

Малва снова промазали.

Плюясь и кашляя, Эйсебий начал выкрикивать новые приказы. Ожидавший этих приказов рулевой поменял направление работы левого колеса на обратное, и теперь правое и левое колеса стали работать в противоположных направлениях. «Победительница» задрожала, остановилась и начала — медленно, с трудом — поворачиваться к приближающемуся сторожевому судну.

Самыми худшими были первые полминуты или около того. После этого «Победительница» стала разворачиваться быстрее. Наконец Эйсебий увидел, как сторожевое судно само судорожно начинает менять курс.

— Слишком поздно, ублюдки, — прошипел он. Затем Эйсебий бросился в темное помещение под щитом на носу и пробрался к стволу стреляющей огнем пушки. Двое артиллеристов уже установили ствол в первом отверстии, из которого можно было стрелять по сторожевому судну малва. Когда Эйсебий миновал Калоподия, слепой молодой грек вручил ему кремль и весело сказал:

— Готово — но не промахнись.

— Маловероятно, — ответил Эйсебий так же весело. Глядя сквозь прорезь, он видел, что сторожевое судно неизбежно остается в зоне досягаемости. — Ну что ж, поджарим малва.

Мгновение спустя он повернул клапан и воспользовался кремнем. Его действия соответствовали только что произнесенным словам.

Глядя назад и наблюдая, как «Победительница» опять пошла вверх по реке с потерянной баржой на буксире, Менандр с облегчением вздохнул.

К нему вернулся лоцман.

— Пусть Бог благословит старого императора! — воскликнул он. — Если бы он не сконструировал эти приспособления так, что они работают в обе стороны...

Менандр кивнул с серьезным видом.

— Все-таки не стоит плохо отзываться о ремесленниках.

Вскоре после этого суеверный страх Менандра подтвердился. Пушечное ядро на излете врезалось в корму баржи. К счастью, порох не загорелся, или «Победительница», к которой крепилась баржа, тоже была бы разрушена. Но в течение минуты стало очевидно, что баржу не спасти. Эйсебий едва успел повернуть, чтобы вовремя добраться до нее и спасти экипаж, пока она не потонула окончательно. Груз, ради которого он пошел на такой риск, был безвозвратно потерян.

Глава 39

ИНДИЯ

Осень 533 года н.э.

Когда судно, которое Эон назначил своим флагманским кораблем, покинуло гавань Чоупатти, Антонина с Усанасом стояли на корме. Отсюда открывался наилучший вид на длинный, высокий, крутой мыс, который смотрел на гавань. Крепость, где Эон встретил смерть, находилась на этом мысе. Местное население называло это место Малабарской возвышенностью. Так называлась и его гробница.

Антонина думала, что аксумиты захотят вернуть тело Эона в Аксум. Но если отбросить банальные трудности транспортировки останков через океан, командующие саравита — с которыми согласились Усанас и Эзана — решили, что более подходящим будет похоронить его на Малабарской возвышенности. И таким образом, как и Александр Македонский, Эон нашел последний приют в земле, которую покорил, а не там, где родился.

Да, покорил, а не просто завоевал. На пышной церемонии три дня назад императрица Шакунтала официально передала права на владение Чоупатти и непосредственно прилегающим к городу регионом аксумитам. Эта территория станет частью Аксумского царства на индийской земле; анклавом⁶¹, где аксумские купцы, представители и агенты смогут бросить якорь для аксумской торговли, которая, как все ожидали, расцветет после войны.

— Это справедливо, — сказала Шакунтала толпе знатных андхарцев и маратхи, собравшимся у нее во дворце на церемонию. — Наш долг Аксумскому царству очевиден. И я должна заплатить мой личный долг.

Затем впервые все маратхи, за исключением ее мужа услышали от Шакунталы рассказ о том, как она впервые встретила с аксумским принцем, в те дни, когда все еще была принцессой, и о том, как Эон спас ее из плена малва.

Это была живая история. И в большой степени потому, что императрица не пыталась, как обычно делала на официальных мероприятиях, сдерживать чувство юмора. И если рассказ и был на грани непристойности — Шакунтала описала пикантные подробности эпизода, когда Эон прятал ее от обыскивавших его покои солдат малва, бросив принцессу на кровать и притворившись, что занимается с ней любовью — и сам был абсолютно голый, хотя она оставалась в одежде — все собравшиеся господа отреагировали только смехом, и ничем больше⁶². Несмотря на навязчивые идеи ритуальной чистоты, индусы не были ханжами. Немного отойдешь от дворца и увидишь храм, внутренняя резьба которого изображала — даже в больших деталях, чем рассказ императрицы — реальные совокупления, без доли симуляции.

— Однажды я думала, что может прийти день, когда я выйду замуж за Эона, — завершила речь Шакунтала. — Конечно, ради блага Андхры. Но сама мысль не была для меня неприятной.

Ее маленькая ручка пожала большую руку мужа. Необычно для такого мероприятия, но Шакунтала настояла, чтобы на протяжении всей аудиенции Рао стоял рядом с ней.

— Судьба решила иначе, и я рада, что получилось именно так. Но всегда будет жить та часть меня, которая по-прежнему остается молодой принцессой, которую оберегает от зла самый благородный принц в мире. И поэтому я думаю, что Андхре следует дать Аксуму приданое, которое он получил бы на другом повороте колеса судьбы. Меня не было бы здесь — и никого из нас не было — если бы не Эон Бизи Дакуэн.

Шакунтала встала и сошла вниз с трона, а затем передала соответствующий документ Сайзане, командующему сарвом Хадефан, которого Усанас назначил аксумским наместником на новой территории.

⁶¹ Анклав — территория одного государства, окруженная со всех сторон владениями другого.

⁶² См. роман Д. Дрейка и Э. Флинта «Окольный путь»

Наблюдая за суматошной работой аксумитов и нанятых ими маратхи на Малабарской возвышенности, Антонина начала тихо смеяться. Аксумитам было мало просто перестроить те части укреплений, которые сами разрушили во время атаки. Они продолжали разбирать их дальше. Антонина слышала от самого Усанаса о планах, разработанных аксумитами для новой огромной крепости, которую они построят. Крепости с похороненным в ней телом Эона, которая будет служить вечным памятником его доблести.

— Я только что вспомнила, как Эон водил меня на экскурсию по царским руинам Аксума, — сказала она в ответ на вопросительный взгляд Усанаса. — Ты так саркастически высказывался о царской грандиозности, застывшей в камне.

Антонина показала пальцем на строящуюся крепость.

— А теперь — взгляни! К тому времени как вы закончите, она заставит любой памятник в Аксумском царстве казаться горкой камушков, сложенной ребенком.

Усанас улыбнулся.

— Это совсем не то же самое, Антонина! — Он прищелкнул языком. — Женщины. Вы никогда не бываете практичными. Это — никакой не памятник. Да, она будет гигантской и грандиозной и, между нами говоря, — довольно гротескной. Но это самая настоящая крепость, Антонина. Живое доказательство реальной власти и мощи Аксума, а не... — Тут он по-королевски махнул рукой. — Какая-то глупая антикварная вещь, напоминающая о давно умершем и наполовину забытом мелком монархе.

Антонина уставилась на него, и ее брови скептически изогнулись.

— Это правда! Мы, аксумиты, — практичный народ, как всем известно. Очень экономные. Мы не видели оснований терять столько места, поэтому почему бы не использовать этот мыс, чтобы служил не только скромной могилой? Лучше так, чем требовать услуг какого-то бедного могильщика, который бы выполнял ненужную, дополнительную работу.

Ее брови изогнулись еще сильнее.

— Я *видела* набросок этой «скромной могилы», Усанас. Сайзана показал мне его, бессовестно хвастаясь. Более того, он сказал мне, что идея изначально исходит именно от тебя. Хорошим же ты оказался даваззом!

Улыбка Усанаса оставалась точной такой же, даже не дрогнула.

— Да, так, так. На самом деле, я получил идею от Велисария. Давно, во время тех вечеров, когда он пересказывал мне секреты будущего, которые получал от Эйда. Я не помню, почему мы коснулись этой темы. Но мы начали говорить о великих завоевателях будущего, которые могли бы быть, и Эйд описал памятник, который мне понравился. В основном потому, что он оказался настолько кричащим и демонстративно безвкусным, насколько можно себе представить. Что лучше этого, хочу тебя спросить, подойдет для нации, желающей напомнить всем скептикам, что она в состоянии повторить сделанное еще один раз, если кто-то станет ей перечить?!

Теперь улыбка была абсолютно безмятежной.

— На самом деле, это показалось мне подходящим.

Усанас кивнул на гигантскую строящуюся крепость, внутри которой окажется «скромная могила». Словно ее сердце.

— Это гробница Наполеона. Ее копия. За исключением того, что она будет значительно больше — я так решил. — Усанас широко развел руками.

Выражение на лице Антонины все еще оставалось вопросительным, но исчезли все следы сарказма.

— Я впервые слышу, чтобы ты так говорил, — пробормотала она. — «Мы, аксумиты».

Усанас несколько неуютно пожал плечами.

— Как оказалось, ни один человек не может вечно оставаться охотником и разбойником. Даже я.

Антонина кивнула.

— Я пришла к тому же выводу.

— Ты снова *думаешь* , — обвинил ее Усанас и сурово нахмурился. Затем, когда она не сделала попытки отрицать сказанное, он забеспокоился сильнее. — Демон, — пробормотал он. — Самый настоящий.

— Пропустите! Пропустите! — кричал йетайский офицер, который мчался по дороге, идущей параллельно реке Джамне.

Здесь, в глубине территории малва, на Гангской равнине, недалеко от столицы Каушамби, дорога была очень широкой и хорошей. Небольшая группа мелких торговцев поспешно отошла в сторону, едва успев убрать с мощеной дороги телегу, на которой лежало двое больных мужчин, до того как следующие за офицером йетайские солдаты пронеслись мимо.

Они были одеты в золотое и красное, что соответствовало по цвету знаменам, свисавшим с их копий. Это означало, что солдаты являются императорскими воинами, служившими правящей династии малва. И когда все больше и больше солдат с грохотом пролетало мимо торговцев — сотня за сотней, — стало очевидно, что по дороге следует очень большая часть этого элитного подразделения.

Вместе с солдатами ехали многие высокопоставленные малва. Судя по болезненному выражению на лицах большинства из них, становилось очевидно, что эти роскошно одетые люди не привыкли ездить на лошадях, предпочитая им паланкин, который несут рабы или флегматичный слон.

Однако и среди знати было несколько исключений. Одним из них был очень крупный мужчина с бочкообразной грудью, который, очевидно, служил кем-то вроде глашатая. Он с легкостью держался в седле и определенно обладал подходящим для такой должности голосом.

— Посторонись! Посторонись! — орал он. — Падайте ниц перед Великой Госпожой Сати!

Увидев огромный крытый фургон, катившийся следом за солдатами и запряженный двадцатью лошадьми, торговцы быстро простерлись ниц. И нельзя сказать, что сделали это с неохотой.

Было заметно — если бы кто-то удосужился обратить на путешественников внимание, чего не произошло, — что все мужчины, а также женщина и даже дети плотно прижали лица к земле. Они даже не смели поднять глаза, чтобы надменная представительница императорской династии не оскорбилась, проезжая мимо таких грязных лиц.

Фургон промелькнул мимо, драгоценные камни, инкрустированная золотом поверхность и шелковые занавески сверкали на солнце. За ним следовало множество элитных телохранителей малва. Сотня за сотней.

Когда императорская свита наконец проехала, торговцы поднялись на ноги и стали отряхивать пыль. Несмотря предстоящую тяжелую работу по выволакиванию телеги назад на дорогу, один из купцов улыбался от уха до уха. Из-за узкого лица выражение казалось более хищным, чем можно было ожидать.

— Не иначе как разверзлись врата ада, — весело объявил он. — Вы только представьте себе! Сама Великая Госпожа Сати несется к Пенджабу. словно там происходит какой-то кошмар. Боже мой, интересно, что это может быть?

— Заткнись! — проворчал его огромный спутник. — И, пожалуйста, убери с лица эту ухмылку. Ты выглядишь, как ласка в курятнике. Предполагается, что мы торговцы, и притом очень бедные.

Невооруженные солдаты малва, вышедшие из крепости на перевале Хибер, не улыбались. Хотя некоторые из них, подчиняясь древнему инстинкту, и пытались улыбнуться кушанам, которым сдавались в плен, — подобострастно, как люди, пытающиеся угодить своим хозяевам.

— Посмотрите на них, — фыркнул Вима. — Как выводок щенков, упали на спины и

машут маленькими лапками в воздухе: «Пожалуйста, не надо нас бить».

— Достаточно, — приказал Кунгас.

Его лицо походило на железную маску. Даже окружающие царя люди, хорошо изучившие его за месяцы их великого марша, не могли заметить на этой маске ни следа радости.

Кунгас повернул голову и посмотрел на них, его глаза напоминали два куска янтаря.

— Никакой жестокости по отношению к этим людям. Никакого неуважения. Я так обещал их командующему. А это слово — слово царя Кунгаса — должно стать таким же непоколебимым в этих горах, как сами камни. Или лавина, которая погребает неосторожных. Вы поняли?

Все его командиры склонили головы. Подчинение было мгновенным и полным. И оно не было связано с Царицей в Беграме, плетущей свою паутину. Одного Кунгаса было более чем достаточно. В особенности после прошедших месяцев.

Он — царь Кунгас, и никто в этом не сомневался. Ни малва, ни персы, ни патаны, ни кушаны. Маска, которую этот человек когда-то сделал из своего лица, чтобы скрыть самого себя, перестала быть маской. Пропала необходимость. И его сердце грело тепло.

— Проследите за их благополучием, — приказал царь кушанов. — Отправьте их строить новые укрепления, но не давайте труду сделать их калекami или вымотать до предела. Проследите, чтобы их достаточно хорошо кормили. Немного вина, в те дни, когда они хорошо потрудились.

Ему не требовалось добавлять: подчиняйтесь мне. Это было абсолютно бессмысленно.

Торамана впервые увидел свою невесту, когда девушка с сопровождающими ее людьми прибыла во дворец, где устроил штаб господин Дамодара. Это был другой дворец, не тот, что занимал Венандакатра. Тот проектировался, как резиденция гоптрия, а не главнокомандующего силами малва на Деканском плоскогорье. Господин Дамодара, как все знали, не страдает гордыней. Он не станет занимать дворец гоптрия без разрешения императора.

Так получилось, что он перебрался во дворец на следующий день. Нанда Лал прибыл как официальный посол императора за три дня до того, как раджпуты привезли невесту Тораманы. Шандагупта решил передать титул гоптрия Дамодаре, признавая тем самым его огромные заслуги перед правящей династией.

Торамане понравилось лицо девушки, как понравилось бы такое лицо невесты любому жениху. Стоявший рядом с ним Нанда Лал склонился к йетайцу и прошептал на ухо:

— Я слышал, что Индира симпатичная. Мой поздравления.

Торамана торжественно кивнул. Он держал собранно, как и следовало на официальных церемониях, и не показал, как забавно ему слышать слова Нанды Лала. Начальник шпионской сети неправильно понял источник его удовольствия.

По крайней мере, по большей части. Да, часть Тораманы радовалась красоте девушки. Но куда больше его обрадовал тот факт, что ее лицо вообще было возможно разглядеть. Большинство женщин-раджпут по такому случаю надели бы чадру. Тот факт, что его невеста этого не сделала, сказал ему две вещи. Во-первых, она с характером, как Рана Шанга и описывал свою сводную сестру. Во-вторых, она не видела необходимости прятать лицо под чадрой.

Поскольку сам Торамана думал, что маскировка обычно не приносит ничего хорошего, появление Индиры без чадры предвещало хорошее будущее. У него были большие надежды на девушку, которая медленно шествовала по дворцу, обмениваясь приветствиями со своими родственниками-раджпутами, когда направлялась к Ране Шанге. Она вела себя скорее как жена, а не как невеста.

Наконец Индира добралась до сводного брата. Издалека Торамана не мог расслышать слова, которыми они обменялись. Но он не сомневался, что именно они обсуждали — судя по боли, отразившейся на их лицах.

— Такая трагедия, — пробормотал Нанда Лал. — Вся его семья.

Торамана слегка склонил голову.

— Это и вправду была шайка обыкновенных бандитов? Как я понимаю, вы сами проводили расследование.

Нанда Лал поджал пухлые губы.

— Да, проводил. Ужасная сцена. К счастью, тела так сильно обгорели, что я смог с чистой совестью сказать Ране Шанге: не было следов пытки или насилия. По крайней мере, это могло принести ему хоть какое-то облегчение.

Начальник шпионской сети империи малва тяжело вздохнул.

— Обыкновенные бандиты, Торамана. Определенно, чрезмерно смелая и наглая компания. Кушаны, судя по описаниям нескольких выживших свидетелей. К этому времени, как ни прискорбно, чудовища уже, несомненно, нашли укрытие у других кушанских бандитов в Гиндукуше.

Теперь Нанда Лал еще сильнее поджал губы.

— Бандиты, не более того. Помни это, Торамана. Все, кто выступает против малва, — это только бандиты и разбойники. И не сомневайся, мы с ними скоро расправимся.

Оба замолчали, наблюдая за тем, как царь раджпутов ведет сводную сестру из зала для приемов к своим покоям. Когда все раджпуты покинули помещение, Нанда Лал снова склонился к Торамане и зашептал:

— Мои наилучшие пожелания тебе, Торамана, в связи с бракосочетанием. Император попросил меня передать тебе его поздравления. Мы уверены, что если возникнет такая необходимость, то ты сделаешь все необходимое, чтобы защитить малва от врагов. Всех врагов, какими бы они ни были.

И снова Торамана торжественно кивнул.

— Вы можете не сомневаться. Я не склонен к уверткам.

Поздним вечером Нарсеса вызвали к Ране Шанге. Конечно, евнух подчинился приказу, хотя и без всяческого удовольствия. Не то чтобы он возражал против позднего часа. Нарсес обычно не спал по полночи. Просто старый интриган ненавидел, когда его что-то удивляло, а он не видел никаких логических оснований для встречи с царем раджпутов.

Нарсес украдкой пробирался по темным коридорам дворца. Это просто была старая привычка. Нарсес ни в коей мере не беспокоился, что его заметят шпионы Нанды Лала. Здесь, на своей территории, паутина интриг и шпионажа у Нарсеса была гораздо лучше, чем у начальника шпионской сети.

В прошлом Рана Шанга очень редко разговаривал с Нарсесом, и только в присутствии господина Дамодары. И всегда днем, в военном штабе, во время кампании. Вызвать его для частной аудиенции в собственные покои...

После того как Нарсес зашел в помещения, где разместился царь раджпутов, слуга провел его в комнату для личных аудиенций и удалился. Рана Шанга вежливо предложил гостю сесть, его лицо не выражало ни скорби, ни негодования. Раджпут был даже достаточно вежлив, чтобы предложить римлянину стул, зная, что старый евнух не очень хорошо приспособился к индийскому обычаю сидеть на подушках, скрестив ноги.

Сам Рана Шанга сел рядом, склонился вперед и заговорил тихим голосом:

— Известие об убийстве моей семьи заставило меня задуматься над великими вопросами философии, Нарсес. В особенности об отношении правды и иллюзии. Именно потому я и попросил тебя прийти. Я подумал, что ты можешь помочь мне в час печали. В час великой нужды.

Нарсес нахмурился.

— Я даже не сведущ в греческой философии, Рана Шанга, и еще меньше — в индуистской. Насколько я понимаю, это связано с тем, что вы называете майя, или «пелена иллюзии». Не представляю, чем могу помочь тебе.

Раджпут кивнул.

— Конечно. Но я не собирался просить твоей помощи в таких глубоких вопросах, Нарсес. Я имел в виду нечто гораздо более простое. Природу репчатого лука, если быть точным.

— Лука? — Изрезанное морщинами лицо Нарсеса сильно сморщилось от недоумения, так что он стал еще больше похож на рептилию, чем обычно. — Лука?

— Лука. — Шанга наклонился и взял толстую пачку документов, лежавшую рядом с ним. Он поднес бумаги к лицу Нарсеса и слегка потряс ими. — Это официальный отчет об убийстве моей семьи. Нанда Лал, как ты, вероятно, знаешь, лично руководил расследованием. — Царь раджпутов положил пачку документов на ковер перед собой. — Это очень тщательный и полный отчет, как и следует ожидать от Нанды Лала и его главных следователей. Поистине исчерпывающий. Ни единую деталь не оставили неотмеченной, за исключением точной природы ран. Они описываются в той мере, насколько это возможно.

На мгновение на его лице появилась боль.

— Предполагаю, что эти детали есть в отдельном приложении, которое Нанда Лал милостиво не включил в предназначенную мне копию отчета. Словно я не понимаю неизбежную судьбу моей жены и детей в руках подобных существ. — Тут Шанга почти зарычал.

Раджпут выпрямился. Несмотря на то что он сидел на подушках, а Нарсес на стуле, Рана Шанга, казалось, возвышается над старым евнухом.

— Но есть одна маленькая деталь, которая ставит меня в тупик. А теперь я изучил этот отчет очень тщательно, бесконечное количество раз перечитывая его от начала и до конца. Дело касается репчатого лука.

Увидев выражение лица Нарсеса, который до сих пор не мог понять, при чем тут репчатый лук, Рана Шанга вымученно улыбнулся.

— Видишь ли, в отчет Нанды Лала включен исчерпывающий список всего, что было найдено. В этом списке есть остатки небольшого сундучка, в котором моя жена всегда держала приправы. Ничего особенного в этом сундучке не хранилось. Бандитам нет смысла его воровать, и они его не украли.

Нарсес совершенно ничего не понимал. Что, несомненно, приводило старого шпиона в ярость. Но он продолжал слушать Шангу, не протестуя и не позволяя гневу отразиться на лице. Нарсес не был дураком. И он понял — хотя не представлял, откуда это придет, — что над ним нависла угроза уничтожения. Подобно волне прилива, вот-вот готовый обрушиться на слепого.

— Бандиты не стали бы красть что-либо из того, что хранилось в этом сундучке, Нарсес. За исключением, возможно, небольших пакетиков с травами и специями. Предполагаю, что они могли бы представлять для кушанов какую-то ценность. Но по большей части в сундучке лежал репчатый лук. Моя жена очень любила добавлять в пищу лук.

Шанга бросил взгляд на документы.

— Очевидно, судя по обгоревшим вещам, бандиты украли и лук тоже. Отчет Нанды Лала настолько полный, что следователи даже взвесили пепел и описали все, что не рассыпалось у них в руках. Нет никакого упоминания о луке. Который, в конце концов, не мог сгореть полностью. И нет кое-чего еще, что не должно было пропасть и не могло сгореть — ножичка, которым моя жена всегда пользовалась, когда резала лук.

— Бандиты, — хрипло произнес Нарсес. — Они крадут все что угодно.

Рана Шанга покачал головой.

— Я думаю, что знаю о бандитах с гор и пустынь больше, чем ты, Нарсес. Маловероятно, что они украдут лук, и тем более — простой нож. Единственное, в чем у этих мужчин — и их женщин — нет недостатка, так это в клинках. А если бы и был, то они не могли бы стать бандитами.

Царь опустил свои большие и сильные руки на документы.

— Здесь не упоминается нож, Нарсес. Нанда Лал и его люди никак не могли просмотреть нож во время такого тщательного осмотра. Да, он был маленьким и самым обычным, но не настолько же крошечным, и вдобавок — очень крепким. По меньшей мере, лезвие сохранилось бы в огне. Нож сделал раджпутский крестьянин в подарок моей жене на свадьбу. Она обожала его, несмотря на простоту. Время от времени я предлагал заменить его на гораздо лучший, но она отказывалась. — Шанга сделал глубокий вдох, словно старался держать себя в руках. — Она всегда говорила, что этот нож — и только этот нож — позволяет ей смеяться над луком.

Увидев напряженную позу Нарсеса — евнух, несмотря на старое тело, казался высеченным из камня, — Шанга рассмеялся.

— О, определенно Нанда Лал сам никогда бы не заметил отсутствие лука и ножа. Откуда ему или его шпионам что-то знать об этом? Мы с женой часто шутили на эту тему. Для всех остальных, даже для наших слуг, это был один из многочисленных ножей на кухне.

— Несомненно, он не заметил его отсутствия, — Нарсес говорил даже не хрипло, он чуть ли не давился словами. — Несомненно. — Таким голосом лягушка может молить о скорейшем наступлении родов.

— Несомненно, — подтвердил Шанга. — Конечно, я не видел оснований говорить с ним на эту тему. Что Нанда Лал — всемогущий начальник шпионской сети и член правящей династии, знает о луке и ножах, которыми его режут?

— Ничего, — прохрипел Нарсес.

— И впрямь ничего.

Впервые за время их разговора Ране Шанге изменило самообладание. Его глаза, смотревшие прямо на Нарсеса, стали темными прудами чистой агонии, умолявшими об облегчении.

Нарсес потер лицо рукой.

— Я поклялся не говорить ничего, кроме правды, царь раджпутов. Самой Великой Госпоже Сати. Как ты знаешь.

Шанга с серьезным видом кивнул. Нарсесу подумалось, что с именно так человек подставляет шею под топор палача.

— Ну тогда дай мне иллюзию, — прошептал раджпут. — Если не можешь дать правду. Нарсес резко встал.

— Я не могу сделать ни того, ни другого, Рана Шанга. Я ничего не знаю о философии. Ничего не знаю о луке и ножах, которыми его режут. Пожалуйста, пригласи своего слугу, чтобы он проводил меня обратно.

Голова Шанги все еще оставалась склоненной.

— Пожалуйста, — прошептал он. — Я чувствую себя так, словно умираю.

— Ничего, — настаивал Нарсес. — Ничего, что могло бы выдержать пронизательность величайшего в мире мастера по выживанию правды. Великой Госпожи Сати, Рана Шанга.

— Пожалуйста, — шепот был едва слышим. Нарсес повернулся к двери и нахмурился.

— Где же этот слуга? Я уверяю тебя, царь Раджпутаны, что не потерпел бы такой нерасторопности от своих слуг. По правде говоря, моя проблема как раз в обратном. Меня мучают слуги, которые слишком угодливы. И склонны к преувеличениям, в особенности — к сентиментальности. В особенности — один из них. У меня найдутся для него очень суровые слова, уверяю тебя, когда я в следующий раз его увижу.

С этим Нарсес покинул помещение. Он легко нашел дорогу из покоев Шанги. Можно было сказать, что он пронесся по коридорам, как старая антилопа, убегающая от тигра.

Оставшись один, Шанга медленно поднял голову. Если бы кто-то его увидел, то сказал бы, что его глаза мерцают. С растущим облегчением — и яростью, в которой не место угасающему страху. Словно тигр, думающий, что оказался пойманным в клетку, обнаружил: охотник был так неосторожен, что оставил ее незапертой.

Ситуация, которая, как все знают, не предвещает охотнику ничего хорошего.

Глава 40

ПЕНДЖАБ

Осень 533 года н.э.

Несмотря на возражения своих офицеров и телохранителей, Велисарий настоял на том, чтобы остаться на одном из бастионов, когда малва начали массированную атаку на его укрепления. Дальнейшие планы Велисария в значительной степени основывались на его оценке эффективности митральез — это будет первый раз, когда оружие протестируют в боевых условиях. Он лично хотел посмотреть на них в действии.

Велисарий заблокировал разум от грохота мортир и огня артиллерии, а главное — от резких выстрелов винтовок снайперов Феликса, стрелявших в гренадеров малва. Велисарий сконцентрировался на наблюдении за митральезами и на том, как они работают.

Митральеза — или митральеза Монтини, если называть ее правильно — была самым простейшим видом пулемета, если не считать «орган»⁶³, изначально спроектированный еще Леонардо да Винчи. Подобно органу, в митральезе использовались фиксированные стволы вместо крутящихся. Но, в отличие от своего более примитивного предшественника, митральеза могла стрелять последовательно, а не одновременным залпом, и выпускать гораздо больше снарядов за определенный промежуток времени.

Велисарий наблюдал, как заряжают митральезу еще одной пластиной и отправляют ту на место при помощи запорного рычага. Пластина содержала тридцать семь бумажных патронов, проскользнувших в тридцать семь стволов орудия. Мгновение спустя, чуть-чуть повернув орудие, один человек начал, нажимая на курок, отправлять патроны на место, в то время как другой, используя грубое приспособление — деревянный блок — для защиты рук, стучал по стволу, чтобы снимать солдат малва, собравшихся в кучу внутри рва ниже стены, соединяющей бастионы.

Велисарий хотел получить более продвинутый тип пулемета, что-то по принципу пулемета Гатлинга⁶⁴, который показал ему Эйд и который он сам в деталях описывал Иоанну Родосскому. Но все эксперименты Иоанна с вращающимися стволами — и в еще гораздо большей степени с пулеметами, использующими ленты, такими как «Максим», — напоролись на нерешаемую проблему. Римские технологии были достаточно хороши, чтобы делать оружие. Возможно, немного оружия, но достаточно. Проблема была в боеприпасах. Все пулеметы с вращающимися стволами и лентами подачи нуждались в твердых латунных патронах. Ремесленники Иоанна могли производить такие патроны, но слишком мало. Как часто показывала практика, такие проекты просто не могли быть введены в массовое производство.

Римская техническая база шестого столетия была слишком узкой. У них не хватало орудий труда, чтобы изготавливать орудия труда для производства орудий труда. Точно так же, как не хватало ремесленников, которые смогли бы их правильно использовать, даже если бы они и существовали. Это была реальность, с которой не справиться за несколько лет, несмотря на энциклопедические знания Эйда.

Поскольку «пулемет», который за несколько минут растрачивал на поле боя весь боезапас, совершенно бесполезен, Велисарий склонился к проекту Монтини. То небольшое количество латунных патронов, которое могло быть произведено, сохранялось для орудий Пакла, установленных на судах. Для митральез, в которых использовалась пластина с зафиксированными в определенном положении тридцатью семью патронами, латуни не

⁶³ «Орган» — многоствольное орудие XVI-XVII веков, предназначенное для одновременного залпа.

⁶⁴ Гатлинг Ричард Джордж (1818-1903) — американский оружейник, в 1862 году сконструировал картечную с вращающимся вручную блоком стволов, предназначенную для стрельбы очередями.

требовалось. А у Рима на самом деле было много дешевой рабочей силы, в особенности в густозаселенной Александрии. Простых бумажных патронов можно было изготовить достаточно, чтобы обеспечивать митральезы достаточным количеством боеприпасов для крупных сражений.

Это было несколько громоздкое и тяжелое орудие, но когда Велисарий наблюдал за ним в действии, то чувствовал удовлетворение: оно послужит своим целям. Две митральезы, бившие по малва вдоль соединяющей бастионы стены — по одной с каждого из двух бастионов, — вносили сумятицу и панику в тесно сгрудившиеся и незащищенные войска. Солдаты бросали со стен гранаты, установленные под острым углом к самим бастионам полевые орудия выпускали крупную картечь, и вода внутри рва, где сотни малва уже лежали мертвыми, стала кровавой.

Удовлетворенный этой частью сражения Велисарий начал присматриваться к снайперам. В каждом бастионе находилось примерно по дюжине таких людей, их главной обязанностью было целиться в солдат малва, несших гранаты или сумки с зарядами. Или, возможно, — хотя Велисарий пока ни разу не видел, чтобы малва использовали такое оружие — пытались под стенами настроить свою версию стреляющей огнем пушки, спроектированной Иоанном Родосским для «Победительницы».

Полководец не завидовал заданию снайперов. Они стреляли из грубых ружей, заряжающихся с дула — опять же, из-за сурового недостатка латунных патронов, — и во время выстрела происходила определенная утечка пороха вверх от зарядного механизма. Вскоре у каждого снайпера чернело лицо и на лбу появлялись ожоги.

Естественно, другим недостатком для снайпера являлось особое внимание врага. Пока Велисарий наблюдал, один из стрелков на стене бастиона внезапно повалился мертвым на утрамбованную землю. Он представлял собой массу разбитой плоти и крови, а мозги вытекали у него из разбитого черепа. Ужасные раны выглядели так, словно стреляли из нескольких мушкетов одновременно. Феликс яростно выругался.

— Это проклятые органы! Я на них не рассчитывал. Но, в любом случае, их не так много.

Игнорируя протесты телохранителей — Исаака и Приския, — Велисарий подполз к внутренней стороне бастиона и выставил перископ за стену. Через несколько секунд он заметил то, что хотел.

Малва оказались достаточно разумными и учитывали свое количественное преимущество над римлянами, поэтому выбрали органы, а не митральезы. Органы были еще грубее — самое примитивное быстро стреляющее огнестрельное оружие, — но у них имелось огромное преимущество — их легко производить в большом количестве, используя имеющиеся в наличии навыки и материалы. У малва была еще более узкая техническая база, чем у римлян.

Орган больше всего был похож на тачку с дюжиной стволов, выложенных рядом друг с другом перпендикулярно направлению движения «тачки». Только здесь было два колеса вместо одного, как в коляске рикши, которого Велисарии показывал Эйд. Органы заряжали с дула, поэтому требовалось какое-то время для перезарядки. Но их можно было легко, вручную передвигать на позиции и удивительно просто из них целиться, причем обслуживали орган только два человека. Отдача получалась достаточно слабой и, наострившись, прицеливаться можно было, используя две деревянные ручки — даже настраивать дальность, просто умело поднимая орган вверх или вниз на больших колесах, поверх которых держались стволы.

И у малва было много этих орудий. На территории, которая была видна Велисарии при помощи перископа, он насчитал не меньше семнадцати. Органы стояли примерно в сотне ярдов от бастионов, обеспечивая огонь прикрытия для войск, пытавшихся штурмовать стены.

Полководец снова бросил взгляд сквозь бойницы в боковой стене бастиона. Затем, удовлетворенный, что митральез и гранат достаточно для удержания вражеской армии,

пытающейся взять соединяющую бастионы стену, полководец повернулся к Григорию и приказал:

— Скажи всем людям, чтобы начинали стрелять из трехфунтовых по органам, вместо того чтобы обеспечивать дополнительную защиту стены. Картечью, на таком близком расстоянии, орудия должны вскоре стереть малва в порошок. Одним большим недостатком этих органов является то, что обслуживать их должны люди, стоящие на открытой местности.

Григорий кивнул. Мгновение спустя он уже спускался по лестнице, которая обеспечивала доступ к боевой платформе бастиона. Внизу, в закрытом бункере, ждал телеграфист, чтобы передавать приказы во все части наружных укреплений. И внутренних тоже, поскольку одним из первых заданий, которое дал Велисарий своим инженерам, было проложить телеграфную линию ко всем ключевым позициям треугольника.

Одно из этих мест находилось не более чем в полумиле: ближайший из укрепленных лагерей, где Ситтас и тысяча его катафрактов ожидали приказа на вылазку. Велисарий уже достаточно увидел из бастиона. Пришло время вернуться в центр связи. В любом случае, солнце начинало садиться.

Когда он спускался по лестнице, то проигнорировал громкие — даже театральные — вздохи облегчения его телохранителей. И проигнорировал кристаллический эквивалент вздоха, прозвучавший у него в сознании. Ему даже удалось проигнорировать первые несколько слов Маврикия, когда он зашел в телеграфный бункер.

— Мы наконец решили прекратить играть в молодого разведчика? — Исааку и Прискию, которые протискивались вслед за Велисарием в узкую дверь бункера, Маврикий сказал: — Вам ведь удалось удержать этого проклятого дурака от плясок на стене, не так ли?

После того как с этим, несомненно, существенным вопросом разобрались, хилиарх тут же перешел к главному.

— Пришло время отправить на вылазку Ситтаса, — проворчал он. — Завтра на рассвете. Каждая крепость сейчас отчитывается об одном и том же: малва отогнали от стен, и они начинают отходить в стороны. Ты можешь называть это «фланговым маневром», если хочешь. Только я сомневаюсь, что это приказал кто-то из высокопоставленных офицеров.

Велисарий покачал головой.

— Я видел их потери у стен, Маврикий. Эти люди получили достаточно. Они просто пытаются уйти с линии огня, не отступая фактически.

Он уставился на расправленную на столе карту. Она показывала расположение всех его вынесенных вперед фортов, а также лагеря, где Ситтас и его тяжеловооруженная конница ждали приказа, подобно тиграм, готовым выпрыгнуть из засады. Внешние укрепления были спроектированы как раз для этой цели. В сущности они отводили войска малва прочь от крепостей в четыре точки, специально рассчитанные на атаку катафрактов. Наиболее крепкая почва, очищенная от препятствий, спрятаться — негде.

— Отдавай приказ, — сказал Велисарий. — Завтра с утра. Давайте с этим покончим.

Самой большой проблемой, с которой столкнулся Менандр, когда они приближались к месту ответвления Чинаба, было сдержаться от вовлечения малва на берегу в серию бессмысленных дуэлей. В дневное время драгуны постоянно стреляли мелкой дробью по римской флотилии, пробирающейся вверх по реке. Менандр удерживал «Юстиниана» и баржи как можно дальше от западного берега, в то время как учитывая возможность наличия песчаных островов и отмелей, не мог подойти вплотную к восточному. На даже с такого расстояния часть выстрелов малва попадала по пароходу. Римское судно с тяжелым грузом барж двигалось очень медленно, так что представляло собой почти неподвижную цель.

Да, выстрелы скорее раздражали, чем создавали реальную опасность. В особенности если учесть, что малва, как показалось Менандру, стреляли из простых мушкетов, а не ружей Шарпа, только заряжающихся с дула, которыми Велисарий вооружил своих драгунов.

Юстиниан спроектировал своего тезку для участия в яростных морских сражениях и

мало заботился о скорости. Иоанн Родосский в прошлые времена сильно критиковал этот проект — хотя так, чтобы не слышал бывший император. Как и большинство моряков, Иоанн ценил скорость и маневренность и считал их важнее всего остального. Но дело обернулось так, что решение Юстиниана стало преимуществом для римлян. Скорость и маневренность были не так важны, как броня, способная защищать судно от выстрелов с близкого расстояния во время речных сражений, а также многочисленных неизбежных стычек — при большом скоплении судов на довольно узком участке реки. И хотя единственной железной броней на боевом корабле Менандра служили пластины, закрывавшие лоцманскую будку и орудия Пакла, «Юстиниан» относился к тому типу кораблей, который в более поздние времена назовут «одетым в дерево», или плакированным деревом, — корабль, корпус которого был таким толстым, что большинство круглых ядер, не то что мушкетные пули, не могли его пробить. Более того, он был достаточно крепким, чтобы нести тяжелые орудия, которые по всем параметрам были лучше любой маневренной полевой артиллерии. Поэтому драгуны малва не представляли для «Юстиниана» никакой реальной опасности.

Тем не менее... это раздражало!

Но Менандр терпел. В любом случае, драгуны представляли собой плохие мишени, а порох был слишком ценен, чтобы тратить его попусту, не имея на то суровой необходимости. Тем более сейчас, когда баржа, на которой везли большую часть всего пороха, затонула.

Тем не менее... это так раздражало!

И только один раз Менандр выпустил бортовой залп — когда «Юстиниан» остановился отремонтировать двигатель. Эйсебий и «Победительница» — двигатель которой по какой-то причине показал себя более надежным, чем двигатель «Юстиниана» — тросом прикрепились к судну Менандра. Один корабль не обладал достаточной мощностью, чтобы в одиночку тянуть всю флотилию, но ее хватало, чтобы римские корабли не стали бесконтрольно дрейфовать по реке.

Задержка позволила малва подвезти небольшую батарею трехфунтовых орудий, всего штук пять, которую они начали устанавливать на небольшом мысе, откуда римская флотилия открывалась как на ладони. Мыс, впрочем, тоже находился в радиусе действия более тяжелых орудий «Юстиниана». Однако Эйсебию пришлось на буксире разворачивать корабль Менандра, чтобы можно было стрелять. Но двух бортовых залпов из тридцатидвухфунтовых орудий Менандра оказалось достаточно, чтобы разрушить маленькие полевые орудия и отправить выживших артиллеристов малва на поиски укрытия.

Произошла вдобавок одна ночная схватка, когда наполненное моряками речное судно малва приблизилось сзади и попыталось захватить последнюю баржу флотилии. Но римляне были готовы к такому маневру, и люди на барже выпустили сигнальную ракету. Эйсебий развернул пароход — «Победительница» шла во главе флотилии, как обычно — и бросился в атаку, назад, вниз по течению. К счастью, судно малва изначально было парусным, спешно переделанным под использование весел, а не настоящей боевой галерой. Поэтому оно само медленно продвигалось вверх по реке. Конечно, не так медленно, как тяжелые баржи, которые тянул «Юстиниан», но достаточно, чтобы у Эйсебиа было время прийти на помощь до того, как вражеское судно подберется так близко к барже, что станет опасно использовать стреляющую огнем пушку. Потребовался только один выстрел из устрашающего орудия. Те малва, которые выжили в этом кошмаре, нырнули в воду и поплыли к берегу. Другие умерли ужасной смертью, которую несла эта пушка.

К тому времени Эйсебий стал закаленным ветераном. Поэтому он блаженно проигнорировал крики, прорезающие ночную тишину, и направил пароход назад, на свое место во главе флотилии. Когда он проплывал мимо «Юстиниана», то заметил стоявшего на палубе Менандра и весело ему помахал.

А почему бы и нет? Эйсебий, бывший ремесленник, к этому времени достаточно

изучил военную стратегию и тактику, чтобы понимать простую истину. По крайней мере, «простую» для него — хотя он поразился бы, обнаружив, сколько известных военачальников очень плохо ее понимали. Но, не исключено, так произошло потому, что как ремесленник Эйсебий обладал инстинктивной способностью понимать реальность момента.

Масса, умноженная на скорость. Второй фактор, если он достаточно значителен — то есть, если скорость высокая, — способен компенсировать малую массу. В конце концов, пуля не очень тяжелая. Но она может принести даже больше урона мягким тканям, чем тяжелый меч.

Взяв относительно небольшую армию и быстро ударив по Пенджабу, Велисарий уничтожил план малва остановить его продвижение вперед и заставить римлян истекать кровью в Синде. Подобно пуле, проникающей в жизненно важные органы сквозь плоть, оставляя после себя разрушения и повреждения, Велисарий эффективно выпотрошил врага.

У выступавших против него малва была большая по размерам армия — и будет таковой даже после прибытия к Суккуру Бузеса с Кутзесом. Но это войско напоминало жизненно важные органы, разбросанные по земле. Одна армия здесь, другая там, еще одна застряла непонятно где... И ни одна из них не могла должным образом скоординировать усилия, и ни у одной не было того, что требовалось для эффективного сопротивления.

Когда Эйсебий безмятежно смотрел на окружающий пейзаж — что, возможно, являлось бессмысленным занятием, поскольку безлунной ночью он практически ничего не видел, — бывший ремесленник купался в своей неуязвимости. Одним из жизненно важных органов малва, которые Велисарий разбросал по арене сражения, был их контроль над Индом.

Пока Велисарий не разбил малва в Харке, они совсем не ожидали, что им придется бороться за Инд. Затем, поняв, что теперь они защищаются, малва запоздало начали строить суда.

Но... слишком поздно, после того как Велисарий ударил по Пенджабу. В любом случае, слишком поздно, чтобы за год обеспечить себя бронированными боевыми пароходами, которые смогут бороться за Инд с такими судами, как «Юстиниан» и «Победительница».

На следующий год все может быть по-другому. Эйсебий знал, что малва создают огромный судостроительный комплекс рядом с Мултаном, городом, который враги превратили в военную столицу Пенджаба. В соответствии с отчетами шпионов малва начинали строить свои пароходы — которые определенно будут обшиты железом. После того как эти корабли вступят в войну, судам римлян придется тяжело.

Но... до этого оставалось еще много месяцев. А к тому времени, как был уверен Эйсебий, Велисарий придумает, как снова сорвать планы малва.

Как? Он не представлял. Но был спокоен и уверен в своем великом главнокомандующем. И таким образом, когда «Победительница» медленно шла вверх по Инду, победа римлян приблизилась еще на чуть-чуть. Потому что бывший ремесленник Эйсебий понял суть военного дела. Прилив победы шел вместе с римлянами во многом благодаря их уверенности в силе техники и людей, которых они везли с собой.

На следующее утро, сразу после рассвета, Эйсебий заметил боевой корабль малва, который строили, привязав к небольшому причалу. Это зрелище подсказало офицеру, что они явно имеют дело с проектом, составленным в последнюю минуту, причем грубо. Судя по тому, что Эйсебий увидел, малва взяли небольшую весельную баржу и пытались повесить на нее железные пластины, а также поставить на борт несколько полевых орудий.

Воистину жалкая вещь, даже если бы ее успели закончить.

Но, жалкая или нет, никакой лев не позволит шакалу бросать ему вызов. Поэтому после быстрого обмена сигналами с Менандром — флаги работали прекрасно — Эйсебий направил корабль к берегу, чтобы покончить с этой неожиданно оказавшейся на пути глупостью.

До того как он добрался до причала, малва удалось повернуть одно из полевых орудий

и дважды выстрелить по «Победительнице». Первый раз они промазали. Второй раз попали по тяжелому щиту, закрывающему нос, и снаряд отскочил, в результате чего в реку упало несколько щепок, не более того.

После этого вражеские артиллеристы прекратили всяческие потуги и быстро понеслись прочь с незаконченного боевого кораблика, который уже через несколько минут превратился в великолепный фейерверк, согревающий души римлян, когда они продолжали тащиться вверх по реке по направлению к Велисарию.

Теперь они были недалеко, если Менандр правильно прочитал скупые карты (переставшие, впрочем, быть скупыми по мере продвижения флотилии вверх по реке. Будущим экспедициям не придется гадать и двигаться на ощупь среди скрытых отмелей и наносных песчаных островов). А Эйсебий совсем не сомневался, что Велисарий добрался до места ответвления Чинаба и захватил треугольник между рек. Все в поведении малва панически кричало об этом.

А чего еще ожидать от стаи шакалов после того, как лев зашел в свое логово?

Глава 41

Что бы еще ни говорили о Ситтасе, но он был самым агрессивным командующим кавалерией, которого когда-либо знал Велисарий. Как только полководец отдал приказ, вскоре после рассвета, знатный греческий господин вывел все восемь тысяч катафрактов из четырех лагерей. Четырьмя колоннами тяжеловооруженные всадники врезались в двукратно превышавшую их массу солдат малва, которые за последние сутки собрались кучами на территориях между крепостями.

Несмотря на разницу в количестве, сражение больше походило на бойню. Малва были смятены и дезорганизованы. Часто вражеские солдаты больше не являлись членами определенных организованных подразделений, во многих случаях были просто отдельными людьми, искавшими укрытия под стенами крепостей.

Они лишились укрытия с восходом солнца. С рассветом катафракты приступили к резне. Если бы малва должным образом руководили своими войсками и те были бы правильно организованы — мушкетеров поддерживали бы пикинеры, — то они смогли бы отразить любую кавалерийскую атаку. Но огромная толпа пехотинцев, хоть многие из них и оставались вооружены ружьями и гранатами, не могла сдержать напор тяжелой конницы.

И тем более катафрактов. Римские тяжеловооруженные наездники совсем не походили на неаккуратные орды, которые в более позднее Средневековье назовут «кавалерией». Они были дисциплинированы, сражались в строгом строю и подчинялись приказам. Приказам, отдаваемым офицерами — Ситтасом, по большей части, — которые, несмотря на тщеславие и любовь все преувеличивать, были такими хладнокровными и безжалостными, как любые командующие в истории.

Хотя катафракты скакали галопом, чтобы достичь врага как можно быстрее, бросок не угрожал перерасти в неуправляемую резню. Как только протрубили приказ, катафракты остановили коней и достали луки. Затем, выпуская стрелы залп за залпом, разбили все импровизированные отряды, которые быстро собрали офицеры малва.

С близкого расстояния — меньше ста ярдов — стрелы ударили с гораздо большей силой и точностью, чем мушкетные пули. И даже римские катафракты, хотя и не были такими высокочлассными лучниками, как персидские дехганы, могли легко поддерживать скорость стрельбы, превышающую скорость любых мушкетеров того времени.

Они стреляли даже быстрее, чем могли бы любые римские снайперы из ружей, заряжавшихся с дула и делающих по одному выстрелу. Недостатком лука, как боевого оружия, никогда не было более низкое качество стрельбы, чем у ружья — по крайней мере, до девятнадцатого столетия, когда кардинально усовершенствовали огнестрельное оружие. Опытный воин мог стрелять из лука быстрее и точнее, чем из мушкета, не говоря уже про аркебузу. И луки, которые предпочитали катафракты, с натяжением в сто фунтов, не

уступали стрелковому оружию в силе удара.

Настоящее преимущество огнестрельного оружия — это легкость в использовании. Компетентного мушкетера можно подготовить за несколько недель, опытного лучника — за долгие годы. На самом деле, человек должен расти с луком в руках. Более того, мощные луки требуют гораздо большей физической силы, чем огнестрельное оружие. Только люди, много лет тренировавшиеся в его использовании, могут стрелять из лука на протяжении часов, которые требуются, чтобы выиграть сражение. Усталость от держания мушкета не идет ни в какое сравнение.

Итак, лук был обречен. Но в условиях, которые превалировали на том поле брани в тот день, лук наслаждался одной из своих последних великих побед. В течение нескольких минут передовая линия малва просто перестала существовать.

Когда это было сделано, вновь затрубили приказ. Катафракты убрали луки и достали копья. Затем, направляясь вперед галопом, в плотном строю, накатились на тысячи солдат малва, пытавшихся отступить.

Через нескольких минут эти попытки превратились в беспорядочное бегство, где единственной мечтой было спастись. Снова прозвучали трубы, и катафракты достали длинные сабли, сделанные в персидском стиле. А затем, в течение следующего часа, превратили беспорядочное бегство малва в бойню.

Как и всегда, пехота, в панике убегающая от конницы, была подобна антилопам, которых преследуют львы, — за исключением того, что эти львы искали скорее победу, чем пищу, и не удовлетворялись одной дичью. Они не прекращали преследование, пока пространство между крепостями не стало красным от крови, как до этого — крепостные рвы. На поле лежали тысячи тел врагов.

Когда прозвучал приказ вернуться, катафракты поскакали назад в свои лагерь. Они были полны яростного удовлетворения и спорили между собой, как правильно назвать еще одну победу на поле брани.

В итоге, хотя сама деревня не находилась в кольце наружных укреплений Велисария, они остановились на названии «Ситпур». Может, из-за того, что название было коротким и приятно звучало. Но скорее всего потому, что катафрактам понравился чоупатти, который там пекли. Даже Маврикий теперь заявлял, что распробовал этот иностранный хлеб, и он ему понравился.

— Битва при Ситпуре! — победно заорал Ситтас, широкими шагами входя в штаб полководца, находившийся во многих милях к югу. — Ты можешь добавить это название к своему списку, о могучий Велисарий!

Велисарий улыбнулся. Энтузиазм Ситтаса был таким заразительным, что главнокомандующий почти сразу же расплылся в улыбке.

— И звучит неплохо, не так ли?

— Определенно, — объявил Ситтас. Слова прозвучали не очень четко, потому что командующий катафрактами уже набивал живот чоупатти, которые грудой лежали на небольшом столике, как раз у входа в штаб. — Великолепная вещь, — сказал он с полным ртом.

— Какие-нибудь проблемы? — спросил Маврикий.

Как и сам Велисарий, хилиарх отступил к внутренней линии укреплений, как только начался бросок. Никто из них не ожидал провала Ситтаса, и им требовалось планировать следующий этап осады.

— Немного, — проворчал Ситтас с полным ртом, размахивая тем, что осталось от чоупатти. Мгновение спустя этот кусок присоединился к своим предшественникам в пасти огромного мужчины, внешне напоминающего кабана. После того как была проглочена последняя крошка, Ситтас смог говорить более четко. — Единственной настоящей проблемой были органы. В нескольких разных местах малва смогли собрать небольшие линии из этих орудий. А когда они стреляют одновременно, то получается довольно

неприятно. Вероятно, они убили и ранили больше моих людей, чем все остальные малва, вместе взятые.

Несмотря на мрачную суть слов, Ситтас все еще излучал великолепное настроение. И оно стало еще лучше со следующими словами, которые были попросту дикими.

— Конечно, это довольно скоро закончилось. После того как мои катафракты ясно дали понять: никакой пощады артиллеристам не будет, временно остававшиеся в живых бросили эти проклятые штуковины и побежали с поля боя. По крайней мере, попытались.

Велисарий уже начал говорить, но Ситтас жестом его остановил.

— О, пожалуйста, помолчи! Да, мы взяли столько пленных, сколько было возможно. Мы уже начинаем гнать жалких ублюдков на юг. Они робкие и смиренные, как овцы. У тебя будет гораздо больше людей для трудовых отрядов, чем ты рассчитывал. Я сказал бы, по меньшей мере пять тысяч.

Велисарий кивнул. Затем, вернувшись к изучению карты, изображавшей сложные детали внутренней линии укреплений, сказал:

— Они нам потребуются. Мирному населению необходимо отдохнуть после такой тяжелой работы. Как и пленным, которых мы взяли раньше.

Ситтас рассмеялся.

— Судя по тому, что мне рассказали, потребуются стражники, чтобы удержать это твое мирное население от работы — в таком количестве, в котором нужны, чтобы заставлять пленных работать.

Маврикий эхом повторил его смех.

— Это недалеко от правды. После того, как крестьяне малва оценили новое положение вещей...

— Пенджабцы, — с силой перебил Велисарий. — Теперь это освободительная война, Маврикий. Эти люди — пенджабцы, а не малва.

Маврикий весело кивнул и принял поправку полководца, не споря.

— Хорошо, пенджабцы. В любом случае, увидев, что происходит, они стали самыми яростными приверженцами Велисария, о которых только можно мечтать. Их шеи лежат на плахе рядом с нашими, и они прекрасно это знают — и лучше, чем мы, знакомы с топором малва.

— А что с пленными? — спросил Ситтас. Та небрежность, с которой он потянулся за еще одной чоупатти, предполагала, что его не очень беспокоит ответ. — Там какие-то проблемы?

Григорий пожал плечами.

— Поскольку от Аббу и его разведчиков не много пользы во время осады, в которую мы ввязались, полководец отправил их охранять пленных малва.

Ситтас подавился смехом, расплевывая куски чоупатти по столу.

— Ха! Ну тогда немного шансов, что кто-то из пленников восстанет. Когда за ними следят бедуины — уж точно!

Несмотря на жестокую правду, маячившую под этими словами, Велисарий не мог не улыбнуться. Аббу и его арабы максимально ясно показали малва, которых охраняли, что наказание за восстание — и даже неподчинение — будет быстрым и вполне определенным. Аббу объяснил вражеским офицерам, что бедуины, к которым относится он сам и его подчиненные, ненавидят заниматься любым делом, кроме сражений и торговли.

В конце концов, ему гораздо проще обезглавить человека, чем выполнять за него его работу. Что старый араб и продемонстрировал, обезглавив на месте одного офицера малва, который попытался протестовать.

После этого пленные начали работать с подкупающим рвением — и в особенности офицеры, которые ими командовали. Аббу также объяснил, что твердо верит в военную иерархию. Что гораздо проще обезглавить одного офицера, чем двадцать его подчиненных. И старый араб опять же подкрепил сказанное наглядным примером, обезглавив на завтра офицера, подразделение которого за день выполнило слишком мало работы.

При других обстоятельствах Велисарий мог бы попридержаться Аббу с его варварскими методами. Но осадная война являлась самым мрачным и самым жестоким типом войны, и теперь, после того как он заложил краеугольный камень своей смелой кампании, больше не станет рисковать. Пока Велисарий может удерживать территорию между Индом и Чинабом — «Железный Треугольник», как уже начинали его называть люди полководца, — у малва не будет выбора, кроме как полностью отступить из Синда. Велисарий окажется в наилучшем положении из всех возможных, чтобы начать еще одну войну маневров, после того как его люди восстановят силы и перевооружатся. Он пройдет мимо «горлышка бутылки» за Суккуром, и откроет Пенджаб для следующей кампании. Пенджаб, «землю пяти рек», где все преимущества местности будут работать на него, а не его врагов. Так что он спасет бесчестное количество римских жизней — и жизней малва, если учитывать все.

Если он сможет удержать Железный Треугольник достаточно долго, чтобы освободить Хусрау и Ашота из Суккура и позволить установиться надежной линии поставок по Инду, которые будет перевозить небольшой флот Менандра.

Один брошенный ему вызов он отбил, и тут же наружу выплыл другой. Один из телеграфов в углу большого бункера начал стрекотать. Секундой спустя Велисарий склонился над плечом телеграфиста и читал записываемое послание, потом начал отдавать новые приказы.

— Малва пытаются высадить войска на том маленьком куске земли у самого верхнего угла треугольника, — объявил он. — Восемь судов, с тысячами людей.

Затем он выпрямился и повернулся.

— Для этого мы используем фракийцев, Маврикий. Дадим грекам отдохнуть. Проследи за этим.

Маврикий сдернул с колышка свой шлем, поспешил к выходу из бункера и крикнул через плечо Ситтасу:

— Твои люди не получают всю славу этого дня! Ха! Посмотри, как это сделают фракийцы, ты, жалкое оправдание для катафрактов! Ты до заката еще будешь плакать в вино, посмотри и увидишь... — Остальное они уже не услышали — хилиарх вышел из бункера и исчез в крытой траншее.

Ситтас ухмыльнулся.

— Бедный ублюдок. Предполагаю, он еще не знает, что все вино закончилось. Мои греки вчера допили остатки. Когда его драгоценные фракийцы захотят отпраздновать победу, им придется пить домашнее пиво, которое варят крестьяне малва — я имею в виду, пенджабцы. — Он высунул язык. — Я его попробовал. Жуткая вещь.

Велисарий слушал веселую болтовню Ситтаса только одним ухом. Большая часть его внимания была сконцентрирована на карте, он прикидывал, какие силы сможет подвести, если у Маврикия возникнут трудности. Его главным резервом были теперь две тысячи катафрактов под командованием Кирилла. Эти «старые греки» не участвовали в утреннем броске. Велисарий гораздо больше доверял их дисциплине, чем дисциплине людей Ситтаса, и поэтому поставил в небольшом городке, которые возводили в самом центре Железного Треугольника. Городком его называли не столько из-за строений — его «здания» были самыми примитивными хижинами и шатрами, какие только можно представить — сколько по количеству населения. Там собралось свыше двадцати пяти тысяч мирных пенджабцев вместе с людьми Кирилла и половиной арабов Аббу. Инженеры Велисария уже судорожно проектировали и наблюдали за строительством грубой системы канализации, чтобы предупредить — как надеялся полководец — опасность эпидемии, которая всегда сопутствует осадной войне.

Это беспокойство вернуло его к другому. Поставки. У них снова заканчивались припасы. Не столько еды, сколько пороха. Даже с порохом малва, который люди Ситтаса захватили во время сегодняшнего броска...

Мысли Велисария были прерваны новой трескотней телеграфа.

На этот раз он сам вылетел из бункера, как только прочитал послание и понял

подспудный смысл. После того как его прочитал Ситтас, огромный греческий аристократ быстро последовал за главнокомандующим.

— Никакой славы тебе сегодня! — весело проинформировал Ситтас Маврикия, как только подъехал к хилиарху. — На самом деле, это и к лучшему. Ты был бы так расстроен, увидев налитое в кубок.

Возможно, странно, но Маврикий ни в коей мере не казался недовольным.

— Не думаю, что местное пиво настолько плохое, — сказал он. — Я его уже попробовал. В конце концов, не хуже, чем то, которое пьют фракийские крестьяне. — Хилиарх безмятежно погладил седую бороду. — Дело в том, что мы, фракийцы, гораздо крепче вас, изнеженных константинопольских греков. И, что важнее, гораздо умнее.

Он показал на три корабля малва, дрейфующие вниз по Инду, объятые пламенем и дымом. Еще пять судорожно пытались добраться до противоположного берега.

— Пусть Эйсебий и его ремесленники делают всю работу, вот что мы говорим. Конный бой — со всеми этими проклятыми доспехами и оружием — слишком напоминает работу в поле. Жарко, потеешь — неблагодарное занятие.

— Последнее не доберется до берега, — высказал свое мнение Григорий. Командующий артиллерией сидел на коне слева от Маврикия, напротив Ситтаса, и наблюдал за судами малва. — Кто-то хочет поспорить?

Ситтас был известен как страстный любитель азартных игр и пари. Но после мгновенного колебания, пока он оценивал ситуацию, знатный грек твердо покачал головой.

— Я мало знаю об этих новомодных штуках, чтобы оценить их возможности. Но поскольку Эйсебий — греческий ремесленник, то есть самый лучший в мире! — то не думаю, что буду делать ставки. Он поймает их, вы только смотрите не отрываясь.

Пять минут спустя Эйсебий поймал отставшее судно. Еще один залп «адского огня» и еще одно судно малва, которое стремилось к берегу, стало местом истерического страха и сумасшествия, когда сотни солдат сбрасывали с себя доспехи и ныряли в реку.

Те, кто умел плавать, поплыли к западному берегу Инда. Другие — возможно, половина — беспомощно барахтались в воде. Большинство из них утонуло. Те, кто остался цел, выжили только потому, что находились достаточно близко к канатам, которые бросили с кормы «Победительницы», чтобы оттащить малва на берег в римский плен.

— Это напоминает мне хорошую рыбную ловлю, — задумчиво проговорил Маврикий. — И это очень хороший улов. В конце концов, нам все-таки может удастся вырыть достаточно туалетов, чтобы остановить эпидемию.

Велисарий не принимал участия в этом разговоре. Он направил коня прямо к причалу, который стали строить его инженеры с первого дня, как был захвачен Железный Треугольник. Еще не закончили даже сам причал, не говоря уж про массивные бронированные навесы, которые Велисарий приказал выстроить, чтобы обеспечить римским боевым кораблям укрытие от вражеского огня. Но успели сделать достаточно, чтобы позволить Менандру и его баржам начать разгрузку.

— Мы потеряли большую часть пороха и ядер, — признался Менандр, как только ступил на берег. — Из-за той проклятой крепости. Нам нужно ее взять, причем как можно скорее, или мы, вероятно, будем терять порох во время каждой ходки. Можем даже лишиться «Юстиниана».

Новость о порохе немного обеспокоила Велисария, но несильно.

— У нас пока достаточно пороха, по крайней мере, на две крупных атаки. Может, на три. К этому времени, надеюсь, «Фотий» привезет дополнительные припасы. Шанса, что «Юстиниан» потонет, нет — уж не из-за крепости точно. Ты останешься здесь, Менандр. Ты и Эйсебий, оба. Когда здесь находятся «Юстиниан» и «Победительница», у малва никогда не получится обойти укрепленные линии, возведенные в узкой части Треугольника, и застать

нас врасплох.

Эта веселая мысль отогнала все беспокойства о порохе.

— И подожди, пока не увидишь, как выглядят эти укрепления! Даже теперь, когда они еще не полностью закончены, эти земляные валы — самые крепкие в мире...

Он замолчал, увидев, как один из моряков Менандра помогает спуститься на причал другому человеку. Даже несмотря на бинты, закрывающие половину головы, Велисарий мгновенно его узнал. Улыбка сползла с лица полководца.

— О, Боже! — пробормотал он. — Прости мне мои грехи. Парню ведь не больше восемнадцати.

Глава 42

Первыми словами Калоподия стали робкие извинения, если его присутствие окажется для полководца обузой. Но парень был уверен: кое-что он сможет делать — например, выполнять роль квартирмейстера или...

— У меня для этого достаточно клерков! — рявкнул Велисарий. — Кто мне на самом деле требуется, так это отличный офицер, который может взять на себя командование тем безобразием, которое у нас называется телеграфной связью, — сообщил он и добавил несколько поспешно: — Слепота не является препятствием в этой работе, парень. Тебе в любом случае нужно только слушать сообщения, у нас достаточно клерков, чтобы их записывать и передавать приказы дальше.

Казалось, Калоподий немного расправил плечи. Велисарий продолжал:

— Мне и впрямь требуется офицер, который может взять это дело под контроль и заставить все работать так, как нужно. Телеграф — это ключ к успешному исходу осады. С мгновенной связью — если система будет отрегулирована и правильно организована — мы сможем быстро реагировать на любую угрозу. Она усилит нашу мощь без дополнительных людей и оружия, просто убрав неразбериху, и поможет не тратить усилия понапрасну.

Велисарий взял Калоподия за плечи и повел с причала.

— Не могу выразить, как я рад видеть тебя здесь. Не думаю, что существует лучший человек для этой работы.

Губы Калоподия исказила кривая улыбка, которую хорошо помнил Велисарий. Ее появление сняло небольшую часть груза с его сердца.

— Ну, у меня есть данные для этой работы, — сказал молодой офицер. — У меня были отличные оценки по риторике и грамматике. Кажется, я уже один раз упоминал об этом. Поэтому я уверен, что, по крайней мере, смогу улучшить стиль посланий.

К концу следующего дня Велисарий увел всю армию за внутренние линии укреплений. Железный Треугольник — термин, который использовался теперь везде в армии, его даже подхватило большинство пенджабцев — окончательно сформировался.

Линия внутренних укреплений между Индом и Чинабом была примерно три мили в длину.

Две стороны Железного Треугольника, сформированные изгибами рек, были значительно длиннее. Но они охранялись двумя римскими боевыми кораблями, что делало укрепления недоступными для атак с воды. «Юстиниан», более быстрый корабль, охранял широкий Инд. «Победительница», для которой отметили и скрытые песчаные острова были не так страшны, патрулировала более узкий Чинаб.

В последующие недели малва предприняли две массированные атаки на Треугольник. Их отразили, с тяжелыми потерями для малва. Велисарий не хвастался, когда говорил Калоподию об уникальности этих укреплений. В мире, который мог бы быть, голландские земляные укрепления, по типу которых Велисарий, Агафий и Григорий строили свои, удерживали могущественных испанцев почти столетие. Пока ему хватало припасов, а эпидемий можно было избежать жестким санитарным режимом, Велисарий был уверен, что

сможет отражать атаки малва столько, сколько потребуется.

И каждую ночь он смотрел на карту в командном бункере и слушал спокойный голос образованного Калоподия, который передавал ему отчеты лучшей военной разведки, существовавшей ранее у какого-либо военачальника. Контролируемая римлянами территория, изображенная на карте, вселяла в Велисария уверенность.

Да, это была только малая часть Пенджаба. Ну и что? Наконечник стрелы тоже маленький. Но если он воткнется в сердце врага, исход все равно окажется фатальным.

После второй атаки запасы пороха у римлян сильно оскудели. Велисарий приказал изменить тактику. Большие двадцатичетырехфунтовые орудия, привезенные Менандром, больше не будут использоваться. Огромные орудия очень быстро расходовали порох при стрельбе по атакующим как мелкой, так и крупной картечью. Трехфунтовые орудия станут использоваться только в случае крайней необходимости.

С этого времени римляне будут полностью полагаться на митральезы и старые методы — мечи и топоры. Конечно, если придется участвовать во многих рукопашных схватках, римские потери быстро увеличатся. Но Велисарий был уверен, что сможет отразить как минимум еще три атаки перед тем, как уменьшение количества войск начнет представлять реальную угрозу. Калоподий работал безукоризненно, как и надеялся Велисарий. С четкими и точными разведанными, которые теперь получал полководец, он смог оптимально расположить войска, используя столько людей, сколько требовалось, и точно там, где это было нужно.

Третьей массовой атакой так и не случилось. Да, малва начали ее готовить, но однажды утром Велисарий посмотрел на ничейную землю, ставшую местом смерти бесчисленных тысяч солдат малва, и увидел, как враги отступают. На протяжении дня становилось все более и более ясно, что десятки тысяч солдат будут возводить собственные линии укреплений. Словно теперь осаждают их, а не они.

В какой-то мере это было правдой. И Велисарий прекрасно знал, кто смог увидеть эту правду.

— Чудовище здесь, — объявил он вечером членам своего штаба во время совещания в бункере. — Лично. Линк прибыл, чтобы взять на себя руководство. Это означает, что все заканчивается.

Григорий нахмурился.

— Что заканчивается? Я думал... — Велисарий покачал головой.

— Я говорю о нашей кампании. Мы выиграли — и Линк это знает. Поэтому он не будет приказывать открыто идти в атаку. Даже малва не могут позволить себе терять столько людей. Наконец — наконец! — даже этому чудовищу пришлось задуматься о боевом духе своих войск. А он становится все хуже каждый раз, когда они проливают океаны крови у наших стен.

Его подчиненные поголовно хмурились. Увидев на их лицах совершенно одинаковое выражение, Велисарий вспомнил школьников, поставленных в тупик сложной задачей.

«К тому же очень сложной задачей по риторике и грамматике, — вставил Эйд. — Просто ужасной!»

Шутка заставила Велисария тихо усмехнуться. Затем, когда он наконец стал осмысливать происходящее, он победно поднял кулаки над головой и начал смеяться вслух.

«Мы выиграли, говорю тебе! Все закончилось!» — крикнул он Эйду ментально.

В последующие часы, когда Велисарий набрасывал планы уже следующей кампании — той, которая на будущий год окончательно выгонит малва из Пенджаба и очистит дорогу для римского наступления в сердце империи, Гангскую равнину, — его подчиненные перестали хмуриться. Но не совсем, обеспокоенные кое-какими мыслями.

Может быть...

Да, их великий полководец не склонен недооценивать врага, поэтому... может быть... Но...

Затем, как раз перед рассветом три дня спустя, телеграф снова начал стрекотать и Калоподий передал послание в шатер Велисария.

Полководец уже проснулся, поэтому смог добраться до причала в течение получаса. Теперь Менандр и его моряки называли причал с защитными сооружениями Дворцом Юстиниана.

Маврикий добрался туда раньше Велисария. В течение не более чем пятнадцати минут все остальные командующие римской армии собрались рядом с Велисарием наверху платформы — части защитного сооружения, которое римские инженеры поставили для обеспечения сохранности «Юстиниана» и «Победительницы». Оно получилось огромным и тяжелым — массивные бревна, покрытые камнями и землей, способные противостоять даже самым мощным мортирам малва, которые враг временами отправлял на речных судах в попытке разрушить боевые корабли, позволявшие римлянам удерживать позиции на Инде.

К тому времени Маврикий уже успел все подсчитать. «Фотий», который приближался к ним на рассвете, тянул не меньше трех барж. Если хотя бы одна из них везет порох, больше не имеет значения, правильно ли Велисарий оценил врага. Даже Маврикий — даже мрачный, пессимистичный Маврикий — был уверен, что достаточное количество пороха в Железном Треугольнике позволит выдержать годы массированных атак.

— Вот все и закончилось, — объявил он. — Мы выиграли.

И те же самые слова произнес Ашот, когда ступил на берег.

— Все закончилось. Мы выиграли. — Коренастый армянин махнул рукой в сторону, откуда приплыл. — Малва сняли осаду Суккура пять дней назад. Пусть Бог поможет несчастным ублюдкам, которые пытаются отступить сквозь узкое ущелье, когда их преследуют Хусрау и его персы, а у них нет припасов, о которых стоило бы упоминать. Малва потеряют еще двадцать тысяч человек до того, как доберутся до Пенджаба, если я только правильно оценил ситуацию, и большинство умрет от голода или дезертирует.

Он с энтузиазмом бросился описывать все остальные события, имеющие хоть какое-то отношение к кампании.

— И Бузес с Кутзесом тоже их давят! Они добрались до Суккура на следующий день после того, как малва начали отступление, и просто пошли дальше, со всей армией. Сквозь ущелье идет более семидесяти тысяч человек, и ни одного из них даже не поцарапали враги. Им ничего не мешает, кроме той жалкой крепости на берегу реки.

Он скривился.

— Даже если малва попытаются удержать крепость, Кутзес клянется, что его пехота возьмет эту грудку камней за два часа. Я не удивлюсь, если он прав. Его парни ничего не делали на протяжении многих недель, только маршировали. Они просто горят желанием подражаться.

Его энтузиазм охватил остальных. В течение некоторого времени офицеры во Дворце Юстиниана болтали о сотне новых планов. Большинство из них включали детали, особенности и сложности обеспечения. Нужно постоянно держать один из пароходов в Треугольнике, используя другой, чтобы тащить побольше барж — эта вонючая, жалкая крепость перестанет представлять опасность, если до нее доберется Кутзес! — и, конечно, чередовать суда, чтобы все моряки могли разделить славу, добывая эти жалкие так называемые речные суда малва, — не хочется, чтобы кто-то огорчился, потому что его товарищи начинают называть его управляющим баржей...

Достаточно скоро офицеры начали рассуждать о маневрах и кампаниях. Направиться вверх по Сатледжу — чушь, именно там Линк построил свои самые крепкие форты! — лучше обойти вокруг, по Инду — соединиться с Кунгасом в Гиндукуше, вы представляете, к этому времени он уже добрался до перевала Хибер!

Велисарий ушел задолго до окончания обсуждения. Теперь на планирование будет достаточно времени; более чем достаточно до начала следующей кампании. Все закончилось. Мы выиграли. Но сегодня, сейчас, у него оставался долг, который требовалось выплатить. Как можно лучше.

Калоподий, как знал Велисарий, все еще оставался на своем посту в командном бункере. Новости о прибытии «Фотия» — и все, что они означали, — уже разнеслись по всему Железному Треугольнику. Продвижение этого известия напоминало приливную волну, и восторг нарастал по мере ее продвижения. Как полагал Велисарий, когда она достигнет солдат, охраняющих наружные стены, они начнут безжалостно насмехаться над малва. К его глубокому удовлетворению, он знал и то, что нигде празднование не будет более буйным и несдержанным, чем среди пенджабских крестьян, проживающих в городе, который они стали называть на своем языке словом «наковальня».

Калоподий не участвовал в празднике. Он сидел за тем же письменным столом, за которым сидел каждый день, и выполнял свои обязанности, диктуя приказы и послания клерку, служившему его главным секретарем. Услышав шаги Велисария — у Калоподия уже развился поразительный слух, свойственный слепым, — греческий офицер поднял голову. Странно, но он выглядел несколько смущенно. Он что-то поспешно прошептал секретарю, и тот отложил перо.

Велисарий мгновение изучающе смотрел на молодого человека. Было трудно прочесть выражение лица Калоподия. Отчасти потому, что молодой человек всегда обладал нетипичным для его лет спокойствием и уверенностью в себе, но в основном из-за ужасных повреждений лица. Калоподий снял повязки несколько дней назад. Со спокойным вызовом, который, как знал Велисарий, был для него естественным, молодой человек демонстрировал миру эти покрытые ужасными шрамами, пустые глазницы и искореженный лоб.

Полководец снова, как всегда бывало с ним после возвращения Калоподия, почувствовал нахлынувшую волну печали и угрызений совести.

«Это не твоя вина», — настаивал Эйд.

«Конечно, моя, — ответил Велисарий. — Именно я — и никто другой — отправил этого парня в пекло. Велел ему удерживать позицию, которая являлась ключевой для моей кампании, прекрасно зная, что такому мальчишке этот приказ кажется отданным чуть ли не самим Господом Богом. Я мог велеть ему броситься на собственный меч, зная, что он это сделает».

«Другие мальчишки будут жить благодаря ему. Тысячи мальчишек — в этом самом месте. Жители Пенджаба и римляне».

Велисарий вздохнул.

«Дело не в этом, Эйд. Я знаю, что это так, и именно поэтому я отдал ему приказ. Но этот приказ — и его последствия — остаются на моей совести и нести эту ношу мне. Никому другому. И я не могу торговать этой ношей, обменивая ее на последствия той операции, на спасенные жизни, словно безжалостность — это товар, который в ходу на деревенском рынке. Грех есть грех, и незачем об этом говорить».

Калоподий прервал эту молчаливую перебранку. Он поднялся на ноги и спросил:

— Я могу вам как-то помочь, командир? — Какой-то частью разума Велисарий с радостью отметил, что слепой парень уже отличает шаги одного человека от другого. Но он далеко задвинул эту мысль, в то время как другая — та, что находилась гораздо ближе к душе человека — поднялась наружу.

Он прошел вперед и обнял парня. Затем, сдерживая слезы и стараясь, чтобы голос звучал ровно, прошептал:

— Мне жаль, что ты потерял глаза, Калоподий. Если бы я мог вернуть тебе зрение, отдав свои, я бы сделал это. Клянусь, что сделал бы.

Парень неловко ответил на объятия. И похлопал полководца по спине, словно взрослый, успокаивающий ребенка.

— О, я не хотел бы, чтобы вы это сделали. Правда не хотел бы. Нам ваши глаза потребуются больше, чем мои. Война еще не закончилась. Кроме того...

Он поколебался, затем откашлялся.

— Кроме того, я много думал. И я хотел бы просить вас об одном одолжении, которое вы могли бы для меня сделать.

Велисарий отошел на полшага назад и положил обе руки парню на плечи.

— Все, что от тебя требуется, — это только попросить. Все, что угодно.

Калоподий показал на секретаря, который сидел у письменного стола.

— Ну, дело вот в чем. Я подумал, что, по слухам, Гомер тоже был слепым. И кто заработал больше славы и известности, чем он? В конце концов, его будут помнить столько же, сколько Ахилла. Может, еще дольше.

До того как Велисарий смог ответить, Калоподий уже замахал руками, словно протестуя.

— Конечно, я не о себе! Я однажды попробовал себя в поэзии, но результаты получились ужасными. Но тем не менее я действительно хорош в риторике и в грамматике, и, думаю, проза у меня получается неплохо. Поэтому...

Калоподий сделал глубокий вдох, как делает мальчик перед тем, как объявить скептически настроенному миру о своих грандиозных амбициях.

— Поэтому я решил стать историком. Полибий⁶⁵ знаменит не меньше людей, о которых писал. Даже если и не так знаменит, как Гомер. А к тому времени, как все это закончится — да хоть теперь! — ваша война против малва станет легендой.

Велисарий отвел взгляд от изуродованного лица и посмотрел на лист, который держал в руке секретарь. Теперь он находился ближе и видел, что текст занимает всю страницу, а сообщения, передававшиеся по телеграфу, были значительно короче.

— Ты уже начал, — объявил Велисарий. — И хочешь расспросить меня о деталях.

Калоподий кивнул. Жест получился болезненно робким.

«Что может быть лучшей — и более чистой — иронией? — пришел ментальный импульс Эйда. — В мире, который мог бы быть, твою жизнь и деяния описал бы змей по имени Прокопий⁶⁶».

Велисарий хлопнул Калоподия по плечу.

— Я могу сделать гораздо лучше, парень! Конечно, тебе придется заниматься этим в свободное время — я не могу освободить тебя от работы в командном бункере, — но с этой минуты ты — мой официальный историк.

Он провел Калоподия назад, к стулу и сам притянул стул для себя. Говорил он гораздо более веселым голосом, чем за многие предыдущие недели.

— Последний историк, который у меня был... э... оказался весьма неподходящим для такой задачи.

Глава 43

Хусрау прибыл в Железный Треугольник неделю спустя. Он появился вместе с двумя тысячами своих людей, во главе целого флота галер, которые торжественно гребли вверх по Инду. Прибытие Хусрау на этих галерах само по себе говорило Велисария, что Кутзес не привык понапрасну хвастаться и взял крепость малва на реке. Ни один персидский

⁶⁵ Полибий (200-120 гг. до н.э.) — древнегреческий историк из Мегалополиса, политик и командующий ахейской конницей. Автор «Всемирной истории» в 40 книгах, из которых полностью сохранились только пять.

⁶⁶ Имеется в виду Прокопий Кесарийский (ок. 500-562 гг.) — византийский историк. Советник и приверженец полководца Велисария, участвовал в походах против персов, вандалов и отсготов. Оставил после себя следующие сочинения: «Войны» в 8 книгах, «О постройках» и «Тайная история».

император, даже такой смелый, как Хусрау, не стал бы рисковать собой, зная о тех огромных осадных орудиях, и не поплыл бы мимо них в утлом суденышке, «скорлупке», какую представляла собой галера.

Хусрау подтвердил догадку полководца, как только сошел на берег. Эту и многие другие, пока Велисарий вел его в командный бункер.

Малва отчаянно отступают через узкий проход у Суккура, пытаясь добраться до относительной безопасности Пенджаба раньше, чем их догонят дехганы Хусрау, или малва попросту умрут голодной смертью.

Тысячи — по крайней мере, пятнадцать тысяч — или пойманы, или сдались по собственной инициативе. По оценкам Хусрау, примерно такое же количество дезертирует, ища укрытия в горах и долинах.

Суккур в безопасности, и армия под командованием Бузеса и Кутзеса доберется до Железного Треугольника в течение двух недель. Никакая сила малва не сможет предотвратить ее воссоединение с римскими войсками. После их прибытия под командованием Велисария будет армия, насчитывающая почти сто тысяч человек.

Прибыли курьеры от Кунгаса, с вестью, что кушаны очистили перевал Хибер и удерживают северо-восточный вход в Пенджаб. Теперь малва столкнулись с перспективой ведения войны на два фронта.

Еще Хусрау передал полководцу некое таинственное послание, но не задавал никаких вопросов — одна небольшая группа кушанов проходила через Суккур по пути в Гиндукуш. Эти люди попросили персидского императора сказать Велисария, что с определенной грамматической проблемой все идет хорошо. Что бы это ни значило.

Император осмотрелся в командном бункере.

— Он может и дальше служить штабом. Но тебе придется разбить большие лагеря вдоль Инда к югу от места ответвления Чинаба. Нет возможности разместить всю твою огромную армию здесь — как ты его называешь? — о, да, Железный Треугольник. Отличное название.

Хусрау принял стул, который предложил ему Григорий. Не нужно говорить, что офицер артиллерии выбрал лучший в бункере, но...

Хусрау не казался раздосадован скромностью стула. Однако Велисарий не был точно уверен в этом, потому что с момента встречи лицо перса оставалось напряженным и суровым. Очень нетипично для него. Обычно лицо Хусрау было крайне выразительным — конечно, по меркам знатных арийцев.

Римский полководец не сомневался, что знает источник этой напряженности. Он догадался о намерениях Хусрау, когда узнал, что арийский император решил лично прибыть в Треугольник, и не видел оснований откладывать обсуждение вопроса.

Как, очевидно, не собирався и сам Хусрау. После того как император сел, он обратился ко всем офицерам в бункере — как римским, так и персидским — достаточно вежливым, но повелительным тоном:

— Нам с Велисарием нужно поговорить с глазу на глаз.

Персидские офицеры тут же ушли. Римские задержались настолько, чтобы увидеть быстрый кивок Велисария. Калоподий, который двигался медленнее из-за слепоты, ушел последним.

Как только помещение опустело, Велисарий перешел непосредственно к проблеме.

— Ты хочешь, чтобы нижний Пенджаб был передан под власть ариев. Включая Железный Треугольник. Я соглашусь, но поставлю два условия. Первое. Персидская территория должна простираться на север не дальше Мултана — после того, как мы его возьмем на следующий год — и ограничиться западным берегом Сатледжа. Я хочу когда-нибудь закончить эту войну, а не оказаться втянутым в новую, между ариями и раджпутами. А самое меньшее, на что согласятся раджпуты для установления постоянного мира, — это обладание Пенджабом с его сельскохозяйственными угодьями. Тем более потому, что

Раджпутана — страна бесплодная. — Хусрау попытался что-то сказать, но Велисарий поднял руку. — Пожалуйста. Дай мне закончить. Это все еще оставит тебе контроль над выходом в Синд вместе с достаточной частью богатств Пенджаба.

И снова Хусрау открыл рот, и снова Велисарий остановил его.

— Второе условие. К пенджабцам, которые перешли под римское управление, следует относиться хорошо и уважительно. Никакой конфискации их земель в пользу жадных и прижимистых дехганов. Делай, что хочешь, в Синде, Хусрау Ануширван, но здесь ты должен согласиться править напрямую. Эти земли должны быть императорскими владениями, управляемыми официальными лицами, которых ты выбрал. И, хотя я не включаю это в обязательные условия, настоятельно рекомендую тебе мудро выбирать этих чиновников.

Наконец Хусрау удалось вставить слово. Вначале он просто фыркнул, потому что ему стало забавно. Затем он заговорил:

— Не волнуйся, Велисарий. У меня не больше, чем у тебя, желания ввязываться в бесконечную войну с Раджпутаной. И — могу тебя заверить! — я не собираюсь позволять своим дехганам сверх меры набивать кошельки за счет империи.

Недолгое веселье императора сменилось прежней суровостью.

— Я уже четко дал им понять, что условия правления в новых провинциях будет устанавливать император. Те из них, кого устраивает положение императорских слуг, могут оставаться. Тем, кто настаивает на сохранении своих древних прав, будет предложено вернуться на голые земли, с которых они пришли.

Он величественно взмахнул рукой.

— И очень немногие из них склонны спорить. Таких осталось совсем немного после того, как я включил в разряд Бессмертных треть дехганов.

Он замолчал, его лицо стало очень напряженным. Внутри у Велисария все похолодело. Он внезапно понял, что необычная торжественность Хусрау не имеет никакого отношения к дипломатии. По крайней мере, не в международном плане.

Возможно, Хусрау почувствовал нарастающий ужас своего собеседника. Немного поспешно он достал из складок одежд свиток и протянул его Велисарию.

— Это от самой Антонины. С ней все в порядке, уверяю тебя. — Он колебался. — Ну, это послание не совсем от нее *лично*. Это расшифровка, которую сделал один из твоих писарей, — послание, которое она по телеграфу отправила из Бароды в Суккур.

Велисарий взял свиток и развязал шелковую ленту.

— Из Бароды? Она не приплывет вверх по реке? Я предполагал...

Хусрау оборвал его:

— Тебе лучше прочитать послание, Велисарий. Антонина не может приплыть вверх по реке. Экспедиция оказалась очень успешной. Скорее, потрясающе успешной — разрушен флот малва в Чоупатти, взят сам Чоупатти, разрушен флот в Бхаруче и его гавань тоже, хоть и не взята. Но Антонина не могла задержаться в Бароде и, тем более, тратить время на путешествие вверх по реке. Понимаешь, ее присутствие незамедлительно требуется в Аксуме. К этому времени, я предполагаю, она уже почти на месте.

Ужас, который постепенно спадал, когда Хусрау начал говорить, снова усилился. Если с самой Антониной все в порядке... то почему ей срочно нужно быть в Аксуме? Это может означать только...

Наконец напряжение на лице Хусрау сменилось простой грустью.

— Есть и плохие новости.

После того как Велисарий прочитал послание, причем несколько раз, слезы свободно полились по его щекам. Император земель иранских и неиранских тяжело вздохнул и поднялся на ноги. Он подошел к Велисарию и положил руку на плечо римского полководца.

— Мне очень жаль, — тихо сказал он. — Честное слово. Я сам плохо знал молодого царя, но помню, что вы были близки. Ты показал себя хорошим другом, моим и моих подданных, и мне грустно видеть тебя в такой печали.

Велисарий нашел в себе достаточно сил, чтобы положить руку на руку императора, сжимавшую его плечо. Это был редкий момент близости между двумя могущественнейшими людьми в мире.

— Спасибо тебе за слова, Хусрау С Бессмертной Душой. А теперь, если не возражаешь, я хотел бы побыть один. Мне нужно побыть одному.

И остаток дня он ни разу не сдвинулся с места. Наступил и прошел полдень, и офицеры стали нарушать его просьбу об одиночестве. Один за другим, начиная с Маврикия, они заходили в бункер. Не поговорить со своим печальным полководцем, а просто утешительно положить руку ему на плечо. Он накрывал каждую руку своей, хотя ничего не говорил в ответ на тихие соболезнования.

До заката он разговаривал только с Эйдом. И это скорее были не слова, а внутренние крики боли и печали, на которые Эйд отвечал своими.

Велисарий узнал то, над чем думала Антонина. Кристалл действительно мог плакать, и плакать, и плакать. Но Велисарий никогда не говорил ей об этом в последующие годы, ни разу, только признавал сам факт. Характер этого плача остался только его тайной, поскольку смерть Эона была раной, которую он не станет беречь ни у себя, ни у своей любимой жены.

Когда наступил вечер, Велисарий поднялся со стула и направился к выходу из бункера. Он тихо обратился к часовому, стоявшему в нескольких футах от входа, и передал просьбу для Калоподия и его секретаря.

Когда молодой офицер и его писарь вошли в бункер, ступая несколько робко, то нашли Велисария сидящим за письменным столом Калоподия, на том же стуле, который он всегда занимал, когда рассказывал о своей жизни.

Только по покрасневшим глазам и хриплому голосу эти двое мужчин, каждый по-своему, смогли определить, что полководец провел день в печали.

После того как Калоподий и писарь сели, Велисарий начал говорить:

— Как я предполагаю, каждой великой войне требуется свой Ахилл. Возможно, это способ, которым Бог напоминает нам, что юность достойна славы. По крайней мере, мне хочется так думать. Это примиряет с потерей так, как ничто другое. Поэтому теперь я расскажу тебе об Ахилле этой войны, о том, откуда он пришел и как стал Ахиллом.

Калоподий наклонился вперед, напряженный, зачарованный, равно как и писарь.

— Мы должны начать с его имени, а не всех тех титулов, что пришли позднее. Эон Бизи Дакуэн. Солдат своего полка. Запиши мои слова, историк, запиши их правильно.

Эпилог

Ремесленник и его офицеры

— Не могу поверить, что он это сделал. Феодора оторвет мне голову.

«Прекрати бормотать, — сказал Эйд. — Ты подаешь плохой пример своим офицерам».

Велисарий виновато огляделся. Определенно, по крайней мере половина его старших офицеров из командного состава армии бормотали себе под нос. Велисарий не был единственным стоявшим на причале римским военачальником, которого в этот момент гораздо меньше беспокоил враг, чем топор палача императрицы-регентши Феодоры.

Он снова посмотрел на человека, которому помогали по трапу сойти с парохода, только что притащившего за собой целую флотилию барж к Железному Треугольнику. Это был «Юстиниан».

«Название очень подходящее».

Велисарий заскрежетал зубами.

«Я не в настроении шутить», — послал он ответный ментальный импульс Эйду.

«Кто шутит? О, посмотри, что они начинают разгружать с первой баржи!»

Поставленный в тупик Велисарий попытался догадаться, что так взбудоражило Эйда. При помощи одного из кранов, стоявших у причала, разгружали большую плетеную корзину, полную... *колес* ?»

«Это колеса для тачек, если я не ошибаюсь, — сказал Эйд. — Мы достаточно легко сможем собрать все остальное, учитывая то, чем мы здесь располагаем — если у нас будут колеса. Вероятно, это утроит скорость работы на укреплениях».

За мыслями Эйда угадывалось несносное самодовольство.

«Я ведь предлагал тебе тачки на колесах, если ты помнишь. Но разве ты обратил внимание? Нет, нет. Я рад, что хоть кто-то не слеп. Если ты простишь мне это выражение».

К этому времени Менандр проводил Юстиниана с причала под навес, где ждали Велисарий и его офицеры.

Как только Юстиниан почувствовал, что находится среди них — как слепой чувствует подобные вещи, — то улыбнулся от уха до уха.

Велисарий был поражен. Пока Юстиниан оставался императором Рима, Велисарий мог вспомнить лишь несколько случаев, когда Юстиниан улыбался, и то очень тонко. И еще реже это происходило, когда Юстиниан стал главным юстициарием.

— Я думал, что ты забыл о тачках на колесах, — весело сказал Юстиниан. — Первое, о чем я спросил Менандра, когда он появился в Бароде. Он удивился, увидев меня, И еще больше удивился, когда я сказал ему, что пришло время начать перевозить судостроительную команду в Железный Треугольник.

Юстиниан повернул голову и обратил невидящие глазницы на Менандра, который, судя по всему, явно испытывал тревогу. Затем медленно повернулся так, чтобы «смотреть» на всех офицеров под навесом.

— О, прекратите хмуриться, — сказал он еще более весело. — К тому времени как Феодора обнаружит, что вы позволили мне прибыть на передовые линии, и, придя в ярость, отправит палача, чтобы казнить вас всех, уже пройдут месяцы. В любом случае, мы или все к тому времени будем мертвы, или пройдем победным маршем по Каушамби. Во втором случае я прикажу казнить палача за вмешательство в императорские военные дела. Я ведь могу это сделать. Поскольку я все еще главный юстициарий — и к тому же первый в истории, — то вполне могу делать все, что захочу.

Велисарии удалось не вздохнуть. Едва.

— Добро пожаловать в Железный Треугольник, Юстиниан.

— Спасибо. — Слепой, который кем только не был в жизни, но, казалось, больше всего полюбил ремесленничать, вопросительно склонил голову. — Скажи мне кое-что, Велисарий. Ты рад меня видеть?

Мгновение Велисарий думал над этим. Его мыслительному процессу помог Эйд.

«Не нужно быть полным идиотом».

— Да, — сказал полководец. — Я рад видеть тебя здесь. Подозреваю, что ты сильно понадобишься нам еще до того, как все закончится.

Император и его государство

— Конечно, сами верфи будут перенесены в Бароду, — объяснял Юстиниан. Он откинулся на спинку стула и поставил осушенный кубок на ближайший стол, двигаясь в немного резкой манере слепого. — Если спросишь мое мнение, то ваше местное пиво не такое уж и плохое. Не хуже того, что я пил в Египте или Аксуме.

Велисарий нахмурился.

— В Бароду? А почему бы не оставить их в Асэбе? — Он уже взмахнул было рукой, но вспомнил, что Юстиниан не увидит его жест. — Я вижу преимущество в том, чтобы держать их поближе, но... перевозить всех твоих ремесленников и судостроителей, большинство из

которых аксумиты...

— О, прекрати чрезмерно заботиться обо мне! — рявкнул Юстиниан. — К этому времени, как мне кажется, я знаю гораздо больше обо всем этом, чем ты, Велисарий. Хаос будет временным, а после этого у нас появится гораздо больше времени, поскольку получится куда более тесный контакт с верфями. Мгновенный — после установки телеграфных линий. — Бывший император склонился вперед и начал энергично жестикулировать. — Ты понимаешь, что малва уже должны были начать делать покрытые железом речные суда? Ха! Подожди, пока они не увидят то, что я планирую построить против них!

Велисарий все еще хмурился.

— Это вызовет кое-какие проблемы с Хусрау...

— Проблемы? — спросил Юстиниан. — Лучше скажи — бурю. Аксумиты потребуют сделать Бароду аксумским анклавом. Так же, как Чоупатти.

«Это имеет смысл, — высказал свое мнение Эйд. — С Бародой и Чоупатти — и, вероятно, до того как все это закончится они, захотят еще и часть Гуджарата. Тогда аксумиты получат...»

— Невозможно! — провозгласил Велисарий.

— Ерунда, — легко отмахнулся Юстиниан. — Аксумиты определенно могут заявить, что имеют на это право после всего, чем они пожертвовали ради Персии.

«Да, могут, — подтвердил Эйд. — Проклятые жадные персы! Хотят, чтобы все их спасали, и в то же самое время пытаются прибрать к своим рукам как можно больше. Самое малое, что они могут сделать для Аксума, — это отдать им Бароду. Конечно...»

Велисарий почувствовал, как перед ним открывается дипломатическая пропасть. Ярость арийского императора — естественно, именно Велисарию придется вести переговоры с Хусрау...

«...я понимаю, почему Хусрау будет чуточку раздражен и станет брюзжать. Персы — торговая нация, в отличие от индусов, поэтому ты увидишь: им не понравится, что, владея территорией между Чоупатти и Бародой — и Гуджаратом, — аксумиты получают что-то типа эксклюзивного права на торговлю в Эритрейском море».

Юстиниан запустил руку в свои одежды — все еще пурпурного императорского цвета, несмотря на то что с тех пор многое изменилось, — и достал запечатанный свиток.

— Кроме того, у тебя нет особого выбора. Когда я собирался уезжать, в Асэб прибыла Антонина. После того как у нас была возможность поговорить — о моих планах на более близко расположенные верфи, о ее планах на стабильность в Аксуме, — она написала кое-что для тебя. Она все изложила здесь, причем максимально четко.

В обычной ситуации Велисарий был бы счастлив получить письмо от Антонины. Но сейчас... Он осторожно протянул руку.

— Не нужно говорить, что она тверда в своем мнении.

И действительно. С мрачным видом читая письмо Антонины, Велисарий предвидел впереди нелегкие времена. Переговоры с персидскими союзниками, которые будут почти — не совсем, конечно, — такими же яростными, как сражения с малва.

Где-то на середине письма частью сознания он заметил, что в штаб ворвались Менандр и Эйсебий. (Штаб, к слову сказать, все еще оставался шатром. Сооружение постоянных строений происходило по всему Железному Треугольнику, но с учетом необходимости войны, а не личного комфорта офицеров. Хотя персы уже начинали шуметь, что для Хусрау, когда он прибудет с визитом, потребуется «надлежащая резиденция».) Но Велисарий не обращал внимания на произнесенные с горячностью слова или на то, как Менандр с Эйсебием размахивают руками над набросками, которые принес с собой Юстиниан. До тех пор, пока Эйд не вывел его из плохого настроения, отправив резкий ментальный импульс.

«Тебе серьезно следует обратить внимание на это предложение. Персы есть персы. Война продолжается. И лично я думаю, что тебе нужно давить любую идею о подводной лодке в зародыше — она безнадежна. Но идеи Юстиниана о торпедах кажутся мне

многообещающими. Пусть малва суетятся с этими неуклюжими железными судами! Мы полностью их перехитрим, учитывая, как работает мысль Юстиниана. — Он замолчал на мгновение, затем добавил с большим удовлетворением: — Он стал умным человеком после того, как сбросил с себя бремя всей этой императорской чуши».

Пораженный Велисарий поднял голову. К его удивлению, он увидел, как Юстиниан снова широко ему улыбается.

— Итак, мой любимый полководец. Ты все еще рад меня видеть?

На этот раз Велисарий ответил, не задумываясь:

— Рад.

Императрица и ее печаль

К тому времени как Рукайя наконец смогла говорить, Антонина почувствовала, что ее ребра готовы треснуть. Рыдающая царица Аксума хваталась за нее, как тонущий котенок.

— Спасибо, — утирая слезы, прошептала Рукайя. — Я была в таком ужасе с тех пор, как пришло известие — больше боялась за Вахси, чем за себя, — что не могла даже как следует выплакаться. Я боялась, что если кто-то увидит хоть намек на слабость... Ужасно, что Эон мертв. Но если бы убили еще и сына...

Антонина погладила девушку по волосам и прижала ее голову к своему плечу.

— Этого не случится, Рукайя. Я обещаю. Вместе со мной, Усанасом и Эзаной тебе нечего бояться. Вахси — негуса нагаст, и конец обсуждению. Не будет никакой борьбы из-за наследования. Не будет диадохов в Аксуме.

И снова молодая царица разразилась слезами.

— Я так его любила! Я не могу поверить, что его больше нет.

После этого Рукайя какое-то время вообще ничего не говорила. Антонина была этому рада, несмотря на дополнительное давление на свои ребра. Ни одна молодая вдова в такое время не должна помнить ни о чем, кроме своей печали. Просто...

Плакать, и плакать, и плакать.

Правительница и ее постановления

— Столько, сколько ей потребуется, — твердо сказала Антонина. — Недели, месяцы, сколько нужно. Оплакивать следует должным образом.

Она сидела на царском троне, установленном на большом возвышении, и смотрела вниз на толпу собравшихся в зале представителей знати и видных государственных деятелей. Большое помещение было наполнено людьми, как аксумитами, так и арабами. Чиновники, военачальники, купцы — собралась вся элита Аксумского царства.

— Столько, сколько потребуется, — повторила Антонина.

Она обвела толпу холодным взглядом, словно спрашивая, кто посмеет бросить ей вызов.

Толпа молчала. По выражениям лиц собравшихся было ясно: ряд представителей знати желали протестовать. «Возникнут перебои с торговлей! Нужно издать указы! Должны быть разрешены юридические споры! Повышение до офицерского ранга — и это нужно сделать срочно!»

— Я буду править вместо нее, — постановила Антонина. — До тех пор, пока царица не сможет снова выполнять свои обязанности. Свои новые обязанности регентши, пока негуса нагаст не станет достаточно взрослым, чтобы править самостоятельно.

Она посмотрела на толпу, словно спрашивая, посмеет ли кто-то из них бросить ей вызов. Они хотели бы это сделать, Антонина не сомневалась в этом ни на секунду. Но...

Справа от нее стоял Усанас. Аквабе ценцен Аксумского царства. С мухобойкой, свидетельствующей об его статусе, в руке, как и полагалось во время совещаний у царя. Усанас улыбался. Что само по себе тоже было вполне нормально. Но в улыбке не

просматривалось ни капли веселья. Это была улыбка огромной кошки или наблюдающего за добычей льва.

А слева от нее стоял Гармат. Старый полуараб-полуаксумит, советник двух царей, Калеба и Эона, славящийся по всему Аксуму своей дальновидностью и мудростью. После смерти Эона и до прибытия Антонины именно он удерживал знать от беспорядков. Давал бесценные советы молодой царице в то время, когда она меньше всего хотела думать о том, как быть царицей. В некотором роде сурово хмурающийся лоб Гармата был таким же предостережением, как хищная улыбка Усанаса, — для всех, кто мог лелеять мысли об оспаривании престолонаследования.

Это был вызывающий страх триумвират — сидящая посередине женщина и стоящие по обе стороны от нее мужчины. Однако колебания, все еще сохранявшиеся у собравшихся, развеял кое-кто другой. Человек, который в этот момент напомнил им о высшей природе власти. Стоявший в дальней части помещения Эзана ударил железным наконечником копья по каменному полу. Резкий звук заставил по крайней мере половину собравшихся господ подпрыгнуть на месте.

— Римская женщина Антонина была назначена Эоном Великим наблюдать за переходом власти в Аксуме, — объявил он. Его голос прозвучал так же резко, как удар копья. — Я присутствовал при этом назначении, когда царь лежал и умирал, и являюсь свидетелем его слов. Кто-то посмеет бросить мне вызов?

И снова он ударил наконечником по полу.

— Кто?

— Решено. Пока царица не готова вновь приступить к выполнению своих обязанностей — и пусть ей будет даровано столько времени, сколько нужно, — Аксумом правит Антонина. Не сомневайтесь в этом. Я обращаюсь ко всем вам. Не сомневайтесь в этом ни на секунду.

Еще один удар копьем.

— Меня зовут Эзана, и я являюсь командующим сарвом Дакуэн. Полком негусы нагаста. Полк будет служить младенцу Вахси его кулаком, если таковой ему потребуется. Молитесь Богу, которому вы молитесь, господа, чтобы он ему не понадобился. Истово молитесь.

Царица и ее бракосочетания

— А я-то думал, что христианская церемония длится вечно, — прошептал Кунгас. — По крайней мере они справились за день.

— Помолчи, — прошипела Ирина. — Предполагается, что ты следующий час или два будешь молчать. Даже не будешь шептать, поскольку люди смогут увидеть шевеление твоих губ.

— Ты же шепчешь.

— А меня это не касается, — довольно ответила Ирина. — На мне надета чадра.

Фактически, буддийское бракосочетание не длилось больше одного дня — хотя его занимало полностью. Ирина легко могла бы выбрать более простую и короткую церемонию, что предпочел бы Кунгас. Но она вполне определенно сказала ему — не будь идиотом. Дело не столько в религии, сколько в обстоятельствах.

— Ты хочешь притащить половину своего царства, чтобы увидеть великолепную ступу, которую ты отстраиваешь на руинах старой? Которая, как получилось — очень удобно! — находится в пределах видимости огромных новых укреплений, которые ты строишь на перевале Хибер? И потом сделать церемонию короткой? Глупости.

— Тебе целый день придется носить чадру, — застонал Кунгас, прибегая к последнему аргументу. — Ты же ненавидишь чадру.

Ирина начала поглаживать схваченные в хвост волосы. Со временем она привыкла к

этой прическе и любила ее не меньше, чем манеру откидывать назад волосы, собранные в прическу по греческой моде. Новая прическа приносила даже больше удовольствия из-за своего удобства. Ее старая привычка была привычкой начальницы шпионской сети, новая — царицы. Конский хвост ежедневно напоминал о том, что такие же знаки развеваются под знаменами ее армии.

— Я говорила, что я *лично* ненавижу чадру, Кунгас. Но должна сказать тебе: в тот день, когда мужчины изобрели эту глупую вещь, они обеспечили свое падение. — Поглаживание конского хвоста стало самодовольным, очень самодовольным. — Послушай меня, профессиональную интриганку. Чадра — лучший помощник для дипломата, вообще когда-либо изобретенный!

На следующий день после церемонии Ирина представила Кунгаса патанским вождям. Встреча прошла очень хорошо, сказала она ему позднее.

— Как ты определила? — несколько резко спросил он. — Большую часть времени они гневно смотрели на тебя, хотя ты даже слова не сказала после того, как нас представила.

Он помолчал и добавил:

— И сними эту проклятую чадру! Мы теперь находимся в наших личных покоях, и я чувствую себя неполноценным, когда на тебе надета эта штука. — Потом добавил чуть мягче: — Кроме того, мне нравится твое лицо.

Ирина скинула чадру и улыбнулась.

— Они гневно смотрели на меня потому, что я заранее побеспокоилась сообщить им (конечно, не лично): я планирую взять с собой телохранительниц на языческую брачную церемонию, которая состоится у нас в их горах в следующем месяце.

Кунгас застонал.

— Отлично. Теперь они будут уверены, что я — самый покорный жене правитель в истории Гундукуша.

Ирины улыбнулась шире.

— О, прекрати. Ты просто злишься при мысли об еще одном бракосочетании, и все. Ты прекрасно знаешь: они несчастливы потому, что хотели бы так думать, но не могут. Только не стоя в тени великой крепости, которую ты строишь на Хибере, и не наблюдая за тысячами пленников малва, которые там работают. Эти старые вожди с кислыми физиономиями отдали бы все, чтобы иметь такие яйца, как у тебя. Мужественные — ха! Шайка козлокрадов.

Ирина слегка склонила голову набок. Кунгас давно привык и к этой ее привычке. И снова он застонал.

— Есть кое-что еще.

— Ну... да, — признала Ирина. — У них есть еще один повод для раздражения. Я постаралась, чтобы они заблаговременно узнали о трех патанских девушках, которые недавно прибыли в Беграм и вызвались служить в подразделении моих телохранительниц. И их радостно приняли.

Ирина прямо-таки излучала самодовольство.

— Кажется — кто бы мог догадаться? — древние сарматы имеют в этом регионе много потомков. А разве я могу отвергать древние традиции, даже недавно обнаруженные?

Кунгас нахмурился. По-настоящему нахмурился. По мере того как росла его власть — основывающаяся в немалой степени на дипломатических талантах его жены, — он обнаружил, что ему больше не требуется постоянно держать маску на месте лица. И Кунгас находил, что от старой привычки удивительно просто избавиться.

Особенно при постоянном подбадривании Ирины. Она была твердо уверена, что люди предпочитают видеть своих царей чистосердечным, искренними, щедрыми и — больше всего — открытыми. «Пусть винят в своих несчастьях царицу-интриганку и безликих чиновников. В этом нет ничего плохого, поскольку они не забудут, что у царя по-прежнему есть армия и крепости, которые она для него взяла», — говорила Ирина.

— Ты собираешься затеять вражду с этими проклятыми племенами, — предупредил он. — У них пунктик по поводу того, как на их женщин смотрят даже глупые козлы. Патанские девушки в телохранительницах у царицы!

— Чушь. Я сказала им, что не буду вмешиваться. И не вмешиваюсь. Я не рекрутировала этих девушек, Кунгас. Они сами прибыли в Беграм после того, как обнаружили — к своему большому удивлению, — что не являются патанками. Кто может возражать против того, чтобы сарматские девушки следовали древним традициям своего народа?

Кунгас пытался сохранить на лице суровое выражение, но нашел, что это чересчур сложно. Он поднялся со стула и подошел к окну. «Дворец», в котором они жили, был не более чем частично отстроенной частью огромной новой крепости, которая сооружалась на Хибере. Правда, на вершине одной из гор, а не на самом перевале. Кунгас быстро понял принципы работы новой артиллерии и хотел обустроиться на возвышенности. Ему нравился вид, который открывался из окна, частично из-за великолепия пейзажа, но по большей части потому, что напоминал о его собственной силе. Пусть все думают, что хотят, но факт остается фактом — Кунгас, царь всех кушанов, владеет перевалом Хибер. И с ним — всем Гиндукушем. Удерживает на открытой ладони, но ее легко сжать в кулак, если так вздумается царю. Кулаком правой руки он нежно постучал по каменному подоконнику.

— Сарматы, — усмехнулся он. — Почему бы и нет? В конце концов, каждой династии требуется древняя родословная.

Ирина откашлялась. Не поворачиваясь, чтобы увидеть ее лицо, Кунгас улыбнулся перевалу Хибер.

— Позволь мне догадаться. Ты заставила эту толпу буддийских монахов, ежедневно следующих за тобой, изучить исторические данные. Оказывается — кто бы мог подумать? — что Кунгас, царь кушанов, происходит от сарматских правителей.

— Со стороны матери, — уточнила Ирина. — Со стороны отца...

И снова она откашлялась. Гораздо более громко. Глаза Кунгаса округлились.

— Не надо мне этого говорить!

— Что я могу поделать? Это чистая правда, если верить историческим архивам. Ну, по крайней мере, так заявляют мои монахи, а поскольку они — единственные, способные расшифровать сохранившиеся обрывки древних документов, кто станет с ними спорить?

Кунгас расхохотался.

— Это правда! — настаивала Ирина. — Когда Александр Македонский проходил через эту местность...

Пешва и его семья

В своем дворце, за исключением публичных церемоний, Шакунтала не имела склонностей соблюдать формальности. Поэтому, хоть некоторые из ее придворных и думали, что это попросту скандально, она обычно сама посещала пешву в его покоях, а не призывала Холкара в свои. И часто брала с собой Рао.

Делала она это по разнообразным причинам.

Во-первых, Шакунтала по природе была энергичной. Если бы она все время оставалась в своих покоях, то сошла бы с ума. Не столько из-за физического бездействия — с тех пор как они с Рао поженились, императрица возобновила тренировки в боевых искусствах под его суровым руководством, — а просто из-за банальной скуки.

Вторая причина была менее эфемерной. Честно говоря, самой что ни на есть земной.

— Ха! — воскликнул Рао, когда они приближались к входу в покои Дададжи Холкара. Он повернул голову и скептически посмотрел на младенца, которого следом за ними несли няня. — Да, ты определенно обожаешь этого ребенка. Но у тебя нет терпения, чтобы быть правильной матерью.

Шакунтала вошла в широкие двери, ведущие в выделенную пешве часть дворца.

— Для этого-то и существуют бабушки, — объявила она повелительно, словно диктовала указ.

Гаутами и впрямь с радостью была готова заниматься Намадевом. И тем более потому, что наследник престола был немногим младше ее собственного внука.

Наблюдая за женой с двумя детьми, пешва Дададжи Холкар по привычке погрузился в философские размышления.

— На самом деле, жизнь необычайно странна. Каждый день я все больше и больше убеждаюсь: Бог хочет, чтобы мы поняли — все мы, — что мир есть суть иллюзия. — Холкар показал на двух детей. — Вначале посмотрите на моего внука.

Шакунтала с Рао посмотрели на ребенка, о котором шла речь, старшего из двух играющих с Гаутами мальчиков. Его вместе с матерью передали подразделению партизан маратхи. Передал отряд, отправленный господином Дамодарой после того, как его люди разбили силы восставших, которых вел сын Дададжи.

— Нельзя отрицать, что ребенок является моим потомком. В его возрасте мой сын выглядел точно так же. Что касается духа — то это еще предстоит увидеть.

Рао нахмурился.

— Тебя беспокоит влияние его матери? Дададжи, тот факт, что с головой несчастной женщины пока еще не все в порядке, едва ли может удивлять. Сам же мальчик кажется мне достаточно веселым.

— Я не это имел в виду, — ответил Холкар и покачал головой. — Мы на самом деле так сильно привязаны к плоти?

Он на мгновение замолчал. Затем внимательно посмотрел на Рао.

— Я совершенно уверен, что ты слышал отчеты своих людей. Йетайский офицер, который привез жену и ребенка моего сына, сказал им, в открытую сказал, что лично убил моего сына. Тем не менее, с разрешения Дамодары, он передает нам его семью. Станный поступок для малва.

Рао пожал плечами.

— Дамодара — хитрый человек. Несомненно, он думает...

— Дамодара тут ни при чем, — перебил Холкар. — Меня интересует йетаец. Это он, а не Дамодара, пожалел мать и ребенка после того, как убил моего сына. Почему он так сделал?

— Люди не всегда звери. Даже йетайцы.

— Верно. Но почему Бог выбрал именно этот сосуд, чтобы напомнить нам, Рао? Это то же самое, что отправить тигра в горящий дом, чтобы спасти ребенка.

Ответа не последовало. Через мгновение Холкар заговорил снова:

— Когда война закончится, если мои дочери вернутся ко мне в целости и сохранности, я больше не смогу быть пешвой. Я много думал об этом в последнее время и решил, что больше не подхожу под рамки наших традиций. По крайней мере, не в том виде, в котором они существуют. Некоторые взгляды, о которых я узнал в разговорах в Велисарием и через него — с тем, кого христиане называют Талисманом Бога...

— Он — Калкин, десятая аватара, которая была нам обещана, — твердо заявил Рао. — Велисарий сам сказал это в письме, которое однажды мне отправил.

Холкар кивнул.

— Я тоже в это верю. В любом случае, в будущем возникнет — могла бы возникнуть — версия нашей веры под названием веданта⁶⁷. Я намереваюсь изучить ее после войны, но усилия сделают невозможным...

— Чушь! — рявкнула Шакунтала. — Ты — мой пешва и останешься моим пешвой.

⁶⁷ Веданта (санскрит, буквально: конец вед) — наиболее распространенное индийское религиозно-философское течение. Целью бытия веданта считает «освобождение», достижение изначального тождества атмана (индивидуального духовного начала) и брахмана (высшей реальности).

Философствуй в свободное время. У тебя его будет достаточно после войны. Но я ничего больше не хочу слушать.

Дададжи колебался.

— Мои дочери — после всего, что случилось, будут неподходящими для пешвы. — Его доброе лицо стало суровым. — И я не стану от них отказываться. Ни при каких обстоятельствах. Поэтому...

— Чушь, я сказала! — голос императрицы, как всегда, звучал уверенно и твердо. Так могли бы говорить Гималаи, если бы у них был язык. — Не беспокойся о таких пустяках, как статус твоих дочерей. Это просто проблема. А проблемы можно решить.

И все равно Холкар колебался.

— Будет много разговоров, императрица. Злобных разговоров.

— А если ты станешь монахом, их, по-твоему, не будет? — спросила Шакунтала. — Разговоры — это разговоры, и ничего больше. — Она махнула рукой, словно отгоняла докучливое насекомое. — Проблему можно решить, уж проблему со слухами — точно. На худой конец — моими палачами.

Император и его палачи

— Если это случится снова, я прикажу казнить этого человека, — твердо объявил Фотий. Он прямо сидел в изголовье огромной кровати и прилагал все усилия, чтобы выглядеть по-императорски в одежде для сна. — Я говорил ему, что Ирина должна получить первый экземпляр.

Тахмина лежала, раскинувшись на постели и подложив руки под голову, и хихикала, что не слишком хорошо сочеталось с императорским достоинством.

— Ты просто злишься, потому что поругался со своими учителями. Вымещай плохое настроение на них, а не на каком-то несчастном книготорговце. Кроме того, Ирине все равно, если она получит второй экземпляр.

Лицо Фотия была напряжено так, как может быть напряжено лицо мальчика его возраста.

— Тем не менее! — настаивал он.

— О, прекрати. Сделай что-нибудь полезное. Помассируй мне спину.

Через какое-то время Тахмина счастливо вздохнула.

— У тебя это начинает поразительно хорошо получаться.

Фотий, сидевший верхом на жене, наклонился и поцеловал ее в затылок. Движение получилось легким, расслабленным.

— Мне нравится прикасаться к тебе, — прошептал он. — Теперь мне почти одиннадцать.

— Я знаю, — вздохнула она совершенно счастливо. — Вскоре.

Господин и его люди

Господин Дамодара внимательно наблюдал за Раной Шангой, когда царь раджпутов ходил взад и вперед по помещению, которое Дамодара использовал в качестве военного штаба. Шанга тем самым выражал свое мнение о включении гарнизона Бхаруча в ряды регулярной армии.

Не то чтобы Дамодара игнорировал мнение Шанги. Но его гораздо больше интересовало настроение раджпуты, чем предмет, который они обсуждали. Меривший комнату шагами раджпут всегда напоминал Дамодаре тигра. Но господина-малва поразило спокойствие Шанги. Дамодару это... удивляло. И, учитывая то, что оно может означать, порядком беспокоило.

Шанга закончил отчет и остановился. Так получилось, что сделал он это в том углу

комнаты, где находился самый странный предмет мебели.

Царь раджпутов сверху вниз смотрел на зловеще модифицированный стул. Старые пятна крови все еще были видны. Теперь они стали коричневыми, не красными, и мухи давно потеряли к ним интерес.

— Почему ты не избавишься от этой проклятой штуковины? — спросил он.

— Нахожу ее полезным напоминанием, — ответил Дамодара. Он мрачно хмыкнул. — Последствия неправильной оценки.

Шанга повернул голову и смерил взглядом своего командующего. На протяжении многих лет он стал так же хорошо понимать военачальника, как Дамодара — самого раджпута.

— Тебя что-то беспокоит, — заявил Шанга.

Дамодара пожал плечами.

— Это трудно объяснить. Я... поставлен в тупик, скажем так. Я ожидал, что ты будешь в ярости. Ты ведь так любил свою семью.

Раджпут отвернулся, его лицо стало каменным. После недолгого молчания он заговорил:

— Я нахожу утешение в философии, господин. Все это — только пелена иллюзии.

Дамодара повернулся голову и внимательно посмотрел на двух других находившихся в комнате людей. Нарсес, как обычно, сидел на стуле. Тораман, тоже, как обычно, стоял.

— А вы также находите утешение в иллюзии? — спросил он. Вопрос был явно адресован им обоим.

— Я очень мало верю в любую философию, — почти рыча, ответил Нарсес. — С другой стороны, я твердо верю в иллюзию. Больше мне, пожалуй, нечего сказать.

Йетаец скрестил руки на груди.

— Когда я был мальчиком, мой отец и братья научили меня ездить верхом и пользоваться оружием. Они пренебрегли философией. С тех пор я никогда не видел оснований восполнять этот пробел. Опасно думать слишком много, равно как и думать слишком мало.

Дамодара сухо, но весело рассмеялся.

— Полагаю, нырять в воды философии может оказаться опаснее, чем что-либо еще, — заметил он тихо, изучая последний трон Венандакатры.

— Воистину так, — согласился Нарсес. Старый евнух смотрел на Дамодару, как статуя могла бы смотреть на своего владельца. Ничего не выражая, с лицом, на котором невозможно ничего прочесть. — В особенности — для господина. Лучше оставить такие вопросы незадаанными. То есть, без ответа, на тот случай, если кто-то спросит вас о том же самом.

Дамодара посмотрел на Нарсеса, затем на Шангу и Тораману. На трех человек, ставших его главными помощниками на протяжении двух последних лет. Трех человек, которые держали его судьбу в своих руках, каждый по-своему.

Потом он изучающе уставился на стул в углу. И, как всегда при взгляде на трон, пришел к выводу, что есть кое-какой опыт, который лучше не пробовать на себе.

Мужчина и ребенок

Две сестры узнали о прибытии странной группы купцов практически сразу же после того, как те приехали. Однако не потому, что видели их прибытие. Как и всех торговцев и бродячих ремесленников, относившихся к низшим кастам, их завели во дворец с черного входа, а это далеко от крыла, где жили госпожа Дамодара и ее служанки. Но дворецкий тут же пришел с сообщением к хозяйке, и она, в свою очередь, дала указания девушкам. Указания, на первый взгляд, казались простыми и ясными. Но после того, как она закончила говорить, служанки сильно запутались. И совсем не были счастливы.

— Они остановятся с нами ! — спросила младшая, Лата. — Но...

— У нас недостаточно места, — сказала Дхрува, старшая. Ее тон был уважительным, но настойчивым. — Наша комната слишком маленькая.

— Вы получите новые комнаты, — ответила госпожа Дамодара. — Несколько комнат, соединенных вместе — и изолированных от остального дворца. Это апартаменты, которые, как я думаю, изначально были предназначены для бедных родственников первых владельцев дворца. Удобные и просторные — я сама осмотрела комнаты, — хотя и не такие роскошные, как эти покои.

Она колебалась мгновение, затем добавила:

— Они находятся на нижнем этаже. Прямо над подвалом, с которым соединяются лестницей.

Лата скорчила гримасу. Ей больше не приходило в голову скрывать свои эмоции от госпожи Дамодары. Их хозяйка была дружелюбной женщиной, и они с сестрой совсем ее не боялись. В случае многих индийских знатных господ — в особенности малва — такое открытое выражение чувств со стороны слуг было бы опасным. Увидев ее лицо, госпожа Дамодара рассмеялась.

— Тебя волнует, что к вам будут приставать мужчины, которые там работают?

Наличие в подвале большой группы рабочих к этому времени стало известно многим обитателям дворца. Их присутствие объяснил дворецкий. Госпожа Дамодара хочет расширить подвал и укрепить фундамент дворца. Это объяснение приняли все, почти не задумываясь. Дворец, несмотря на роскошь и изысканную планировку, был древним и успел несколько обветшать. Лата кивнула.

— Нет способа остановить слухи о нашем прошлом. Вы знаете, как к нам относятся мужчины.

Ее старшая сестра Дхрува добавила:

— Как я думаю, некоторые из них — йетайцы. Они будут хуже всего.

В дверном проеме появился дворецкий, готовый проводить сестер в их новые покои. Госпожа Дамодара мгновение смотрела на него, затем покачала головой.

— Думаю, я лично провожу туда Дхруву и Лату, — объявила она. — Позднее они смогут вернуться за своими вещами.

Первым человеком, которого сестры заметили в своих новых покоях, был мужчина с лицом ястреба. Его звали Аджатасутра — так называла его госпожа Дамодара. Увидев своего прежнего хозяина, они испытали такое облегчение, что практически не обратили внимания на произносимые госпожой слова, когда Дамодара представляла остальных. Хотя после того, как женщина ушла, а Аджатасутра проинформировал девушек, что вскоре и сам покинет дворец — и не вернется неопределенное время, — их беспокойство вернулось.

— О, прекратите волноваться, — рассмеялся он. — Уверю вас, что «приставания» рабочих — это наименьшая из ваших проблем.

Седовласая женщина среднего возраста, сидевшая рядом на диване — судя по ее акценту, из раджпутов, — весело рассмеялась. Смех был искренним и теплым, что соответствовало ее лицу. Сестры почувствовали, как половина их беспокойства бесследно уходит. В смехе этой дамы была какая-то несомненная уверенность; и в присутствии более старшей женщины младшие почувствовали себя свободнее.

— Наименьшая из ваших проблем, — подтвердила женщина и опять сдавленно засмеялась. — Поверьте мне, девочки. Наименьшая.

В комнате также находились трое детей. Предположительно, этой женщины. Старший из них, мальчик примерно лет двенадцати, шагнул вперед и поклонился.

— Вы находитесь под защитой моей семьи, — гордо объявил он. — Лично я, старший мужчина в семье из присутствующих здесь, прослежу за вашей безопасностью.

И снова женщина из раджпутов засмеялась.

— Самая меньшая из ваших проблем! — Она погрозила пальцем сыну. — Достаточно, Раджив. Не приставай к людям со своей проклятой честью. Девушки будут в относительной

безопасности.

Затем добавила спокойно:

— Наши слуги это обеспечат.

Она одобрительно посмотрела на двух мужчин, которые сидели на диване напротив нее. Такие же раджпуты, как подозревали сестры, судя по их внешности.

И эта внешность, как подумали девушки, несколько не сочеталась с уверенностью женщины. Один из мужчин был довольно стар. Другой, хоть и молодой, держал руку на перевязи. На его лице отчетливо читались следы сильной боли. Это заставило сестер подозревать, что он вряд ли может шевелить больной рукой.

И наконец — с неохотой — они обратили внимание на последних двух мужчин в комнате. Которые явно были в полном порядке.

Варвары, откуда-то с Запада. Это было очевидно по их лицам. Одно это делало их несколько устрашающими. Но тот факт, что один был гигантом (что становилось ясно даже когда он сидел), а другой, возможно, был обладателем самой зловещей внешности, когда-либо виденной сестрами...

Тишину нарушил ребенок на руках у Дхрувы.

По какой-то причине внимание маленького Баджи привлек второй варвар. Мальчик начал счастливо гукать и размахивать ручками.

— Посмотри, Валентин, — ты ему понравился! — улыбаясь, воскликнула женщина из раджпутов. Потом она весело улыбнулась Дхруве и мотнула головой. — Передай ему ребенка. Это пойдет Валентину на пользу. И, в любом случае, ему нужно привыкать к детям. — Она глубоко, искренне рассмеялась. — Учитывая его новые обязанности.

Мужчина по имени Валентин не казался довольным открывшейся перспективой. И самой Дхруве идея тоже не понравилась. Но в женщине из раджпутов было что-то властное, поэтому девушка подчинилась.

Мужчина по имени Валентин принял ребенка даже с большей неохотой, чем его передала Дхрува. Судя по тому, как он неловко держал Баджи, было очевидно, что у него нет никакого опыта в этом деле. Несмотря на все опасения, Дхрува обнаружила, что улыбается. Было в этом что-то комичное — зловеще выглядящий мужчина и гукающий ребенок.

Баджи, как и все дети, стал исследовать окружавшее его пространство и схватил один из пальцев Валентина. Странно, но это, казалось, принесло мужчине определенное облегчение. Словно он наконец столкнулся с чем-то знакомым.

— У парня хороший хват, — объявил он.

Дхрува поразились тому, как правильно он говорил на хинди. С небольшим акцентом, но гораздо лучше, чем она ожидала.

— Предполагаю, он слишком мал, чтобы держать нож, — задумчиво произнес мужчина. — Но, вероятно, я смогу попытаться обучить его чему-нибудь другому.

Дхрува поразились.

— Он не из кшатриев, — запротестовала она. Губы Валентина сложились в холодную, тонкую улыбку.

— И я тоже не из кшатриев, девочка, и я тоже. Ты думаешь, мне есть какое-то дело до всей этой индийской глупости? Плевать я на нее хотел.

Он поднял голову и посмотрел на Дхруву. И впервые девушка взглянула ему в глаза. Они были очень темные и очень мрачные. Но, как она решила, вовсе не злые. Просто...

— Мне практически на все плевать, — добавил он.

Заявление было грубым и бессердечным. Странно, но Дхрува обнаружила, что расслабляется. Этот Валентин был самым зловещим мужчиной, которого она когда-либо видела. Но Баджи счастливо гукал, и тянул его за палец, и улыбался так открыто и невинно, как умеют только маленькие дети. Возможно, решила она, ее ребенок все понял правильно.

Человек, которому практически на все плевать, подумала она, вероятно, не станет выдумывать лишние трудности и проблемы, он будет просто решать те, которые перед ним встают. Заявление мужчины было бессердечным и грубым, только если посмотреть на него

под одним углом. Под другим оно выглядело просто... раскованным.

Она в своей жизни знала мало раскованных людей. После всего, что случилось, когда их в сестрой увели в рабство, Дхрува нашла это качество довольно приятным.

— Готов поспорить: он сможет удержать кусок хлеба, — пробормотал мужчина. — У вас в Индии вообще пекут нормальный хлеб?

Полководец и его историк

— Давай закончим на сегодня, — сказал Велисарий. — Оставим на завтра кампанию в Месопотамии. Мне нужно подготовиться к совещанию командного состава. В конце концов, нельзя забывать, что еще одну кампанию я начинаю сейчас. Или начну достаточно скоро.

Калоподий покорно откинулся на спинку стула и проглотил следующий вопрос, который собирался задать. Писарь начал убирать письменные принадлежности.

— А насколько скоро, как вы думаете? — По сути, конечно, историку не следовало задавать такой вопрос — это было не его дело. Но после многих дней тесного сотрудничества Калоподий стал гораздо смелее в том, что касалось полководца.

— Пока рано говорить, — пожимая плечами, ответил Велисарий. — Как всегда, в основном все зависит от снабжения. Оно выглядит достаточно сложным на бумаге и оказывается гораздо менее трудным в реальности. Но приблизительно... Не более чем через несколько недель.

Он показал рукой на север, откуда круглые сутки слышался звук удаленной пушечной стрельбы.

— Не вижу оснований предоставлять малва больше времени, чем вынужден. Время — полностью на стороне чудовища, не на моей.

Калоподий колебался. Затем смело спросил:

— А что бы вы назвали фактором, который находится на вашей стороне?

Велисарий уставился на молодого историка. Калоподий был таким проницательным, что Велисарий часто забывал о его слепоте. Но теперь, вспомнив, позволил появиться на лице своей обычной хитроватой усмешке, причем такой утрированной, что она мгновенно вызвала бы массу насмешек со стороны Маврикия и Ситтаса. Которые, к счастью, отсутствовали.

Поэтому Велисарий и позволил себе улыбаться. И позволил себе сказать простую и неприукрашенную правду.

— Самый важный фактор в мою пользу — это то, что я просто значительно лучше, чем это чудовище. Значительно лучше. Война — это искусство, а не наука. И несмотря на весь сверхъестественный ум чудовища, в нем столько же творческой жилки, сколько в морковке.

Он поднялся на ноги и с наслаждением потянулся после двухчасового сидения на стуле.

— Бывают минуты, когда мне жаль, что я не стал кузнецом, — тихо сказал он. — Но есть и другие минуты, когда я рад, что не смог им стать. На своем посту я на месте более, чем где-либо еще. Война — тоже почетное ремесло — или, по крайней мере, может им быть. И я предполагаю, что я гораздо больше смыслю в военном деле, чем мог бы разбираться в кузнечном.

Велисарий немного склонил голову набок, прислушиваясь к пушечным выстрелам.

— Скоро, Калоподий. Вскоре я положу конец этому чудовищу. Я научу его и его хозяев, что профессиональному ремесленнику, лучшему в своем деле, не может противостоять никакой самоуверенный всезнайка-дилетант.

СПИСОК ПЕРСОНАЖЕЙ

Из будущего

Великие — происходят из людей и являются полностью трансформированным типом человека. У них больше нет сходства с предками-людьми. На самом деле они даже не базируются на протоплазменных биологических принципах.

Линк — искусственный интеллект, созданный «новыми богами» будущего и посланный назад во времени для изменения человеческой истории. Существует в форме кибернетического организма, переносящего свои ментальные способности из одного человеческого тела в другое, когда одна из оболочек умирает.

Новые боги — квазирелигиозный культ из далекого будущего, нацеленный предотвратить различные мутации и трансформации, которые претерпело человечество во время миллионов лет распространения по Галактике. Поскольку нет способа изменить современную им реальность, новые боги решают остановить процесс на раннем этапе человеческой истории, они отправляют Линка назад во времени, чтобы создать мировую империю, базирующуюся в Северной Индии, организованную по жестким кастовым принципам, которая послужит базой для программы евгеники в целях создания расы «идеальных» людей.

Эйд — представитель кристаллической расы из далекого будущего, объединившийся с Велисарием. Изначально разработанные Великими, как искусственный интеллект, в целях борьбы с «чумой ДНК», кристаллы стали инструментами в формировании самих Великих. Эйда отправляют назад во времени, чтобы противостоять усилиям «новых богов», пытающихся изменить курс человеческой истории.

Римляне

Агафий — командующий греческими катафрактами из Константинополя, включенными в армию Велисария во время первой кампании против малва в Месопотамии.

Анастасий — один из телохранителей Велисария.

Антоний (Александрийский) — епископ Алеппо. Он принес Эйда и привел Михаила Македонского к Велисарию.

Антонина — жена Велисария.

Ашот — армянин и один из букеллариев — элитного воинского подразделения Велисария. Становится одним из старших офицеров в римской армии во время войны против малва.

Бузес и Кутзес — два брата, командующие ливанской армией, в дальнейшем — старшие офицеры в войсках Велисария.

Валентин — один из телохранителей Велисария.

Велисарий — римский полководец.

Гермоген — командующий римской пехотой.

Григорий — один из военачальников Велисария; специализируется по артиллерии.

Иоанн Родосский — бывший римский морской офицер, отвечает за создание оружейного комплекса.

Ипатия — нянька Фотия; а в дальнейшем выходит замуж за Юлиана.

Ирина (Макремболитисса) — глава римской шпионской сети.

Калоподий — молодой грек благородного происхождения, офицер, участник кампании Велисария в Индии. В дальнейшем становится историком Велисария.

Кирилл — командующий греческими катафрактами из Константинополя.

Кутина — служанка Антонины.

Маврикий — следующий за Велисарием по рангу, главный помощник Велисария.

Марк из Эдессы — молодой офицер, выделенный и получивший повышение благодаря Велисарию.

Менандр — молодой римский солдат; в дальнейшем — морской офицер.

Михаил Македонский — монах, который первым встретился с Эйдом.

Прокопий Кесарийский — первый секретарь Велисария.
Ситтас — друг Велисария, полководец Римской империи.
Феликс (из Халкедона) — сирийский солдат, выделенный и получивший повышение благодаря Велисария. В дальнейшем офицер, командующий мушкетерами.
Феодора — жена Юстиниана и римская императрица.
Фотий — сын Антонины и пасынок Велисария.
Эйсебий — молодой ремесленник, нанятый Иоанном Родосским для работы по созданию римского оружейного комплекса. В дальнейшем — офицер в Римской армии.
Юлиан — начальник охраны Фотия.
Юстиниан — римский император.

Аксумиты

Вахси — телохранитель Эона; в дальнейшем — один из высших военачальников.
Гармат — высший аксумский царский советник.
Калев — негуса нагаст (царь царей) Аксумского царства.
Рукайя — арабская принцесса, жена Эона.
Усанас — давазз Эона; в дальнейшем — аквабе ценцен.
Эзана — телохранитель Эона; в дальнейшем — командующий царским полком.
Эон — сын Калеба.

Персы

Баресманас — персидский господин благородного происхождения (шахрадар), из рода Суренов.
Куруш — племянник Баресманаса, один из высших персидских военачальников.
Тахмина — дочь Баресманаса и жена Фотия.
Хусрау Ануширван — царь царей, владыка земель иранских и неиранских.

Малва

Аджатасутра — шпион и наемный убийца малва, правая рука Нарсеса.
Балбан — начальник шпионской сети малва в Константинополе во время восстания «Ника».
Венандакатра — или Подлый, могущественный высокопоставленный малва.
Дамодара — военачальник малва.
Нанда Лал — начальник всей шпионской сети империи малва.
Нарсес — римский предатель, начальник шпионской сети Дамодары.
Рана Шанга — царь раджпутов, следующий по рангу за Дамодарой в его армии.
Сати — Великая Госпожа Сати, оболочка для Линка.
Торамана — йетайский полководец, подчиненный Дамодаре.
Холи — или Великая Госпожа Холи, тетя Шандагупты; оболочка для Линка.
Шандагупта — император малва.

Маратхи и андхарцы

Гаутами — жена Дададжи.
Дададжи Холкар — раб малва, освобожденный Велисарием, в дальнейшем — пешва Андхры.
Дхрува — старшая дочь Дададжи, рабыня малва.
Лата — младшая дочь Дададжи, рабыня малва.
Малоджи — друг Рагуната Рао и следующий за ним по рангу военачальник.

Рагунат Рао — военачальник маратхи, руководитель восстания маратхи. Пантера Махараштры, Ветер Великой Страны. Учитель Шакунталы, в дальнейшем — ее муж.

Шакунтала — последняя выжившая из династии Сатаваханы, в дальнейшем — императрица возрожденной Андхры, Черноглазая Жемчужина Сатаваханы.

Кушаны

Васудева — командующий кушанами, взятыми в плен Велисарием под Анатой.

Канишка — военачальник войска Кунгаса.

Куджуло — военачальник войска Кунгаса.

Кунгас — командующий кушанами, охранявшими Шакунталу, в дальнейшем — царь возрожденного Кушанского царства.

ГЛОССАРИЙ

Замечание по терминологическому использованию:

Способ использования терминов «римский» и «греческий» в данной серии романов, вероятно, путает читателей, не очень хорошо знакомых с исторической обстановкой. Поэтому может помочь краткое объяснение.

К шестому веку н.э. продолжала существовать лишь одна часть Римской империи, которую современные историки обычно называют Восточной Римской империей, со столицей в Константинополе. Западные земли, на которых возникла Римская империя — включая сам Рим и всю Италию, — уже давно попали под власть варварских племен, таких, как остготы.

Однако так называемая «восточная» Римская империя никогда не использовала это название. Она называла себя — и продолжала так называть до окончательного разрушения турками Оттоманской империи в 1453 году н.э. — просто Римской империей. И таким образом, когда они ссылались на себя в политическом смысле, то продолжали именовать себя «римлянами».

Конечно, с этнической точки зрения в Римской империи осталось очень мало латинского или римского присутствия. В том, что можно назвать ее «социальным» содержанием, Римская империя стала греческой во всем, кроме названия. Во времена Юстиниана латинский язык все еще являлся официальным языком Римской империи, но не пройдет много времени до того, как греческий станет официальным языком империи, используемым в императорских указах и политических документах, а также фактическим языком империи. Поэтому так часто на протяжении всей серии одни и те же люди называются (в зависимости от контекста) или «римляне», или «греки». Грубо говоря, термин «римский» — это политический термин, термин «греческий» — социальный, этнический или лингвистический — и именно таким образом термины используются в серии.

Географические названия

Аджмер — главный город Раджпутаны.

Аксум — столица Аксумского царства, расположен на возвышенности.

Аксумское царство — царство, на территории которого в дальнейшем возникла Эфиопия.

Александрия — главный город на контролируемой Римом территории Египта, расположен в устье Нила.

Амаватати — бывшая столица империи Андхра, расположен на реке Кришне в Южной Индии; разграблен малва; там Шакунталу взяли в плен после того, как убили всю ее семью.

Аната — месторасположение императорской усадьбы в Месопотамии; место первого

крупного сражения Велисария против малва.

Асэб — город на западном побережье Красного моря; главный порт Аксумского царства; позднее — столица Аксумского царства.

Барода — крупный порт в дельте реки Инд; расположен недалеко от современного Карачи.

Беграм — один из крупнейших городов кушанов.

Бхаруч — один из крупнейших портов Западной Индии под контролем малва; расположен в устье реки Нармады.

Вавилон — древний город в Месопотамии, расположенный на Евфрате; место крупной осады персов войсками малва.

Виндхья — горная цепь, которая является традиционной границей между Северной и Южной Индией.

Гвалияр — месторасположение дворца Венандакатры в Северной Индии, где Шакунталу держали в плену.

Гиндукуш — горы к северо-западу от Пенджаба. Месторасположение перевала Хибер.

Деканское плоскогорье — расположено в Южной Индии.

Деогхар — укрепленный город в Центральной Махараштре; впоследствии Шакунтала сделала его новой столицей Андхры.

Каушамби — столица империи малва; расположена в Северной Индии, при слиянии рек Ганга и Джамны.

Константинополь — столица Римской империи; расположен на Босфоре.

Ктесифон — столица Персидской империи; расположен на реке Тигр в Месопотамии.

Мангалуру — один из крупнейших портов королевства Керала в Юго-Восточной Индии.

Марв — город, расположенный в оазисе в Центральной Азии, на территории современного Туркменистана.

Махараштра — буквально: «Великая Страна». Земля маратхи, одной из наиболее многочисленных народностей Индии.

Миндус — поле брани в Месопотамии, где Велисарий сражался против персов.

Нехар Малка — древний канал, соединяющий реки Тигр и Евфрат; место битвы Велисария против малва.

Пенджаб — верхняя часть долины реки Инд.

Перевал — перевал в горной системе Загрос, отделяющий Месопотамию от Персидского плато; место битвы между Велисарием и Дамодарой; раджпуты называли это сражение Битва с мангутом.

Пешевар — расположен в Пешеварской долине, между Пенджабом и перевалом Хибер.

Раджпутана — земля раджпутов, одной из крупнейших индийских народностей.

Синд — нижняя часть долины реки Инд.

Суккур — один из крупнейших городов на реке Инд; по нему проходит граница между Синдом и Пенджабом.

Сурат — портовый город на западном побережье Индии, к северу от Чоупатти.

Тамрапарни — остров Цейлон, сейчас — Шри-Ланка.

Харк — персидский морской порт в Персидском заливе.

Чоупатти — морская база малва на западном побережье Индии; расположена на месте современного Бомбея.

Термины

Азадан — буквально: «люди благородного происхождения». В Персидской империи относятся к классу, грубо соответствующему европейским рыцарям.

Аквабе ценцен — буквально: «хранитель мухобойки». Главный чиновник в

правительстве Аксумского царства.

Анвайя-прапта сачива — члены династического клана малва.

Вурзурган — «знатные особы» Персидской империи. Господа благородного происхождения в ранге между азаданом и шахрадаром.

Давазз — раб, назначенный советником аксумского принца, главным образом, чтобы сдерживать стремление особ королевской крови к величию.

Дехган — персидский эквивалент катафракта.

Дромон — римская боевая галера.

Йетайцы — варварское племя из Центральной Азии, включенное в правящую структуру малва. Также известны, как эфталиты или белые гунны.

Катафракт — тяжеловооруженный всадник в доспехах, лучник и копейщик. Катафракты составляли сердце римской армии. Аналог персидских дехганов.

Кушаны — возникли как варварское степное племя, стали цивилизованными после покорения Центральной Азии и являлись основной поддержкой буддизма в ранние столетия христианской эры; в дальнейшем покорены малва.

Негуса нагаст — царь царей. Правитель Аксумского царства.

Ника — название восстания против Юстиниана и Феодоры, организованного малва.

Пешва — грубо переводится, как «визирь». Высший чиновник империи Андхра.

Сарв — полк аксумской армии. Множественное число — саравит. Отдельные солдаты называются сарвенами.

Спата — стандартный меч, используемый римскими солдатами; похож на древний короткий римский меч, который назывался gladius (лат. — меч), только лезвие на шесть дюймов длиннее.

Шахрадар — высшая знать Персидской империи, следующая по рангу за императором. Традиционно состояла из семи семей, в которых «первыми среди равных» были Сурены.